

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27233

88

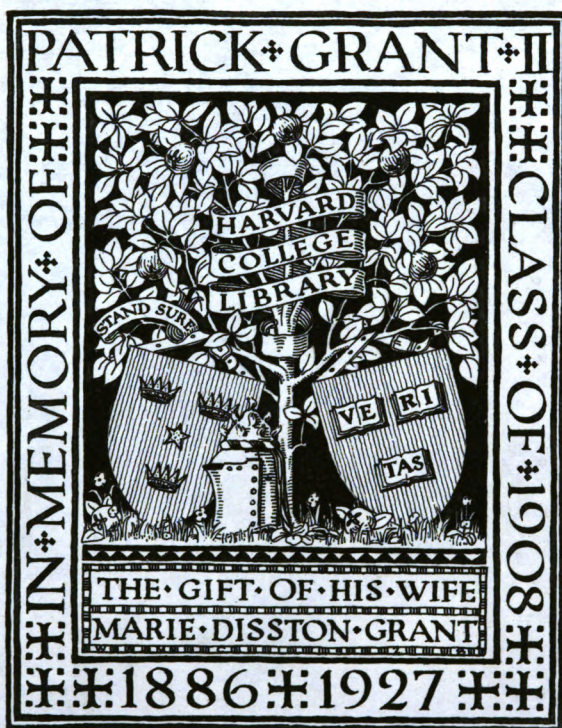
WIDENER

HN YDAZ 3

СУМЦОВЪ - АНЕКДОТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

27233.88

Проф. Н. С. Сумцовъ.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ АНЕКДОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

АНЕКДОТЫ О ГЛУВЦАХЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій персул., домъ № 17-й.

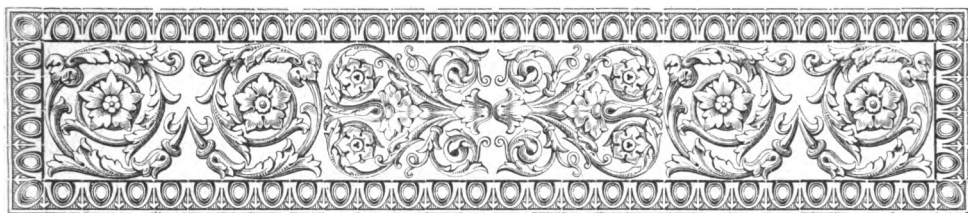
1898.

27233.88

transcribed

Отдельные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества 1898 г.

Анекдоты о глупцахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Анекдоты о недомыслии лишь недавно стали привлекать къ себѣ вниманіе фольклористовъ и этнографовъ въ такой степени, что въ научной литературѣ стали появляться специально посвященные имъ монографіи.

Сколько мнѣ извѣстно, въ западной научной литературѣ есть лишь одно крупное изслѣдованіе извѣстнаго англійскаго фольклориста *Клоустона* „The book of poodles“. Читатель встрѣтитъ у насъ много извлеченій изъ этого изслѣдованія. У Клоустона подробно разобраны мотивы о глупыхъ народахъ, преимущественно о готемитахъ и о плачущихъ глупцахъ. Но у Клоустона многіе мотивы о недомыслии пройдены полнымъ молчаніемъ, напр., всѣ мотивы о глупыхъ мужьяхъ, и затѣмъ славянскій матеріалъ очень скудный.

Въ славянскихъ научныхъ литературахъ лишь весьма немногіе отдѣльные мотивы были предметомъ научнаго изученія, имѣемъ въ виду статьи г. *Франка* о жидовской войнѣ, статью г. *Полыки* „*My trzy brata*“, летучую замѣтку *Потебни* въ 3 вып. „Къ исторіи звуковъ“, статью *Кузмичевского* о турецкихъ анекдотахъ въ народной словесности въ *Кіев. Стар.* 1886 г. 1 и 2.

Подробнѣе всего останавливается на анекдотахъ г. *Пельтцеръ* въ сочиненіи „Происхожденіе анекдота въ русской народной словесности“. Трудъ его изданъ одновременно съ настоящимъ нашимъ изслѣдованіемъ въ XI томѣ Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества, гдѣ онъ служитъ своего рода введеніемъ къ настоящему нашему изслѣдованію. Г. Пельтцеръ даетъ довольно точное и обстоятельное опредѣленіе понятія анекдота, опредѣляетъ его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти, баснѣ, вліяніе западныхъ литературныхъ памятниковъ и пр. т. п. Авторъ въ концѣ статьи касается нѣкоторыхъ анекдотовъ о недомыслии, напр., анекдота о томъ, какъ чововикъ вола загубивъ, анекдотовъ о глупыхъ литвинахъ.

Въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи собраны и систематизированы если не всѣ, то во всякомъ случаѣ значительное большинство анекдотовъ о недомыслии.

Еще Эразмъ Роттердамскій въ Похвалѣ глупости обрисовалъ универсальное значеніе человѣческой глупости. Съ такимъ значеніемъ глупость выступаетъ въ обширномъ циклѣ сказокъ и анекдотовъ. Глупыми оказываются люди молодые и старые, мужики, ланы и попы. Есть впрочемъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ однихъ и нѣкоторая осторожность относительно другихъ. Чаще всего въ роли глупца выступаютъ сынъ, мужъ или жена, рѣже чуть ли не въ однѣхъ лишь сказкахъ о трехъ глупцахъ, плачущихъ о воображаемомъ горѣ, выведены отецъ и мать; также рѣдки сказки о глупой дѣвушкѣ, должно быть въ виду существованія громаднаго цикла сказокъ и легендъ о мудрой дѣвѣ.

Сказки и анекдоты о глупцахъ распространены по всему земному шару и встрѣчаются въ весьма разнообразныхъ обработкахъ, которыя, однако, при всемъ ихъ внѣшнемъ разнообразіи, можно разложить на опредѣленный рядъ основныхъ элементовъ или простѣйшихъ мотивовъ и свести въ опредѣленныя группы. Почти каждый мотивъ встрѣчается отдѣльно, но чаще въ соединеніи съ нѣсколькими другими мотивами. Въ однѣхъ сказкахъ соединеніе это случайное; въ другихъ оно довольно устойчивое; но особенно прочнаго и неизбѣжнаго тутъ ничего нѣтъ. Если бы былъ поставленъ вопросъ, что представляетъ въ данномъ случаѣ большій интересъ для научнаго изученія—отдѣльные элементы или болѣе или менѣе установившіяся групповыя ихъ сочетанія, можно сказать, признавая за тѣми и другими несомнѣнное значеніе, что наивозможно болѣе полное опредѣленіе основныхъ мотивовъ представляется въ особенности завлекательнымъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Не вдаваясь пока въ подробности, можно намѣтить два общихъ обширнѣйшихъ разряда—сказки о глупыхъ индивидуумахъ и сказки о глупыхъ народахъ; эти разряды тѣсно связаны и взаимно переплетаются; мотивы одного цикла часто входятъ въ циклъ другой.

Въ ряду мотивовъ выдѣляется нѣсколько особенно устойчивыхъ и сильныхъ, которые привлекаютъ къ себѣ другіе и ложатся въ основу цѣлаго гнѣзда. Таковъ мотивъ о трехъ плачущихъ глупцахъ, который привлекаетъ къ себѣ мотивы ношенія свѣта въ ведрѣ, встаскиванія коровы на колокольню, прохожаго съ того свѣта, иногда рядъ другихъ, давая имъ большею частію лишь внѣшнее объединеніе. Мотивы о высиживаніи жеребенка, о мужѣ беременномъ, о теленкѣ сынѣ стоятъ въ близкой психологической связи; мотивы объ отдачѣ теленка въ школу можно разсматривать какъ самостоятельное развитіе частнаго мотива о беременномъ мужикѣ.

Нѣкоторыя сказки о дурняхъ отличаются своеобразнымъ сочетаніемъ весьма разнородныхъ мотивовъ, напр., въ одной бѣлорусской сказкѣ развиты: 1) мотивы о невѣрной женѣ (дуракъ здѣсь соотвѣтствуетъ скоморохамъ въ Пѣснѣ о гостѣ Терентищѣ), 2) мотивъ о мертвомъ тѣлѣ и 3) мотивъ о дурнѣ-плутѣ въ мѣшкѣ ¹⁾. Въ имеритинской сказкѣ мотивъ о плачущихъ глупцахъ соединенъ съ мотивомъ о прохожемъ съ того свѣта ²⁾. Въ особенности калейдоскопическимъ представляется циклъ сказокъ о плачущихъ глупцахъ. Въ индійской сказкѣ изъ Камаона соединены мотивы: 1) утилизація трупа, 2) кормленіе собственной тѣни и 3) испражненіе на деревѣ ³⁾.

Въ славянскихъ сказкахъ встрѣчаются типичныя черты глупости въ видѣ общихъ мѣстъ, чаще всего глупецъ сидитъ на печкѣ (великор., малор., бѣлор., болг. и польск.), играетъ на дудкѣ (велик., бѣлор., малор.), качается на томъ бревнѣ, гдѣ вѣшаютъ одежду (малор.), на печкѣ сидитъ, въ клубокъ сопли мотаетъ (Самар. губ.).

При развитіи и осложненіи анекдотовъ о глупцахъ въ большія сказки или повѣсти большую роль играетъ народно-поэтический принципъ троенія. Два крупныхъ разряда повѣстей о глупцахъ, повѣсти о плачущихъ глупцахъ и повѣсти о соревнованіи глупцовъ всецѣло построены на троеніи.

Можно утверждать, что нѣтъ такого рода словесности, куда не проникали бы анекдоты о глупцахъ. Чаще всего они передаются въ формѣ сказокъ или повѣстей, встрѣчаются въ видѣ басенъ, въ видѣ пѣсенъ, причемъ въ видѣ пѣсенъ встрѣчаются въ формѣ былевой, пѣсенъ вечерничныхъ и свадебныхъ.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ дѣвушки--подруги невѣсты осмѣиваютъ бояръ жениха, напр., въ одной малорусской пѣснѣ бояре, встрѣтивъ въ селѣ калюжу, говорятъ: „то медъ, то медъ“, свинью принимаютъ за волка, гусей за сыръ, клуню за церковь, и вездѣ сваха вразумляетъ ⁴⁾.

Есть основанія предполагать, что старинные скоморохи сдѣлали попытку ввести въ пѣсенный репертуаръ сказочные мотивы о Еремѣ дурачкѣ неудачномъ мѣнялѣ. Пѣсни этого рода записаны въ Архангельской губ. Оома и Ерема пускаются ловить рыбу въ лодкѣ безъ дна, три года тонуть не могутъ утонуть, накупили холстовъ, поѣхали въ Ростовъ и промѣняли ихъ на свинные хвосты, посѣяли рожь и овесъ; хлѣбъ не взмошелъ; тогда Оома и Ерема соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ ⁵⁾.

¹⁾ *Шеинъ*, Матеріалы II 232.

²⁾ *Сборн. Матер. для опис. Кавк.* XIX, 30.

³⁾ *Минаевъ*, Инд. ск. 38—42.

⁴⁾ *Потебня*, Къ ист. звуковъ III 134 (изъ сборн. Войццкаго), II (изъ Голов.).

⁵⁾ *Аванасевъ*, III 393.

Подъ вліяніемъ скомороховъ сказки о Оомѣ и Еремѣ пользовались въ старину большою популярностію; они сохранились въ рукописяхъ XVIII и даже XVII ст., проникли въ лубочную литературу и въ народныя пословицы. Широкая популярность пѣсенъ и сказокъ о Еремѣ была уже отмѣчена наблюдательными этнографами Аванасьевымъ и Шенинымъ ¹⁾. На сказкахъ о Оомѣ и Еремѣ подробно останавливается Ровинскій въ капитальномъ изслѣдованіи о лубочныхъ картинахъ ²⁾. Несомнѣнно скоморохи разработали мотивъ о глупомъ мужѣ въ пѣсню о гостѣ Терентищѣ. Далѣе скоморошій характеръ носитъ стихотворная обработка мотива о неудачномъ повтореніи совѣтовъ, нашедшая мѣсто въ древнѣйшемъ сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Кириши Данилова. Подробнѣе на этихъ пѣсняхъ мы остановимся при обзорѣ сказокъ о неудачномъ повтореніи совѣтовъ и сказокъ о томъ, какъ жены дурятъ мужей.

Во многихъ анекдотахъ о глупцахъ обнаруживается территориальное приуроченіе. Въ разрядъ сказокъ о глупыхъ обывателяхъ входятъ древнеклассическія объ абдеритахъ, беотійцахъ и сидонцахъ, французскія о глупыхъ обывателяхъ Рюо, нѣмецкія о вендахъ, шильдбургерахъ, лалленбургерахъ, болгарскія о стеблевцахъ, кабильскія о Бени-Дженахъ, англійскія о готемитахъ, великорусскія о пошехонцахъ, малорусскія о литвинахъ, жидкахъ и цыганахъ, грузинскія объ окрибцахъ и др. Сказки о глупыхъ народахъ представляютъ часто просто сказки о глупыхъ людяхъ съ подставкой собственнаго имени. Мотивы сказокъ о глупыхъ народахъ иногда переносятся на сказки о великанахъ, обрисовываемыхъ обыкновенно глупцами, иногда на чертей, на нѣкоторыхъ животныхъ.

Кромѣ территориальнаго приуроченія анекдотовъ о глупыхъ людяхъ встрѣчается еще приуроченіе личное, въ связи съ какимъ-нибудь именемъ, въ Россіи, напр., съ именемъ Иванушки, которому во французскихъ анекдотахъ отвѣчаетъ Jean le Diot, Jean le Simple, Jean l'Innocent ³⁾. Съ Иванушкой дурачкомъ связаны въ Россіи многіе мотивы, не заключающіе въ себѣ тѣхъ анекдотовъ, которые всегда вплетаются въ сказки о глупцахъ. Типичными примѣрами личной концентраціи анекдотовъ о глупости служатъ сицилійскій Джуфа (Giufa) и въ особенности турецкій Насръ-единъ ходжа. Къ этимъ типичнымъ глупцамъ въ русской литературѣ отчасти примыкаетъ шутъ Балакиревъ. О такихъ лицахъ существуютъ кое-какія біографическія данныя, частью историческаго характера, частью вымышленныя. Такъ, о Насръ-единѣ говорятъ, что онъ былъ современникомъ

¹⁾ Аванасьевъ, Р. н. ск. IV 511. Шенинъ, Великорусскъ I 266 и сл.

²⁾ Ровинскій, Рус. луб. карт. IV.

³⁾ Sebilot, Contes pop. d. la N. Bretagne 219; Ею же, Litter, pop. de la N. Br. I 96 и въ Revue d. trad. pop. IX 338, 347.

Тамерлана (XIV в.), былъ подданнымъ независимаго хана Карамана и жилъ въ его столицѣ въ малоазіатской Коніи. Къ числу любопытныхъ и цѣнныхъ въ историко-литературномъ смыслѣ личныхъ пріуроченій анекдотовъ нужно отнести еще нѣмецкаго Тилля Эйленшпигеля. Бродячіе анекдоты чрезвычайно легко пристають къ собственнымъ именамъ. Балакиревъ — лицо историческое; но въ сказанія о его продѣлкахъ внесено много такого, что рассказывается о другихъ шутахъ. Личность высоко-образованнаго украинскаго философа Сковороды († 1794), ничего общаго не имѣетъ съ Насръ-единами, Эйленшпигелями и Балакиревыми, но лишь потому, что Сковорода былъ скромный аскетъ—странникъ, къ нему народная молва пріурочила анекдотъ о томъ, какъ онъ сберегъ платье отъ дождя, раздѣвшись до-нага, анекдотъ, обыкновенно связываемый съ турецкимъ Насръ-единомъ.

При изслѣдованіи анекдотовъ о глупости представляется двѣ трудности: обиліе мотивовъ на эту тему и, главное, большое ихъ разнообразіе и разрозненность. Мнѣ, какъ автору, пріятно не то, что мнѣ удалось собрать и сгруппировать довольно большой матеріалъ. При большемъ усердіи и располагая болѣе свободнымъ временемъ на этомъ пути можно достигъ значительно болѣе крупныхъ результатовъ. Мнѣ пріятно сознаніе, что мнѣ удалось установить внутреннюю логическую и историко-литературную связь между многими мотивами и представить ихъ въ большинствѣ въ надлежащей послѣдовательности. Правда, не вездѣ это мнѣ удалось, и нѣкоторыя главы висятъ, такъ сказать, въ воздухѣ, безъ внутренней связи съ другими главами; но полного успѣха весьма трудно достигъ при изученіи пестраго калейдоскопа народной словесности вообще, а мотивовъ о глупости въ особенности.

Настоящее изслѣдованіе о крупномъ отдѣлѣ народной словесности и его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, на нашъ взглядъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всю народную словесность, до нѣкоторой степени характеризуетъ ея международный характеръ и внутреннюю связь различныхъ ея формъ и родовъ, отъ мелкаго анекдота до обширныхъ повѣстей и пѣсенъ.

Въ историко-литературномъ отношеніи настоящей нашъ трудъ облегчаетъ рѣшеніе сложныхъ вопросовъ о вліяніи западныхъ фаблю, фапецій, новеллъ и нѣмецкаго Тилля Эйленшпигеля на русскую народную словесность.

Въ историко-культурномъ отношеніи на такомъ обще-сравнительномъ изслѣдованіи, какъ настоящее, раскрывается вся справедливость и глубокая основательность замѣчанія англійскаго ученаго Клоустона, что народныя сказанія имѣютъ великую силу надъ національнымъ вкусомъ и нравами; сравнительное изслѣдованіе народныхъ сказокъ не только обогащаетъ нашъ умъ, но и расширяетъ наши симпатіи, даетъ намъ видѣть лучше, чѣмъ что-либо иное, общее братство всего человѣческаго рода.

I.

Анекдоты объ абдеритахъ, шильдбюргерахъ, пошехонцахъ, запорожцахъ и пр. въ коллективномъ видѣ.

Повидимому, всѣмъ народамъ свойственна склонность къ территориальному или личному прикрѣпленію анекдотовъ о глупцахъ. Склонность эта имѣетъ психологическую основу. При централизаціи анекдотовъ вокругъ одного имени, они приобрѣтаютъ сравнительно большій интересъ, легче запоминаются и подчасъ приобрѣтаютъ заманчивость бытовой дѣйствительности. Территориальное закрѣпленіе придаетъ многимъ вымысламъ такое обманчивое историческое освѣщеніе, что не только довѣрчивая толпа принимаетъ ихъ за чистую монету, но даже люди науки относились къ нимъ иногда вполне довѣрчиво и занесли ихъ въ учебники какъ историческіе факты. Такъ, въ школьныхъ учебникахъ евванцы до сихъ поръ слывутъ глупцами и подысканы даже натянутыя объясненія, почему рядомъ съ мудрыми аѳинянами евванцы были глупы. Нужно думать, что близкое сосѣдство богатыхъ, роскошныхъ и ученыхъ Аѳинъ дѣйствительно отбѣняло сравнительную захолустность и простоту Еввъ. Остальное довершило искусственное литературное противоположеніе, далеко не единственное на страницахъ исторіи. Нѣчто подобное сказалось и въ древней русской лѣтописи въ повѣствованіи о посѣщеніи св. ап. Андреемъ Кіева и Новгорода, встрѣчается и нынѣ, напр., въ Малой Азіи въ арабскихъ анекдотахъ о двухъ близко стоящихъ городахъ Гамѣ и Гемсѣ.

Источники не даютъ объясненій, почему то или другое населеніе попало въ число глупыхъ. Народъ вообще любитъ мѣстные приуроченія. Къ одному остроумному анекдоту съ мѣстнымъ приуроченіемъ, къ одной бойкой пословицѣ нарастаютъ другіе. Иногда достаточно небольшого этимологическаго повода, чтобы ввергнуть городъ въ бездну глупости. Арабскій Гемсѣ (древняя Эмесса) слыветъ глупымъ городомъ, а недалекій отъ него Гама—умнымъ; въ анекдотахъ они противопоставляются, какъ полагаютъ, потому, что первое названіе близко къ слову гамаза—жарить, ругаться надъ кѣмъ, а второе—къ гама—покровительствовать, защищать ¹⁾.

Національное приуроченіе можетъ вызывать среди самого народа скептицизмъ, сомнѣніе въ его основательности, и тогда является хронологическая мотивировка такого приуроченія. Такъ, въ малорусскихъ сказкахъ анекдоты о глупости часто связываются съ жидами, и для оправданія дѣлается иногда оговорка, что „жиды недавно стали де що тямиты, а напередъ были дуже дурни“ ²⁾. То же самое повторяется въ сѣверной Германіи въ сказ-

¹⁾ Clouston, The book of noodles, 75.

²⁾ Чубинскій, II 573.

кахъ о вендахъ: „Als die Wenden zuerst in diese Gegend gekommen sind, waren sie noch ein wenig dumm“ ¹⁾).

Весьма любопытнымъ въ хронологическомъ смыслѣ и въ смыслѣ содержанія представляется древне-греческій сборникъ анекдотовъ Гіерокла, александрійскаго ученаго V-го вѣка. Не всѣ анекдоты принадлежатъ Гіероклу и его времени. Древность иныхъ анекдотовъ, приписанныхъ Гіероклу, выходитъ далеко за V вѣкъ; имя Гіерокла привлекло къ себѣ древніе странствующие анекдоты. Шутки Гіерокла въ средніе вѣка проникли въ устную словесность и письменность западно-европейскихъ народовъ. Сборникъ анекдотовъ Гіерокла изданъ Эбергардомъ въ Берлинѣ подъ заглавіемъ *Philogelos Hieroclis et Philagrii Facetiae*. Изъ Гіерокла видно, что въ древности незавидной славой глупцовъ пользовались жители многихъ городовъ: Абдеры, Сидона, Кумъ и нѣкот. др. Анекдоты Гіерокла большей частью очень кратки, въ нѣсколько строкъ. Въ русской литературѣ вліянія ихъ не замѣчено. Отмѣтимъ лишь нѣсколько анекдотовъ наиболѣе остроумныхъ, при всей ихъ краткости. Одинъ дурень упрекалъ своего отца въ томъ, что онъ своимъ рожденіемъ помѣшалъ ему унаслѣдовать состояніе дѣда. Другой глупецъ, услышавъ, что воронъ живетъ 200 лѣтъ, купилъ одного ворона, чтобы лично убѣдиться въ его долговѣчности. Третьему дурню приснилось, что его преслѣдуетъ дикій кабанъ, и онъ сталъ класть около себя собакъ. Много анекдотовъ состоитъ въ неумѣлой игрѣ словами или въ путаницѣ понятій; напр. нѣкто сказалъ своему знакомому, что видѣлъ и говорилъ съ нимъ во снѣ, и знакомый отвѣтилъ: „извините, я былъ такъ занятъ, что не слышалъ васъ“. Въ другомъ разсказѣ пациентъ извиняется передъ врачомъ, что скоро выздоровѣлъ. Глупцу приснилось, что онъ занозилъ ногу; утромъ онъ обвязалъ ногу и сказалъ своему товарищу, что съ нимъ случилось, а послѣдній не менѣе глупо укорилъ его, что онъ ходилъ босымъ. Широкое распространеніе получилъ анекдотъ о томъ, какъ глупецъ по ошибкѣ обрилъ себѣ голову и потомъ не узналъ самого себя. Въ персидскомъ разсказѣ дурень, прожившій много лѣтъ въ лѣсу, въ городѣ перевязалъ себѣ ленточкой ногу, чтобы отличить себя въ толпѣ, и, когда одинъ шутникъ снялъ ленточку съ его ноги во время сна и надѣлъ на свою ногу, бѣднякъ, проснувшись, затруднялся опредѣлить свою личность; у Гіерокла глупецъ, стоя передъ зеркаломъ, закрываетъ глаза изъ желанія увидѣть, каковъ онъ во снѣ. Сходный анекдотъ вошелъ въ старинный (1635 г.) сборникъ англійскихъ анекдотовъ Джона Тейлора „Wit and Wirth“ ²⁾.

М

1) *Veckensted*, *Wendische Sagen* 101.

2) *Clouston*, *The book of noodles*, 1—12.

Чаще всего у Діерокла и у другихъ древнихъ писателей глупцами слывуть жители еракійскаго города Абдеры. Предполагають, что первоначально Абдера была финикійскою колоніей, и греческій характеръ получила съ переселеніемъ въ нее грековъ изъ іонійскаго г. Теоса въ VI в. до Р. Хр. Абдера была родиной многихъ знаменитыхъ людей: Демокрита, Протагора, Анаксарха, Гекатея. При всемъ томъ, абдериты считались глупцами; врачи писатели (напр. Галленъ) пробовали объяснить ихъ глупость мѣстными климатическими условіями. Въ новое время Виландъ воспользовался общимъ мотивомъ о глупости абдеритовъ и написалъ сатирическій романъ „Исторія абдеритовъ“.

Анекдоты о глупцахъ встрѣчаются въ средневѣковыхъ литературныхъ памятникахъ, напримѣръ, въ популярныхъ *Gesta Romanorum*, гдѣ они снабжены обычной въ этомъ памятникѣ морализаціей. Здѣсь ангелъ указываетъ святому человѣку на трехъ людей, совершившихъ глупости. Одинъ сдѣлалъ изъ дерева кнутъ, и, находя его тяжелымъ, добавлялъ дерева и т. п., дѣлалъ его еще болѣе тяжелымъ. Другой хотѣлъ вычерпать ситомъ воду изъ глубокаго колодца. Третій билъ лошадь, чтобы она ввезла широкое бревно въ узкія ворота. Морализація: не слѣдуетъ къ однимъ грѣхамъ прибавлять другіе; нужно совершать крупные подвиги добра и т. д. ¹⁾

Большее историко-литературное значеніе имѣють анекдоты о глупцахъ, разсѣянные въ обиліи у итальянскихъ новеллистовъ, у Поджіо, въ старофранцузскихъ и старонѣмецкихъ фавль; но объ этомъ подробнѣе скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ мотивовъ.

Какъ бы то ни было, путемъ литературной и еще болѣе путемъ устной передачи анекдоты о недомыслии проникли ко всѣмъ европейскимъ народамъ и заняли видное мѣсто въ ихъ письменности и народной словесности. На ряду съ широкими литературными теченіями шло помѣстное оригинальное творчество, возникали мѣткія сосѣдскія насмѣшки, прозвища, оправдывающія и поясняющія анекдоты.

Въ Англіи въ старое время слыли глупцами жители Норфолька, какъ видно изъ *Descriptio Norfolciensium* конца XII в. Здѣсь говорится, что Цезарь послалъ въ разныя страны пословъ узнать, какая сторона хороша, какая дурна; посѣтившіе Норфолькъ сказали, что эта страна безплодная и народъ здѣсь глупый. Въ доказательство глупости норфольцевъ приведено нѣсколько анекдотовъ, какъ они вмѣсто свѣчи сожгли печатъ съ важнаго документа и закрѣпили тѣмъ лежавшій на нихъ налогъ, какъ былъ извлеченъ изъ собаки съѣденный ею медъ и затѣмъ проданъ на рынкѣ и др. ²⁾

¹⁾ *Clouston*, 117—118.

²⁾ *Clouston*, *The book of noodles*, 17.

Въ Англіи издавна весьма популярны анекдоты о глупости готемитовъ. Самый ранній сборникъ анекдотовъ этого рода „Marie Tales of the mad men of Gotam“ вышелъ въ половинѣ XVI в. въ печати и затѣмъ переиздавался много разъ. Еще въ началѣ текущаго вѣка эта книга пользовалась значительной популярностью въ провинціальной глуши ¹⁾. Въ сборникѣ 20 повѣстей. Въ народныхъ передачахъ встрѣчаются варианты. Готемитамъ, между прочимъ, приписываютъ такія дѣянія: топили угря въ прудѣ, встаскивали на дома телѣги, огораживали кустъ, на которомъ сидѣла кукушка, чтобы поймать ее, носили мѣшками солнечный свѣтъ, поссорились на мосту, какъ вести черезъ него барана, котораго еще предполагали купить. Въ числѣ готемитскихъ анекдотовъ встрѣчается, между прочимъ, такой: Готемиты вспомнили, что на другой день наступаетъ срокъ арендной платы помѣщику. Чтобы доставить ему во время деньги, они привязали кошелекъ и посланіе зайцу на шею и объяснили ему, куда надо бѣжать. Когда же заяцъ побѣжалъ совсѣмъ въ другую сторону, то одни кричали: „не туда, на Логборо!“ а другіе говорили: „оставьте, онъ найдетъ кратчайшій путь“ ²⁾.

Въ одномъ англійскомъ разсказѣ хозяинъ пытается измѣнить нравъ своихъ свиней, чтобы онѣ жили, какъ птицы, на деревѣ въ гнѣздѣ. Онъ встаскивалъ ихъ поочередно на дерево за шею и всѣхъ передушилъ. По другому разсказу, глупцы бельмонтцы, желая передвинуть къ западу свою церковь на три ярда, сняли кафтаны и дружно наперли въ восточную стѣну храма. Воръ подобралъ кафтаны, и бельмонтцы потомъ сказали, что они слишкомъ далеко отодвинули церковь, такъ что и одежды ихъ не видно ³⁾.

Въ анекдоты о готемитахъ проникло, какъ полагаютъ, кое-что съ Востока. Такъ, въ Гюлистанѣ Саади (1277 г.) находится разсказъ о томъ, какъ одинъ бѣдный поэтъ сказалъ пышное привѣтствіе предводителю шайки разбойниковъ въ надеждѣ получить награду, но послѣдній его ограбилъ и прогналъ. На поэта напали собаки; онъ хотѣлъ бросить камень, который оказался примерзшимъ къ почвѣ, и поэтъ тогда сказалъ: „что это за скверная страна, гдѣ собакъ держатъ на свободѣ, а камни на привязи“. Въ англійскомъ сборникѣ анекдотовъ Тэйлора (XVII в.) на крестьянина въ городѣ напали собаки. Онъ хотѣлъ поднять на мостовой камень, и не могъ его вынуть. „Что за странный край, собаки ходятъ на свободѣ, а камни привязаны“ сказалъ мужикъ. Клоустонъ полагаетъ, что анекдотъ этотъ проникъ въ Европу изъ Персіи при посредствѣ венеціанцевъ или мавровъ ⁴⁾.

1) Clouston, The book of noodles, 24.

2) Ibid., 27, 33.

3) Clouston, 54, 55.

4) Clouston, 78—80.

Во Франціи въ Лотарингіи глупцами сльвуть жители села Плом-біеръ и мн. др. мѣстностей. Въ особенности много анекдотовъ ходить о Fous de Ruaux. Такъ говорятъ, что обыватели Рюо перенесли церковь въ другое мѣсто, замѣтивъ вблизи ограды человѣческіе экскременты. На церковной крышѣ стала расти трава;—Fous de Ruaux обвязали корову веревкой за шею и тащили ее на церковную крышу, чтобы пасти. Когда они подняли корову и увидѣли, что она высунула языкъ, то хоромъ стали бранить ее за жадность. Однажды Fous de Ruaux ожидали пріѣзда короля. Нужно было произнести привѣтствіе; меръ, его помощникъ и священникъ сказались больными. Fous de Ruaux выбрали мясника, на томъ основаніи, что онъ имѣетъ дѣло съ разными животными.

Наряду съ жителями Рюо большими глупцами сльвуть жители деревни Бресъ. Объ нихъ существуютъ такіе анекдоты: незадолго до Великой революціи жители Бреса нашли, что мѣстная висѣлица сильно обветшала. Они рѣшили поставить новую, и все разногласіе было въ выборѣ матеріала. Одни предлагали сосну, другіе букъ, третьи дубъ; но верхъ взяло предложеніе построить новую висѣлицу изъ желѣза, чтобы ею могли пользоваться отдаленные потомки.

Въ другомъ анекдотѣ попы говорятъ, какъ они водятъ за носъ своихъ прихожанъ. Попъ Бреса говоритъ, что онъ можетъ заставить своихъ прихожанъ ѣсть сѣно. Возникъ споръ и состоялось пари на сто экю. Въ ближайшій праздникъ попъ объявляетъ въ церкви, что римскій папа во вниманіе къ особенному благочестію жителей Бреса прислалъ вязанку сѣна, накошеннаго на Голгофѣ. Кто съѣстъ пучокъ этой травы въ палець толщиной, тому прощено будетъ 100 дней, а кто съѣстъ сѣна въ четыре раза болѣе—тотъ получитъ полное прощеніе грѣховъ. Народъ толпой шелъ за травой и опускалъ свои пожертвованія въ поставленную при ней кружку. Одна старуха сказала, что она предпочла бы болѣе мягкую отаву.

Насмѣшки надъ жителями Бреса отличаются презрѣніемъ. Напр., говорятъ, что они созданы Богомъ въ числѣ послѣднихъ животныхъ, и если они не ходятъ на четверенькахъ, то лишь потому, что не хватило для нихъ матеріала. И языкъ то у нихъ оказывается послѣднимъ, и если бы они не получили его, то имъ оставалось только лаять.

Далѣе въ Лотарингіи существуютъ анекдоты о глупости жителей Жероме, Соксюра, Вентрона, Мениля. Одинъ крестьянинъ села Вентрона задумалъ напугать трусливаго и хвастливаго мѣстнаго священника. По уговору съ тремя пріятелями онъ притворился умершимъ, и когда его отгѣли и принесли на кладбище, онъ всталъ изъ гроба. Священникъ въ страхѣ бѣжалъ, но могильщикъ ударомъ заступа навсегда уложилъ шутника. Въ ближайшей проповѣди священникъ убѣждалъ прихожанъ не приносить

притворныхъ мертвецовъ и восхвалялъ могильщика за храбрость. О жителяхъ Мениля говорятъ, что однажды во время сильныхъ холодовъ весной они разсердились на своего патрона (saint Blaise—Власій), вынесли его статую на ночь наружу и потомъ разбили ее палками.

Патрономъ дураковъ въ Лотарингіи считаютъ S. Idoux (3 сент. по нов. ст.), вѣроятно, по народно-этимологическому сближенію этого собственнаго имени съ словомъ idiot. Глупыхъ людей въ шутку посылаютъ на излѣченіе къ saint Idoux ¹⁾.

Въ Германіи многія мѣстности славутъ за дурачкія. Особенной извѣстностью пользуются шильдбюргеры—жители г. Шильды вблизи Торгау, далѣе жители с. Бюзумъ въ Голштейнѣ, Гиршау въ Верхнемъ Пфальцѣ, Шопенштедта въ Брауншвейгѣ, Тетерева въ Мекленбургѣ, Полквица въ Силезіи, Пирна въ Саксоніи, Ганслозена и Трипштриля въ Швабіи, Шварценборна въ Гессенѣ и мн. др. Вообще, въ Германіи въ каждой области есть свои абдериты и попехонцы. О жителяхъ села Гандшусгейма вблизи Гейдельберга говорятъ, что они приняли пароходный свистокъ за ревъ льва и, вооружившись, пошли искать его ²⁾. О фокбекерцахъ говорятъ, что они окружили и свое село валомъ, какъ окружень городъ Ренсбургъ, но забыли сдѣлать проходъ и, когда имъ надоѣло лазить черезъ валъ, и они прорыли ходъ, то не знали какъ назвать его и посылали за именемъ въ Ренсбургъ ³⁾. О тѣхъ же жителяхъ Фокбека (у Ренсбурга) говорятъ, что они, опасаясь, чтобы пойманный ими угорь не ѣлъ рыбъ, рѣшили утопить его и бросили въ рѣку; когда онъ сталъ въ водѣ извиваться, то они подумали, что онъ мучится. Фокбекеровъ дразнятъ Aalversüper. Этотъ анекдотъ относятъ также къ жителямъ полуострова Моля.

Къ жителямъ Фокбека, Бюзума и Кисдорфена (вблизи Брамштедта) относятъ анекдотъ о серпѣ. Проѣзжалъ одинъ мужикъ мимо хлѣбнаго поля и нажалъ жита для лошади. Услышавъ сзади стукъ телѣги, онъ бросилъ поскорѣе траву на возъ и уѣхалъ, а серпъ забылъ. Когда фокбекерецъ увидѣлъ серпъ, онъ принялъ его за животное, пожирающее жито, и побѣждалъ въ село увѣдомить о страшной находкѣ. Сошлись мужики и не знали какъ приступить къ невиданному звѣрю. Одинъ осмѣлился ударить его палкой. Серпъ отскочилъ на шею другого мужика; послѣдній поспѣшилъ его сбросить и отрѣзалъ себѣ голову. Мужики въ страхѣ разбѣжались ⁴⁾.

¹⁾ Sauvė, Le Folk-lore des Haute—Vosges, 69, 251—264.

²⁾ Am Ur—Quell 1891 стр. 118—119.

³⁾ Ibid., 154.

⁴⁾ Am Ur—Quell 1891 стр. 170.

Фокбекерцы нашли на дорогѣ кусокъ потеряннаго кѣмъ-то сыра, приняли его за лошадиное яйцо и посадили на него старую бабу высиживать жеребенка, стрѣляли въ гречаный снопъ и въ мучной мѣшокъ, принимая эти предметы за чудовищъ.

Бюзумцы (Büsumer) съ трудомъ снесли мельничный жерновъ съ пристани на корабль. Они вспомнили, что легче было скатить его, снова стащили наверхъ и пустили катиться. На случай камень упадетъ въ море, для удобства въ розыскахъ, одинъ изъ бюзумцевъ вложилъ въ среднее отверстие свою голову. Камень вмѣстѣ съ глупымъ человѣкомъ упалъ въ море, и другіе столь же умные рабочіе кричали ему: гдѣ легъ камень?

Бюзумцы нашли какъ то лягушку и не знали, что это за звѣрь; иные думали, что это собака, такъ какъ звѣрь этотъ садился на заднія лапки. Для разрѣшенія вопроса, обратились къ одному молодому человѣку, учившемуся въ Килѣ.

Однажды 10 бюзумцовъ, скупавшись въ рѣкѣ, вышли изъ воды и стали считать сколько ихъ. Счетъ начинали: *ick bin ich!* и все недоставало одного. Они горевали, что одинъ изъ нихъ утонулъ. Тогда прохожій посоветовалъ имъ лечь на брюхо и носомъ провести черту по песку. Сосчитали по числу чертъ и вышли всѣ 10.

Бюзумецъ заглянулъ ночью въ колодезь и увидѣлъ тамъ мѣсяцъ. Всѣ рѣшили, что мѣсяцъ упалъ въ колодезь. Въ одномъ вариантѣ они безуспѣшно пытаются вылить воду; въ другомъ—кладутъ впоперекъ палку и одинъ, обхвативъ ее руками, спускается ногами внизъ, другой и третій спускаются ниже, все ногами внизъ, держась за ноги верхняго, и всѣ падаютъ.

Въ сѣверной Германіи въ бывшихъ славянскихъ земляхъ и у сохранившихся славянъ сербо-лужицкихъ въ добавокъ къ сказкамъ о шильдбургерахъ идутъ сказки о вендахъ, будто бы отличавшихся глупостью въ старое время, сказки, большею частію шаблонныя; венды думали, что плакучая ива хочетъ напиться, пригнули ее и сломили. Забыли въ новой церкви сдѣлать окна, птицу приняли за стекольника, хотѣли поймать дятла въ лѣсу, срубывая деревья, на которыхъ онъ садился, снесли срубленные деревья съ горы, а, замѣтивъ, что ихъ можно было скатить, снесли на гору и скатили, въ лѣсу несли лѣстницу не вдоль, а вширь и пр. т. п. ¹⁾.

Въ Германіи весьма распространены сосѣдскія насмѣшки, юмористическія мѣстныя прозвища, напр., въ Швабіи записано много сосѣдскихъ насмѣшекъ, намекающихъ на недомысліе, напр., „Mondstupfer“, „Scheeckensäger“, „Glockensäger“ и др. ²⁾.

¹⁾ *Veckenstedt*, *Wendische Sagen*, 101—104.

²⁾ *Berlinger*, *Volksthümliche aus Schwaben* I № 690.

У народовъ Азіи анекдоты о глупцахъ пользуются большимъ распространіемъ. Историко-литературная роль ихъ не выяснена. Драгомановъ сдѣлалъ было попытку опредѣлить вліяніе турецкихъ анекдотовъ на украинскую народную словесность; но представленныя имъ сближенія недостаточно убѣдительны. Малорусскіе и великорусскіе анекдоты, за немногими исключеніями, скорѣе примыкаютъ къ западно-европейскимъ и, если роднятся съ Востокомъ, то при посредствѣ послѣднихъ, которые, весьма возможно, корни имѣютъ въ восточно-мусульманскихъ и въ индійскихъ буддійскихъ источникахъ.

Въ Анатоліи глупцами слывутъ жители села Сиври Гисаръ, въ Сиріи жители с. Гальбуна вблизи Дамаска. О послѣднихъ рассказываютъ, что они хотѣли горю передвинуть и тащили ее веревками, пока веревки не разорвались. Затѣмъ, гальбунцы хотѣли учредить республику, но при этомъ сочинили столько должностей, что въ селѣ не хватило мужчинъ для службы. Мальчикъ запустилъ однажды руку въ горластый кувшинъ и не могъ ее вытащить. Судья Гальбуна постановилъ отрѣзать руку, вмѣсто того чтобы разбить кувшинъ. Мѣсяцъ въ полнолуніе скрылся за тучей; гальбунцы подумали, что жители сосѣдняго села украли у нихъ мѣсяцъ, вооружились и двинулись въ походъ. Вскорѣ мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучи, и гальбунцы подумали, что сосѣди отъ страха возвратили имъ мѣсяцъ ¹⁾).

Среди многихъ турецкихъ анекдотовъ, связанныхъ съ именемъ Насръ-единъ ходжи, выдаются по остроумію слѣдующіе: Жена просила ходжу купить ей шелковый головной уборъ. „Такой величины“? спросилъ ходжа, широко разставивъ руки. Жена отвѣтила утвердительно. Тогда ходжа съ разставленными руками побѣждалъ на базарѣ и, столкнувшись на улицѣ съ прохожимъ, выбранилъ его за то, что онъ нарушилъ его мѣру. Въ другой разъ ходжа выстрѣлилъ въ кафтанъ, который по промывкѣ сушился ночью на деревѣ. И потомъ, когда жена разъяснила ему, что это былъ не воръ, а его собственный кафтанъ, ходжа говорилъ: „слава Аллаху, что я не былъ въ немъ, а то я убилъ бы себя“.—Однажды, когда у ходжи былъ гость, свѣча догорѣла и потухла. Гость сказалъ, что вблизи можно достать другую свѣчку правой рукой. „Какой ты глупый, отвѣтилъ ходжа, развѣ можно въ темнотѣ найти свою правую руку“.—Когда у ходжи воръ похитилъ кусокъ соленого сыра, онъ не искалъ его, полагая, что воръ, наѣвши-сь соленого, прійдетъ къ нему напиться.—Увидѣвъ въ колодцѣ отраженіе луны, ходжа досталъ веревку, чтобы вынуть изъ колодца луну; сильно навязывая на концѣ веревки крючекъ, онъ упалъ на спину и увидѣлъ на небѣ луну. „Хвала Аллаху, воскликнулъ ходжа; мѣсяцъ возвратился на свое

¹⁾ Am Ur—Quell 1891 стр. 118.

прежнее мѣсто. Послѣдній анекдотъ популяренъ въ Англіи. Въ Англіи и въ Китаѣ хорошо извѣстенъ также такой анекдотъ о снѣ: глупцу приснилось, что его спрашиваютъ, какимъ виномъ его угостить—холоднымъ или теплымъ? „теплымъ“—отвѣтилъ дурень. Во время нагрѣванія дурень проснулся и жалѣлъ, что не спросилъ холоднаго. Въ турецкой версіи ходжѣ приснилось, что ему дарятъ 9 рублей (pieces of money); онъ запросилъ десять и тотъ-часъ проснулся съ пустой протянутой рукой. Онъ быстро пожалѣлъ о дарѣ, закрылъ глаза и, протянувъ руку, сказалъ: „пожалуйте 9 рублей“. Насрѣ-единъ иногда дѣлаетъ остроумныя замѣчанія, скорѣе свидѣтельствующія объ умѣ, чѣмъ о глупости, напр., на вопросъ, какая музыка ему болѣе всего нравится, онъ отвѣтилъ: музыка тарелокъ и кострюль, намекая тѣмъ на вкусную їду ¹⁾).

Значительное количество кавказскихъ анекдотовъ о глупцахъ въ послѣдніе годы издано въ Сборникѣ матеріаловъ для изученія Кавказа. Объ этихъ сказкахъ будетъ еще рѣчь впереди. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма интересны по большой близости къ индійскимъ вариантамъ; другія носятъ на себѣ слѣды нѣкоторой искусственной литературной обработки, быть можетъ, невольной со стороны собирателей. Въ Закавказьѣ пошехонцами являются жители селенія Керкенджъ, армяне, въ 6 верстахъ отъ г. Шемахи. Керкенджецъ, по армянскимъ анекдотамъ, лягушку съѣлъ, туманъ думалъ разогнать ударами, лошечка хотѣлъ высидѣть изъ тыквы и пр. т. п. ²⁾).

Индійскія литература и народная словесность богаты анекдотами о глупцахъ. Въ джатакахъ, или исторіяхъ о рожденіи Будды встрѣчается, напр., разсказъ о томъ, какъ въ одномъ селѣ крестьяне съ ножами, стрѣлами и др. оружіемъ бросились на безпокоившихъ ихъ москитовъ и въ свалкѣ изрубили другъ друга.—Въ другомъ разсказѣ купецъ поручаетъ глупому слугѣ сберечь сундуки, чтобы въ дорогѣ не намочилъ ихъ дождь; когда пошелъ дождь, то глупецъ вытащилъ изъ сундуковъ дорогія платья и обернулъ сундуки, буквально понявъ приказаніе хозяина.—Въ одномъ разсказѣ торговецъ приказываетъ слугѣ побережь двери, и глупецъ снимаетъ ихъ съ петель и прячетъ.—Анекдотъ этотъ хорошо извѣстенъ въ Италіи и въ Англіи. Въ Италіи онъ приуроченъ къ Джуффѣ. Въ англійскомъ сборникѣ разсказовъ XVI в. „Saeke full of Newes“ переданъ въ такой формѣ: одинъ джентльменъ съ женой пошелъ въ церковь. Хозяйка приказала слугѣ закрыть двери и слѣдовать за ней въ церковь. Глупый слуга снялъ двери съ петель, чтобы лучше сберечь ихъ, и понесъ на спинѣ за госпожей своей.—Въ индійскихъ анекдотахъ купцы часто фигурируютъ въ

¹⁾ Clouston, 89—94.

²⁾ Сборн. матер. для изуч. Кавказа, VII 129—135.

роли глупцовъ. Такъ, въ одномъ анекдотѣ торговецъ продаетъ, между прочимъ, куски душистаго дерева алое. Товаръ этотъ не былъ знакомъ покупателямъ, и цѣны на него не было. Купецъ замѣтилъ, что спросъ есть на уголья, спалилъ алое, продалъ его угольями и по цѣнѣ угольевъ, и потомъ еще хвасталъ своимъ глупымъ поступкомъ.—Другой торговецъ, желая очистить вату, бросаетъ ее въ огонь; онъ ранѣ видѣлъ, какъ золотыхъ дѣлъ мастера чистили золотыя вещи.—Въ одномъ разсказѣ слуга, по глупости, на ночлегѣ попадаетъ въ руки разбойниковъ и выдаетъ хозяина, спрятавшагося въ дуплѣ дерева ¹⁾).

На о. Цейлонѣ жители многихъ селъ слывуть глупцами, напр., Томпана въ срединѣ острова, Морора Корле на югѣ, Раигамъ Корле на западѣ. Объ однихъ говорятъ, что они хотѣли выкопать колодезь, увидѣвъ на днѣ его отраженіе пчелинаго гнѣзда, о другихъ—что берегъ рѣки приняли за море, о третьихъ—что бросили въ луну камни, предположивъ въ ясную лунную ночь, что она слишкомъ приблизилась къ землѣ и попортитъ жатву ²⁾).

Признавая возможнымъ и даже несомнѣннымъ передачу анекдотовъ о глупцахъ отъ одного народа другому, отъ азіатскаго Востока на европейскій Западъ, съ Востока (преимущественно черезъ Кавказъ) и съ Запада (преимущественно черезъ Польшу) въ Россію, мы, однако, считаемъ нужнымъ оговорить, что нѣкоторые анекдоты могли возникнуть на мѣстѣ, какъ проявленіе самостоятельнаго народнаго творчества. Такіе анекдоты могутъ быть допустимы у всѣхъ народовъ, даже у народовъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи. Мунго Паркъ въ описаніи Сенегамбіи 1805 г.) замѣчаетъ, напр., что въ этой странѣ незавидной славой абдеритовъ пользуется одно негритянское поселеніе ³⁾).

Въ какомъ отношеніи къ восточнымъ и западнымъ анекдотамъ о глупцахъ стоятъ многочисленные русскіе разсказы этого рода, въ особенности анекдоты о пошехонцахъ? Несомнѣнно, тутъ не мало оригинальнаго творчества, особенно въ сферѣ анекдотовъ на сосѣдскія отношенія, въ насмѣшливыхъ анекдотахъ о недомыслии населенія того или другого города или села; но много здѣсь и прившедшихъ со стороны литературныхъ элементовъ, изъ старинныхъ новеллъ, фацецій, Тилля Эйленшпигеля—Совесдра-ла русскихъ переводовъ и т. п. Въ Москвѣ въ 1871 г. издана книга о пошехонцахъ, гдѣ среди народныхъ анекдотовъ находится немало искусственно присочиненныхъ, напр., о „мѣдномъ лбѣ“ пошехонцевъ. Обиліе анекдотовъ о пошехонцахъ отмѣчено, между прочимъ, Ровинскимъ—и слѣпо-роды они, и въ трехъ соснахъ заблудились, за семь верстъ комара видѣли,

¹⁾ Clouston, 100.

²⁾ Clouston, 67—68.

³⁾ *Am Ur—Quell* 1898 стр. 118.

а комаръ у нихъ на носу сидѣлъ. Эту остроту замѣтилъ еще Петръ Великій и вклеилъ ее въ приглашенія для своего всешутѣйшаго собора. По другимъ приказкамъ—московскимъ—козинцы свинью за бобра купили, собаку за волка убили, угличане толокомъ воду замѣсили и мн. др. въ томъ же родѣ ¹⁾).

И въ Малороссіи, какъ въ Великороссіи, какъ въ Германіи, встрѣчаются сосѣдскія насмѣшки на мотивъ недомыслия, напр.: „Чигиринцы зпекли чорта въ ринци, а Таращанци ззыли вранци“ ²⁾. Въ Великороссіи такого рода насмѣшки болѣе распространены.

Въ В. и М. Россіи существуетъ много личныхъ прозвищъ, кличекъ и дразнилокъ на мотивъ о недомыслии, напр.

Иванъ балванъ
На капусты сидивъ
Усихъ жабъ поивъ...
Кузьма остолопъ
Осиновый лобъ...
Леонтій—Левка
Дурацкая головка ³⁾).

Въ особенности интересны старинныя русскіе анекдоты о недомыслии съ національными или мѣстными приуроченіями, расширяющіе до нѣкоторой степени наши свѣдѣнія о старинныхъ народныхъ литературныхъ интересахъ.

Въ Малороссіи въ старое время, при широкомъ развитіи пѣсеннаго творчества, встрѣчались шутивыя пѣсни о запорожцахъ съ приуроченіемъ къ нимъ бродячихъ пошехонскихъ анекдотовъ. Кулишъ во 2 т. „Ист. возсоед. Руси“ привелъ знакомую ему съ дѣтства пѣсню:

Славни хлопци паны запорожци:
Побачили воны скирду сина въ поли:
Отаманъ каже: „ощежъ, братья, церква!“
А осавуль каже: „я въ ій сповидався!“
А кошовый каже: „а я й причащався!“

* *

Славни хлопци паны запорожци:
Побачили воны чаплю въ болоти.
Отаманъ каже: „ощежъ, братья, дивка!“
А осавуль каже: „я зъ нею кохався!“
А кошовый каже: „а я й повинчався!“

¹⁾ *Ровинскій*, Рус. нар. карт. V 194, *Ефименко*, Матер. по этногр. рус. нас. Арханг. губ. II 250.

²⁾ *Номисъ*, Укр. приказки, 721.

³⁾ *Ивановъ*, въ Этн. Обзор. 1897, I 70 и др.

Кулишъ дѣлаетъ крупную ошибку, давая бытовое приуроченіе этой пѣснѣ, которая (будто-бы) характеризуетъ запорожцевъ послѣдняго времени. Вариантъ этой пѣсни записанъ г. Кондратовичемъ въ Тульчѣ:

Булы у насъ хлѣпцы славныи запорожцы... Оказывается, что они въ степу скирту сѣна приняли за церковь, цапа (козла) за попа, цаплю на болотѣ за попадью. Пѣсня состоитъ изъ трехъ куплетовъ и представляетъ варіантъ предыдущей. И г. Кондратовичъ впадаетъ въ ту же ошибку бытоваго приуроченія, хотя съ нѣкоторой оговоркой: „пѣсня юмористически указываетъ напр. на то, что запорожцы какъ будто имѣли очень смутное понятіе о такихъ даже предметахъ, какъ церковь и священникъ“¹⁾. Нѣтъ надобности доказывать, что ни малѣйшія бытовья приуроченія здѣсь невозможны.

Въ древней лѣтописи подъ 997 г. говорится о томъ, какъ печенѣги осаждали Бѣлгородъ. Разсказъ этотъ носитъ всѣ черты литературнаго вымысла и примыкаетъ до нѣкоторой степени къ повѣстямъ о глупыхъ народахъ. Жители осажденнаго города стали терпѣть голодъ и готовы были сдаться печенѣгамъ; но тутъ выступилъ „единъ старецъ“; онъ просилъ потерпѣть еще три дня и въ это время исполнять его совѣты. „Они же ради обѣщанія послушати, и рече имъ: сберѣте аче и по горсти овса или пшеницѣ, ли отрубей“; они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжъ, въ немъ же варятъ кисель, и повелѣ ископати колодязъ, и вставить тамо кадъ, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ росытити вельми и вѣлѣяти въ кадъ въ друзѣмъ колодязи; утро же повелѣ послати по Печенѣгы... Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предадутися хитять... избраша лучшии мужи и послаша въ градъ“... Бѣлгородцы сказали печенѣгамъ: „что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ“, показали колодцы печенѣгамъ, сами черпали медъ и угостили печенѣговъ; печенѣги повѣрили и сняли осаду²⁾.

Лѣтописное сообщеніе о печенѣгахъ, поддавшихся на такой наивный обманъ, даетъ поводъ думать, что въ концѣ X в. на Руси уже вращались анекдоты о глупыхъ народахъ. Нельзя въ точности нынѣ по этому намѣку опредѣлить содержаніе этихъ анекдотовъ; но можно предположить, что это были или анекдоты о томъ, какъ глупцы хотѣли извлечь изъ колодца мѣсяцъ, или приняли отраженіе въ колодцѣ мѣсяца за кусокъ сыру, или въ родѣ той насмѣшки надъ глупцами, которая нынѣ встрѣчается въ малорусскихъ пѣсняхъ, напр. въ свадебной:

1) *Киеск. Стар.* 1883 IV 738, 739.

2) *Лѣтоп.* по Лавр. сп. изд. 1872, стр. 125—126.

Ихалы мы селожъ,
А въ сели калюжа.
Бояры кажуть: „то медъ, медъ!“
А молоды кажуть: „то піймо! то піймо!“
А свашка наже: идте соби,
Бо то сельска калюжа...

II.

Жидовская война. Три стрѣлка на одно ружье. Прыганье въ гречку.

Эпизодъ съ дочерью еврея.

За исключеніемъ эпизода о дочери еврея [?] (узкаго) схоластическаго происхожденія, всѣ остальные мотивы о недомыслии жидовъ составляютъ лишь отпрыскъ анекдотовъ о пошехонцахъ или своеобразные варианты сказаній о глупыхъ народахъ. По литературной обработкѣ и литературной исторіи наиболѣе выдаются сказки о жидовской войнѣ.

Бувъ соби богатый такой жидъ, його звали „велькорозумный Йосько“. Винъ зибралъ жидкивъ весты до царя на войну и найнявъ соби солдата Ивана, такого, шо ажъ тамъ служивъ, коло царя. И винъ йихъ и увивъ йихъ у лисъ и вже стало темно, жыды и кажуть Иванови: „Де мы будемъ спаты, бо доли ми бойимся?“ А той видмовляе: „Я полизу на сосну та й зроблю вамъ гниздо, якъ черногузомъ“. Помостывъ винъ йимъ те гниздо, вони й полягали спать, а москаль и прынявъ драбуну.—Повставали вони ранкомъ та якъ закваляють: „О, Боже насъ, де насъ Йванце? Його нема, його нема, його вивкъ изивъ!“ А той сыдыть за дубомъ та й дывиться. Велькорозумне Йосько й каже: „я визьмусь за гиляку, а ты за мене, а той за тебе и такъ уси за одынъ разъ спустимось“. Вззявся велькорозумный Йосько за гиляку, и одынъ за одного взялся за однимъ разомъ, а той велькорозумный Йосько и каже: „Пождить, у руки поплюю!“ Та въ руки—плюхъ! Та вси до долу—бухъ! Вони уси попадали додолу: той ногу зламавъ, той руку скрутивъ, той вязы звернувъ! А Иванъ сыдыть за дубомъ та дывиться. „Ось я, каже, хвершаль, я направляю!“ Выризавъ хорошу дубуну, теперъ того та того—дубыною! А вони кожутъ: ходимъ Йванце, вже въ насъ не болыть! Повставали вони й йдутъ. Йшли, йшли и не перейшли того лиса. „Ну, теперъ уже, Йванце, не мосты вже намъ на сосни гнизда, а ложки насъ спать долу и такъ, щобъ ни одынъ съ краю не бувъ.“ Стоявъ винъ, думавъ—думавъ и найшовъ купу муравки; взявъ, разгорнувъ, вони туды повлазыли, а винъ йихъ обгорнувъ. Ранкомъ повставали, крычаты: вона йихъ покусала. Йванъ зновъ рубае дубынку и до ныхъ зъ тею ду-

бынкою. „Я хвершалъ, я вамъ направлю!“ Жиды встають заравъ, убираються и кажутъ: „Взѣ въ насъ ничого не болыть!“—Винъ зновъ йихъ веде. Вивъ йихъ ажъ трое сутокъ; довивъ до царя на вѣйну; тамъ подавали йимъ ружжа, повелы на стрильбу и скомандувалы: „Наши жидкы, разомъ! Пихъ, пахъ!“—А царь каже: „Чомъ наши жидкы не разомъ?“—А воны йому видмовляють: „бо въ того рушняка довга, а въ того коротка.“ Подававъ йимъ царь усимъ ружжа однакови, скомандувавъ зновъ: „А ну, наши жыдочки, разомъ!“ Воны выстрылыли. „А чомъ, наши жыдочки, не разомъ?“ А воны видмовляють: „те—вчене, а те не вчене.“—Винъ йихъ и прогнавъ, сказавъ: „идить вы соби, куды знаете!“ Велькорозумный Йосько и каже Йванови: „веды ты насъ другою дорогою, щобъ не черезъ лисъ.“ Повивъ винъ йихъ степомъ, довивъ недалеко до села; тамъ у сели булы водяны млыны. Велико-розумный Йосько й каже: „Эй, мирошныки, закыдайте собаки въ хливи, бо жидивське вѣйско йде.“ Мирошныки закыдали собаки въ хливи, а та собака мижь жидивське вѣйско—гулькь! А жидивське вѣйско въ воду—булькь! Которе Бога боялося, то за греблю хваталося, а которе ни, то сидало на дни ¹⁾.

Въ краткомъ малорусскомъ вариантѣ изъ Александровскаго у. Екатеринославской губ. главнымъ лицомъ является также Иванце, но подробности нѣсколько отличны отъ предыдущихъ: жиды ѣдутъ на одномъ возу брать Варшаву; они въ видѣ добычи взяли въ ярмолку крашанокъ. На обратномъ пути, ночуя въ лѣсу, боятся заснуть, чтобы крайнихъ не ухватили волки. Иванцо кладетъ ихъ въ круговую головами въ муравейникъ. Далѣе равинъ читаетъ библию. Изъ лѣса вышло „голе, босе и простоволосе“ и дубиной убило равина ²⁾.

Краткій волинскій вариантъ ³⁾ передаетъ лишь заключительный мотивъ черниговскаго варианта г. Гринченка о томъ, какъ жиды утонули, испугавшись собачки.

Литературная обработка этого анекдота у Руданскаго „Подорожъ до Ерусалима“ въ „Зорѣ“ 1893 № 13 указана г. Гринченкомъ (II 223).

Въ малорусскомъ вариантѣ собрались три жиды брать городъ Бердянъ; одинъ изъ нихъ былъ богатый и сѣбый—Смилыкъ. Въ лѣсу разложили огонь. Подошелъ человекъ „таке голе, босе, та ще и простоволосе“. Онъ началъ, по предложенію Смилыка, драть кору съ береста на сапоги. Смилыкъ говоритъ, что онъ не сдеретъ, а „голе-босе“ такъ хватило лозой Смилыка, что жиды перепугались и спрятались въ очеретѣ, а Смилыкъ въ

¹⁾ Гринченко, II 165.

²⁾ Манжура, 115—116 № 1.

³⁾ Киевск. Старина 1883 III 672.

дубѣ. Голѣ-босѣ взяло коня и хомуть. Смылыкъ закричалъ товарищамъ „вчене дурне, коня взяло, а ящикъ съ деньгами не примѣтило“. Голѣ-босѣ тогда коня и хомуть бросило, а ящикъ взяло. Жиды вернулись домой ¹⁾.

Въ малорусской сказкѣ про 3 жидовъ и ружье одинъ жидъ сначала держитъ за курокъ—ружье не стрѣляетъ, другой дуетъ въ дуло, наконецъ третій надумалъ, что онъ будетъ дуть, а пріятель тянуть курокъ. Ружье выстрѣлило, и жидъ упалъ. Два его товарища подбѣжали и сказали: „выплюнь, Дорохъ, порохъ, а то вмрѣсь“,—а въ Дороха нема вже и духу ²⁾.

Въ литературной обработкѣ мотивъ этотъ встрѣчается въ стихотвореніяхъ Руданскаго.

Мотивъ бродячій, шаблонный, и вмѣсто евреевъ приурочивается иногда къ великоруссамъ, а среди великоруссовъ къ пошехонцамъ.

Въ Чигиринскомъ у. записанъ слѣдующій анекдотъ: Зибралось двонадцать коцапивъ и пицлы воны на заработки. Робылы воны тамъ циле лито, увъ-осены идуть додому, зайшли въ лавку. Одынъ зайшовъ у лавку, а черезъ одного вси туды повходылы. Повходылы и тамъ одынъ побачывъ ружжо й пытае: „шо,—каже,—за його?“ „Три рубли,—каже“. Той выйма тры рубли и дае, а другы й кажуть: „якъ ты даешь тры рубли, то й я даю тры рубли“. И кажный почавъ платыть по тры рубли за те ружжо. Купуе той порохъ, пытае: „шо за хунтъ?“ „Рубъ!“ Ну той дае, и вси дали по рублю. „Дробъ скильки за хунтъ?“—„Пъятдесять копійокъ.“ Той дае, а ти кажуть: „Якъ ты даешь пъятдесять, то й я дамъ пъятдесять.“ И дали воны вси по пъятдесять копійокъ. Повыходылы воны у степъ, тамъ побачывъ одынъ коцапъ дрохву и почавъ заряжать, а ти й говорють: „Не ты самъ куплявъ, куплялы й мы.“ И почавъ каженъ сыпать по жмени пороху, а дали по жмени дробу. „Ну, теперъ будемъ стрілять.“ А ти кажуть: „и я! и я!“ Узялыся воны одынадцать чоловикъ, а дванадцятому ниде. А винъ каже: „якъ не дасте мени стрѣлять, то я затулю ружжо, шобъ воно не выстрѣлило.“ И закрывъ дуло рукою. Почалы спорыть, а дали такы выстрѣлылы и вбылы того, шо затыкавъ дуло, а тыхъ поглушыло та пораныло, бо дуло разирвало. Той шо вбитый, то лежыть, лежыть, та прочумається, та й скаже: „охъ, сатона, ты ишшо пыхнешь ³⁾“.

Въ малорусскомъ анекдотѣ семь парней покупають у солдата ружье и пороху; въ дорогѣ поручають выстрѣлить своему товарищу кузнецу вдаль въ татаръ, и каждый кладетъ въ ружье по щепоткѣ пороху. Когда куз-

¹⁾ Чубинскій, II 574.

²⁾ Чубинскій, II 578.

³⁾ Грипченко, II № 163.

нецъ выстрѣлилъ, ружье разорвало, нѣсколько парней убито, а самъ кузнецъ сказалъ: „Опе, бисова фузія, сколько тутъ людей побила! чего жъ вона наробыла у татарви“¹⁾.

Галицкая сказка „Вандривка Ивана съ жидомъ“ обрисовываетъ глупость жида въ формѣ сочетанія двухъ анекдотовъ: 1) богатый жидъ покупаетъ чорнаго коня и потомъ мѣняетъ его на бѣлаго, чтобы ночью легче было видѣть, а бѣлаго продаетъ за безцѣнокъ, чтобы конокрады его не увидѣли и 2) вѣрить разсказу мужика, что можно полетѣть, набивъ въ рукава платья гусиныхъ перьевъ и, набивъ, прыгаетъ съ высокаго дерева и разбивается до смерти. Мужикъ забираетъ послѣднія деньги и уходитъ²⁾.

Во 2 кн. „Вислы“ 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „Война жидовская. Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности“. Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое вѣйско маршъ“ и, какъ комментарий этой поговорки, разсказъ о томъ, какъ однажды жида воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ скавалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ: „чи гречка, чи не гречка, мое вѣйско маршъ“, и жида перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго разсказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму *Zydówswarog* 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перины), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняла за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода разсказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбургерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о нѣмецкихъ пошехонцахъ—шильдбургерахъ „*Wunderseltzame Abendtheurliche...*“ 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „*Фацеціяхъ*“, изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ „*Wendunmuth*“ (1565). Самымъ древнимъ варіантомъ представляется разсказъ Павла

¹⁾ *Аванасьева*, Рус. н. ск. III 506.

²⁾ *Житѣ и Слово*, III 63—65.

Дьякова, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цѣлующій на полѣ лентъ принимали за рубку. Этими сближеніями собственно и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разсказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Въ „Вистъ“ 1895, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими вариантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde“ Либрехта. Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется чуть ли не первой попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море—одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярныя мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попала, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ и пр. Прежде чѣмъ перейти къ этимъ анекдотамъ, остановимся на слѣдующемъ эпизодѣ съ дочерью еврея, какъ связанномъ исключительно съ евреями.

Къ нѣкоторымъ сказкамъ, преимущественно малорусскимъ ¹⁾, прирость средневѣковый разсказъ о мнимомъ обманномъ благовѣщеніи и рожденіи въ еврейской семьѣ дѣвочки вмѣсто ожидаемаго мальчика Мессіи, тотъ разсказъ, которымъ воспользовался уже въ XVII Галатовскій въ „Мессіи Правдивомъ“, со ссылкой на *Dialogus miraculorum* Цезарія Гейстербахскаго XIII в. ²⁾.

Грубый анекдотъ объ обманѣ еврея проникъ въ малорусскую народную словесность или непосредственно изъ схоластической южнорусской литературы XVII в., или заимствованъ малороссами отъ поляковъ, среди которыхъ сказки на эту тему довольно многочисленны, и которые усвоили его изъ того же мутнаго средневѣковаго источника, изъ котораго черпалъ Галатовскій ³⁾.

Легендарный мотивъ иногда совершенно скрытъ. Такъ въ одной польской сказкѣ кузнецъ говоритъ ночью жидамъ тоненькимъ голоскомъ: „kunk, kunk, zebys darował kowalowi; deug“. Жиды считаютъ этотъ голосъ ангельскимъ и прощаютъ кузнецу долгъ ⁴⁾.

¹⁾ У Чубинскаго II 563, Рудченка II 31, Манжуръ 74, Добровольскаго I 693, Киевск. Стар. 1895 XII 96.

²⁾ Подроб. см. у Марковскаго въ „Киевск. Стар.“ 1895 XII 94.

³⁾ Наболѣе грубый польскій вариантъ см. въ Krakowiacy *Цишевскіи* 275.

⁴⁾ *Ciszeński*, 279.

III.

О глупцахъ, плачущихъ о предполагаемой смерти предполагаемого ребенка.

Сказки о трехъ, изрѣдка двухъ глупцахъ, оплакивающихъ смерть предполагаемаго сына или внука, весьма интересны по обилію и разнообразію входящихъ анекдотовъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить вступительный и до нѣкоторой степени объединяющій другіе мотивы о плачущихъ глупцахъ; затѣмъ идетъ рядъ частныхъ мотивовъ, иногда три мотива, въ соотвѣтствіи съ тремя первыми глупцами, иногда четыре и болѣе. Чаше всего сочетаются мотивы о ношеніи свѣта въ корзинѣ, о встаскиваніи коровы на колокольню и о томъ, какъ серпъ былъ принятъ за звѣря; иногда входятъ мотивы о томъ, какъ мужикъ прыгалъ съ дерева въ штаны, какъ женщина била курицу, что она не даетъ груди цыплятамъ, о прохожемъ съ того свѣта, и др. болѣе мелкіе и случайные. Каждый изъ входящихъ мотивовъ встрѣчается въ видѣ самостоятельной сказки. Изъ частныхъ мотивовъ по обилію вариантовъ, по разработкѣ и распространенности выдѣляется мотивъ о прохожемъ съ того свѣта. Мотивъ этотъ чаше другихъ встрѣчается въ видѣ отдѣльныхъ повѣстей, сказки или анекдота.

Мы рассмотримъ сначала нѣсколько сказокъ въ даваемой ими послѣдовательности мотивовъ, и затѣмъ остановимся на нѣкоторыхъ мотивахъ въ отдѣльности.

Въ малорусской сказкѣ „Про дурныхъ людей на свити“: жили мужъ съ женой; у нихъ были сынъ и дочь. Отецъ съ сыномъ поѣхали въ поле орать, а дома сказалъ женѣ, чтобы она поранѣе приготовила обѣдъ и выслала въ поле съ дочерью. Дочь, долго гулявшая съ вечера, утро проспала, а проснувшись стала плакать и сказала своей матери: „ой, моя матинко! прыснывся мени сонъ, що я у васъ йиднымъ йидна доненька, та ажъ за быструю ричку замижъ пиду; та буде у мене дытыненька, та прыйду до васъ зъ нею въ гостыненьку, та сяду пидъ полицею, та упаде долото зъ полицы та моему дetyненьци на головоньку, такъ це вамъ, моя матинко, радистъ буде“. Мать также начала плакать. Отецъ пришелъ за обѣдомъ и также расплакался. Сынъ, возвратившись съ поля, плюнулъ съ досады, что у него такая глупая родня, взялъ серпъ и ушелъ въ чужую сторону, сказавъ роднымъ, что вернется тогда, если найдетъ болѣе глупыхъ людей.

Пришелъ онъ въ одно село и увидѣлъ, что мужики тянутъ веревкой корову на церковь, потому что одна умершая старуха завѣщала ее на церковь. Странникъ совѣтуетъ глупымъ людямъ продать корову на ярмаркѣ и деньги употребить на нужды церкви.

Въ другомъ селѣ мужикъ видитъ, что баба бьетъ квочку за то, что она вывела 15 цыплятъ и не кормитъ ихъ своимъ молокомъ. Онъ объясняется, что курчатъ кормятъ просомъ и поятъ водой.

Въ третьемъ селѣ литвины выстроили церковь безъ оконъ и хотятъ перенести въ нее свѣтъ въ мѣшкѣ. Мужикъ прорубилъ окна. Литвины поставили его попомъ. Не зная церковной службы, мужикъ приказываетъ литвинамъ повторять то, что онъ будетъ дѣлать и идти въ церковь по первому звону, пригрозивъ за непосѣщеніе церкви брать по волю. Когда литвины услышали колокольный звонъ, то говорили другъ другу: „иди въ церковь, бо уже той реве, що по волю бере“. Когда попъ кланялся—всѣ кланялись. Изъ кадилаицы горячій уголь попалъ въ сапогъ попа, и послѣдній отъ боли сталъ трусить ногой, и всѣ затрусили ногой. Попъ отъ боли легъ на полъ и, приподнявъ ногу, снялъ сапогъ, и всѣ литвины продолжали то же самое. Литвинамъ такъ понравилась церковная служба съ „потупаньемъ“, что они дали попу житное поле. Когда жито поспѣло, то попъ срѣзалъ его серпомъ, сложилъ въ копну и на верху воткнулъ серпъ. Литвины, никогда не видавшіе серпа, приняли его за звѣря съ деревяннымъ хвостомъ и желѣзнымъ носомъ. Стаскивая его съ копны, литвинъ отрѣзалъ себѣ голову. Попъ берется избавить ихъ отъ этого опаснаго звѣря за 50 руб., хорошую лошадь и веревку. Литвины согласились. Попъ привязалъ веревку къ серпу, поволокъ его, сидя на лошади, и быстро ушелъ отъ литвиновъ, которые были увѣрены, что звѣрь погнался за ихъ попомъ и съѣлъ его вмѣстѣ съ конемъ. Этотъ эпизодъ съ попомъ и серпомъ очень подробно развитъ; онъ встрѣчается въ видѣ отдѣльной сказки.

Въ четвертомъ селѣ баба проситъ мужика отвести къ попу и окрестить 12 поросятъ. Мужикъ беретъ отъ глупой бабы пару воловъ, сувой полотна (на крижмы), поросятъ и все это присваиваетъ. Мужъ погнался на конѣ. Хитрый мужикъ возъ и воловъ спряталъ, а когда мужъ, привязавъ коня, ходилъ искать мужика, то послѣдній вырвалъ часть хвоста у его коня и воткнулъ волоса въ землю, а самъ уѣхалъ на конѣ. Мужъ, возвратившись къ дубу, подумалъ, что конь ушелъ подъ землю и возвратился домой.

Мужикъ убѣдился, что всюду есть дураки и вернулся къ роднымъ ¹⁾.

Въ малорусской сказкѣ казакъ, проѣздомъ, говоритъ дѣвицѣ: „добры-день, сердце“. Дѣвица сѣла и задумалась—въ предположеніи, что казакъ будетъ сватать. Ея примѣру слѣдуютъ мать и отецъ.

Братъ ея уходитъ искать болѣе глупыхъ людей и находить: 1) человека, который тянулъ корову на церковь (по завѣщанію отца); 2) мужика,

¹⁾ *Moszynska*, въ *Zbior Wiadom.* IX 142—146.

который запрегъ жену въ возъ, сдѣланный въ хатѣ, и заставлялъ ее вывести его наружу и 3) женщину, которая била квожу за то, что она не кормитъ цыплятъ грудью. Прохожій даетъ соответствующіе совѣты, и потомъ возвращается домой ¹⁾.

Въ галицкой сказкѣ рекрутъ говоритъ дѣвушкѣ, что, по возвращеніи черезъ три года со службы, женится на ней; она родитъ сына и сынъ ихъ умретъ. Дѣвица начинаетъ плакать, затѣмъ ее мать и отецъ. Братъ, возмущенный такой глупостью своихъ родныхъ, уходитъ изъ дому. Онъ встрѣчаетъ: 1) людей, которые тащили вола на крышу дома попасться; 2) бабу, которая рѣшетомъ носила свѣтъ въ новый домъ и 3) бездѣтныхъ стариковъ, которые считали свою свинью за дочь и предложили ее въ жены герою сказки. Въ галицкомъ вариантѣ молодецъ везетъ свинью въ село, будто бы въ церковь на вѣнчаніе. Глупые ея хозяева даютъ хороній поясъ, чтобы привязать ее къ возу, и полотно, чтобы укрыть. Молодецъ уѣзжаетъ, женится на избранной имъ дѣвушкѣ, убиваетъ свинью на свадьбу, а молодой женѣ говоритъ, чтобы она сообщила хозяевамъ свиньи, что это свинья такъ преобразилась послѣ вѣнчанія. Старики повѣрили, и молодые у нихъ остались „господарити“ ²⁾.

Великорусскія сказки о трехъ плачущихъ глупцахъ извѣстны подъ названіемъ „Лутонюшка“. Жили старикъ со старухой и былъ у нихъ сынъ Лутоня. Старуха уронила въ избѣ полѣно дровъ, подумала, что, если бы Лутоня былъ женатъ, да былъ у ней внукъ, да попалъ подъ полѣно, и стала плакать, а за ней расплакался старикъ. Лутоня пошелъ отыскивать большихъ глупцовъ и нашелъ людей: 1) которые тащили корову на хату, 2) вгоняли палками лошадь въ хомутъ и 3) бабу, которая по ложкѣ носила сметану изъ погреба вмѣсто того чтобы взять цѣлый горшокъ ³⁾.

Въ великорусскихъ вариантахъ вступленіе о плачущихъ глупцахъ замѣняется иногда мотивомъ о прохожемъ, назвавшемся зимой, а мотивы поисковъ восполняются: 1) вытягиваніемъ короткаго бревна, 2) отгрызаніемъ зеренъ у колосьевъ (не знали серпа), 3) принятіемъ серпа за червяка, 4) сѣченіемъ курицы, 5) ошибкой въ счетѣ (счетчикъ пропускалъ себя) ⁴⁾.

Существуетъ въ В. и М. Россіи много сказокъ на эту тему, и встрѣчаются онѣ почти во всѣхъ сборникахъ. Въ частности, въ англійскомъ сборникѣ русскихъ сказокъ Ральстона старики оплакиваютъ смерть не родившагося внука. Сынъ ихъ съ досады ушелъ изъ дому. Насторонѣ онъ

1) Чубинскій, II 508.

2) Житѣ и Слово, III 68--72.

3) Аванасъевъ, III 382.

4) Аванасъевъ, III 382.

встрѣчаетъ еще большихъ глушцовъ: одни ударами надѣвали хомутъ на лошадь, другіе носили ложкой молоко, третьи хотѣли вытѣнуть короткое бревно.

Встрѣчается въ Великороссіи и въ Малороссіи иногда лишь первый мотивъ о плачѣ глушцовъ въ самостоятельномъ видѣ. Такъ въ Чигиринскомъ у. записанъ слѣдующій анекдотъ, со словъ парня, слышавшаго анекдотъ отъ солдата великоросса: Жылы дидъ та баба, малы воны собі дочку. Старый посылаетъ: „пойди, дочка, до ворожки—нехай почитаетъ да погадаеть, чи помрешь, чи въ осены замужъ та пойдешь“. Пишла вона до бабушки Гаргарушки. „Бабушка Гаргарушка, почитайте та погадайте, чи я помру, чи осинню замужъ пойду?“ Вона йій одвичаетъ: „Душюшка, голу-бушка, не помрешь, а осинню замужъ пойдешь за молодца, да родышь сына Ванюшу, а онъ вырастетъ, да на Донъ пойдеть, да втоня“. Идетъ вона додому та й плачетъ, а бабушка (йійи маты) иде на зустрічъ проты нейи. „Што вы, Дуня,—каже,—гудитя?“ „Расскаать тебѣ, матушка, то й ты та загудешь. Сказала бабушка Гаргарушка, што ни помрешь, осинню замужъ пойдешь за такого молодца, да родышь сына Ванюшу, онъ вырастетъ, да на Донъ пойдеть, да втоня“... Бабушка вже тоди й каже: „охъ ты мой анучекъ, какъ бы ты живенькій былъ, то я бъ тобѣ липешку спекла—кла—кла“... Идутъ удвохъ, гудуть! А старый (батько) йимъ назустрічь: „Што вы, Дуня,—каже,—гудитя?“ „Рассказать тебѣ, батюшка, то й ты та загудешь: сказала бабушка Гаргарушка, што ни помрешь, осинню замужъ пойдешь за такого молодца, да родышь сына Ванюшу, а онъ вырастетъ, да на Донъ пойдеть да втоня“.—А вишь тоди и говоре: „охъ ты мой анукъ басомъ говоре), якъ бы ты живой былъ, то я бъ тобѣ лапотки сковыривъ—равъ—равъ“¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ вариантахъ²⁾ вступительный мотивъ о плачущихъ глупцахъ замѣняется совершенно особымъ мотивомъ о томъ, какъ старуха мать по глупости принимаетъ прохожаго за весну или зиму и отдаетъ ему деньги, а сынъ ея (Лутонышка) идетъ затѣмъ искать по свѣту большихъ глушцовъ. Этотъ мотивъ взятъ изъ цикла сказокъ о буживальномъ пониманіи словъ, о чемъ подробнѣе мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ польской сказкѣ изъ мазовецкаго Луковца мужикъ встрѣчаетъ женщину, которая носила свѣтъ въ ведрѣ, другую, которая хотѣла надѣть на мужа новую сорочку безъ отверстія для головы и рукавовъ. Она надѣла мѣшокъ на голову мужа и ударами палки по лбу осаживала его пониже.

¹⁾ Гринченко, II 162.

²⁾ Леонасьевъ, Рус. н. ск. III 383.

Мужикъ вырѣзая отверстія для рукъ и головы и получилъ за то 300 р. Наконецъ, слѣдуетъ послѣдній—третій мотивъ въ разбираемомъ вариантѣ, подробно изложенный, встрѣчающійся въ Малороссіи, Великороссіи и въ западной Европѣ чаще въ видѣ самостоятельной сказки, большею частью подъ заглавіемъ: „солдаты съ того свѣта“. Мужикъ заходитъ въ одинъ домъ. Хозяйка подумала, что онъ съ того свѣта, разспрашиваетъ о своемъ умершемъ сынѣ и посылаетъ ему туда въ подарокъ цѣлый возъ провизіи. Когда мужъ этой женщины возвратился съ поля, то заподозрилъ странника въ лжи и погнался за нимъ. Послѣдній, услышавъ погоню, вырвалъ клочъ волосъ изъ хвоста лошади и повѣсилъ эти волосы на верхушкѣ березы, а самую лошадь и провизію спряталъ въ яру, а самъ сталъ у березы и началъ кричать: „Вотъ, вотъ ужъ выѣзжаетъ на небо на конѣ“. Мужъ оставившись, сталъ всматриваться въ небо по направленію болтавшихся на березѣ волосъ, а плутъ мужикъ взялъ вторую его лошадь, припрегъ къ первой и благополучно уѣхалъ. Онъ возвратился домой и нашелъ, что жена его засѣяла поле солью; но онъ ужъ на нее не сердился, зная, что на свѣтѣ есть еще болѣе глупые люди. Имя этого плута мужика Мацько¹⁾.

Къ великорусскимъ и малорусскимъ вариантамъ въ содержаніи и порядкѣ мотивовъ подходятъ сербскіе. Такъ, въ южнославянской сказкѣ дочь и затымъ ея мать плачутъ о смерти предполагаемаго ребенка. Отецъ уходитъ разыскивать больныхъ глупцовъ и встрѣчаетъ: 1) плотниковъ, которые тянули короткую балку, чтобы сдѣлать ее длиннѣй. Прохожій научаетъ, какъ прикрѣпить къ ней другую, и получаетъ, какъ и въ дальнѣйшихъ авантюрахъ, денежные награды, 2) людей, которые выстроили домъ безъ оконъ и носили въ него свѣтъ въ ящикѣ, 3) мужика, который съ дерева хотѣлъ выпрыгнуть въ штаны, не зная, какъ надѣть ихъ, 4) женщину, которая запустивъ руку въ банку съ солью, и, набравъ полную горсть, не могла вытащить сжатого кулака, и думала, что ее кто держитъ. Прохожій бьетъ по рукѣ; женщина разжимаетъ ладонь и вытаскиваетъ руку, 5) невѣсту, которая, при высокомъ ростѣ, не могла войти въ двери въ домъ мужа, а прохожій заставилъ ее лишь нагнуться, 6) двѣ женщины мыли бѣлье, и возлѣ нихъ бѣгаль поросенокъ. Прохожій сказалъ, что братъ поросенка женится и зоветъ его на свадьбу. Женщины повѣрили, отпустили поросенка и украсили его шелковымъ поясомъ и коралловымъ ожерельемъ. Мужья нагоняютъ обманщика; но онъ, посредствомъ хитрости, захватываетъ ихъ лошадей и благополучно возвращается домой²⁾.

Въ болгарской сказкѣ говорится, что въ одной избѣ свекровь и невѣстка пряли, а свекоръ работалъ на дворѣ. Невѣстка спросила у своей

¹⁾ *Ulanowska*, Zbiór Wiadom. do antrop. kraj VIII 299—303.

²⁾ *Krauss*, Sagen d. Südslav. II 247—249.

свекрови, какъ назвать ребенка; появленіе котораго въ свѣтъ она ждала. Свекровь посовѣтовала назвать его Петромъ. На вопросъ, гдѣ положить будущаго ребенка, послѣдовалъ отвѣтъ свекрови: „въ углу за печкой“. Въ этомъ мѣстѣ на стѣнѣ была полка, а на полкѣ лежало долото (скѣпаръ). „А если упадетъ на ребенка долото?“ спросила невестка. Свекровь сказала, что оно убьетъ ребенка. Тогда двѣ женщины стали горько оплакивать смерть нерожденного еще Петка. Свекоръ ушелъ изъ дома, въ негодованіи на глупыхъ женщинъ, и рѣшилъ возвратиться лишь тогда, когда найдетъ людей болѣе глупыхъ.

Старикъ встрѣтилъ людей, собиравшихъ орѣхи вилами. Онъ научилъ ихъ употреблять лопату:

Въ другомъ мѣстѣ свекоръ увидѣлъ, какъ люди тащили на гору осла, чтобы попасти его. Свекоръ научилъ ихъ косить:

Въ третьемъ селѣ свекоръ увидѣлъ, что невеста высокаго роста не можетъ войти въ низкія церковныя двери для вѣнчанія; одни совѣтовали подрубить ей ноги, другіе—голову. Старикъ ударомъ кулака въ шею заставилъ ее нагнуться, и все обошлось благополучно.

Далѣе, старикъ увидѣлъ, что теленокъ всадилъ голову въ боченокъ и не могъ ее вытащить. Селяне собирались отрубить теленку голову. Старикъ посовѣтовалъ рубить боченокъ.

Наконецъ, старикъ увидѣлъ, какъ одна баба нарядила свою свинью, чтобы отправить ее въ гости; онъ повелъ свинью и присвоилъ ее.

Свекоръ убѣдился, что глупыхъ людей много, и возвратился домой (*Шанкаревъ*, VIII № 54).

Въ другой болгарской сказкѣ вступительный эпизодъ о глупыхъ женщинахъ отличается своеобразнымъ характеромъ: Были двѣ ятровки, свекровь и свекоръ. Одна ятровь пошла въ сарай наточить вина, нагнувшись п...а и стала просить бывшаго въ сараѣ теленка, чтобы онъ не сказалъ свекру; пришла затѣмъ другая ятровь, потомъ свекровь и всѣ вмѣстѣ просили теленка: „немой, теленце, ... не кажви“. Свекоръ, наконецъ, самъ пошелъ въ сарай, не дождавшись вина, и, когда узналъ въ чемъ дѣло, разсердился и ушелъ изъ дому.

Изъ послѣдующихъ затѣмъ встрѣчъ—одна—встаскиваніе коровы на гору для попаса—повтореніе извѣстнаго мотива. Любопытнѣе слѣдующая подробность, повторяющаяся въ малорусскихъ сказкахъ: свекоръ увидѣлъ, какъ одна женщина посадила сына голымъ на грядкѣ (перекладина въ иабѣ для вѣшанія платья), разстала внизу штаны и приказывала ему прыгнуть въ штаны. Свекоръ указалъ, какъ слѣдуетъ надѣвать штаны (*Шанкаревъ*, VIII п. 55).

Въ имеритинской сказкѣ: въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ съ женою и тремя дочерьми. Они были очень бѣдны. Крестьянинъ цѣлые дни трудился, чтобы прокормить свою семью: у него былъ клочекъ пахатной земли, обрабатывать которую ему приходилось совершенно одному, потому что по бѣдности, онъ не могъ держать работника. Всё хозяйство бѣдной семьи заключалось въ лошади, которая помогала хозяину пахать землю, и въ коровѣ, молокомъ которой питалась семья. Лишь только наступало утро, крестьянинъ ужъ былъ на ногахъ; поспѣшно собравшись, онъ уѣзжалъ на цѣлый день въ поле. Тамъ какъ его полоса земли лежала довольно далеко отъ деревни, то крестьянину приходилось обѣдать въ полѣ, куда ему, по очереди, одна изъ дочерей приносила пищу. Однажды жена крестьянина, собираясь готовить обѣдъ,хватила воды, но ея не оказалось въ домѣ; тогда она велѣла своей старшей дочери сбѣгать съ кувшиномъ на рѣчку и принести воды. Прийдя къ рѣкѣ, уставшая дѣвушка присѣла у воды и взглянула на противоположный берегъ. Вдругъ ея вниманіе привлекло росшее тамъ большое дерево; взглянувъ на его вершину, дѣвушка подумала: „а что, если я выйду замужъ, и у меня родится сынъ, который вздумаетъ, играя, взлѣзть на это дерево,—вѣдь онъ навѣрное сорвется съ вершины и расшибется на смерть!“ И, вообразивъ себѣ, что всё это уже случилось, дѣвушка начала громко рыдать съ причитаніями, при этомъ схватила кувшинъ и, въ знакъ печали, разбила его въ дребезги. Мать долго поджидала посланную дочь, но потерявъ терпѣніе, крикнула средней дочери, чтобы она взяла другой кувшинъ и поскорѣе принесла воды. Вторая сестра, прибѣжавъ къ берегу рѣки, увидѣла свою старшую сестру въ горькихъ слезахъ.—„Милая сестра!“ воскликнула въ испугъ прибѣжавшая дѣвушка, „о чемъ ты плачешь, и почему разбить твой кувшинъ?“—„Какъ же мнѣ не плакать и не убиваться?! видишь это большое дерево, что растетъ на томъ берегу? представь же себѣ, что я вышла замужъ, и у меня родился сынъ, и вдругъ мой ребенокъ полѣзъ на это дерево, упалъ съ него и расшибся... Развѣ это не горько?“ Средняя сестра, выслушавъ старшую, тоже разбила свой кувшинъ и начала оплакивать смерть своего воображаемаго племянника. Не дождавшись посланныхъ дочерей, мать отправила младшую, съ приказаніемъ принести скорѣе воды и позвать сестеръ. Но и эта дочь не возвратилась домой: разузнавъ отъ сестеръ, что съ ними случилось, она заразилась ихъ печалью, тоже разбила свой кувшинъ и присоединилась къ ихъ плачу. Оставшись одна въ домѣ, мать никакъ не могла понять причины долгаго отсутствія всѣхъ трехъ дочерей. Пора уже было относить мужу въ поле обѣдъ, а у нея еще ничего не было готово. „Вѣрно съ ними приключилось какое-нибудь несчастье“, подумала женщина, „пойду посмотрю, что съ моими дочками, да заодно и захвачу сама поскорѣе воды“. И, взявъ

Ср. "Древняя Русь" перед с. 100

кувшинъ, она поспѣшила къ рѣкѣ. Найдя всѣхъ трехъ дочерей плачущими и причитающими, мать страшно испугалась.—„Что съ вами, мои милыя дочери, и отчего разбиты ваши кувшины?“ спросила она.—„Дорогая матушка!“ воскликнула старшая дочь, „какъ же мнѣ не плакать и не убиваться? разсуди сама: выйду я замужъ, у меня родится сынъ, и, когда онъ подрастетъ и полѣзаетъ на то дерево, что на томъ берегу, упадетъ и ушибется до смерти,—равнѣ можно спокойно перенести такое несчастье? Вѣдь и ты, матушка, будешь оплакивать своего внука“.—„Ахъ, горе мнѣ!“ крикнула старуха и, разбивъ свой кувшинъ, начала громче дочерей кричать и рвать на себѣ волосы. Вдоволь наплававшись, мать повела дочерей домой. Прийдя во дворъ, онѣ прежде всего закололи единственную свою корову и стали устраивать поминки, совершенно забывъ о крестьянинѣ, ожидавшемъ въ полѣ обѣда. Проработавъ цѣлый день, истомившійся и голодный крестьянинъ спѣшилъ домой, безпокоясь, не случилось ли чего въ семьѣ. Войдя въ домъ, онъ засталъ всю семью въ сборѣ, за поминальнымъ обѣдомъ. На его вопросъ, почему его оставили цѣлый день безъ пищи, жена и дочери наперерывъ стали рассказывать ему со слезами о своемъ воображаемомъ семейномъ горѣ. Крестьянинъ страшно разсердился и началъ всячески ругать дочерей и выжившую изъ ума старуху—жену.—„Вы всѣ такъ глупы, что я больше не хочу съ вами жить!“ закончилъ онъ свою ругань, „пойду бродить по свѣту: если встрѣчу кого-нибудь глупѣе васъ, тогда вернусь къ вамъ, а если такого человѣка не окажется, то больше вы меня не увидите.“ Съ этими словами крестьянинъ вышелъ на улицу и сердито хлопнулъ дверью. Долго онъ скитался по бѣлу свѣту, присматриваясь къ людямъ, но глупѣе своей жены и дочерей еще никого не встрѣтилъ, и сталъ уже подумывать, что, вѣрно, глупѣе ихъ никого и нѣтъ на свѣтѣ. Но вотъ разъ ему пришлось проходить по лѣсу, къ которому съ одной стороны примыкала бѣдная деревенька. Подходя къ деревнѣ, крестьянинъ услышалъ жалобный женскій плачъ и причитанія во дворѣ самаго крайняго дома. Онъ остановился за деревьями и сталъ слушать, что приговаривала плакавшая женщина. Изъ первыхъ же словъ крестьянинъ понялъ, что женщина оплакивала своего покойнаго мужа; она перечисляла всѣ его достоинства и тѣ оставшіяся отъ него вещи, которыя онъ любилъ. „И кто будетъ распоряжаться и владѣть твоимъ любимымъ серебрянымъ поясомъ, и золотыми часами, и новою чахою, и дорогимъ кинжаломъ, въ которомъ лежатъ пятьсотъ рублей?“ жалобно причитала вдова. Услышавъ эти слова, крестьянинъ подумалъ, что ему представляется удобный случай проверить еще разъ, есть ли на свѣтѣ люди глупѣе его жены и дочерей. Съ этой цѣлью онъ вошелъ во дворъ вдовы, поклонился ей и сказалъ: „Я пришелъ съ того свѣта; тамъ недавно я видѣлъ твоего мужа; онъ ве-

лѣлъ кланяться тебѣ и просить прислать ему всѣ оставшіяся имъ здѣсь богатства“. И крестьянинъ перечислялъ всѣ тѣ вещи, которыя называла вдова въ своемъ причитаніи.—„Эти богатства нужны твоему покойному мужу, чтобы выкупить себя съ того свѣта“ сказалъ онъ. „Если ты хочешь видѣть его живымъ, то собирай ихъ скорѣе и передай мнѣ, а я въ цѣлости отнесу ему“. Вдова очень обрадовалась и, собравъ всѣ драгоценности, отдала ихъ посланнику съ того свѣта, для передачи ея мужу, съ наказомъ, чтобы покойникъ возвращался скорѣе домой.—„Будь покойца, добрая женщина, ты скоро его увидишь!“ сказалъ хитрый крестьянинъ и, поклонившись, пошелъ по дорогѣ въ поле ¹⁾.

Интересны шотландскіе варианты, сказки о трехъ глупцахъ. Въ одной сказкѣ женщина увидѣла повѣшенное на потолокъ сѣдло съ пони и начала голосить, что сѣдло могло упасть, убить ее. Далѣе плачутъ мать ея и отецъ. Мужъ въ гнѣвѣ на ихъ глупость бросилъ ихъ и ушелъ. Въ чужой сторонѣ онъ встрѣтилъ еще большихъ глупцовъ. Онъ нашелъ мужичинъ, которыхъ жены обманывали, какъ угодно—одного, что онъ умеръ, другаго голаго, что онъ одѣтъ, третьяго—что то не онъ, а нѣкто другой. Далѣе встрѣчаются 12 рыбаковъ, которые никакъ не сосчитаютъ, сколько ихъ. Въ одномъ мѣстѣ глупцы топили въ морѣ угря, въ другомъ хозяинъ тащилъ на кровлю дома корову пастись, потому что тамъ показалась травка; въ третьемъ мужикъ велъ на базаръ корову, посадивъ ее на возъ, его приняли за вора, судили и присудили лошадь къ смертной казни за то, что она везла корову.

Въ другой шотландской сказкѣ молодой мужъ купилъ колыбель; но дѣтей у него не было. Однажды онъ что-то бросилъ въ пустую колыбель. Жена, его мать и теща расплакались отъ мысли, что онъ могъ убить возможнаго ребенка. Мужъ разсердился и оставилъ ихъ. Насторонѣ онъ встрѣчаетъ другихъ глупцовъ; но здѣсь вмѣсто обычныхъ мотивовъ глупости вставлена сказка на мотивъ объ Одиссѣѣ—Никто (въ кн. 9 „Одиссеи“). Мужъ называетъ себя „saw ye ever my like“ и обманутые имъ (привязаны были къ столамъ) повторяютъ это имя.

Въ англійскомъ вариантѣ первая часть тождественна съ малорусскими: молодая жена пошла въ погребъ за пивомъ, увидѣла здѣсь топоръ и стала оплакивать смерть возможнаго ребенка. Пиво все вытекло изъ бочки, когда она рыдала, а вмѣстѣ съ ней ея родители. Мужъ на сторонѣ встрѣтилъ женщину, встаскивающую корову на крышу дома, мужчину, который хотѣлъ впрыгнуть въ брюки и мужиковъ, которые выгребали мѣсяцъ изъ пруда ²⁾.

¹⁾ Сбурн. матер. для изуч. Кавк. XIX, 30.

²⁾ Clouston, 191—197.

Въ норвежской сказкѣ о трехъ дурняхъ—женѣ и ея родителяхъ—встрѣчается такая прибавка. Мужъ на чужой сторонѣ нашелъ трехъ болѣе глупыхъ женщинъ и возвратился домой. Дома поле оказалось вспаханнымъ и засеяннымъ. Жена сообщила, что она посѣяла соль. Но мужъ, при глупости другихъ, уже не волнуется, прощаетъ женѣ эту глупость и примиряется съ ней ¹⁾.

Много сказокъ на тему о трехъ глупцахъ бытуетъ въ Италіи съ незначительными измѣненіями по вариантамъ. Всѣ онѣ сходны съ русскими, въ особенности слѣд. венеціанская: женился молодой человѣкъ на дочери садовника. Однажды за обѣдомъ молодая женщина сама пошла въ погребъ принести вина. Въ то время, какъ она вынула изъ боченка чобъ, ей пришли въ голову такія печальныя мысли: родится у ней сынъ, назоветъ она его Бастіанелло и онъ умретъ. И начала она горько плакать, а вино все текло и текло. Приходятъ ея мать, потомъ свекоръ и тоже принялись плакать. Сынъ возмущился такой глупостью и сказалъ, что онъ тогда вернется домой, когда найдетъ болѣе глупыхъ людей. Съ кускомъ хлѣба и бутылкой вина въ торбѣ за плечами пошелъ онъ въ чужую сторону и здѣсь увидѣлъ человѣка, который черпалъ ситомъ воду изъ колодца, женщину, которая держала подъ деревомъ штаны, а мужъ хотѣлъ впрыгнуть въ нихъ съ вѣтви дерева. Послѣдній третій эпизодъ такой: крестьяне, по обыкновенію, хотѣли провести невѣсту по селу. Невѣста была высока, нанятая лошадь была велика, и она не могла пройти въ ворота. Вышелъ споръ: мужъ не хотѣлъ надрубивать голову новобрачной, а владѣлецъ коня не хотѣлъ надрубивать у него ноги. Нашъ странникъ къ всеобщему удовольствію спорный вопросъ рѣшилъ такимъ образомъ, что ударилъ невѣсту по затылку и, когда она нагнулась, хлыстнулъ лошадь, которая и прошла въ ворота. Послѣ этого онъ воротился домой, зажилъ любовно съ женой и вскорѣ родился у нихъ сынъ Бастіанелло, здравствующій и до сего дня ²⁾.

Остаиваясь на мотивѣ о плачущихъ глупцахъ, нужно отмѣтить: 1) въ поиски глупцовъ уходитъ сынъ, или мужъ, или свекоръ, и всѣ эти варіаціи совершенно случайныя и въ дѣлѣ закрѣпленія и развитія мотивовъ одинаково маловажны; 2) первая глупая женщина—плачущая дочь, молодая бездѣтная или дѣвушка, и плачетъ она въ однѣхъ сказкахъ безъ малѣйшаго повода, въ другихъ далеко расширяя значеніе простого привѣтствія или шутки парня рекрута; 3) глупцы болѣею частію безыменные; изрѣдка второй рядъ глупцовъ облекается общимъ собирательнымъ именемъ (литвинны, стеблевцы и пр.), и еще рѣже проскальзываетъ какое-нибудь собственное имя для глупцовъ первой категоріи (напр., Бастіанелло, бабуш-

¹⁾ Clouston, 211—212.

²⁾ Clouston, 197—200.

ка Гаргарушка, Дуня); 4) смерть ребенка предполагается чаще всего безъ объясненія причины, довольно часто (вар. великор., югославянскіе, италіанскіе) отъ паденія долота или другаго тяжелаго предмета въ колыбель, (малор., великор., шотл., итал., болгар., англ.), изрѣдка отъ паденія въ рѣку (великор.); 5) мысль о смерти ребенка приходитъ молодой женщинѣ дома или въ полѣ (имерет.), или въ погребу (болг., шотл., англ. и др.).

Своеобразную обработку представляетъ болгарскій вариантъ о женщинѣ, п...ей въ погребу при наливаніи вина и просившей теленка молчать о томъ.

Очевидно, всѣ эти мотивы въ отдѣльности маловажны, и въ развитіи сказки капитальное значеніе имѣетъ лишь основной мотивъ, что глупая семья плачетъ о предполагаемомъ горѣ. Въ мотивахъ нѣтъ ничего, что указывало бы на время происхожденія сказки и пути ея распространенія. Сказка развилась и распространялась подъ вліяніемъ прочно сложившейся семьи, съ установленіемъ прочной привязанности между матерью, дѣтьми и дѣдомъ. Пересматривая анекдоты, связанные съ глупцами второй категоріи, нужно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ обнаруживается вторженіе въ циклъ анекдотовъ о поискахъ глупцовъ анекдотовъ и повѣстей о томъ, какъ жены дурятъ мужей,—таковъ шотландскій вариантъ. Къ сказкамъ о глупыхъ народахъ и къ сказкамъ о плачущихъ глупцахъ примыкаетъ много отдѣльных бродячихъ мотивовъ, напр. нижеслѣдующіе:

IV.

Дурни носятъ свѣтъ въ корзинѣ, ящикѣ и пр. т. п.

Анекдотъ этотъ встрѣчается въ отдѣльныхъ пересказахъ, чаще въ составѣ сказокъ на тему кто глупѣе и принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ въ Россіи и въ западной Европѣ, въ видѣ общаго эпического выраженія глупости. Въ надлежащемъ мѣстѣ мы отмѣтили присутствіе этого анекдота въ сказкахъ великор., малор., серб. и др.

На популярность анекдота въ старое время въ Малороссіи указываетъ то, что имъ воспользовался Сковорода для философскихъ обобщеній.

Въ сочиненіи Г. С. Сковороды „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“ половины XVIII в. находится такая „басенька“: „Дѣдъ и баба сдѣлали себѣ хатку, да не прорубили ни одного окошка... Взяли мѣхъ, разинули его въ самый полдень передъ солнцемъ, чтобъ, набравъ будто борошна или воды внести въ хатку. Смотрятъ—ничего нѣтъ“... Стариковъ выручаетъ монахъ. По его совѣту, старикъ взялъ топоръ и прорубилъ стѣну съ такими словами: „свѣте веселый, свѣте жизненный, свѣте присносущный, посѣти и просвѣти и освѣти храмину мою“. Вдругъ отворилась стѣна, наполнилъ хра-

мину сладкій свѣтъ, и отъ того времени даже до сего дня начали въ той странѣ строить свѣтлыя горницы ¹⁾). Любопытно, что Сковорода говоритъ, что онъ еще младенцемъ выучилъ эту басенку, что указываетъ на популярность даннаго мотива въ началѣ XVIII в. въ Малороссіи. Любопытно также нравственное примѣненіе странствующаго литературнаго мотива, въ духѣ средневѣковой поучительной литературы.

Изъ западно-европейскихъ варіантовъ интересенъ, по обстоятельной разработкѣ, нѣмецкій въ приложеніи къ нѣмецкимъ пошехонцамъ—шилльбюргерамъ. Въ Германіи ходитъ много разсказовъ объ ихъ глупости. Первое изданіе анекдотовъ о шилльбюргерахъ относится къ концу XVI ст. (1597 г.). Въ числѣ анекдотовъ находится широко распространенный пошехонскій— о постройкѣ дома безъ оконъ. Шилльбюргеры такъ выстроили ратушу и, по совѣщаніи, пробовали нанести въ нее свѣту ведрами, мѣшками, ковшами и когда изъ этого ничего не вышло, то сняли крышу, и такъ постройка служила лѣтомъ, до зимнихъ дождей. Случайно одинъ изъ обывателей Шилды замѣтилъ, что свѣтъ проходитъ въ щелку въ стѣнѣ, и это обстоятельство навело ихъ на мысль прорубить окна ²⁾).

Извѣстна весьма сходная исландская сказка о трехъ братьяхъ изъ Бакки. Они сообразили, что домъ безъ оконъ долженъ быть зимой теплѣе и выстроили таковой, а чтобы не было въ немъ темно въ теченіе яснаго лѣтняго дня таскали въ него въ разныхъ сосудахъ свѣтъ ³⁾).

V.

Глупцы пытаются извлечь мѣсяцъ изъ рѣки или колодца.

Анекдотъ о глупцахъ и отраженіи луны въ колодцѣ хорошо извѣстенъ въ Европѣ и Азіи. Онъ часто встрѣчается въ турецкихъ сказкахъ о Насръ-эдинѣ ходжѣ. Увидѣвъ въ колодцѣ луну, Насръ-эдинъ досталъ веревку, чтобы вытащить луну. Навязывая съ усиленіемъ крючекъ, онъ упалъ на спину, увидѣлъ луну на небѣ, и обрадовался, что она возвратилась на старое мѣсто ⁴⁾).

Въ другой турецкой сказкѣ о гальбунцахъ (пошехонцы) мѣсяцъ скрылся за тучей и глупые жители Гальбуна подумали, что сосѣди украли у нихъ мѣсяцъ и предприняли противъ нихъ походъ. Вскорѣ мѣсяцъ вышелъ изъ за тучи, и гальбуны подумали, что сосѣди выпустили его отъ страха ⁵⁾).

¹⁾ Сковорода, сочиненія, Харьковъ, 1894 стр. 90.

²⁾ Clouston, 57.

³⁾ Clouston, 65.

⁴⁾ Clouston, 89—94.

⁵⁾ *Am Ur-Quell* 1891, 118.

Анекдотъ давній, встрѣчается въ древней индійской повѣствовательной литературѣ въ видѣ животной сказки въ приложеніи къ слону.

Въ Кадилѣ и Димнѣ хитрый заяцъ Файрусь отпрапляется съ царемъ слоновъ къ водяному источнику. Въ водѣ отражалась луна. Файрусь посоветовалъ слону умыться и поклониться лунѣ. Когда отъ движенія хобота заволновалась вода, и на ней задрожала луна, слонъ подумалъ, что луна сердится ¹⁾.

И въ новое время на Востокѣ анекдотъ о глупцахъ и лунѣ очень популяренъ. На Цейлонѣ разсказываютъ о мѣстныхъ пошехонцахъ, что они въ яркую лунную ночь бросали въ мѣсяцъ камни, предполагая, что онъ слишкомъ приблизился къ нимъ ²⁾.

Анекдотъ о глупцахъ и лунѣ изавна циркулируетъ въ передней Азіи и въ Европѣ. Такъ, онъ встрѣчается въ Англіи въ приложеніи къ мѣстнымъ пошехонцамъ—готемитамъ: селянинъ поздно вечеромъ пришелъ домой и увидѣлъ во дворѣ въ колодцѣ отраженіе луны; принявъ луну за зеленый сыръ, онъ позвалъ сосѣдей и они долго черпали воду, пока не нашло облако. Въ сходной индійской сказкѣ глупецъ видитъ въ прудѣ отраженіе золотого гребня птицы на деревѣ, входитъ въ прудъ и старается достать золото. Испанскій писатель Людовикъ Вивесъ говоритъ, что жители одного города замѣтили, что луна зашла за облако, когда осель пилъ воду, подумали, что онъ проглотилъ луну, посадили его въ тюрьму, потомъ собрались на совѣтъ и рѣшили убить осла и вынуть изъ него луну. Древнѣйшій вариантъ у Герокла. Встрѣчается онъ далѣе въ *Disciplina Clericalis* Петра Альфонса (нач. XII в.) въ формѣ животной сказки (лисица спускаетъ волка въ колодець за сыромъ—мѣсяцемъ). Эта басня встрѣчается въ Талмудѣ V в., въ старинной англійской лубочной книгѣ *The sacke Full of Newes*, у Рабле ³⁾. Въ новое время въ Германіи о мѣстныхъ пошехонцахъ бюзумахъ говорятъ, что они, увидѣвъ отраженіе луны въ колодцѣ, подумали, что мѣсяцъ туда упалъ и стали спускаться, чтобы его вытащить, причемъ одинъ взялся за перекладину на колодцѣ, и другіе брались за ноги, пока не сорвались и не упали въ колодець ⁴⁾.

Возникновеніе анекдота можно объяснять и независимо отъ литературнаго заимствованія, изъ психологической основы; но, повидимому, на первое мѣсто нужно выдвинуть литературное вліяніе при рѣшеніи вопросовъ о

¹⁾ *Калила и Димна* въ пер. Аннман 137.

²⁾ *Clouston*, 67.

³⁾ *Am Ur-Quell* 1890, 170.

⁴⁾ *Clouston*, 44, 45, 5.

распространеніи анекдота о глупцахъ и лунѣ. Повидимому, индійская литература воздѣйствовала на арабскую, еврейскую, а семитическая на западно-европейскую черезъ Талмудъ, Петра Альфонса и др. Къ славянскимъ сказаніямъ о глупцахъ анекдотъ о лунѣ не привился.

VI.

Встакиваніе коровы, вола или осла на домъ или церковную колокольню.

Въ отдѣльномъ видѣ этотъ анекдотъ, повидимому, не существуетъ, что указываетъ на его служебное значеніе въ циклѣ сказокъ о глупцахъ; но за то онъ составляетъ самое обычное мѣсто въ сказкахъ о поискахъ глупцовъ на тему, кто глупѣе? Встрѣчается онъ въ великор., малор., бѣлор., болгар., шотл., англ. и др., какъ видно изъ приведенныхъ нами въ надлежащемъ мѣстѣ вариантовъ сказки о плачущихъ глупцахъ.

Анекдотъ о томъ, какъ глупцы тащили корову черезъ ворота распространенъ въ Англіи. Англійскіе пошехонцы (*carles of Austwick*) въ числѣ 9 человекъ хотѣли перетащить корову во дворъ черезъ ворота, и когда не могли этого сдѣлать, послали одного товарища въ село за подмогой. Посланный прошелъ въ ворота, и тогда только они догадались, что корова можетъ пройти въ ворота ¹⁾.

Во французской сказкѣ глупцы изъ Рюо тащатъ веревкой корову на церковную колокольню, чтобы она тамъ попаслась. Увидѣвъ, что корова, задавленная веревкой, высунула языкъ, они сочли ее жадной ²⁾.

VII.

Посѣвъ соли.

Посѣвъ соли встрѣчается во многихъ сказкахъ, какъ вводный мотивъ: въ болгарской три брата стеблевцы посѣяли соль, и когда стерегли посѣвъ, то одинъ братъ убиваетъ другого ³⁾; въ норвежской сказкѣ глупая жена засѣваетъ поле солью; мужъ, встрѣтивъ еще большихъ глупцовъ, примиряется съ этимъ глупымъ поступкомъ жены ⁴⁾.

Своеобразнѣ слѣд. малорусскій вариантъ: одному лытвынови чоловікь давъ грудочку соли. Винъ наварывъ соби борщу и поклыкавъ лытвынивъ

¹⁾ *Clouston*, 54.

²⁾ *Sauvé*, *Le Folklore de H. Vosgues*, 69, 251.

³⁾ *Шанкаревъ*, VII № 17.

⁴⁾ *Clouston*, 211—212.

богато. Воны якъ попробовали того борщу, а винъ такой добрый! Воны тоди пишли до того чоловика, купылы у ёго соли, выорали коло лиса поле и посіялы силь. Це було въ осени. Отъ, якъ прыйшла зима, снижокъ прытрусывъ землю, а медвидъ выйшовъ изъ лису и походывъ по тому полю, де була посіяна силь. Отъ лывыны на другой день прыйшли, дывляцца—слидъ, та й кажуть: „силь зійшла, та въ лисъ пишла, ходимъ, будемъ шукать“! Ну, воны и пишли по тому слиду. Отъ дойшли воны по слиду ажъ до берлогы 1).

VIII.

Варка каши въ рѣкѣ.

Въ англійской сказкѣ глупцы увидѣли въ рѣкѣ водоворотъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: смотрите, какъ кипитъ вода, а другой замѣтилъ, что будь подъ руками много овсяной муки, можно было бы приготовить похлебку на всю деревню. Они наносили много муки и бросили въ водоворотъ. Но какъ узнать, когда похлебка будетъ готова? Одинъ изъ нихъ рѣшился броситься въ рѣку, чтобы попробовать, и утонулъ. Товарищи подумали, что онъ увлекся похлебкой, попрыгали одинъ за другимъ и утонули 2).

IX.

Глупцы принимаютъ свинью за дочь, крестятъ поросятъ, отпускаютъ поросенка къ его братцу на свадьбу.

Анекдоты этого разряда весьма распространены, весьма популярны и обработаны хорошо въ литературномъ смыслѣ. Большею частію они входятъ въ сказки о поискахъ глупцовъ. Выше уже были нами отмѣчены характерныя сказки этого рода малорусская, галицкорусская, сербская и болгарская.

X.

Глупцы пытаются вытянуть короткое бревно.

Анекдотъ о глупцахъ, вытягивающихъ короткое бревно, встрѣчается обыкновенно въ сказкахъ о поискахъ дураковъ, часто въ разсказахъ о пошехонцахъ, стеблевцахъ и т. д. Выше были отмѣчены сказки этого рода великор., малор., болг.

1) *Астробовъ*, Матер. 186.

2) *Clouston*, 43.

XI.

Глупая женщина не догадывается, что при входѣ въ низкую дверь нужно нагибаться.

Въ надлежащемъ мѣстѣ, при обзорѣ сказокъ о поискахъ глупцовъ на тему кто глупѣе, мы привели нѣсколько характерныхъ анекдотовъ этого рода: сербскій, болгарскій, итальянскій—все о высокой глупой невѣстѣ. Повидимому, между этими анекдотами существуетъ связь по прямому литературному заимствованію.

XII.

Глупецъ хочетъ выпрыгнуть въ штаны.

Анекдотъ вполне интернаціональный, встрѣчается въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ, чаще всего въ сказкахъ о поискахъ глупцовъ. Выше были указаны варианты сербскій о глупомъ мужикѣ, болгарскій о глупой матери, англійскій о мужикѣ, итальянскій о глупыхъ мужѣ и женѣ.

XIII.

Глупцы не знаютъ, какъ вынуть сжатый кулакъ изъ узкаго кувшина.

Анекдотъ весьма распространенный въ западной Европѣ и у южныхъ славянъ. Выше была указана нами сказка сербская.

У анатолійскихъ турокъ ходитъ рассказъ объ обывателяхъ Гальбуна вблизи Дамаска, что мальчикъ запустилъ руку въ кувшинъ и не могъ ее вытащить; мудрый мѣстный судья постановилъ отрѣзать руку; не догадались разбить кувшинъ ¹⁾.

XIV.

Глупцы принимаютъ серпъ за звѣря.

Анекдотъ о серпѣ-звѣрѣ встрѣчается чаще всего въ составѣ сказокъ о поискахъ глупцовъ. Выше былъ уже приведенъ нами характерный малорусскій вариантъ.

Въ великорусской сказкѣ изъ Тамбовской губ. мужикъ хотѣлъ утопить серпъ, и одинъ изъ нихъ пробуетъ переплыть на кругломъ бревнѣ рѣку. Бревно перевернулось, и мужикъ, заранѣе связавшій себѣ ноги бичевой, очутился головой внизъ, а ногами вверхъ: „Эхъ, братъ, кричали ему съ берега, что-жъ ты онучи бережешь? Коли и намочишь, дома на печкѣ высушишь“ ²⁾.

¹⁾ *Am Ur-Quell*, 1891, 118.

²⁾ *Аванасьевъ*, Рус. н. ск. III 385.

Въ Германіи анекдотъ о серпѣ приурочивается къ обывателямъ многихъ мѣстностей, которые будто приняли его за звѣря, пожирающаго жито, не знали, какъ приступить къ нему, били палкой, и какъ серпъ, отскочивъ отъ удара палкой, попалъ мужику на шею и былъ причиной его смерти ¹⁾.

XV.

Глупцы топятъ угря.

Въ русскихъ анекдотахъ о пошехонцахъ встрѣчается, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ пошехонцы приняли угря за опаснаго звѣря и толпой понесли его и утопили въ прудѣ.

Издѣдка этотъ анекдотъ вставляется въ сказки о поискахъ глупцовъ.

Въ Германіи о мѣстныхъ пошехонцахъ—фокбекерахъ говорятъ, что они топили угря, предполагая, что онъ ѣстъ рыбы, и когда угорь сталъ въ водѣ извиваться, подумали, что онъ извивается отъ боли. Фокбекерцевъ даже дразнятъ Aalversüper. Этотъ анекдотъ относятъ и къ обывателямъ Моля ²⁾.

Въ шотландской сказкѣ повторяется мотивъ о топленіи угря ³⁾.

XVI.

Баба бьетъ квочку за то, что она не кормитъ цыплятъ грудью.

Анекдотъ—служебный, въ самостоятельномъ видѣ не встрѣчается, часто входитъ въ сказки о поискахъ глупцовъ, встрѣчается, какъ уже было отмѣчено нами, въ великорусскихъ и малорусскихъ сказкахъ и, кажется, неизвѣстенъ западно-европейскимъ, если не ошибаюсь, а ошибиться тутъ чрезвычайно легко.

XVII.

Скатываніе съ горы мельничнаго камня.

Съ именемъ германскихъ шильдбюргеровъ связанъ остроумный и довольно хорошо разработанный мотивъ о мельничномъ жерновѣ. Строили шильдбюргеры мельницу. На горѣ они нашли камень, обработали его и съ большимъ трудомъ стащили внизъ, и тутъ то одинъ изъ работниковъ замѣтилъ, что камень могъ бы скатиться и безъ ихъ усилій. Шильдбюргеры

¹⁾ *Am Ur-Quell* 1891, 170.

²⁾ *Am Ur-Quell* 1891, 17.

³⁾ *Clouston*, 191.

согласились и съ большимъ трудомъ встали на камень на гору на прежнее мѣсто, чтобы оттуда его пустить. Имъ пришло въ голову раздумье: а кто скажетъ имъ, гдѣ упалъ камень и какъ далеко онъ уйдетъ? Чтобы не оставлять его безъ надзора, одинъ изъ работниковъ вставилъ голову въ среднее отверстіе жернова. У подошвы горы былъ глубокій прудъ. Туда и упалъ камень, а вмѣстѣ съ нимъ и глупецъ, и послѣдній былъ придавленъ всей тяжестью камня. Шильдбургеры не нашли камня внизу, подумали, что товарищъ похитилъ его и объявили по сосѣднимъ селамъ, что если кто встрѣтитъ человѣка съ камнемъ на плечахъ, то считалъ бы такового за похитителя общественной собственности и привлекъ его къ суду ¹⁾.

Анекдотъ прилагается въ Германіи къ бюзумцамъ ²⁾; въ Россіи встрѣчается въ безыменныхъ сказкахъ о глупцахъ, иногда съ искусственнымъ національнымъ приуроченіемъ.

XVIII.

Глупецъ ѣсть: а) солому, б) хрѣнъ, в) лягушку, г) котятъ.

Мотивъ: глупецъ ѣсть солому—рѣдокъ. Въ самостоятельной обработкѣ мнѣ этотъ мотивъ не встрѣчался. Судя по извѣстнымъ вариантамъ, онъ имѣетъ служебное значеніе, т. е. вставляется въ другія сказки и въ другіе анекдоты. Въ малорусской сказкѣ изъ Екатеринодара цыганъ работаетъ въ монастырѣ и, не получая пищи, жуетъ солому ³⁾. Изъ дальнѣйшихъ авантюръ цыгана въ монастырѣ обнаруживается его глупость.

Во французской сказкѣ о жителяхъ Бреса говорится, какъ попъ, поспоривъ на пари, заставилъ своихъ прихожанъ ѣсть сѣно. Онъ сказалъ, что папа прислалъ вязанку сѣна, скошеннаго на Голгофѣ, и кто будетъ его ѣсть, тотъ получитъ прощеніе грѣховъ, и народъ толпой повалилъ ѣсть сѣно ⁴⁾.

Повидимому, анекдоты о глупцѣ, поѣдающемъ траву, популярны во Франціи и варьируются на разные лады въ разныхъ департаментахъ. Такъ, въ сказкѣ изъ Верхней-Бретани объ Иванѣ Умномъ и Иванѣ Глупомъ—эти Иваны братья. Глупый, услышавъ крикъ жабъ, отдаетъ имъ свой хлѣбъ. Умный Иванъ предлагаетъ брату ѣсть копну соломы съ одной, а онъ будетъ ѣсть съ другой—и незамѣтно съѣдаетъ свой запасъ хлѣба. Заходятъ въ хуторъ. Хитрый Иванъ говоритъ брату, чтобы онъ не обнаруживалъ обжорства, и что онъ, удерживая его отъ увлеченія, придавитъ ему ногу подъ столомъ. На хуторѣ братьямъ дали поѣсть; но младшій не

¹⁾ Clouston, 59—60.

²⁾ *Am Ur-Quell*, 1890, 170.

³⁾ *Дикаревъ*, Черном. казки, 22.

⁴⁾ *Sauvé*, *Le Folklore des Nantaises*, 251.

ѣлъ—кошка ступила ему на ногу, и онъ принялъ это за предостереженіе. Ночью пробирается, по совѣту брата, въ столовую и доѣдаетъ супъ, но на обратномъ пути попадаетъ въ дѣвичью, и одна изъ дѣвицъ, проснувшись, думаетъ, что съ нею произошелъ грѣхъ. Конецъ сказки фривольный, что выразилось въ образномъ описаніи, какъ спала дѣвица ¹⁾).

Въ Харьковской губ. записанъ слѣд. анекдотъ: Два москали вывезли гречку на базаръ. А тоди на гречку добра цина була. Отъ вони ради, шо дорого попродады и схотилы поласувать. Думалы, думалы, шождъ його купыть? и надумалы купыты сахарю. Отъ прыходють у бокалю и кажуть, шобъ имъ дали сахарю на дви копійки. А сахаръ тоди дорогой бувъ. Купецъ давъ трошки сахарю, такъ вони кажуть: „мало“; такъ купецъ подыввися на йихъ та й давъ ймъ свичку лойову. Ну, вони ради, шо бильше давъ, и не йидять заразы, а зоставылы надали, шобъ йидучи ласувать. Отъ справылыся и пойихалы. Якъ выйихалы вже зъ города, заходылыся йисты тую свичку. Одынъ укусьмъ и жуе, а другой пытае: „а што, братъ, ловко?“ „Ловко то, братъ, ловко, да въ серединѣ веревка“. А той тоди: „Ишь ты, —вездѣ, братъ, абманство“ ²⁾).

На сходномъ народномъ анекдотѣ построена малорусская поговорка про Пархимово сніданье и литературная ея обработка въ повѣсти Г. Э. Квитки „Пархимово сніданье“. Здѣсь хитрая жена заставляетъ сначала мужа покупать ей разныя сласти. Наконецъ и мужъ рѣшаетъ повеселиться, получаетъ отъ жены три копѣйки, идетъ на базаръ, и сначала предлагаетъ копѣйку сластенницѣ за кучу сластенъ (печеніе на маслѣ), но она не уступаетъ. „Винъ вже и гречаныки и горохвяныки, и млынцы, и буханцы, и пирижкы торгувавъ, кыдався и на мочени кислицы, и на медяныкы“, такъ вездѣ ему на копѣйку или на три копѣйки давали слишкомъ мало. И вотъ онъ на эти деньги накопилъ кучу хрѣну, и, предполагая въ немъ лакомство, съ жадностью грызетъ корешки, потѣтъ, а грызетъ, приговаривая въ концѣ съ досады: „бачили чортовы очи, що покупалы“ ³⁾).

Любопытно, что съ этой повѣстью весьма сходна одна индусская сказка изъ Камаона: Глупый сынъ получаетъ отъ матери три мелкихъ монеты: на одну монету онъ спитъ съ публичной женщиной; недовольная такой платой, она бьетъ дурня; на другую и третью заказываетъ приготовить большія количества бетеля и сластей. Торговцы потомъ бьютъ дурня и снимають съ него одежду ⁴⁾).

1) *Sebillot*, Contes pop. de la H. Bretagne, 232.

2) *Гринченко*, II стр. 217.

3) *Квитка*, Сочин. II 151—159.

4) *Минаевъ*, Инд. ск. 15.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ глупецъ съѣдаетъ лягушку.

Въ Городницкомъ у. записанъ такой анекдотъ о литвинѣ:—„Цимохъ! Ходи рака перебить!—гукавъ одинъ литвинъ другого, пѣймаины жабу.—Идзѣ ты взявъ?—Йонъ самъ прыпласавъ.—Ето жъ не ракъ, ето ляга!—Ужо-жъ осталась одна нога“¹⁾).

Почти тожественный анекдотъ циркулируетъ въ сѣверной Германіи²⁾.

Въ армянской сказкѣ про мѣстныхъ пошехонцевъ—керкенджцевъ одинъ житель г. Керкенджъ накупилъ кебаба и сталъ его ѣсть на дорогѣ надъ рѣкой. Одинъ кебабъ упалъ въ воду; керкенджецъ долго искалъ его въ тинѣ, поймалъ лягушку и, принявъ ее за кебабъ, съѣлъ³⁾.

Еще болѣе распространенъ мотивъ, какъ глупецъ поѣдаетъ на печкѣ котятъ, предполагая, что ѣстъ вареники. Этотъ мотивъ часто встрѣчается въ русскихъ сказкахъ про глупаго мужа или глупаго сына, затѣмъ въ сказкахъ польскихъ, французскихъ и др. Съ наибольшей полнотой этотъ мотивъ развитъ въ малорусскомъ вариантѣ изъ Валковскаго уѣзда Харьк. губ. Здѣсь глупый мужъ, съѣвъ котенятъ, принимается и за кошку, и когда кошка вырвалась и убѣжала. то глупецъ сожалеетъ, что самый большой вареникъ утѣкъ⁴⁾.

XIX.

Ошибки въ счетѣ.

Въ Харьковскомъ у. записанъ такой анекдотъ: Це якъ чоловікъ вивци личивъ. Увійшовъ у хлівъ та почавъ:—Ну, це баранъ, геть його! Одна вивця, друга вивця, третя, четверта... а п'ятої нема!... Жинко!—каже--було въ насъ п'ятеро овець, а теперъ тильки чотыри...—Та шо ты кажешъ?—Та отъ хочь сама подивись! Пишла й вона.—Ну, оце-жъ баранъ,—и геть його! А теперъ вивци: одна, друга, третя, четверта, а п'ятої и нема!...—Та якъ же ты лычышь?—Та ось-же: це жъ баранъ,—його геть! А теперъ вивци... То винъ забува. значить, про барана та й не щита його,—ну, въ його й виходить чотыри замість п'яти⁵⁾.

Въ вариантѣ изъ Валковскаго у. мужикъ, пересчитывая 6 волонъ, начинается такъ: „оце рябий, оце разъ, оце два“ и т. д. и никакъ не досчитается 6-го⁶⁾.

¹⁾ *Гринченко*, I № 137.

²⁾ *Am Ur-Quell* 1891, 170.

³⁾ *Сборн. матер. для изуч. Кавк.* VII 129.

⁴⁾ *Манжура*, стр. 78.

⁵⁾ *Гринченко*, 230.

⁶⁾ *Манжура*, 103.

Г. О. Квитка ввелъ сходный анекдотъ въ „Конотопську видьму“ (1833 г.); но здѣсь анекдотъ построенъ на историко-бытовой почвѣ старинной формы счета по палкѣ съ зарубками. Писарь ошибается въ счетѣ, пропускаетъ одного казака, потому что переломилъ палку на зарубкѣ, а не потому, что забывалъ себя. Здѣсь глуповатымъ выступаетъ не писарь, а самъ панъ сотникъ. Во всякомъ случаѣ и этотъ анекдотъ примыкаетъ къ анекдотамъ о глупости.

Въ Германіи ходитъ анекдотъ о мѣстныхъ пошехонцахъ, бюзумцахъ, что они, скупавшись и вышедши изъ рѣки, никакъ не могли сосчитать, сколько ихъ и горевали, что одинъ изъ нихъ утонулъ ¹⁾).

Уже въ XVI в. въ числѣ англійскихъ анекдотовъ о готемитахъ циркулировалъ слѣдующій: Возвращалось 12 готемитовъ съ рыбной ловли, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что ловля была удачная и всѣ благополучны. „А ну сосчитаемъ всѣ ли мы благополучно возвращаемся“, сказалъ кто-то изъ нихъ, и принялись за счетъ, и сколько они не считали, все выходило 11, потому что считавшій всегда пропускалъ себя. Они рѣшили, что одинъ изъ нихъ потерялся или утонулъ, возвратились къ рѣкѣ, осмотрѣли мѣста рыбной ловли и плакали по погибшемъ товарищѣ. Въ это время мимо нихъ проѣзжалъ одинъ царедворецъ. Узнавъ отъ нихъ о причинѣ ихъ горя, онъ сказалъ, что найдетъ 12-го ихъ товарища, если они заплатятъ ему. Получивъ деньги, онъ вызывалъ ихъ по одиночкѣ и каждому давалъ по спинѣ хорошій ударъ плетью, такъ что бѣднякъ вскрикивалъ отъ боли. Такъ онъ сосчиталъ громко 11 и наконецъ 12-му далъ хорошую затрепщину. Готемиты были очень благодарны за нахождение ихъ товарища. Клоустонъ, упомянувъ мимоходомъ о сходныхъ шотландской и исландской сказкахъ, передаетъ затѣмъ содержаніе одной близкой индійской сказки въ книгѣ прошлаго вѣка Goorgoо Paramartan. Учитель и его пять учениковъ, всѣ глупцы, собираясь перейти черезъ рѣку, рассказываютъ, каждый поочередно, какъ опасна эта рѣка, затѣмъ переходятъ, производятъ счетъ; одного не могутъ досчитать, пока не сосчиталъ ихъ ударами встрѣтившійся прохожій ²⁾).

Восточное происхожденіе анекдота отчасти подтверждается присутствіемъ его въ турецкомъ циклѣ анекдотовъ о Насръ-единѣ. Этому типичному дурню поручили отвести въ сосѣднюю деревню 20 ослевъ. Ослы разбѣгались, и когда Н. считалъ ихъ, сидя на ослѣ, то онъ все одного не досчитывалъ, а когда вставалъ, то выходило полное число. Онъ забывалъ присчитать того, который подъ нимъ ³⁾).

¹⁾ *Am Ur-Quell*, 1890, 170.

²⁾ *Clouston*, The book of noodles, 28—32.

³⁾ *Газо*, Шуты 157.

Покупка кота и пожаръ отъ него.

Вмѣсто анекдота о серпѣ-звѣрѣ иногда выдвигается анекдотъ о покупке глупцами кота, неумѣстныхъ опасеній и разореніи отъ кота. Покупка кота встрѣчается въ сказкахъ славянскихъ и нѣмецкихъ и обрисована такими сходными чертами, что естественно возникаетъ предположеніе о взаимномъ вліяніи. По нѣкоторому, правда, не особенно близкому сходству къ европейскимъ анекдотамъ о пожарѣ отъ кота примыкаютъ индійскіе о пожарѣ отъ барана.

Въ Болгаріи существуетъ много разсказовъ о глупыхъ людяхъ вообще и о глупости стеблевцевъ въ частности. Въ одномъ разсказѣ изъ Софійскаго округа основной мотивъ выраженъ уже въ самомъ заглавіи разсказа: „Развѣждане на домашната котка“: Въ селѣ было много мышей, и люди защищались палками. Прохожій сказалъ, что онъ можетъ принести такого звѣря, который давитъ мышей и принесъ кошку. Селяне купили кошку, насыпавъ за нее мужику молную шапку денегъ. Мужикъ поспѣшилъ домой. Глупые селяне послали спросить мужика, что ѣсть этотъ звѣрь. Мужикъ сказалъ: хлѣбъ и мясо. Посланные по ошибкѣ сказали: „хлѣбъ и насъ“. Селяне рѣшили убить опаснаго звѣря, вооружились дрекольями и стали гоняться за кошкой, которая уходила отъ нихъ черезъ заборы, плетни и хаты. Кошка убѣжала въ лѣсъ, и селяне, собравшись въ лѣсу, не могли рѣшить, они ли это, или не они 1).

О шильдбюргерахъ издавна (въ изд. 1597 г.) ходитъ такой анекдотъ: Въ Шильдѣ не было кошекъ, и мыши такъ размножились, что бѣгали безбоязненно среди бѣлаго дня, все грызли, и шильдбюргеры даже опасались, что когда-нибудь будутъ ими съѣдены. Однажды въ гостинницу зашелъ путешественникъ съ котомъ. На вопросъ хозяина, что это за звѣрь, путешественникъ объяснилъ, что это котъ мышеловъ, и послѣдній тутъ же задавилъ нѣсколько мышей. Шильдбюргеры купили его за 100 флориновъ и половину этой суммы заплатили немедленно. Путешественникъ поспѣшилъ уйти, изъ опасенія, чтобы шильдбюргеры не одумались и не потребовали денегъ назадъ. Вдругъ шильдбюргеры вспомнили, что они забыли спросить, чѣмъ кормить кота, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ догонку за путешественникомъ. Послѣдній, завидѣвъ бѣгущаго сзади человѣка, подумалъ, что онъ хочетъ отнять деньги и прибавилъ шагу. Посланецъ не могъ догнать и издали закричалъ: „Чѣмъ кормить кота“? Путешественникъ отвѣтилъ:

1) *Сборн. за нар. умотв.* VII 135—137.

„What you please“ (что вы хотите). Шильдбюргеру слышалось „Men and beasts“ (людьми и животными). Из опасения, что котъ, поѣвши мышей, примется за домашній скотъ, а затѣмъ и за людей, обыватели Шильды рѣшили убить его; но такъ какъ никто не рѣшался подойти къ нему, то они зажгли общественный хлѣбный магазинъ, гдѣ находился котъ. Последний выпрыгнулъ въ окно и взобрался на крышу частнаго дома. Шильдбюргеры купили у хозяина этотъ домъ и зажгли огонь распространился и уничтожилъ все село. Одинъ шильдбюргеръ схватилъ длинную палку и ударилъ кота, сидѣвшаго на крышѣ и умывавшагося лапками. Котъ вспрыгнулъ на шесть и сталъ спускаться. Испуганные шильдбюргеры разбѣжались по сосѣднимъ лѣсамъ ¹⁾).

Къ анекдотамъ о пожарѣ, вызванномъ глупымъ поступкомъ, примыкаетъ слѣдующій распространенный повѣствовательный мотивъ: въ Панчатантрѣ находится разсказъ о томъ, какъ одинъ прожорливый баранъ поѣдалъ на царской кухнѣ запасы. Поваръ ударилъ его горящимъ полѣномъ; шерсть загорѣлась; баранъ бросился въ конюшни, которыя вскорѣ запылали. Въ персидской версіи Синдибада Наме (повѣсти о семи мудрецахъ) старуха въ гнѣвѣ бросила на козла, ударившаго ее рогами, огонь; козель съ горящею шерстью побѣжалъ въ сарай, гдѣ стояли слоны и пр. Подобная сказка записана въ новое время въ Индіи; здѣсь старуха, чтобы наказать кота, поѣдавшаго ея пищу, обвязываетъ его ватой и поджигаетъ; котъ вскочилъ на крышу дома, который немедленно загорѣлся, а за нимъ сгорѣла вся деревня ²⁾).

XXI.

Переправа черезъ рѣку.

Въ дѣтствѣ я слышалъ такіе анекдоты о глупости какихъ то москалей „галичанъ“: они не могли пронести бревна въ ворота, потому что несли его впоперекъ, выносили по ночамъ темноту изъ избы ведрами, купили у солдата ружье за рубль и каждый далъ по рублю и потомъ стрѣляли, держась за ружье. Въ особенности интересенъ слѣдующій анекдотъ: нѣсколько „галичанъ“ задумало переплыть черезъ рѣку верхомъ на бревнѣ. Всѣ они были въ лаптяхъ. Они сѣли на бревно и, чтобы не упасть, посвязывали себѣ ноги; бревно перевернулось, и всѣ мужики перевернулись головами внизъ въ воду, а ногами вверхъ. Стоявшіе на берегу тогда закричали: посмотрите, какъ наши-то лапотки сушатъ. Какъ ни своеобразенъ этотъ

¹⁾ Clouston, 61-64.

²⁾ Clouston, 65-67.

анекдотъ, сообщенный мнѣ въ дѣтствѣ матерью, личнаго вымысла въ немъ повидимому немного. Кое-что сходное обнаруживается въ слѣдующемъ латинскомъ анекдотѣ въ „Doctae nugae gaudantu jocosі etc. Бугелія 1713 г.: „Fabula quaedam fertur de quibusdam fatuis, qui cum una in ripa fluvii cujusdam consedisent, ac pedes quisque suos aliorum pedibus conjunctos in fluvium demisissent, cum surgendum esset, ignorare coeperunt, utri utrius pedes essent, donec transeuntis cujusdam baculo percussi, suos quisque pedes, sensu videlicet verberum admonitus, ad se traxissent“ (*Am Ur-Quell* 1893, 181), т. е. существуетъ рассказъ о глупцахъ, которые сидя надъ рѣкой связали себѣ ноги и опустили ихъ въ рѣку, а когда вынули ноги, то не знали, кому принадлежали тѣ или другія ноги и только ударами палки они опредѣлили свои ноги.

Вообще, существуетъ много анекдотовъ о томъ, какъ глупцы рѣку приняли за море, какъ они въ водоворотѣ варили кашу, какъ пробовали переплыть море въ бочкѣ. На популярность послѣдняго мотива въ Англіи указываетъ шутливая пѣсенка объ англійскихъ пошехонцахъ—готемитахъ:

Three man of Gotham
Went to sea in a bowl;
If the bowl had been stranger,
My tale had been longer ¹⁾.

XXII.

Одинъ топоръ на всю деревню.

Въ анекдотахъ значительную роль играетъ топоръ или ножъ. Въ англійскихъ сказкахъ о готемитахъ находится эпизодъ, какъ на всю деревню былъ одинъ топоръ, который висѣлъ всегда среди села на деревѣ, и если его не было на мѣстѣ, то нуждающійся кричалъ: „Ножичекъ, къ дереву!“ Чтобы скрыть его отъ плотниковъ, глупцы рѣшили закопать его на примѣтномъ мѣстѣ, и закопали подъ черной тучкой, а когда на другой день пришли, то тучка ушла, и мѣсто было потеряно ²⁾.

Анекдотъ этотъ встрѣчается въ Россіи въ приложеніи къ пошехонцамъ, будто они имѣли одинъ топоръ на всю деревню, а отсюда произошла поговорка—одинъ топоръ на всю деревню, прилагаемая въ разныхъ случаяхъ.

¹⁾ Clouston, The book of noodles, 122.

²⁾ Clouston, 53—54.

XXIII.

Анекдоты о большой капустѣ, большой гречкѣ и т. п.

Въ Сумскомъ у. записана такая сказка о дурисвитахъ: Якъ живѣ соби чоловікъ та жінка. Отъ вони нанялы работника, не дуже великого хлопця. А той работникъ та вмивъ дурыть людей. Той чоловікъ и каже:—Ты вмієшъ дурыть людей? Винъ каже:—Вмію.—Ну, ходимъ, и я вмію. Отъ вони дійшли до села, де бувъ ярмарокъ, а чоловікъ и каже:—Гляды жъ, хлопче, якъ будуть чоловіки выїздыть изъ села, та будуть пытать, изъ якого ты села, а ты кажы: изъ Грыгорода. А якъ пытатымуть, чы здорова тамъ капуста? а ты кажы: я не знаю, а мени маты казала, шо пидъ однимъ лыстомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ воза-мы. А якъ пытатымуть: чы здорова гречка?—а ты кажы: я не знаю, а маты казала, шо сорокъ буханцивъ изъ одныейи гречынки спыклы.—Ну, добре,—каже хлопець,—я такъ казатыму. Той чоловікъ пишовъ на ярмарокъ, прыйшовъ до капусты тай каже:—Оце тутъ така капуста? Той чоловікъ, шо продае, каже:—Така е!—А въ насъ така, якъ цилый городъ здорова—здорова! Той каже:—Ты брешешъ! Ни,—каже,—не брешу.—Ни, брешешъ!—Ни, не брешу!—Ну, давай у закладъ!—Давай! Отъ той чоловікъ пойихавъ изъ йимъ туды, де той казавъ, шо капуста така. Колы зо-стричае того хлопця та й пыта:—Де се есть така капуста, шо якъ цилый городъ? А той хлопець каже:—У нашому сели есть, та я тильки не знаю, а мини маты казала, шо пидъ однимъ капустнымъ лысткомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ воза-мы.—А зъ якого ты города?—Изъ Грыгорода. Чоловикъ той подумавъ:—Чого жъ и йихаты туды? и вернувся упъять у городъ и давъ тому чоловіковы грошей такъ якъ за правду. Отъ упъять той чоловікъ пидійшовъ туды, де продавали гречку.—Оце,—каже,—у васъ така гречка мала? А въ нашему сели, така здорова: одно зерно таке якъ добрый горщокъ та великій.—Брешешъ!—каже той чоловікъ.—Ни, не брешу.—Ну, давай у закладъ на гроши!—Ну, давай,—каже той, шо дурывъ. Узавъ коня той, шо зъ гречкою, та й пійшовъ у те село. Йиде, колы зо-стричае того хлопця та й каже:—Чы вы-лыка у васъ гречка? А той каже:—Я не знаю, а маты казала шо зъ од-ныейи гречынки сорокъ буханцивъ пекла.—А зъ якого ты города?—Изъ Грыгорода.—Ну,—думае чоловікъ,—такъ, якъ винъ казавъ! Й пойихавъ назадъ; прыйиздыть, дае тому чоловіку грошей такъ якъ за правду. Отъ той чоловікъ и хлопець надурылы грошей, подилылысь и тоди розій-шлысь... ¹⁾).

¹⁾ Гринченко, I № 174.

Въ вариантѣ изъ Александровскаго уѣзда „Якъ чоловікъ людей колысь дурывъ“ герой хлопецъ. Начало съ нисенитницы: „пльвъ млыновый камень, а на ему собака сидивъ та муку слызувавъ“. Между прочимъ мотивъ о кабанѣ, урывшемся въ тыкву и три дня здѣсь не розысканномъ. Хлопецъ забираетъ у пана коней ¹⁾).

XXIV.

Извлеченіе изъ собаки или мыши съѣденнаго ею.

Въ фацеціяхъ Гіерокла находится рассказъ о кумейцѣ, который, продавая медъ, на вопросъ покупателя, почему медъ плохъ, отвѣтилъ: „если бъ не упала въ него мышь, я и не продавалъ бы его“.

До нѣкоторой степени сходные анекдоты обращались въ старое время въ Англіи. Въ „Descriptio Norfolciensium“ XII в. находится такой анекдотъ: Одинъ обыватель Норфолька положилъ въ горшокъ меду; собака вскорѣ его поѣла. Хозяинъ заставилъ ее выблевать медъ, сложилъ его снова въ горшокъ и понесъ на базаръ. На замѣчаніе покупателя, что медъ очень грязенъ, продавецъ отвѣтилъ, что онъ помѣщался не въ особенно чистомъ сосудѣ. Въ одномъ англійскомъ сборникѣ анекдотовъ XVII в. приведенъ близкій вариантъ: Женщина извлекла такимъ образомъ изъ собаки масло и послала служанку, противъ ея воли, на базаръ продавать его („tis good enough for schollards“) ²⁾.

XXV.

О глупцѣ, устроившемъ сарай изъ зеленыхъ вѣтвей.

Въ великорусскомъ анекдотѣ братья дѣлятъ наслѣдство изъ коровъ. Старшій предлагаетъ сплести сарай, и въ какой сарай скотина пойдетъ, того она и будетъ. Согласились. Умные братья сплели изъ голаго хворосту, а дуракъ изъ зеленыхъ вѣтокъ. Скотина вся и пошла къ дураку. Братья отняли ее насильно ³⁾.

Есть тожественная польская сказка. Здѣсь только 2 брата, и глупый, получивъ скотину, ничего не даетъ богатому ⁴⁾.

XXVI.

Мертвое тѣло.

Сказки и анекдоты о мертвомъ тѣлѣ чрезвычайно распространены у рааныхъ народовъ Европы и Азіи, причѣмъ большею частью входятъ въ циклъ сказокъ о поискахъ глупцовъ.

¹⁾ Манжура, 81—82.

²⁾ Clouston, The book of noodles, 18.

³⁾ Адамасъ, Рус. н. ск. III 356.

⁴⁾ Ciszewsky, Krakowiacы, 209.

Въ многочисленныхъ великорусскихъ сказкахъ этого рода у вдовы три сына: два умныхъ, третій глупый. Послѣ ея смерти умные подѣлили имущество и не оставили, вопреки завѣщанію матери, ничего дураку. Тогда дуракъ встацилъ трупъ матери на чердакъ и сталъ кричать, что братья его убили мать; братья дали ему сто рублей и лошадь и выпроводили изъ дому. На дорогѣ дуракъ нарочито не сворачиваетъ передъ бариномъ; баринъ оборачиваетъ телѣгу съ мертвымъ тѣломъ; дурень кричитъ, что баринъ убилъ старуху, и баринъ откупается 300 рублями. Наконецъ, дуракъ ставитъ трупъ у попа въ погребу; попадья, предполагая, что женщина крадетъ у ней сметану, бьетъ трупъ палкой по головѣ; дуракъ кричитъ, что убили его матушку. Попъ заплатилъ 100 руб. и похоронилъ старуху.

Въ одномъ вариантѣ къ концу присоединенъ мотивъ объ убійствѣ женъ. Дурень сказалъ братьямъ, что продалъ трупъ матери, и жадные братья убиваютъ женъ и везутъ продавать ихъ трупы.

Въ другомъ вариантѣ глупый братъ идетъ сторожить горохъ и убиваетъ мать. На дорогѣ онъ беретъ 300 руб. съ чиновника.

Въ третьемъ вариантѣ два брата: умный и глупый. Умираетъ умный, и глупый сначала ставитъ его трупъ на возу съ бочкой меда и беретъ деньги съ извозчиковъ, потомъ сажаетъ на коня въ поповской конюшнѣ и беретъ деньги съ попа ¹⁾).

Въ великор. сказкѣ Самарской губ. два умныхъ брата поручаютъ третьему, глупому, выкопать яму и поймать лисицу. Дурень ловитъ и убиваетъ мать, везетъ ея трупъ, беретъ съ барина деньги, говоритъ братьямъ, что продалъ трупъ матери. Братья перебиваютъ своихъ женъ и везутъ ихъ продавать ²⁾).

Въ Самарской сказкѣ мужъ притворяется слѣпымъ, находитъ дома любовника жены, убиваетъ его и оттаскиваетъ трупъ къ дому попа, а потомъ говоритъ, что попъ убилъ, беретъ съ попа 100 руб. и спускаетъ трупъ въ рѣку ³⁾).

Въ сложной и запутанной малорусской сказкѣ „про дурня та богову дудку“ баба приходитъ къ дурню просить спичекъ; дурень убилъ ее, отнесъ въ другую хату и поставилъ подъ дежей, потомъ взбирается съ трупомъ на дерево, ровняетъ его на разбойниковъ, разгоняетъ ихъ и забираетъ деньги. Выкупа нѣтъ ⁴⁾).

¹⁾ *Аванасьевъ*, Рус. н. ск. III 355—359.

²⁾ *Садовниковъ*, стр. 127.

³⁾ *Садовниковъ*, стр. 162; вариантъ въ *Кропсада* I № 68.

⁴⁾ *Манжура*, 76.

Въ вариантѣ два брата: умный и глупый. Жена умнаго брата умерла и была похоронена. Глупый откопалъ трупъ и сначала положилъ его къ одному богачу въ хлѣбный амбаръ, потомъ къ другому въ свиной сажъ, будто кабаны его погрызли, въ третій разъ сажаетъ трупъ на лошадь и запугиваетъ попа. Послѣ этого дурень беретъ съ богача три пары воловъ и съ бранью бросаетъ трупъ въ яму 1).

Въ Галиціи записано нѣсколько сказокъ на эту тему. Одна носитъ выразительное заглавіе: „баба, четыре раза похороненная“. Въ другой мужъ представился глухимъ и слѣпымъ. Жена стала потчивать дьячка любовника варениками. Мужъ убилъ его и воткнулъ ему въ ротъ вареникъ. Жена подумала, что дьякъ подавился. Мужъ несетъ трупъ на пасѣку ксендза; ксендзъ стрѣляетъ, предполагаетъ, что убилъ вора и платитъ мужу, какъ единственному свидѣтелю, чтобы онъ молчалъ; потомъ мужъ кладетъ трупъ на току у пана; послѣдній стрѣляетъ и также платитъ мужу 2).

Въ литературной раскраскѣ мотивъ о мертвомъ тѣлѣ встрѣчается въ разсказѣ Стороженка „Дурень“ 3).

Этотъ грубый мотивъ выходитъ далеко за предѣлы русской народной словесности. Встрѣчается онъ въ сказкахъ польскихъ 4), сербскихъ, у вотяковъ, литовцевъ, нѣмцевъ, французовъ, у кавказскихъ инородцевъ и даже въ далекой Индіи 5).

Въ индійской сказкѣ братъ Бату уходитъ изъ дому звать и себѣ въ гости брахмановъ и поручаетъ брату Лату вымазать домъ коровьимъ навозомъ съ глиной, выкрасить порогъ и скамью и скупать мать. Глупый Лату вымазалъ домъ человѣческими испражненіями, скамью вымазалъ клеемъ и облилъ мать кипяткомъ. Бату исправилъ, что могъ, и послалъ Лату за женой, а Лату въ дорогѣ при переправѣ черезъ рѣку изрубилъ сноху, чтобы удобнѣе было перенести ее. Сказка обилуетъ грубыми чертами сожиганія труповъ и убійства 6).

Весьма возможно, что анекдотъ о мертвомъ тѣлѣ возникъ первоначально на азіатскомъ востокѣ. Распространеніе его литературнымъ путемъ въ Европѣ было сильно облегчено тѣмъ, что онъ укрѣпился въ средніе вѣка въ фабліо и въ новеллахъ.

1) *Ястребовъ*, 169.

2) *Kolberg*, *Pokuice* IV, №№ 69, 67.

3) *Основа*, 1862 VI 55.

4) *Chetchowski*, №№ 7, 14.

5) *Wrana*, *Вережатины* 163, *Сборн. матер. д. изуч. Кавк.* XIII 306, XVI 361, *Cosquin* № 805, *Минаевъ* 38, *Schleicher* 125 и др.

6) *Минаевъ*, *Инд. ск.* 38—42.

Прохожіи съ того свѣта. Втыканіе хвоста въ землю.

Въ Каменцѣ Подольскомъ въ 1847 г. записана сказка „Чоловикъ видѣ Богу“ слѣд. содержанія: стояла при дорогѣ корчма. Шинковали жида. Сюда зашелъ однажды челоуѣкъ „видѣ Богу“ (съ Побужья). Жидовка спросила, откуда онъ, и поняла его отвѣтъ „видѣ Богу“ въ томъ смыслѣ, что онъ идетъ отъ Бога, съ того свѣта. Жидовка стала спрашивать, что дѣлаетъ на томъ свѣтѣ ея отецъ. „Працую, якъ тоѣ чорный виль; обдерся зовсими, сорочины люцкои на нимъ нема“. Жидовка даетъ страннику для передачи отцу одежду и деньги. Мужъ жидовки гонится за странникомъ; странникъ говоритъ, что челоуѣкъ, бывшій у него въ домѣ, уже прошелъ и беретъ у жида лошадь, чтобы догнать его, а его заставляетъ подпирать яблоню, чтобы яблоки не падали. Долго стоялъ жидъ, пока сообразилъ, что странникъ обманулъ его. Возвратившись домой, онъ, чтобы скрыть отъ жены свою оплошность, сказалъ, что отдалъ своего коня для тестя, чтобы онъ на томъ свѣтѣ возилъ на немъ воду ¹⁾.

Въ малорусскомъ вариантѣ жидовка даетъ пьянчужкѣ нѣсколько разъ по осмушкѣ, и онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что видѣлъ, какъ въ аду на ея отцѣ возятъ лозу, а мать, голая и босая, пасетъ козъ. Жидовка даетъ одежду и коня. Мужъ ея догналъ пьянчужку. Онъ далъ ему поддержать коня, пока выломаетъ въ лѣсу палку, чтобы побить; пьяница на лошадь и укатилъ, а жидъ сказалъ своей женѣ, что отдалъ тестю и своего коня ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ анекдотъ о прохожемъ съ того свѣта сочетается съ анекдотомъ о высиживаніи жеребенка изъ тыквы. Такъ, въ малорусской сказкѣ послѣ анекдота о тыквѣ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о томъ, что жидовка спрашиваетъ прохожаго, какъ живутъ на томъ свѣтѣ ея отецъ и мать и посылаетъ имъ деньги и одежду. Мужъ догоняетъ. Прохожіи говоритъ, что онъ поддерживаетъ дерево, а пришлецъ съ того свѣта прошелъ, беретъ у жида лошадь догнать. Жидъ остался безъ лошади, и женѣ потомъ сказалъ, что и коня отдалъ ея родителямъ ³⁾.

Польская сказка о довѣрчивой жидовкѣ почти тождественна съ малорусской сказкой Шейковского. Прохожіи говоритъ, что идетъ „od Boga“. Жидовка думаетъ, что онъ идетъ съ того свѣта и спрашиваетъ о своихъ

¹⁾ Шейковский, Быть подольнянъ II 68—72.

²⁾ Чубинскій, II 577.

³⁾ Чубинскій, II 572.

родителяхъ. Хитрый мужикъ говорить, что отецъ ея вмѣсто коня возить дерево, а мать просить милостыню. Жидовка даетъ на тотъ свѣтъ 2 дуката, одежду, рубашки, юбку, муки. Мужъ догоняетъ прохожаго. Послѣдній говорить, что онъ подпираетъ грушевое дерево, чтобы оно не упало, а странникъ будто прошелъ. Мужъ берется держать дерево и просить мужика догнать странника на его лошади. Плутъ уходитъ, а мужъ потомъ говорить женѣ, что отдалъ коня для ея отца на тотъ свѣтъ 1).

Въ краткомъ польскомъ вариантѣ богатая пани оплакиваетъ покойнаго мужа. Мужикъ говорить, что онъ идетъ „z nieba“, что видѣлъ, какъ тамъ ея мужъ свиней пасетъ, и горестная вдова даетъ ему для передачи мужу сто рублей 2).

Въ имеретинской сказкѣ, начало которой о плачущихъ глупцахъ было уже приведено нами на своемъ мѣстѣ, къ мотиву о плачущихъ глупцахъ присоединенъ лишь одинъ мотивъ—о прохожемъ съ того свѣта. Плутъ подслушавъ плачъ и причитанія вдовы, выдалъ себя за прохожаго съ того свѣта, вдова повѣрила, собрала драгоценности и передала ихъ съ прохожимъ на тотъ свѣтъ. Деверь, придя домой, и увидѣвъ, что невестка его очень довольна, спросилъ ее о причинѣ радости. Счастливая вдова рассказала подробно деверю, что съ нею случилось, и какъ теперь она готовится къ встрѣчѣ своего умершаго мужа. Деверь, выслушавъ рассказъ невестки, сразу понялъ, что она одурачена какимъ-то мошенникомъ и, ни слова не говоря, осѣдлалъ коня и поскакалъ вслѣдъ за обманщикомъ. Обманщикъ же тѣмъ временемъ шелъ себѣ, не спѣша, по дорогѣ, довольный, что ему такъ легко удалось провести глупую женщину. Вдругъ, идя полемъ, онъ услышалъ вдали шумъ лошадиныхъ копытъ; догадавшись, что это вѣрно за нимъ погоня, онъ сталъ придумывать, гдѣ бы укрыться отъ бѣды. Неподалеку отъ него въ полѣ пахалъ мужикъ; крестьянинъ подошелъ къ пахарю и сказалъ: „Ты видишь по дорогѣ скачетъ посланный самого царя; онъ ищетъ плѣшивыхъ и, по царскому указу, рубить имъ головы“.—„Что же мнѣ дѣлать?“ спросилъ испуганный мужикъ, „вѣдь у меня и половины волосъ нѣтъ на головѣ!“—„Если хочешь спастись, то полѣзай скорѣе на дерево и сиди тамъ пока не проѣдетъ царскій посланецъ; а я за тебя буду пахать, кстати у меня нѣтъ плѣши“. Обрадованный мужикъ немедленно взлѣзъ на дерево, а хитрецъ—крестьянинъ принялся старательно пахать. Въ это время подѣхалъ деверь ограбленной вдовы и, увидѣвъ пахавшаго крестьянина, сталъ его спрашивать, не проходилъ-ли здѣсь какойнибудь человѣкъ.—„Какъ-же! недавно тутъ прошелъ какой-то крестьянинъ

1) *Ciszewski*, 275—278.

2) *Ciszewski*, 278.

и, слышавъ стукъ лошадиныхъ копытъ, спрятался вонъ за то дерево“, отвѣтилъ хитрецъ. Деверь вдовы соскочилъ съ лошади, подошелъ къ указанному дереву и сталъ требовать отъ сидѣвшаго на немъ пахаря, чтобы тотъ немедленно сошелъ на землю, угрожая, что иначе онъ его стащить силою. Но испуганный мужикъ началъ кричать, что было голосу, и биться головою о дерево, приговаривая:—„Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не сойду! я не намѣренъ отдать свою голову на отсѣченіе!“ Тогда родственникъ вдовы самъ полѣзъ на дерево, а тѣмъ временемъ крестьянинъ, обманувшій вдову, вскочилъ на оставленнаго коня и быстро помчался по дорогѣ, крикнувъ довѣрчивому преслѣдователю, что онъ-то и есть тотъ самый воръ, который ограбилъ глупую вдову, и посоветовалъ оставить въ покоѣ бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго, пахаря. Со стыдомъ вернулся домой деверь и на вопросъ невѣстки, гдѣ его конь, съ усмѣшкой отвѣтилъ, что конь посланъ ею мужу черезъ того же человѣка, которому она отдала вещи. Въ то время, какъ обокраденный деверь, по возвращеніи, тужилъ о своихъ убыткахъ, хитрый крестьянинъ весело везъ домой чужія богатства на чужомъ же добромъ конѣ, удивляясь людской глупости и довѣрчивости.—„Да, думалъ онъ, моя жена и дочери еще не такъ глупы, какъ я полагалъ,—есть люди и поглупѣе ихъ ¹⁾).

Западно-европейскіе варианты многочисленны и разнообразны. Они указаны у Коскена, у Кузмичевскаго (турец. анекдоты въ *Kiev. Стар. 1886 III 448*) и у Клоустона.

Въ весьма интересной римской сказкѣ прохожій заходитъ къ одной вдовѣ и просить дать ему что-нибудь на ужинъ. Вдова даетъ ему сковороду, два яйца и кусочекъ масла, чтобы онъ сварилъ яичницу. Прохожій незамѣтно стащилъ у нея еще 6 яицъ. Когда она увидѣла въ яичницѣ 6 яицъ она сказала: „О, да вы человѣкъ чудесный, должно быть съ того свѣта и не знаете ли вы такого-то“. Тутъ она назвала своего покойнаго мужа. Прохожій смекнулъ, что это глупая женщина. „О да—я его знаю; онъ живетъ недалеко отъ меня“—отвѣтилъ прохожій. „Вотъ какъ! А какъ живутъ на томъ свѣтѣ?“ — „Не особенно дурно, а инымъ живется совсѣмъ хорошо. Плохо тѣмъ, кому ѣсть нечего, напр. вашему мужу; онъ чуть не умираетъ съ голода“.—„Неужели? воскликнула вдова, мой мужъ, который здѣсь имѣлъ всегда такой хорошій обѣдъ! Не окажете ли вы мнѣ милость, не передадите ли вы ему кое-что отъ меня“. Вдова предлагаетъ прохожему переночевать, даже свою постель, но прохожій говоритъ, что онъ ляжетъ у печки и уйдетъ очень рано, чтобы злые языки не наплели чего про вдову. На разсвѣтѣ вдова нагрозила на осла разные съѣстные припасы—око-

¹⁾ *Сборн. матер. д. изуч. Кавказа, XIX, 30.*

роковъ, сыра, вина, макаронъ и дала его прохожему. Въ дорогѣ прохожій увидѣлъ, что вдова бѣжитъ за нимъ и что то кричитъ. Опасаясь, чтобы она не оказалась болѣе умной, онъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ и шель далѣе. Но вскорѣ онъ ясно разобралъ, что вдова спрашиваетъ, какія деньги въ ходу на томъ свѣтѣ. „Всякія!“ онъ отвѣтилъ. Тогда вдова закричала: „воротитесь, и будьте добры возьмите еще сто скуди для мужа“. Прохожій не заставилъ себя долго просить ¹⁾).

Въ норвежской и италіанской сказкахъ прохожій говоритъ женщинѣ, что онъ идетъ изъ рая. Женщина спрашиваетъ, какъ поживаетъ тамъ ея второй мужъ, который былъ очень добръ къ ней при жизни. Прохожій говоритъ, что живетъ онъ плохо, бѣдно, проситъ милостыню по дворамъ. Жена дала ему телѣгу съ одеждой и ящикъ денегъ. Прохожій не замедлилъ уѣхать. На дорогѣ его встрѣтилъ третій мужъ женщины и узналъ свою лошадь. Онъ поспѣшилъ домой распросить жену, и послѣдняя все откровенно ему рассказала. Мужъ соскочилъ на другую свою лошадь и погнался за странникомъ, чтобы отнять телѣгу и деньги. Странникъ, замѣтивъ погоню, спряталъ коня и телѣгу за большимъ заборомъ, вырвалъ изъ конскаго хвоста пукъ волосъ, повѣсилъ его на березѣ, легъ на землю и смотрѣлъ на небо. Когда къ нему подѣхалъ мужъ, онъ сказалъ: „Что за чудо! сейчасъ кто-то на черной лошади поѣхалъ на небо. Смотрите, вотъ и часть хвоста оборвалась“. Петръ — имя мужа — прилегъ на землю и тщательно всматривался въ ту часть неба, куда указывалъ странникъ, а послѣдній въ это время захватилъ и вторую его лошадь и былъ таковъ ²⁾).

Въ краткой французской сказкѣ изъ Лотарингіи, глупая жена подумала, что прохожій нищій изъ рая, дала ему для передачи сестрѣ разные предметы и лошадь, взявъ съ него обѣщаніе возратить лошадь черезъ три дня. Мужъ не гонится. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ съ женой въ полѣ и жена увидѣла закопанную въ землѣ лошадь, одна нога которой выходила изъ земли. „Смотри—закричала она мужу—наша Финета уже выходитъ изъ рая“. Коскенъ указалъ на цѣлый рядъ французскихъ вариантовъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, ирландскій, норвежскій, румынскій. Въ большинствѣ этихъ вариантовъ мужъ (или сынъ) догоняетъ плута верхомъ на лошади, но послѣдній посредствомъ обычной, отмѣченной выше, хитрости уводитъ и этого коня ³⁾).

¹⁾ *Clouston, The book of noodles, 204—207.*

²⁾ *Clouston, The book of noodles 207—211.*

³⁾ *Cosquin, Contes pop. de Lorraine, I 287—245.*

Сказки и повѣсти о странникѣ изъ рая издавна бродятъ въ Европѣ; онѣ встрѣчаются въ литературныхъ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ, въ Schimpf und Ernst Паули (первое изд. въ 1519 г.), въ Фацеціи Ганса Сакса о школьникѣ изъ рая (1555 г.), въ французскомъ сборникѣ юмористическихъ разсказовъ *La Gibezière de Mome ou le Trésor du ridicule* 1644 г. Всѣ эти повѣсти весьма сходны, особенно двѣ послѣднія: Бѣдный школьникъ подошелъ къ дому богатаго крестьянина, въ его отсутствіе. Жена стала разспрашивать, откуда онъ, и школьникъ отвѣтилъ, что онъ идетъ изъ рая. Она стала распрашивать, какъ живетъ тамъ ея первый мужъ. Школьникъ говоритъ, что онъ крайне нуждается въ одеждѣ и въ пищѣ и чуть не умираетъ съ голода. Добрая женщина снабдила его деньгами и лучшимъ платьемъ. Возвратившійся вскорѣ мужъ погнался за плутомъ. Послѣдній, завидѣвъ погоню, спряталъ узлы, и сказалъ подѣхавшему мужу, что кто-то углубился въ лѣсъ съ узлами. Крестьянинъ проситъ его поддержать лошадь, а самъ пѣшкомъ углубляется въ лѣсъ по указанному направленію. Плутъ увелъ лошадь, и мужъ потомъ говоритъ женѣ, будто онъ добровольно отдалъ лошадь, чтобы прохожій скорѣе прибылъ въ рай ¹⁾).

Сказки о прохожемъ изъ рая весьма популярны на мусульманскомъ Востока. Въ Турціи онѣ приурочены къ ходжѣ Насръ-эдину. Ходжа говоритъ женщинѣ, что ея умершій сынъ въ аду и въ рай его не пускаютъ за долги. Мать даетъ ему 1000 аспровъ на уплату долга. Мужъ гонится. Ходжа перемѣняетъ одежду съ мельникомъ. Мельникъ спрятался на деревѣ (ходжа выдалъ мужа за судебного пристава). Мужъ лѣзетъ на дерево, оставивъ внизу коня и верхнее платье. Ходжа забираетъ коня и одежду и уѣзжаетъ, крикнувъ мужу, что онъ обманутъ. Мужъ, по возвращеніи домой, говоритъ, что отдалъ добровольно ходжѣ коня и одежду за его доброе намѣреніе ²⁾).

Въ Индіи сказки о прохожемъ изъ рая весьма популярны, извѣстны въ сингалезскомъ и тамильскомъ вариантахъ. Въ одной сказкѣ выведены скупой и старый мужъ и его добрая, но глупая жена. Нѣкій деревенскій пройдоха зашелъ къ нимъ въ отсутствіе домохозяина, сѣлъ на порогъ и притворился очень усталымъ. Онъ сказалъ, что идетъ съ того свѣта, что видѣлъ тамъ ея свекра и свекруху, которые будто бы живутъ тамъ въ большой нуждѣ. Добрая женщина при этомъ печальномъ извѣстіи передала бѣднымъ загробнымъ старикамъ платья, денегъ и пищи. Прохожій поспѣшилъ уйти (въ Kailasa, Siva's mountain). Когда мужъ возвратился, то жена сказала, какъ она позаботилась о его родителяхъ. Мужъ разсердил-

¹⁾ *Cosquin*, I, 239—240.

²⁾ *Кузмичевскій*. Киев. Стар. 1886, III 446.

ся, но не показавъ женѣ вида, и погнался за плутомъ. Послѣдній взобрался на дерево („*piral*“). Мужъ требовалъ, чтобы онъ спустился, но онъ заявилъ, что поднимается въ рай и полѣзъ еще выше. Мужъ привязалъ тогда своего коня къ ближайшему дереву и полѣзъ за плутомъ. Плутъ бросилъ на землю свои узлы, поспѣшно спустился, захватилъ коня мужа и умчался. Медленно слѣзъ съ дерева мужъ и пошелъ домой. Жена спросила, не далъ ли онъ и коня своего для передачи родителю. Мужъ, не желая выказать своей оплошности, отвѣтилъ утвердительно.

Въ другой индѣйской сказкѣ мать спрашиваетъ у прохожаго нищаго о житѣ-бытѣ ея дочери, умершей дѣвушкой. Нищій отвѣтилъ, что она теперь за нимъ замужемъ и получаетъ приданое. Мужъ гонится за нищимъ. Продолженіе обычное. Мелкая особенность состоятъ въ томъ, что, увидѣвъ похищеніе своей лошади, мужъ кричитъ:—„Зятекъ, скажите Калугами (имя умершей дѣвушки), что деньги и жемчугъ отъ матери, а лошадь отъ меня“¹⁾.

Своеобразный мотивъ о *воткнутомъ въ землю* или *повѣшенномъ на деревѣ конскомъ хвостѣ* встрѣчается, кромѣ отмѣченныхъ выше, во мн. др. сказкахъ, см. указанія *Келлера* въ *Melusine* I 474 и *Köhler-Bolte* въ *Zeitsch. d. Ver. f. Volksk.* 1898 I 74. Кромѣ того мы встрѣтили такой мотивъ въ малор. сказкѣ въ сб. *Мошинской*, въ польскихъ въ сб. *Халховскаго* I 46, 115. Любопытно, что мотивъ этотъ повторяется даже въ сказкахъ дикихъ народовъ Африки, напр. у зулусовъ (*Сборн. сказ. дик. нар.* 34).

XXVIII.

Соревнованіе въ глупости.

Въ Индіи, въ сѣверныхъ и южныхъ ея областяхъ, циркулируетъ сказка о трехъ или четырехъ браминахъ, соревнующихъ другъ съ другомъ въ глупости. Сказка эта была указана Дюбуа въ изслѣдованіи о Панчатантрѣ и недавно приведена цѣликомъ въ англійскомъ переводѣ въ книгѣ Клоустона „*The book of noodles*“ (171—190). Эта индѣйская сказка по полнотѣ и литературной обработкѣ выдается среди всѣхъ анекдотовъ и сказокъ о глупцахъ. Составлена она въ однихъ вариантахъ изъ трехъ, въ другихъ изъ четырехъ мотивовъ или отдѣльных анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ — о молчаніи супруговъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно любимыхъ и распространенныхъ въ Азіи и въ Европѣ, другой мотивъ — о платѣ — также имѣетъ нѣкоторыя параллели, напр., турецкій анекдотъ о томъ, какъ Насръ-единъ стрѣлялъ въ свой кафтанъ, и лишь два мотива — объ остри-

¹⁾ *Clouston*, 213—218.

женіи жены и о продажѣ жены человѣку другой касты—спеціально индійскіе, въ особенности послѣдній, какъ тѣсно связанный съ бытовыми особенностями индусской жизни. Что касается до мотива, какъ мужъ, по глупости, остригъ свою жену, и тѣмъ навлекъ на нее подозрѣніе въ нарушеніи супружескаго долга, то этотъ мотивъ указываетъ на существованіе въ современной Индіи той формы опозоренія женщины, нарушившей общепринятія понятія о цѣломудріи, которая въ старое время широко практиковалась въ Малороссіи въ видѣ отрѣзыванія косы, и нынѣ еще довольно часто встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи въ формѣ публичнаго посрамленія женщины, когда мужъ водить ее по селу привязанной къ телѣгѣ, а толпа выражаетъ свое осужденіе насмѣшками, бранью и даже побоями.

Въ виду малой извѣстности индійской сказки о четырехъ браминахъ приводимъ ее цѣликомъ въ русскомъ переводѣ.

Въ одной мѣстности было объявлено празднество Самараданамъ. Четыре брамина, спѣшившіе на это празднество изъ различныхъ деревень, случайно встрѣтились въ дорогѣ и условились продолжать путь вмѣстѣ. Вскорѣ они повстрѣчали солдата, который поклонился имъ по общепринятому обычаю, сложивъ руки на груди и привѣтствовалъ ихъ словами, съ какими всегда въ подобныхъ случаяхъ обращаются къ браминамъ: „Дандамарья“ или „Добраго здоровья“. Четыре путешественника отвѣтили обычнымъ „Асирвадамъ“ и пошли дальше. Спустя нѣсколько времени, они подошли къ источнику, утолили жажду и сѣли отдохнуть подъ тѣнью деревьевъ. Сидя здѣсь и не находя лучшей темы для разговора, одинъ изъ нихъ спросилъ другихъ, не замѣтили ли они, какъ отмѣнно вѣжливы былъ солдатъ, обращаясь къ нему съ привѣтствіемъ. „Къ тебѣ!“ сказалъ другой, „онъ вовсе не тебя привѣтствовалъ, а меня“.—„Вы оба ошибаетесь“, сказалъ третій, я вамъ скажу, что когда солдатъ произнесъ „Дандамарья“, онъ бросилъ взглядъ на меня“. „Вовсе нѣтъ“ сказалъ четвертый, „онъ поклонился мнѣ“; въ иномъ случаѣ, развѣ бѣ я отвѣтилъ ему „Асирвадамъ“?

Каждый упорно стоялъ на своемъ; и такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, и споръ грозилъ разгорѣться еще сильнѣе, то четвертый изъ нихъ, видя къ чему клонится дѣло, положилъ конецъ спору слѣдующимъ доводомъ: „Какъ глупо съ нашей стороны, сказалъ онъ, такъ горячиться. Если мы выскажемъ другъ другу всѣ колкости, которыя могли бы придумать, и если даже перейдемъ къ кулачной расправѣ, развѣ мы приблизимся къ разрѣшенію недоразумѣнія? Я думаю, что лучшимъ судьей въ нашемъ спорѣ будетъ тотъ, кто вызвалъ его. Солдатъ, привѣтствовавшій одного изъ насъ,

по всей вѣроятности, недалеко. Поэтому догонимъ его, какъ можно скорѣе и узнаемъ, къ кому изъ насъ относилось его привѣтствіе“.

Совѣтъ этотъ показался имъ разумнымъ и былъ немедленно принятъ. Всѣ они пустились догонять солдата и наконецъ настигли его. Завидѣвъ его издалека, они стали кричать ему, чтобы онъ остановился; и еще издалека начали излагать ему причины спора и просили сказать, къ кому изъ нихъ было направлено привѣтствіе, чтобы такимъ образомъ покончить недоразумѣніе. Солдатъ сейчасъ же понялъ, съ какими людьми онъ имѣлъ дѣло, и желая посмѣяться надъ ними, хладнокровно отвѣтилъ что привѣтствіе его было предназначено самому глупому изъ нихъ; сказавъ это, онъ продолжалъ свой путь.

Смущенные отвѣтомъ солдата брамины молча повернули назадъ. Но каждому изъ нихъ глубоко запало въ душу привѣтствіе солдата, и споръ вскорѣ былъ возобновленъ, споръ о томъ, кто изъ нихъ самый глупый. Несогласія ихъ приняли бы страшные размѣры, если бы тотъ браминъ, который подаль первый совѣтъ—догнать солдата, не вмѣшался со своей мудростью и не обратился съ слѣдующими словами къ остальнымъ: „Я съ своей стороны думаю, что изъ насъ четверыхъ самый большой дуракъ я. Каждый изъ васъ думаетъ то же самое про себя. И если бы мы даже подрались изъ за этого, мы нисколько не рѣшили бы вопроса. Поэтому запасемся терпѣніемъ. Мы не далеко отъ мѣстечка Дгармапури, гдѣ есть судъ, въ которомъ всѣ небольшія дѣла рѣшаются старшинами деревни; такъ пусть они разсудятъ насъ“.

Остальные приняли этотъ совѣтъ; прійдя въ деревню, они, сгорая нетерпѣніемъ, вошли въ зданіе суда, чтобы рѣшить наконецъ свое дѣло. Явились они какъ разъ въ удобное время. Старшины округа, брамины и другія лица были уже въ сборѣ, и такъ какъ въ данный моментъ не предстояло никакого особеннаго дѣла, то они немедленно занялись вопросомъ, интересующимъ четырехъ браминовъ; брамины вошли въ середину собранія и объявили, что между ними произошло большое недоразумѣніе и что они пришли сюда для справедливаго и безпристрастнаго разрѣшенія его. Собраніе пожелало узнать причину недоразумѣнія, и одинъ браминъ, стоявшій впереди всѣхъ, началъ рассказывать, что съ ними случилось, начиная со встрѣчи съ солдатомъ и кончая настоящимъ положеніемъ спора, который остановился на томъ, за кѣмъ изъ нихъ признать большую степень глупости. Подробности рассказа вызвали общій взрывъ хохота. Старшій членъ собранія, человѣкъ веселаго нрава, былъ приведенъ въ неописуемый восторгъ отъ такого занимательнаго случая. Но онъ сдѣлалъ серьезный видъ и объявилъ, что по особенной своеобразности дѣла, оно не можетъ

быть рѣшено показаніемъ свидѣтелей и что на самомъ дѣлѣ существуетъ лишь одинъ путь, который бы могъ удовлетворить судей, именно, чтобы каждый изъ браминовъ разсказалъ какой-нибудь частный случай изъ своей жизни, который могъ бы доказать его справедливую претензію на высшую глупость. Онъ ясно указывалъ, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть другихъ средствъ рѣшить, кому по справедливости должно быть отнесено привѣтствіе солдата. Брамины согласились; одному изъ нихъ данъ былъ знакъ начинать разсказъ, а другимъ хранить молчаніе.

Разсказъ перваго брамина.

Я одѣтъ бѣдно, какъ вы видите; и не только сегодня, я всегда одѣтъ въ рубище. Богатый и очень щедрый браминъ—купецъ подарилъ мнѣ однажды двѣ перемѣны платья—лучшаго, какое когда бы то ни было видѣли въ нашей деревнѣ. Я показалъ ихъ другимъ браминамъ, которые поздравляли меня съ такимъ прекраснымъ приобрѣтеніемъ. Они говорили, что все это по всей вѣроятности плоды добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ мною въ предшествующей генерациі. Передъ тѣмъ какъ надѣть подаренное платье, я, согласно обычаю, вымылъ его, чтобы очистить отъ грязи, происшедшей отъ прикосновенія ткача, и повѣсилъ для просушки на вѣтви дерева. Тутъ случилась собака, которая пробѣжала подъ моимъ платьемъ, но я не могъ замѣтить, была ли она достаточно велика, чтобы дотронуться до висѣвшаго платья. Я спросилъ дѣтей, присутствовавшихъ здѣсь, но они отвѣтили, что не могутъ сказать увѣренно. Какимъ же образомъ можно было убѣдиться въ фактѣ? Я сталъ тогда на четвереньки, такъ чтобы быть высотою съ собаку, и въ такомъ положеніи пролѣзъ подъ платьемъ. „Что, я касаюсь платья?“ спросилъ я дѣтей, наблюдавшихъ за мной. Они отвѣчали что нѣтъ, и я очень обрадовался этимъ словамъ. Но послѣ нѣкотораго размышленія я вспомнилъ, что хвостъ у собаки былъ поднятъ кверху и что такимъ образомъ она могла легко коснуться хвостомъ моего платья. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я прикрѣпилъ пальмовый листъ къ моему платью у поясицы, поднялъ его вверхъ, снова сталъ на четвереньки и во второй разъ пролѣзъ подъ платьемъ. Дѣти сейчасъ же закричали, что конецъ листа, прикрѣпленнаго къ моей спинѣ, коснулся висѣвшаго платья. Это доказало мнѣ, что хвостъ также долженъ былъ коснуться и что подаренное мнѣ платье осквернено. Въ своемъ негодованіи я сбросилъ съ вѣтвей прекрасную одежду и разорвалъ ее на тысячу кусковъ, проклиная и собаку, и ея хозяина.

Когда мой поступокъ сталъ извѣстнымъ, всѣ начали смѣяться надо мной и стали меня считать сумасшедшимъ. „Если бы даже собака и коснулась твоего платья, говорили они, и осквернила его, развѣ бы ты не могъ

вымыть его въ другой разъ и очистить такимъ образомъ? Или развѣ ты не могъ бы отдать его какому-нибудь бѣдному судра, чѣмъ рвать его въ клочки? А послѣ такой глупой выходки кто подарить тебѣ платье въ другой разъ"? Все это было справедливо; когда впослѣдствіи я обращался съ просьбою объ этомъ, мнѣ всегда отвѣчали, что безъ всякаго сомнѣнія, я прошу платье только для того, чтобы разорвать его.

Браминъ хотѣлъ продолжать свой разсказъ, но сосѣдъ прервалъ его замѣчаніемъ, что онъ очевидно умѣетъ ползать на четверенькахъ. „Превосходно“, сказалъ браминъ, „вы сейчасъ увидите“, и онъ поползъ на четверенькахъ подъ несмолкаемый смѣхъ зрителей. „Довольно! довольно! сказалъ председатель. То, что мы слышали и видѣли здѣсь рѣшительно говорить въ его пользу. Но слѣдуетъ теперь послушать, что скажетъ слѣдующій въ доказательство своей глупости“. Второй браминъ началъ съ того, что выразилъ надежду, что если только что слышанный ими разсказъ достоинъ привѣтствія солдата, то тѣ слова, которыя онъ имѣетъ имъ сказать, измѣнять ихъ мнѣніе.

Разсказъ второго брамина.

Для того, чтобы появиться въ болѣе приличномъ видѣ на празднествѣ браминовъ, устроенномъ однажды въ нашей деревнѣ, я приказалъ цирюльнику обстричь мнѣ голову и бороду и сказалъ женѣ, чтобы она заплатила ему за это копѣйку. По неосторожности она дала ему двѣ. Я потребовалъ обратно одну копѣйку, но онъ отказалъ мнѣ. Мы начали ссориться и оскорбили другъ друга; въ концѣ концовъ цирюльникъ предложилъ мнѣ за ту двойную плату, которую онъ уже получилъ, обстричь также и жену. Я нашелъ, что это лучший способъ разрѣшить недоразумѣніе между нами, но жена моя, услышавъ предложеніе цирюльника и видя, что мы говоримъ серьезно, сдѣлала попытку бѣжать. Я удержалъ ее и заставилъ сѣсть, а цирюльникъ обстригъ между тѣмъ ея волосы такъ, какъ обыкновенно стригутъ вдовъ. Въ продолженіе всей этой операціи она горько плакала; но я былъ неумолимъ, думая что мнѣ будетъ менѣе обидно, если жена будетъ обстрижена совершенно коротко, чѣмъ если ни за что пропадетъ моя копѣйка. Когда цирюльникъ окончилъ свое дѣло, я пустилъ ее, а она сейчасъ же скрылась въ укромномъ мѣстечкѣ, награждая проклятьями и меня, и цирюльника. Цирюльникъ пошелъ своей дорогой и, встрѣтившись съ моей матерью, разсказалъ ей о случившемся; она поспѣшила въ мой домъ, чтобы узнать объ нанесенномъ женѣ оскорбленіи, и когда увидѣла, что все это правда, начала бранить меня.

Цирюльникъ разгласилъ повсюду, что случилось въ нашемъ домѣ, да еще прибавилъ, что я будто бы засталъ жену съ другимъ мужчиной, что

и было причиною, что ее остригли; люди безъ всякаго сомнѣнія ожидали, что, согласно съ обычаемъ, она въ данномъ случаѣ будетъ посажена на осла задомъ напередъ. Они сбѣжались къ моему дому со всѣхъ сторонъ и привели съ собою осла, чтобы устроить обычное шествіе по улицамъ. Слухъ объ этомъ быстро дошелъ до моего тестя и тещи, которые жили недалеко отъ насъ; они также пришли, чтобы узнать подробности дѣла. Видя свою бѣдную дочь въ такомъ унижительномъ положеніи и узнавъ о причинѣ, они осыпали меня горькими упреками, которые я сносилъ терпѣливо, сознавая, что я неправъ. Сначала они было настаивали на томъ, чтобы взять мою жену съ собою и цѣлые четыре года заботливо скрывать ее отъ человѣческаго глаза, но наконецъ возвратили ее мнѣ.

Это маленькое происшествіе лишило меня праздника Самараданамъ, къ которому я готовился и постился въ продолженіи трехъ дней; я былъ очень огорченъ тѣмъ, что меня исключили изъ числа участвующихъ, тѣмъ болѣе, что праздникъ прошло прекрасно. Десять дней спустя, было объявлено другое празднество, на которомъ я надѣялся вознаградить себя за прошлую потерю. Но 600 браминовъ встрѣтили меня свистками, я былъ схваченъ, и меня заставили окончить дѣло жены, съ тѣмъ чтобы навести слѣдствіе и наказать кого слѣдуетъ, согласно съ строгими законами касты.

Я торжественно засвидѣтельствовалъ ея невинность и рассказалъ настоящую причину стрижки ея волосъ; общее удивленіе овладѣло всѣми и каждый восклицалъ, какъ ужасно унижать замужнюю женщину, не погрѣшившую противъ супружеской вѣрности. „Этотъ человѣкъ“, сказали они, „или лгунъ, или самый большой дуракъ на свѣтѣ!“ Итакъ вы разсудите меня, и я увѣренъ, что вы сочтете мою глупость (при этомъ онъ съ большимъ пренебреженіемъ посмотрѣлъ на перваго разсказчика) гораздо выше той, которую обнаружилъ разорвавшій платье.

Собраніе согласилось въ томъ, что разсказчикъ передалъ прекрасную исторію; но судья предложилъ выслушать и остальныхъ двухъ. Третій проситель ждалъ съ нетерпѣніемъ своей очереди и, какъ скоро получилъ позволеніе, разсказалъ о слѣдующемъ событіи:

Разсказъ третьяго брамина.

Имя мое было на самомъ дѣлѣ Анантъя; въ настоящее же время всѣ зовутъ меня Betel-Ananthy и я разскажу вамъ, какъ произошло это прозвище. Жена моя долго жила у своего отца, такъ какъ была слишкомъ молода, пока наконецъ переселилась ко мнѣ; мы прожили съ ней лишь одинъ мѣсяцъ, и я, ложась какъ-то спать, сказалъ, (правда, по неосторожности), что всѣ женщины болтуны. Она опровергала это мое мнѣніе, говоря, что знала мужчинъ, которые были не меньшіе пустомели, чѣмъ жен-

щины. Я замѣтилъ, сразу, что она намекала на меня и былъ затронутъ ея укоромъ. „Такъ посмотримъ, сказалъ я, кто заговорить первый“. „Хорошо, отвѣчала она; а что будетъ закладомъ?“—„Листъ betel'я“ сказалъ я. Итакъ мы побились объ закладъ и, не говоря ни слова, заснули.

На слѣдующее утро, когда мы не вышли изъ спальни въ обычный часъ, насъ стали звать, но мы не откликались. Въ дверь стали стучаться и звать громче, но безуспѣшно. Вскорѣ былъ поднятъ на ноги весь домъ; всѣ опасались, ужъ не умерли ли мы внезапной смертью и позвали плотника съ инструментами, чтобы взломать дверь. Комнату наконецъ отворили, толпа хлынула въ нее, и была немало удивлена, когда нашла насъ проснувшимися, совершенно здоровыми и довольными, хотя и неспособными говорить. Мать моя очень испугалась и громко выражала свое горе. Около ста человѣкъ браминовъ собралось въ домъ и послѣ тщательнаго осмотра каждый высказывалъ свое мнѣніе относительно того несчастья, которое, какъ они предполагали, случилось съ нами. Большинство полагало, что оно могло произойти отъ нерасположенія какого-нибудь недруга, который воспользовался магическими средствами, чтобы повредить намъ. Поэтому былъ приглашенъ извѣстный магъ, чтобы парализовать чары и уничтожить. Какъ скоро онъ пришелъ, онъ серьезно осматривалъ насъ нѣкоторое время и сталъ пробовать нашъ пульсъ, прикладывая пальцы къ нашимъ рукамъ, къ вискамъ, къ сердцу и къ другимъ частямъ тѣла; послѣ страшныхъ гримасъ, при воспоминаніи о которыхъ я не могу удержаться отъ смѣха, какъ только подумаю о нихъ, онъ рѣшилъ, что болѣзнь наша явилась отъ околдованія. Онъ даже называлъ по имени отдѣльныхъ злыхъ духовъ, которыми одержимы мы и которые сдѣлали насъ нѣмыми. Къ этому онъ прибавилъ, что бѣсъ—существо упорное и неподдающееся укрощенію и что бы заставить его бѣжать необходимы 3 или 4 жертвоприношенія.

Родственники мои, люди небогатые, были поражены тѣмъ, что магъ потребовалъ съ нихъ такую сумму. Тѣмъ не менѣе они согласились лучше дать все нужное для приношенія, чѣмъ видѣть насъ нѣмыми и общались, что они вознаградятъ его за его трудъ какъ только демонъ будетъ изгнанъ. Онъ хотѣлъ уже начинать свои магическія операціи, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ друзей—браминъ сталъ утверждать въ разрѣзъ съ мнѣніемъ мага и его помощниковъ, что болѣзнь наша происходитъ не отъ чародѣйства, а отъ совершенно простой обыкновенной причины, которую онъ наблюдалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, и взялся вылѣчить безъ всякаго вознагражденія.

Онъ взялъ жаровню, наполненную горящими углями, и раскалилъ маленькій продолговатый кусочекъ золота. Затѣмъ взялъ его щипцами и сталъ

прикладывать къ моимъ ногамъ, къ локтямъ и къ теменю. Я выдержалъ эту ужасную операцію, ничѣмъ не обнаруживая боли,—ни движеніемъ, ни воплемъ, такъ какъ я рѣшился скорѣе перенести все и, если нужно, умереть, нежели проиграть пари.

„Теперь испытаемъ жену“, сказалъ докторъ, удивляясь моей рѣшимости и кажущейся нечувствительности. Затѣмъ онъ взялъ снова нагрѣтое золото и сталъ прикладывать къ ея ногамъ. Но она не была въ состояніи даже одно мгновеніе перенести боль, сейчасъ же закричала: „Довольно“ и, обращаясь ко мнѣ, сказала: „Я проиграла пари; вотъ тебѣ листь betel'я“. — „Я тебѣ говорилъ, замѣтилъ я, взявъ листь, что ты первая заговоришь и что ты своимъ поведеніемъ докажешь правоту моихъ словъ, высказанныхъ вчера, когда мы ложились спать, что женщины—болтушки“.

Всѣ удивлялись этому происшествію, но никто не могъ понять, что произошло между мною и моей женой, пока я не выяснилъ суть нашего пари.— „Что, вскричали они, это такое за листь betel'я, изъ за котораго вы подняли не только весь домъ, но и всю деревню? листь betel'я, изъ-за котораго вы выказали столько твердости и терпѣли испытаніе огнемъ? Никогда въ жизни мы не встрѣчали такой глупости!“ И вотъ, начиная съ этого времени, я сталъ извѣстенъ подъ именемъ Betel Anantya.

Разсказъ былъ оконченъ, и собраніе вынесло заключеніе, что такая исключительная глупость много говоритъ за себя въ настоящемъ дѣлѣ; но нужно было выслушать наконецъ четвертаго и послѣдняго изъ просителей, который обратился къ собранію со слѣдующими словами:

Разсказъ четвертаго брамина.

Дѣвушка, съ которой я былъ сговоренъ, оставалась въ силу своей юности 6—7 лѣтъ въ домѣ своего отца; наконецъ насъ извѣстили, что она достигла зрѣлаго возраста и что она въ состояніи исполнять всѣ обязанности жены и можетъ соединиться съ нареченнымъ. Такъ какъ мать моя была больна въ это время, а домъ будущаго тестя моего находился далеко, то она не могла предпринять этого путешествія. Поэтому она поручила мнѣ самому привести жену домой и совѣтовала мнѣ вести себя на словахъ и на дѣлѣ такъ, чтобы они на первый же взглядъ не увидѣли во мнѣ грубаго человѣка. „Я прекрасно знаю тебя“, сказала мнѣ мать при прощаніи, „и потому боюсь за тебя“. Но я обѣщалъ вести себя какъ можно лучше и отправился въ путь.

Тестъ принялъ меня очень радушно и устроилъ по этому случаю пиръ для всѣхъ браминовъ деревни. Я гостилъ у него три дня, въ продолженіи которыхъ пиршество не прекращалось. Наконецъ насталъ часъ нашего отправления, тестъ отпустилъ насъ благословивъ обоихъ и пожелавъ долгой

счастливой жизни и многочисленного потомства. При прощаніи съ нами онъ проливалъ обильныя слезы, какъ бы провидя несчастье, ожидавшее насъ.

Было это во время лѣтняго солнцестоянія, и день выдался особенно жаркій. Мы должны были пройти песчаную мѣстность, простиравшуюся двѣ мили: песокъ, раскаленный солнечными лучами, жегъ ноги моей молодой жены, слишкомъ изнѣженной въ родномъ домѣ и не привыкшей къ такимъ жестокимъ испытаніямъ. Она начала плакать и такъ какъ не могла идти дальше, то легла на землю, заявляя, что желаетъ умереть здѣсь. Я былъ въ большомъ затрудненіи и не зналъ, что дѣлать, если бъ на эту пору не случился купецъ, ѣхавшій намъ навстрѣчу. За нимъ слѣдовало пятьдесятъ быковъ, нагруженныхъ различнымъ товаромъ. Я побѣждалъ ему навстрѣчу, изложилъ со слезами на глазахъ причины моего безпокойства и умолялъ его подать мнѣ добрый совѣтъ, какъ выбраться мнѣ изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ я находился. Онъ немедленно отвѣчалъ, что такая молодая и нѣжная женщина, какъ моя жена, не можетъ ни оставаться тамъ, гдѣ она находилась въ тотъ моментъ, ни продолжать путешествія, не подвергая себя опасности умереть. Лучше же, совѣтовалъ онъ мнѣ, отдать ее ему, чѣмъ видѣть, какъ она погибаетъ, быть кромѣ того заподозрѣннымъ въ ея смерти и совершить одно изъ пяти преступленій, считаемыхъ браминами за самыя гнусныя; онъ посадилъ бы ее на одно изъ своихъ животныхъ и взялъ бы съ собой. Онъ допускалъ конечно, что я останусь въ проигрышѣ; но, разсудилъ онъ, лучше же потерять ее и считать себя спасшимъ ей жизнь, чѣмъ все равно потерять и быть заподозрѣннымъ въ убійствѣ. Послѣ этого купецъ предложилъ мнѣ за жену 20 пагодъ.

Доводы его мнѣ показались основательными; я согласился и отдалъ ему жену; онъ посадилъ ее на лучшаго быка и немедленно продолжалъ свой путь. Я также отправился дальше и къ вечеру прибылъ домой, истощенный голодомъ и усталостью, а ноги мои были обожжены раскаленнымъ пескомъ, по которому я долженъ былъ идти большую часть дня. Увидя меня одного, мать очень испугалась. „А гдѣ же твоя жена?“ вскричала она. Я разсказалъ ей все, что случилось со мной, начиная съ той поры, какъ мы разстались; разсказалъ про радушный пріемъ у тестя, затѣмъ передалъ, какъ насъ жгло солнце, такъ что жена моя должна была бы погибнуть и на меня пало бы подозрѣніе въ ея смерти, если бы мы пошли дальше, и наконецъ, какъ я предпочелъ продать ее купцу за 20 пагодъ. И я показалъ деньги матери.

Вслушавъ меня, мать пришла въ ярость, начала бранить и упрекать меня, но наконецъ смягчила тонъ и сказала: „Что ты надѣлалъ? Вѣдь ты продалъ жену! Отдалъ ее другому мужчине! Дочь брамина сдѣлалась сожительницей простого купца! Ахъ, что скажутъ родственники, когда узнаютъ эту исторію, изобличающую безпримѣрную глупость?“

Знакомые и родные жены моей дѣйствительно скоро узнали о несчастіи, постигшемъ ее. Они явились, чтобы привлечь меня къ отвѣтственности, и безъ сомнѣнія убили бы и меня, и ни въ чемъ неповинную мать, если бы мы случайно не ускользнули отъ нихъ. Не имѣя прямой цѣли излить свой гнѣвъ на мнѣ, они передали это дѣло старшинамъ касты, которые единогласно присудили меня къ уплатѣ 200 пагодъ, въ видѣ вознагражденія тестю и издали постановленіе, запрещающее съ одной стороны такимъ глупцамъ жениться въ другой разъ, съ другой стороны грозившее изгнаніемъ изъ касты тѣмъ лицамъ, которыя стали бы содѣйствовать такой попыткѣ. Я такимъ образомъ былъ осужденъ оставаться вдовцомъ всю мою жизнь и дорого заплатилъ за свою глупость. Мало того, меня чуть-было не исключили навсегда изъ касты, и только высокія достоинства и заслуги моего покойнаго отца, о которомъ всякій вспоминаетъ съ уваженіемъ, помогли мнѣ удержаться.

Теперь, если вы будете судить на основаніи многихъ такихъ глупостей, совершенныхъ мною въ жизни, то я надѣюсь, вы сочтете меня не ниже тѣхъ, которые говорили раньше меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаете справедливыми мои претензіи на привѣтствіе солдата.

Старшіе члены собранія, изъ которыхъ многіе смѣялись безъ умолку все время пока брамины передавали свои рассказы, рѣшили, что каждый изъ нихъ далъ столь совершенный образецъ глупости, что по справедливости можетъ быть названъ первымъ глупцомъ, что поэтому каждый имѣетъ право называть себя самымъ большимъ дуракомъ и отнести къ себѣ привѣтствіе солдата. Послѣ того, какъ каждый изъ нихъ выигралъ дѣло, имъ было порекомендовано продолжать путь друзьями, если это возможно. Брамины отправились въ путь, при чемъ каждый въ восторгѣ заявлялъ, что онъ выигралъ дѣло.

Составные эпизоды индійской повѣсти о соревнованіи въ глупости не стоятъ одиноко въ литературѣ. Разсказъ третьяго брамина объ упорномъ молчаніи встрѣчается во многихъ европейскихъ литературахъ, и объ немъ мы далѣе скажемъ подробнѣе. Разсказъ четвертаго брамина имѣетъ близкую литературную параллель въ безыменномъ фабліо XIII в. о трехъ дамахъ, нашедшихъ перстень, гдѣ также мужъ уступаетъ свою жену другому. По общему плану къ индійской повѣсти подходитъ слѣдующая кабардинская сказка, судя по общему ея характеру, азіатскаго происхожденія. Въ кабардинской сказкѣ соревнователями въ глупости являются три рыжебородыхъ. Въ пятницу, во время джумы, собралось въ мечети народу видимо—невидимо. Мулла взошелъ на возвышеніе и сталъ проповѣдывать о житей-

ской мудрости. Тему для проповѣди онъ почерпнулъ изъ китаба. Между прочимъ, онъ сказалъ, что по выраженію лица можно узнать мысль чело-вѣка, а по нѣкоторымъ примѣтамъ,—умень ли онъ, или тупъ. „Берегитесь, правовѣрные“, заключилъ мулла „рыжебородыхъ: у нихъ не много ума. Но если рыжебородый отпустить длинную бороду,—длиннѣе того, на сколько можно захватить въ кулакъ, то онъ непременно сдѣлаетъ какую-нибудь глупость!“ Случилось такъ, что въ мечети присутствовалъ правовѣрный съ длинной рыжей бородой. Сердце его дрогнуло, когда онъ услышалъ слова муллы. „Неужели“, думалъ онъ, „слова эти относятся ко мнѣ; къ тому же мулла, распространяясь на счетъ рыжебородыхъ, все какъ будто посматривалъ въ мою сторону,—какъ будто словами и жестами указывалъ на меня“. Съ тяжелыми думами онъ вернулся домой: „Ну-ка, посмотрю я въ зеркало, длинна ли моя борода“. Посмотрѣвъ въ зеркало, онъ съ нетерпѣніемъ схватилъ себя за бороду и о ужасъ! между пальцевъ торчатъ длинныя космы его рыжей бороды! „Долой ее—долой, а то меня, чего добраго, и впрямь примутъ за глупца!“ Ножницъ подъ рукой не было: онъ бросился къ очагу, желая обжечь торчащую между пальцами бороду. Бороду то онъ обжегъ, но при этомъ опалилъ себѣ все лицо. „Ахъ, какой я дуракъ! крикнулъ несчастный: неужели мулла правъ? Не можетъ этого быть! Пойду по бѣлу свѣту; навѣрное найду гдѣ-нибудь рыжебородаго глупѣе меня!“ Сказано—сдѣлано. Поплелся рыжебородый, куда глаза глядятъ. Въ одномъ куаже (аулѣ), на площади, онъ наткнулся на рыжебородаго и сильно ему обрадовался. „Давай-ка“, подумалъ онъ, „расскажу ему о своемъ приключеніи; что онъ на это скажетъ?“ Подходить онъ къ нему, поздоровался и сталъ ему рассказывать о томъ, какъ онъ, обжигая бороду, осмолить все лицо. Незнакомецъ усмѣхнулся и, какъ бы въ утѣшеніе, говорить ему:— „Со мной было еще лучше: у меня была корова съ рогами рогаčemъ. Вздумалось мнѣ какъ-то просунуть между рогами голову. Голова то пролѣзла ничего себѣ, подавилъ только нимного виски; но назадъ ее вытащить нельзя! Что я ни дѣлалъ, ничего не помогаетъ: не лѣзетъ ни туда, ни сюда! Наконецъ, корова испугалась, подняла хвостъ и давай со мной носиться по куаже. Я болтаюсь безпомощно; кричу отъ боли, такъ какъ корова своею головою меня безжалостно подбрасываетъ вверхъ, а къ довершенію досады кто меня ни увидитъ, тотъ покатывается со смѣху. Люди стоятъ у своихъ хунэ и хохочутъ. Наконецъ, надо мною сжалились: поймали корову и стали меня вытаскивать изъ тисковъ. Но не идетъ дѣло! Пришлось отпилить рога и тогда только меня освободили. Что же это такое?“—„Правда“, отвѣтилъ нашъ старый знакомый, „твоя глупость почище моей. Пойдемъ теперь оба вмѣстѣ, не найдемъ ли гдѣ-нибудь рыжебородаго, глупѣе насъ обоихъ?“

Тотъ согласился. Плетутся оба глупца въ ближайшее торговое мѣстечко, утѣшаясь мыслию, что навѣрное найдутъ того, кого ищутъ. Придя въ мѣстечко, они разинули рты отъ удивленія: вездѣ каменные дома и богатые лавки! Глазѣютъ они по сторонамъ, какъ вдругъ — какое счастье! На крылечкѣ, подъ навѣсомъ, ходитъ рыжебородый и покуриваетъ трубку. Богатъ, видно, больно; но лицо у него обезображено: носъ какъ бы приплюснутый, а на щекѣ рубецъ. „Что съ нимъ такое? думаютъ путники, видно это отъ глупости! Давай-ка ему рассказывать о нашихъ неудачахъ! Что онъ на это скажетъ?“ Подошли они къ богатому незнакомцу, вѣжливо поздоровались и стали ему рассказывать о приключеніи съ бородой и между рогами коровы. Богачъ лукаво улыбнулся и говоритъ: „Все это вздоръ, со мной было еще лучше. Слушайте и утѣштесь! Взобрался я какъ то на второй этажъ своего дома, приподнялъ окно и сталъ забавляться тѣмъ, что плевалъ на проходящихъ нищихъ. Не знаю, какимъ образомъ задвижка окна отодвинулась, окно вдругъ опустилось и своею тяжестью приплюснуло мнѣ носъ. Носа какъ не бывало! Къ моей досадѣ, всѣ хохочутъ; не пожалѣлъ никто, даже и жена! Въ другой разъ было еще почище. Выбрали меня односельчане въ кадія. Какъ я ни отказывался, пришлось согласиться. Говорили, что выбираютъ меня за мой умъ, а мнѣ и не вдомекъ, что имъ нужно было мое богатство. Полонъ домъ софтовъ—мальчиковъ, но плохо слушаются проклятые! Пришлось куда то уѣхать по дѣлу, а софты—бездѣльники, зная, конечно, что я не далекъ умомъ, сговорились съ женою, чтобы надо мной посмѣяться. Приѣзжаю домой, какъ вдругъ всѣ въ одинъ голосъ: ахъ, какъ ты измѣнился, кадій! Жена съ участіемъ спрашиваетъ, не боленъ ли я. Я сдуру повѣрилъ и, понутивъ голову, отправился въ свою комнату, чтобы хоть немного прилечь. Мнѣ, право, такъ и казалось, что мнѣ чего-то недостаетъ. Всѣ меня сочли за больного. Позвали аэа, а тотъ не велѣлъ принимать пищи—говоритъ: „обѣлся“! Голодъ меня донимаетъ страшно, и я уже думаю о томъ, чтобы наложить на себя руки. Жена все меня унимаетъ и, уходя, по забывчивости какъ будто, оставляетъ яйцо, очищенное отъ скорлупы; какъ видно, сама собиралась полакомиться, или, можетъ быть, она хотѣла меня побаловать лакомымъ кусочкомъ, но такъ, чтобы этого не видѣлъ строгій аэа. Мучимый голодомъ, съ жадностью я бросился на яйцо. Лишь только я успѣлъ его вложить такъ—таки цѣликомъ въ ротъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ аэа. Я испугался; проглотить яйцо еще не успѣлъ, а выбросить побоялся—ужъ больно строгъ былъ аэа! Такъ оно и осталось во рту. Аэа на меня набросился: „что это у тебя за шишка? ой, ой, это чума!“ Не успѣлъ я оглянуться, онъ вынулъ инструментъ, въ мгновеніе аэа сдѣлалъ на щекѣ надрѣзъ и съ

торжествомъ вытащилъ яйцо. Прибѣжали тутъ софты; явилась и жена. Мнѣ больно, а они заливаются со смѣху. Вотъ откуда это у меня рубецъ! Постѣ вашихъ глупостей моя будетъ третья и четвертая¹⁾. Кто изъ нихъ былъ глупѣе! Путники не пошли уже дальше. Они, наконецъ, поняли, что глупцами хоть прудъ пруди: дураковъ не сѣютъ, не жнутъ, а они сами родятся¹⁾.

Кабардинскій анекдотъ представляетъ по плану и числу составныхъ мотивовъ любопытную параллель къ индійской сказкѣ о трехъ (или четырехъ) браминахъ. Содержаніе мотивовъ своеобразное. Любопытно, что если въ индійскую сказку вошелъ широкораспространенный мотивъ о молчаніи супруговъ, то въ кабардинскую вошелъ не менѣе широкораспространенный мотивъ о мнимой болѣзни.

XXIX.

Глупцы мужъ и жена—упорные спорщики.

Анекдоты и сказки на тему о глупыхъ и упорныхъ въ спорѣ мужѣ и женѣ представляютъ также своеобразное соревнованіе въ глупости, причемъ на первый планъ выдвигается не столько глупость, сколько самый принципъ соревнованія или упорства.

Въ одномъ краткомъ малорусскомъ анекдотѣ „Упрямая пара“ мужъ портной и его жена зажарили рыбу на занятой сковородѣ, поѣли и заспорили, кому отнести сковороду обратно. Жена предложила: „хай той несе, хто попереду забалака“. Жена прядетъ, да все дри-ри-ри-та, а мужъ шьетъ да все дри-рю-рю-та. Зашелъ панъ, совокупился съ портнихой, а супруги все свое дри-ри да дри-рю. Панъ далъ портнихѣ 3 рубля. Мужъ спросилъ: „А шо тоби панъ давъ?“ — „А шо! тоби несты сковороду“ отвѣтила жена²⁾.

Въ малорусскомъ вариантѣ „Про те, що бува зъ того, якъ въ семействѣ незгода“ жена посылаетъ мужа къ сосѣдкѣ принести сковороду. Она приготовила блины, поѣла ихъ съ мужемъ и говоритъ ему, чтобъ онъ отнесъ сковороду обратно. Мужъ настаиваетъ, что отнести она должна. Условились, кто первый заговоритъ къ вечеру, тотъ и отнесетъ сковороду. Мужъ говорилъ только турюрю! турюрю, а жена питюха! питюха! Проѣзжій панъ бьетъ обоихъ нагайкой, и первый проговаривается мужъ. Затѣмъ на полѣ жена прикидывается больной и заставляетъ мужа нести себя домой. Увидѣвъ куму, она призналась, что обманула мужа. Послѣдній сбрасываетъ ее съ плечъ и посылаетъ въ поле взять воловъ и возъ. Опять заспорили, и спорили до тѣхъ поръ, пока въ полѣ воры не украли возъ и воловъ³⁾.

¹⁾ Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XII, 101.

²⁾ Драгомановъ, Малор. пред. 174.

³⁾ Чубинскій, II, 537.

Въ венеціанской сказкѣ упорными глупцами выступаютъ также мужъ и жена. Солдаты рѣшили отрубить голову у мужа, и тогда жена заговорила, а мужъ обрадовался, что она оказалась болѣе разговорчивой.

Въ сицилійскомъ вариантѣ мужъ сапожникъ и жена его ткачиха зажарили рыбу и условились, что съѣстъ ее лишь по окончаніи работъ тотъ, кто будетъ все время молчать. Мужъ работалъ, лишь приговаривая „Leulero! Leulero!“, а жена ткала, лишь напѣвая: „Pісісі! pісісі!“ Пришелъ старый другъ и, слыша все одно и то же, разсердился и самъ съѣлъ всю рыбу ¹⁾.

Кромѣ того мотивъ о глупцахъ упорныхъ въ спорѣ, встрѣчается у Страпароллы и въ шотландской пѣснѣ „The Barring of the Door“. Анекдоты этого рода весьма популярны въ Азіи и, должно быть, возникли въ Индіи. Въ одной арабской версіи мотивъ этотъ передается въ такой формѣ: Молодые, только что побравшіеся, справили пиръ и, когда ушли гости, то мужъ забылъ запереть за ними двери, жена сказала ему, чтобы онъ воротился и заперъ. „Да вы съума сошли, отвѣтилъ мужъ, чтобы я въ моемъ брачномъ нарядѣ, въ шелковомъ платьѣ, съ кинжаломъ, усыпаннымъ алмазами, шелъ запираеть двери. Затворите сами“. — „Нѣтъ, это вы сумасшедшій, отвѣтила жена, когда думаете, что я въ брачной одеждѣ, въ кружевахъ и драгоценныхъ камняхъ пойду запираеть двери“. По предложенію жены, заключено было условіе, что двери долженъ затворить тотъ изъ нихъ, кто впервые заговоритъ. Супруги сидѣли другъ противъ друга въ убранствѣ и упорно молчали. Пришли воры, обообрали весь домъ и поснимали даже съ рукъ молодой кольца и изъ подъ ногъ молодого коверъ. Пришелъ утромъ полицейскій, въ виду открытой двери, и когда глупцы на его вопросы отвѣчали упорнымъ молчаніемъ, онъ въ гнѣвѣ хотѣлъ ударить саблей мужа. „Это мужъ мой, закричала жена. Не убивайте его“. — „А! воскликнулъ мужъ; вы проиграли и теперь затворяйте двери“. Они объяснили полицейскому причину молчанія, и полицейскому оставалось только пожать плечами и уйти. — Въ другой арабской сказкѣ жена положила за ужиномъ передъ мужемъ кусокъ черстваго хлѣба. Мужъ сказалъ, чтобы она помочила его. Она отказалась; отсюда споръ и условное молчаніе. Вошедшій сосѣдъ поцѣловалъ жену—она молчала, далъ тумака мужу—такое же молчаніе, отвѣлъ ихъ къ судѣ, который, не добившись отвѣта, разсердился и приказалъ повѣсить мужа. Тогда жена сказала: „О, пощадите моего бѣднаго мужа!“ — Мужъ обрадовался, что она заговорила и послалъ ее домой помочить хлѣбъ. — Сходный вариантъ находится въ турецкой редакціи „Исторіи

¹⁾ Clouston, The book of noodles, 107—117.

40 визирей“. Тутъ вмѣсто супруговъ дѣйствуютъ нѣсколько пріятелей. Они купили закуску, вошли въ придорожную развалившуюся гробницу и забыли запереть дверь. Затѣмъ споръ и условное молчаніе. Бродячія собаки поѣли всю ихъ ѣду и наконецъ укусили одного изъ молчавшихъ, который отъ боли закричалъ, и тогда пріятели послали его затворить дверь. — Весьма сходныя сказки записаны въ Кашемирѣ и на о. Цейлонѣ. Въ кашемирской сказкѣ пять друзей купили баранью голову и хотѣли ее сжарить, но когда возникъ вопросъ, кому пойти за масломъ, вышелъ споръ. Полицейскій отводитъ ихъ къ судѣ, который приказываетъ бичевать ихъ. Одинъ изъ глупцовъ не выдержалъ боли и закричалъ, а его товарищи воспользовались этимъ и послали его на базаръ за масломъ, хотя сама баранья голова уже исчезла ¹⁾).

Другая обстоятельно разработанная индійская сказка о глупцахъ, упорныхъ въ спорѣ, вошла въ индійскую повѣсть о соревнованіи глупцовъ и уже приведена нами вполнѣ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Кузмичевскій высказалъ предположеніе, что малорусскій анекдотъ объ упорной парѣ возникъ подъ вліяніемъ турецкаго о ходжѣ Насръ-единѣ ²⁾; но турецкій разсказъ, приведенный у Кузмичевского, отстоитъ отъ малорусскаго гораздо далѣе, чѣмъ варианты западные, незамѣченные Кузмичевскимъ, выше нами приведенные вкратцѣ.

XXX.

Глупые мужья.

(Жена или ея пріятельница скрываютъ любовника; мужъ побить, мужъ въ курятникъ; мужъ стучитъ на улицѣ въ коробку, идетъ за докторомъ, когда мнимо больная жена забавляется и пр. т. п. Пѣсни и сказки о гоетѣ Терентьицѣ).

Въ Малороссіи весьма распространены анекдоты на тему „якъ жинки чоловікивъ дурять“. Въ одной сказкѣ этого рода чумакиъ возвращается съ дороги. Жена спрятала любовника солдата подъ кровать и завѣсила его рядномъ. Пріятельница жены сосѣдка вошла въ хату, и догадавшись въ чемъ дѣло, („бо и сама зъ тѣхъ грошей“) и стала говорить мужу, что мужей жены часто дурять. „Ну мене, каже чоловікъ, чорта съ два одурила“. Сосѣдка стала утверждать, что обманетъ его, развернула рядно и держала передъ нимъ, пока солдатъ въ это время убѣжалъ ³⁾).

Въ особенности ярко очерчивается глупость мужа въ тѣхъ многочисленныхъ анекдотахъ, сказкахъ и пѣсняхъ о невѣрной женѣ, въ которыхъ жена представляется больной и посылаетъ мужа за врачомъ, а въ его

¹⁾ Clouston, 107—117.

²⁾ Кіев. Стар. 1886 II 222.

³⁾ Манжура, 95.

отсутствіе принимаетъ любовника, или другимъ способомъ удаляетъ изъ дома мужа и пользуется его отсутствіемъ для своихъ любовныхъ цѣлей. Этотъ циклъ анекдотовъ и сказокъ имѣетъ большую историко-литературную цѣнность, съ одной стороны по широкому распространенію сказокъ этого рода среди всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени, съ другой— въ силу обстоятельной литературной разработки этихъ мотивовъ въ средне-вѣковыхъ фавль и позднѣе въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Лучшей пѣсней этого рода представляется пѣсня о гостѣ Терентьищѣ. Мы уже говорили объ этой пѣснѣ и родственныхъ ей сказкахъ на страницахъ Этнограф. Обзорѣнія, и теперь можемъ представить означенную выше статью въ переработкѣ, съ значительными дополненіями. Въ частности добавляемъ въ концѣ статьи указанія на соответствующія фавлю, которыя имѣли немало-важное значеніе въ распространеніи пѣсенъ и сказокъ о глупомъ мужѣ и невѣрной женѣ.

Пѣсня о гостѣ Терентьищѣ давно уже извѣстна по сборнику Кирши Данилова (полное изданіе 1818 г.). Въ 1863 г. она была перепечатана въ V вып. „Пѣсенъ“ Кирѣевского. Варіантъ этой пѣсни „Терентій мужъ Данильевичъ“ напечатанъ въ III т. „Пѣсенъ“ Рыбникова (1864 г.). Всѣ извѣстные въ печати варіанты записаны на сѣверѣ, въ Олонецкой губерніи. Содержаніе пѣсни таково:

Жилъ былъ Терентій мужъ,
Жилъ былъ Данильевичъ...

Далѣе у Кирши Данилова отмѣчено, что онъ жилъ въ Новгородѣ, и подробно обрисованъ богатый его дворъ и домъ.

У него сдѣлалась невзгода великая:
Сдѣлалась жена трудна-больна...

Жена посылаетъ Терентія за врачами:

Ты поди дохтуровъ добывай,
Волхи-то спрашивати ¹⁾
Поищи молодыхъ скомороховъ,
Молодцовъ поученныхъ,
Чтобы меня молоду вылѣчили ²⁾.

Терентій пошелъ за докторами, встрѣтилъ скомороховъ, рассказалъ имъ о болѣзни жены. Скоморохи берутся вылѣчить его жену. По требованію скомороховъ, Терентій покупаетъ большой шолковый мѣхъ, червленый вязъ и дубяну ременчатую со свинцомъ на концѣ. Скоморохи посадили Терентія въ мѣхъ и пошли къ его двору. Жена Терентія, увидѣвъ скоморо-

¹⁾ Киршев., V, 55.

²⁾ Рыбник., III, 252.

ховъ, „кинулась въ окошечко въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса“ и стала спрашивать, не видали ли скоморохи Терентія. Скоморохи сказали, что они видѣли его мертвого: „сквозь бѣло тѣло трава проросла“. Жена была обрадована такой вѣстью и приказала скоморохамъ запѣть веселую пѣсню и поиграть на гусяхъ.

Они стали въ гусельшка поигрывать

И къ мѣшку приговаривать:

— „Слышишь ли, холстинской мѣхъ?

Тебя не позаочь бранять, а въ очи говорить“¹⁾.

А слушай, Терентій гость, что про тебя говорятъ!

Говоритъ молодая жена Авдотья Ивановна

Про стара мужа Терentyища:

— „Въ дому бы тебя вѣкъ не видать!“

Шевелись, шелковый мѣхъ, вставай-ка, Терentyище,

Лѣчить молодую жену!²⁾

Терентій вылѣзъ изъ мѣха, нашелъ на постели „молодца въ рубахѣ красныя“ и сталъ жену и любовника ея „окадывать гирей безмѣной и недуги выправливать“ (Рыбн.). Молодецъ бѣжалъ, оставивъ въ домѣ Терентія кафтанъ, камзолъ и 500 руб. денегъ. Терентій заплатилъ скоморохамъ 200 руб. „за правду великую“ (Кирѣев.).

Пѣсня о Терентіи во всѣхъ вариантахъ имѣетъ выдержанный пѣсенный складъ.

Безсоновъ въ большой замѣткѣ о гостѣ Терentyищѣ въ V вып. „Пѣсенъ“ Кирѣевского (на стр. LXXXII—LXXXVI) говоритъ: „въ связи съ былинами о Садкѣ мы должны рассмотреть пѣсню о Терentyищѣ“. Заявление довольно странное, въ виду полного отсутствія какихъ-либо общихъ чертъ въ этихъ произведеніяхъ. Автора соблазнило собственное имя Новгорода въ вариантѣ Кирши Данилова и затѣмъ названіе Терентія гостемъ. По мнѣнію Безсонова, пѣсня о Терентіи „проткана цвѣтами и узорами чисто исключительной мѣстности новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній“. Исходя изъ такой точки зрѣнія, Безсоновъ находитъ возможнымъ подробно трактовать о любви новгородца къ женщинѣ, причемъ новгородецъ оказывается „единственнымъ на Руси второобразомъ типа лаконскаго и дорическаго“ (!). Не подозревая существованія мотивовъ пѣсни о гостѣ Терentyищѣ въ другихъ мѣстахъ, внѣ сѣверно-русскаго края, Безсоновъ всю силу творчества приписалъ древнимъ новгородцамъ. Онъ видитъ здѣсь „сцены, готовые повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой (?) семьѣ

¹⁾ Рыбн., III, 254.

²⁾ Кирѣев., V, 59.

русскаго купечества, и прибавляетъ, что „потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую былевую пѣсню, такъ точно, какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго“ ¹⁾.

Всѣ эти разсужденія и выводы оказываются вполнѣ несостоятельными при первомъ прикосновеніи къ нимъ критики. За исключеніемъ двухъ собственныхъ именъ (Новгородъ и улица Юрьевская) въ пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ нѣтъ ничего новгородскаго. По основнымъ мотивамъ, по всему ходу изложенія ихъ, даже по стихотворной формѣ, пѣсня о гостѣ Терентіи представляетъ странствующую повѣсть, которая возникла, повидимому, на Востокѣ, быть можетъ, на индійской почвѣ, и затѣмъ проникла въ письменность и устную словесность многихъ западно-европейскихъ народовъ. Пѣсня-повѣсть о гостѣ Терентіи входитъ въ чрезвычайно сложный и вѣтвистый циклъ сказаній о невѣрной женѣ. Эта повѣсть и родственныя ей сказки составляютъ такую вѣтвь, которая переплетается въ отдѣльныхъ мотивахъ съ другими вѣтвями того же цикла. Чтобы не отклоняться далеко въ сторону отъ предмета изслѣдованія, мы здѣсь ограничиваемся подборомъ русскихъ и инородныхъ сказокъ по главнымъ основнымъ мотивамъ пѣсни о гостѣ Терентіи.

Къ пѣснѣ о Терентіи весьма близко стоитъ сказка о скоморохѣ, недавно записанная въ Смоленской губерніи. Жена привела любовника, притворяется больной и посылаетъ мужа за зельемъ, однимъ, другимъ, потомъ посылаетъ за медвѣжьимъ молокомъ. Сосѣдь говоритъ мужу: „У мяне начуить старецъ со скрипкою, а ина (т. е. невѣрная жена) такихъ людей ищетъ“. Скоморохъ посадилъ мужа въ мѣшокъ, заткнулъ его соломой, пошелъ къ женѣ обманутаго мужа и упросилъ ее дать ночлегъ. У жены оказываются „гости, бясѣда“. Она пустила въ избу скомороха и просила его поиграть на скрипкѣ. Скоморохъ играетъ, а она скачетъ и приговариваетъ:

Хто па яблычки пашоу,
Штобъ тэй вѣкъ ни пришоу!...

Скоморохъ запѣлъ:

Ти чуишъ ты, салома,
Ти видишъ ты, салома,
А што дѣйца дома?

Мужъ вылѣзъ изъ мѣшка, прибилъ сначала любовника, потомъ жену; „такъ атхадилъ жонку мужикъ, што и пасичасъ ища здорова“ ²⁾.

¹⁾ Бессоновъ, LXXXIV.

²⁾ Добровольскій, Смоленскій Этнографическій Сборникъ, I, 143.

Во многихъ великорусскихъ сказкахъ повторяется повѣсть о гостѣ Терентіи, съ перенесеніемъ всего дѣйствія въ крестьянскую среду. Такъ, въ Курской губерніи записана слѣдующая скаака: Жили мужъ и жена; уйдетъ мужъ, она весела, придетъ—захвораетъ; такъ и старается выпроводить его изъ дома, а безъ него у нея гулюшки, пирушки. Придетъ мужъ—все прибрано, а сама охаетъ, больна на лавочкѣ лежитъ. Мужъ вѣрить, чуть самъ не плачетъ. Жена посылаетъ мужа за лѣкарствомъ въ Крымъ-градъ. Мужъ пошелъ, встрѣтилъ солдата, который взялся вылѣчить жену. Солдатъ оставилъ мужа на гумнѣ и пошелъ провѣдать хворую. Оказалось, что жена пляшетъ, а передъ нею молодой парень въ присядку разсыпается; по столу зелено вино разливается. Пришелъ солдатъ во время, выпилъ чарку и пошелъ въ присядку. Жена собирается печь пироги и посылаетъ солдата на гумно за соломой. Солдатъ принесъ въ солому мужа. Хозяйка затянула пѣсенку: „Пошелъ мужъ въ Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животь лѣчить! Туда ему не доѣхать и оттуда ему не пріѣхать!.. Солдатъ, подтягивай мнѣ!“... Солдатъ началъ свою пѣсню: „Чуеша ли, солома, что дѣется дома? Плеть висить на стѣнѣ, а быть ей на спинѣ!“ Солома почувала, затряслась; веревка лопнула, выскочилъ мужъ и давай стегать плеткой хозяйку—вылѣчилъ жену ¹⁾.

Въ вариантѣ этой сказки (также изъ Курской губ.), любезно сообщенномъ мнѣ г. Халанскимъ, любовная исторія повторяется почти дословно съ тѣмъ незначительнымъ различіемъ, что невѣрная жена посылаетъ мужа въ Римъ-градъ и гоститъ у ней не мужикъ, а попъ.

Въ малорусской скаакѣ изъ Кіевскаго уѣзда: „Бувъ собі чоловікъ и все его жінка слабовала, а вона любилася съ попомъ, а свого чоловіка не любила; все казала, що все слаба, а якъ піде чоловікъ на панцину, то вона наварить, надече и съ попомъ зѣбѣсть и више“... Мужъ пришелъ съ панцины; жена притворяется больной и посылаетъ его къ знахарю, чтобы досталъ „чемерицы“. Мужъ не могъ этого сдѣлать. Затѣмъ жена посылаетъ его къ рѣчкѣ спечь на льду для нея коржикъ. Мужъ и этого не могъ исполнить. Наконецъ, жена посылаетъ его достать корень татарскаго зелья. Мужъ идетъ и плачетъ. На дорогѣ онъ рассказываетъ неизвѣстному челоуку три порученія жены. Послѣдній сажаетъ мужа въ куль очерета, несетъ куль въ домъ обманутаго мужа и просится на ночлегъ. Невѣрная жена его впускаетъ въ хату, вмѣстѣ съ кулемъ, въ которомъ, по словамъ прохожаго, спрятано стекло. Въ хатѣ „стидъ застелядний, поць сидѣть, горилка стоить, пороса печене“. Жена подчууетъ прохожаго водкой и проситъ его спѣть пѣсню. Прохожій поетъ: „Дывися, соломо, що робыщя

¹⁾ *Аванасьева*, Нар. рус. сказки, III, 455.

дома; возьми ты макогинъ, та за попомъ на-эдогинъ"! Женѣ пѣсня не понравилась; она ударила макогомомъ по кулю, чтобы побить стекло. Изъ куля выльзъ ея мужъ, попа прибилъ, а прохожему далъ „кожухъ, чоботы, свиту, поясъ и рукавыщи, що выличивъ живку его“ ¹⁾.

Мотивъ о погѣ вставной; вошелъ онъ сюда изъ цикла сказокъ о погѣ и работниковъ ²⁾.

Мужъ обходится безъ посредниковъ въ другой малорусской сказкѣ. Замѣтивъ, что къ женѣ пришелъ „казакъ“, мужъ поспѣшилъ домой. Жена спрятала казака въ комору. Мужъ вошелъ въ хату, замкнулъ двери въ номорѣ, и сталъ пѣть:

Ой внадився котыкъ
До моего сала;
До ты его носывъ,
Доки стало.
Вже чоловікъ уважає
Що вже сало упадає...

Що ты, коте, робышь,
Що дви нози маєшь
И до жинки такъ учащаєшь?
Ой не ходы по-затынку,
Не пидмовляй чужу жинку.
Щожъ теперъ думаєшь,
Що въ рукахъ дистаєшь?

А казакъ изъ коморы:

На молебень хочу дати,
Въ твоей жинки не буваты“.

Мужъ повѣрилъ и выпустилъ его. Тогда казакъ запѣлъ:

Слава тобі, Боже,	Принадочку мині дала,
Що ся вырвавъ зъ хаты!	И ще мині такъ сказала:
Якимъ бувавъ перше,	Прибувай, миленькій,
Такъ буду буваты	Мині молоденькій.

Въ отвѣтъ на эту пѣсню мужъ запѣлъ:

Якъ яжъ тебе спійму,
Шкуру зъ тебе здыму,
На банта повишу,
На ходани порижу ³⁾.

Эта малорусская сказка почти собою перешла въ пѣсню, и въ этомъ отношеніи она болѣе другихъ народныхъ сказокъ о цвѣтной женѣ напоминаетъ пѣсню о Терентіи.

На народной сказкѣ разбираемаго мотива построена комедія И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ“. Здѣсь жена казака склоняется въ отсут-

¹⁾ Рудченко, Народн. южнор. сказки, I, № 60.

²⁾ Рудченко, ib. № 61; Чубинскій, II, № 11, 39; Манжура, 91; нѣсколько сказокъ въ Кроптадіа, т. I.

³⁾ Чубин., II, № 38.

ствіи мужа на сторону писаря. Является солдатъ и замѣчаетъ, гдѣ хозяйка спрятала колбасу, жаркое и водку. Пріѣзжаетъ мужъ. Жена прячетъ писаря подъ печку. Солдатъ выдаетъ себя за колдуна и указываетъ мужу на колбасу, жаркое и водку, потомъ выводитъ изъ-подъ печки писаря, выдавая его за чорта. Мужъ въ страхѣ. Жена объясняетъ всю мистификацію. Солдатъ говоритъ мужу въ пользу жены. Писарь проситъ прощенія, и его выгоняютъ изъ дома. На томъ же народномъ разсказѣ о невѣрной женѣ построена комедія Вас. Аван. Гоголя (отца Н. В. Гоголя): „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“. Комедія составлена между 1822—1825 г. и напечатана впервые много спустя послѣ смерти автора († 1825) П. Кулишемъ въ „Основѣ“ 1862, II. Комедія небольшая и по содержанию весьма сходна съ комедіею Котляревскаго. Разница въ началѣ: у Гоголя жена посылаетъ своего глупаго мужа на охоту за зайцами, и сама даетъ ему вмѣсто собаки поросенка. Такой же мотивъ находится въ одномъ небольшомъ разсказѣ Стороженка въ „Основѣ“ 1862, VI 55—64.

Мотивъ о невѣрной женѣ вошелъ въ польскую сказку о трехъ братьяхъ (двухъ умныхъ и третьемъ глупомъ). Меньшій, глупый братъ, снялъ шкуру съ коровы и въ видѣ нищаго помѣстился на ночлегъ въ одной корчмѣ. Шинкаря не было дома. Глупый съ чердака наблюдалъ что дѣлается въ домѣ. Жена корчмаря приняла въ гости ксендза. Она поставила передъ нимъ вино, медъ, жаркое, сладкія лакомства. Но вотъ неожиданно во дворъ вѣхалъ шинкарь. Ксендзъ прячется въ коморѣ сначала въ бочкѣ съ дегтемъ, потомъ въ бочкѣ съ перьями. Все угощеніе было попрячено. Когда шинкарь расположился ночевать, то ночлежникъ застучалъ палкой въ шкуру и сказалъ: „шкура, что ты мнѣ говоришь?“ Шинкарь удивился, что ночлежникъ разговариваетъ съ коровьей кожей, и спросилъ, что сказала ему кожа. Ночлежникъ отвѣтилъ, что кожа сказала, что въ шкафу есть сладкое. Шинкарь идетъ къ шкафу и находитъ тамъ медъ, вино и сласти. Во второй разъ слѣдуетъ указаніе на печь, гдѣ было скрыто жаркое, въ третій—на комору. Ксендзъ убѣгаетъ черный, какъ чортъ, и шинкарь покупаетъ за дорогую цѣну кожу ¹⁾. Тотъ же разсказъ повторяется въ польской сказкѣ о королевичѣ, не знавшемъ бѣды. Тутъ ксендзъ прячется подъ печью, гдѣ лежалъ королевичъ. Королевичъ беретъ у него платье. Пани, скрывшая ксендза, отъ страха заболѣла. Королевичъ беретъ ее вылѣчить. Онъ льетъ подъ печь горячую воду и изгоняетъ оттуда голаго ксендза, котораго принимаютъ за демона болѣзни (Samiec, собственно „гос-тецъ“, у малоруссовъ—колтунъ) ²⁾.

¹⁾ Chelckowski—Powiesci, I, 90—91.

²⁾ Ib., 257. Польскіе варианты см. еще въ Krakowiacy г. Цишевскаго 232—236.

Къ польской сказкѣ о глупомъ и коровѣй кожѣ близко подходитъ французская сказка (изъ Лотарингіи) о воронѣ: Дѣвочка не хочетъ учиться въ школѣ. Она бѣжитъ изъ дома родителей, захвативъ съ собой говорящаго ворона. Въ одномъ домѣ она подсматриваетъ въ дверную щель и узнаетъ о невѣрности жены. Когда мужъ возвратился, то дѣвочка предложила ему купить у нея ворона, какъ птицу вѣщую. При этомъ дѣвочка бьетъ ворона; воронъ каркаетъ, и дѣвочка объясняетъ его крикъ такимъ образомъ, что въ одномъ мѣстѣ скрыты кушанья и вино, приготовленные невѣрной женой для любовника, а въ сосѣдней комнатѣ скрылся любовникъ. Мужъ покупаетъ ворона за дорогую цѣну¹⁾. Въ вариантѣ этой сказки, записанномъ также въ Лотарингіи, любовника нѣтъ. Жена прячетъ отъ мужа пирогъ и бутылку вина. Нищій, выдававшій себя за глухо-нѣмого, рассказываетъ пріѣхавшему мужу, гдѣ спрятаны кушанья. Этотъ эпизодъ (безъ любовника) повторяется въ итальянской и нѣмецкой сказкахъ и въ Пентамеронѣ Базили XVII вѣка²⁾. Сюда примыкаетъ польская сказка о двухъ кумовьяхъ³⁾.

Въ итальянской сказкѣ жена рыбака въ отсутствіе мужа весело проводитъ время съ любовникомъ. Любовникъ принесъ съ собой зайца, сыру и бутылку вина. На дворѣ поднялась буря. Прохожій (*vieux bonhomme*) проситъ пустить на ночлегъ. Его пускаютъ, но съ условіемъ, не передавать никому о томъ, что онъ увидитъ или услышитъ въ домѣ. Вскорѣ поступался въ двери мужъ. Жена спрятала зайца за печку, сыръ на балконѣ, вино за дверями и любовника подъ кроватью. Затѣмъ она начинаетъ готовить ужинъ мужу. Мужъ приглашаетъ къ столу прохожаго и проситъ его рассказать сказку. „Проходя полемъ, сказалъ ночлежникъ, я видѣлъ зайца такого большого, какъ тотъ заяцъ, что лежитъ за печкою, бросилъ въ него такой большой камень, какъ кусокъ сыру на балконѣ. Изъ зайца потекла такая черная кровь, какъ вино за ближайшей дверью, и затѣмъ заяцъ издохъ, причемъ глаза у него сдѣлались такіе, какъ у того, что лежитъ здѣсь подъ кроватью“. Мужъ воспользовался этими указаніями, выгналъ любовника, наказалъ жену и пригласилъ прохожаго раздѣлить съ нимъ то угощеніе, которое было принесено любовникомъ⁴⁾.

Въ новогреческой пѣснѣ невѣрная жена посредствомъ обмана высылаетъ мужа изъ дома. Мужъ случайно возвратился, нашелъ жену въ объ-

1) *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine, I, 223.

2) *Cosquin*, ib. II, 329.

3) *Chelchowski*, I, 269.

4) *Cosquin*, II, 330.

ятіяхъ любовника и убилъ его. Многихъ деталей здѣсь недостаетъ. Существуетъ сходный астурийскій романсъ ¹⁾.

Гораздо ближе къ сказкамъ польской, французской и италіанской стоитъ слѣдующая сказка, записанная въ Месопотаміи: Лисица заключила побратимство съ человѣкомъ. Они приходятъ въ одинъ домъ, гдѣ хозяйка только-что вынула изъ печи хлѣба. Лисица попросила себѣ кусочекъ хлѣба, но была прогнана. Лисица замѣтила, что женщина намазала масломъ нѣсколько хлѣбовъ и понесла ихъ любовнику. Тогда лисица пригласила своего побратима спрятаться въ ящикъ съ пшеницей. Жена вернулась съ любовникомъ, а когда вошелъ мужъ, то она спрятала и любовника въ тотъ же хлѣбный ящикъ. Любовникъ сталкивается здѣсь съ побратимомъ. Мужъ проситъ хлѣба, и жена даетъ ему кусокъ черстваго хлѣба. Лисица снова проситъ хлѣба, получаетъ отказъ и выдаетъ невѣрную жену мужу. По указанію лисицы мужъ открываетъ хлѣбный закрокъ и убиваетъ любовника жены и побратима лисицы, потомъ убиваетъ жену, а хлѣбъ съ масломъ ѣстъ вмѣстѣ съ лисицей ²⁾.

Въ индійской сказкѣ (изъ Камаона) купчиха влюбляется въ красиваго сипая, покупавшаго въ лавкѣ ея мужа провизію, склоняетъ его на свою сторону и платитъ по золотому за каждое его посѣщеніе. Однажды неожиданно вошелъ въ домъ мужъ, сипай завернулся въ циновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ началъ угощать жену апельсинами. Жена, чтобы попотчивать любовника, бросила нѣсколько апельсиновъ въ циновку. Въ другой разъ любовникъ прячется въ корзину. Мужъ потчуетъ жену леденцами, и жена бросаетъ ихъ въ корзину. Любовникъ разболталъ на улицѣ всю эту любовную исторію и смѣялся надъ мужемъ. Мужъ узналъ отъ самого сипая о невѣрности своей жены. Когда онъ замѣтилъ, что сипай вошелъ въ его домъ, то онъ заперъ двери и поджегъ домъ. Невѣрная жена спрятала сипая въ сундукъ и упросила мужа вытащить сундукъ изъ горящаго дома. Бѣднякъ напрасно сжегъ свой домъ и вскорѣ отъ горя сошелъ съ ума ³⁾.

Эта сказка одними мотивами примыкаетъ къ пѣснѣ о Терентищѣ, другими къ малорусской сказкѣ: „Якъ чоловікъ у коробку стукавъ“ ⁴⁾. Къ сказкѣ о Терентіи онъ подходитъ двумя, тремя мотивами: героиня-купчиха, обманъ мужа, любовникъ скрывается въ циновкѣ, какъ Терентій въ мѣшкѣ. Гораздо ближе къ индійской сказкѣ стоитъ малорусская: жена мужа

¹⁾ *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 187.

²⁾ *Cosquin*, II, 331.

³⁾ *Минаевъ*, Инд. сказки, № 22.

⁴⁾ *Макжура*, с. 96.

отдается чумаку, чтобы получить отъ него деньги; она представляется больной и посылаетъ мужа на улицу ходить сторожемъ около дома. Чумака потому въ церкви то смѣялся, когда вспоминалъ о мужѣ, то плакалъ, когда вспоминалъ, что отдалъ соблазнительницѣ всѣ деньги. Мужъ распросилъ его и подбѣлилъ съ нейъ деньги.

Сводя къ общимъ мотивамъ пѣсню о гостѣ Терентіи и родственныя ей сказки русскія, польскія и др., мы получаемъ:

1) Невѣрная жена — купчиха (новгородская и индѣйская сказки), шинкаря (польская), пани-боярыня (польская), жена рыбака (итал.), большею же частью крестьянка или безъ обозначенія сословнаго положенія.

2) Невѣрность жены обнаруживаютъ скоморохи (новгор. и смол.), солдаты (курская), глупый (польск.), прохожій (малор., итал.), заблудившаяся дѣвочка (франц.), лисица (месоп.), самъ любовникъ (инд.).

3) Любовникомъ является просто молодецъ въ красной рубахѣ (новг.), молодой парень (курск.), казакъ (малор.), часто попъ (малор., польск.), солдатъ (инд.).

4) Угощеніе, предлагаемое невѣрной женой любовнику, почти одно и то же во всѣхъ сказкахъ, вино, медъ, сласти; причеиъ и прячется это угощеніе отъ мужа почти въ одномъ мѣстѣ — за печкой, въ печкѣ, въ шкафу.

5) Любовникъ прячется на кровати или подъ кроватью (новгор., итал.), въ коморѣ (малор., польск., франц.), въ хлѣбномъ закромѣ (месоп.), въ цинновѣ (инд.).

6) Мужъ или прямо входитъ въ домъ (малор., польск., франц., итал., месоп., инд.) или вносится въ мѣшкѣ или соломенномъ кулѣ (новгор., смол., малор.).

7) Жена посылаетъ мужа за лѣкарствами или докторами (новг., смол., малор.) и даетъ неисполнимыя порученія (смол., малор.).

8) Въ однихъ сказкахъ мужъ наказываетъ только любовника, въ другихъ жену и любовника, въ нѣкоторыхъ обоихъ убиваетъ.

9) Въ пѣснѣ о гостѣ Терентіи скоморохи получаютъ въ награду 200 р., въ другихъ одежду любовника; въ третьихъ награда ограничивается угощеніемъ.

Собственныя имена встрѣчаются въ немногихъ сказкахъ о невѣрной женѣ, и въ тѣхъ вариантахъ (новг., малор.), гдѣ они встрѣчаются, не имѣютъ прочнаго положенія, представляются случайными вставками, и потому они не могутъ идти въ счетъ при научномъ разборѣ пѣсни о Терентіи и родственныхъ ей сказокъ.

Сказка о Терентіи выдается по выдержанному стихотворному размѣру. Въ этомъ отношеніи къ ней очень близко подходитъ вариантъ курскій, за-

тѣмъ смоленскій, малорусскіе. Въ западно-европейскихъ вариантахъ не замѣчено стихотворнаго склада. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ складъ этотъ могъ ускользнуть отъ вниманія, при неумѣлой или небрежной передачѣ.

Месопотамскій вариантъ пѣсни-повѣсти о гостѣ Терентіи представляется любопытнымъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ переходная ступень отъ европейскихъ народныхъ сказокъ на мотивъ о гостѣ Терентіи къ обширной повѣствовательной литературѣ о невѣрной женѣ въ Гитопадешѣ, Тутинаме, *Gesta Romanorum*. Въ месопотамскомъ вариантѣ въ хлѣбномъ закомѣ оказывается два человѣка, причѣмъ мужъ обоихъ убиваетъ, хотя побратимъ лисицы ни въ чемъ повиненъ не былъ. Самое появленіе въ этой сказкѣ побратима не мотивировано. Можно думать, что эпизодъ съ побратимомъ представляетъ искаженіе широко распространеннаго повѣствовательнаго мотива о невѣрной женѣ и двухъ ея любовникахъ (отецъ и сынъ, или мастеръ и его ученикъ).

Въ Гитопадешѣ у одной замужней женщины два любовника, сынъ и отецъ его. У ней былъ сынъ, когда вошелъ отецъ. Она спрятала сына въ хлѣбный амбаръ. Когда пришелъ мужъ, она дала отцу въ руку палку и сказала, чтобы онъ шелъ къ двери съ видомъ разсерженнаго человѣка. Мужъ спрашиваетъ, съ какой стати очутился въ его домѣ злой человѣкъ. Жена говоритъ, что онъ разыскиваетъ бѣжавшаго сына. Этотъ рассказъ повторяется въ Шукасаптати и въ Тутинаме, далѣе въ повѣсти о семи мудрецахъ, въ *Gesta Romanorum*, въ *Disciplina clericalis* Петра Альфонса и въ средневѣковыхъ фавль. Въ „Семи мудрецахъ“ вмѣсто отца и сына являются красильщикъ и его ученикъ. Когда входитъ мужъ, красильщикъ, по совѣту невѣрной жены, гонится съ мечомъ въ рукѣ за ученикомъ. Сходный рассказъ встрѣчается въ Калилѣ и Димнѣ. У Петра Альфонса одинъ любовникъ; мать жены является сводницей. Любовникъ, при видѣ мужа, убѣгаетъ съ мечомъ, и мужу теща объясняетъ, что любовникъ бѣжитъ отъ разбойниковъ. Отраженія и передѣлки этихъ повѣстей находятся въ Декамеронѣ. Къ этому разряду новеллъ Бенфей относятъ повѣсть „*Le clerc qui se cacha derrière un coffre*“, гдѣ является одинъ любовникъ, потомъ другой, потомъ мужъ ¹⁾).

Въ сборникахъ новеллъ, циркулировавшихъ въ старое время въ Западной Европѣ и съ XVII вѣка на Руси, встрѣчаются всѣ главные мотивы о невѣрной женѣ, нашедшіе мѣсто въ пѣснѣ о гостѣ Терентіи и въ родственныхъ ей народныхъ сказкахъ. Такъ, въ польскомъ сборникѣ фавеллъ, переведенномъ на русскій языкъ во второй половинѣ XVII в. (1680 г.) подъ названіемъ „Смѣхотворныя повѣсти“, встрѣчается, между прочимъ,

¹⁾ Benfey, *Pantschatantra*, I. § 57.

разсказъ „о женѣ и гостѣ“—„о женѣ всадившей гостя въ полбочку“—вариантъ новеллы въ Декамеронѣ, VII, 2¹). Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ“ находится извѣстный уже намъ по французской сказкѣ разсказъ „о некоемъ гостѣ и о птицѣ, глаголемой сорокѣ, и о женѣ“,—о томъ какъ невѣрная жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненіи, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливость словъ несчастной птицы. Подобная повѣсть находится въ „Тысячѣ и одной ночи“, гдѣ сорока замѣнена только попугаемъ, а также въ Исторіи сорока визирей²). Французская сказка, отмѣченная выше, озаглавлена у Коскена „Le corbeau“—воронъ. Въ сказкѣ, записанной въ Месопотаміи, роль сороки играетъ лисица.

Многочисленныя лубочныя картинки о невѣрной женѣ не имѣютъ прямой связи съ народными сказками типа пѣсни о гостѣ Терентіи. Онѣ проникли въ Россію изъ Западной Европы, повидимому, позднѣе перехода повѣстей о невѣрной женѣ, и носятъ на себѣ всѣ черты иноземнаго происхожденія. Такова, напримѣръ, картина, какъ мужъ обнимаетъ свою жену, а она за его спиной протягиваетъ руку любовнику. Послѣдній во французскомъ камзолѣ съ изысканной любезностью цѣлуетъ руку³). Несомнѣнное иноземное происхожденіе лубочныхъ картинокъ о невѣрной женѣ говоритъ отчасти въ пользу предположенія объ иноземномъ происхожденіи самихъ повѣстей на эту тему.

Мнѣніе объ индійскомъ (буддійскомъ) происхожденіи европейскихъ сказокъ о вѣроломствѣ и хитрости женщинъ не ново, и здѣсь оно только приложено нами къ пѣснѣ о Терентіи и родственнымъ ей сказкамъ. Въ 1875 году извѣстный ученый *Гастонъ Парисъ* въ интересной брошюрѣ „Les contes orientaux dans la litterature française du moyen age“ (рус. пер. г. Шепелевича 1886 г.) высказался по этому поводу такимъ образомъ: „Что касается безчисленныхъ сказокъ, почти всегда забавныхъ, слишкомъ часто грубыхъ, сюжетъ которыхъ—хитрость и вѣроломство женщинъ, онѣ не родились въ средневѣковомъ обществѣ, онѣ происходятъ изъ Индіи и имѣли свой *raison d'être* въ средѣ, которая ихъ произвела. Отчужденіе отъ всего, что возбуждаетъ желаніе и тревожитъ душу, полное самообладаніе, боязнь мірскихъ привязанностей и скорбей—таковъ смыслъ буддійской доктрины. Авторами разсказовъ, составленныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить эту доктрину проникнуть въ сердца, были иноки, очень похожіе на западныхъ, которые старались внушить любовь къ безбрачію, не столько

1) *Пыпинъ*, Очеркъ литер. ист. стар. пов. 276.

2) *Пыпинъ*, ib. 258.

3) *Ровинскій*, Рус. лубоч. карт. I, 364; V, 44, 165.

расхваливая мистическую красоту дѣвственности, сколько указывая на безобразіе, пошлость, заботы и опасности брака. Ихъ рассказы были съ удовольствіемъ собраны западными клериками, расположенными смотрѣть почти также на брачную жизнь, и служили здѣсь, какъ и тамъ, къ отвлеченію отъ нея молодыхъ людей. Чтобы понять духъ этихъ сказокъ, нужно помнить, что онѣ были созданы въ странѣ, гдѣ женщины, лишенныя свободы, образованія, сознанія собственного достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ, преувеличенное уже въ Индіи, могло всегда считаться въ Европѣ крайней каррикатурой. Благодаря злѣбѣ, этимъ несправедливымъ къ женщинамъ сказкамъ повезло у насъ (Франція), и онѣ переходили, обновляясь безпрестанно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наше поколѣніе еще повторяетъ нѣкоторыя, не принимая морали, которую онѣ проповѣдуютъ, а только ради смѣха, такъ какъ онѣ остроумны и пикантны (19—20). Въ приложеніи къ пѣснямъ о гостѣ Терентіи и родственнымъ имъ сказкамъ замѣчаніе г. Париса о злѣбѣ подлежитъ ограниченію, если не полному устраненію. Эти сказки вполне свободны отъ аскетическихъ тенденцій, если таковыя когда-либо дѣйствительно были въ нихъ, и держатся по комизму положенія дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, какъ вполне подходящее средство увеселенія досужаго слушателя. Какъ широко-распространенное литературное произведеніе, какъ источникъ „Простака“ В. А. Гоголя и „Москаля-чаривныка“ Котляревскаго сказки этого рода составляютъ весьма интересное и, можетъ быть, не бесполезное явленіе въ литературной жизни народа.

Допуская первоначально восточно-азиатское происхожденіе анекдотовъ о невѣрной женѣ и глупомъ мужѣ типа Терентьища, можно въ то же время предположить, что въ смыслѣ распространенія и популяризаціи этого мотива важное значеніе имѣли средневѣковыя фабліо и вызванныя ими нѣмецкія смѣхотворныя стихотворныя повѣсти. Бѣдье различаетъ три ряда средневѣковыхъ сказокъ этого рода и позднѣйшихъ подражаній и передѣлокъ:

1) Мужъ одѣвается въ костюмъ любовника. Образцомъ служитъ фабліо XII в. объ орлеанской мѣщанкѣ (*La bourgeoise d'Orléans*). Здѣсь мужъ отправляется притворно въ дорогу, переодевается въ костюмъ заподозрѣннаго любовника попа и возвращается домой. Жена не показываетъ вида, что его узнала, запираетъ его въ комнатѣ, потомъ принимаетъ поща и затѣмъ велитъ слугамъ избить мнимаго попа мужа, какъ посягателя на ея супружескую вѣрность. Въ средніе вѣка подъ вліяніемъ рыцарской среды это фабліо было нѣсколько разъ переработано, и дѣйствующимъ лицамъ приданы были рыцарскія черты благородства, благочестія. Таковы облагороженныя переработки „*Le Castia Gilos*“, „*Le chevalier, la dame et le clerc*“.

2) Мужъ надѣваетъ одежду жены и получаетъ побои отъ ея любовника. Литературная обработка въ Декамеронѣ Боккачіо, встрѣчается въ разныхъ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ болѣе поздняго времени, между прочимъ, въ одной великорусской сказкѣ, изданной въ 1 т. Крѣтца.

3) Мужъ неожиданно возвращается домой. Жена говоритъ, что его ищетъ полицейскій или сборщикъ податей. По ея совѣту, мужъ прячется въ курятникѣ. Жена пользуется его отсутствіемъ. Много новеллъ и фацецій на эту тему, напр. у Банделло, у Поджіо и др. ¹⁾

XXXI.

Глупые мужья. Рыба (сласти и пр. т. п.) съ неба (изъ земли, на деревѣ).

Анекдоты о глупыхъ мужьяхъ весьма разнообразны, не менѣе многочисленны и разнообразны, какъ и анекдоты о злыхъ и сварливыхъ женахъ. Въ обоихъ циклахъ огромную роль играетъ литературная и устная традиція. Съ анекдотами о глупыхъ мужьяхъ тѣсно связаны анекдоты о рыбѣ и пр. съ неба; но иногда мотивы видоизмѣняются, и глупыми, слишкомъ довѣрчивыми оказываются жены, и тогда уже мужья выступаютъ обманщиками.

Мотивъ: мужъ (или жена) обманываетъ жену (или мужа), что въ полѣ выкопалъ рыбу, въ рѣкѣ поймалъ зайца и т. п., и жена (или мужъ) вѣритъ. Мотивъ этотъ широко распространенъ, и встрѣчается у многихъ народовъ. Потомъ мужъ (или жена) пользуется своимъ обманомъ, чтобы доказать глупость противника и благодаря тому сохраняетъ похищенное сокровище. Мотивъ этотъ изрѣдка встрѣчается въ отдѣльной обработкѣ; большей частью онъ входитъ въ сказки о глупомъ мужѣ, случайно нашедшемъ въ деревѣ (или статуѣ) сокровище и еще чаще въ фабліо и въ сказки о спорѣ женщинъ, какая изъ нихъ лучше умѣетъ дурить мужа.

Подъ литературнымъ воздѣйствіемъ фабліо „Les trois dames qui trou-
vèrent l'anneau“ въ роли глупцовъ чаще всего оказываются мужья; но при этомъ мотивъ объ употребленіи рыбъ часто варьируется. Въ фабліо содержаніе такое: Три дамы нашли кольцо, и каждая претендуетъ получить его. Посредникъ предлагаетъ считать кольцо собственностью той дамы, которая оказалась наиболѣе остроумной въ обманѣ мужа. Въ такую внѣшнюю рамку вставляются чаще всего слѣд. детальныя мотивы, часто встрѣчающіеся въ видѣ отдѣльныхъ повѣстей, сказокъ, фацецій и анекдотовъ:

1) въ однѣхъ повѣстяхъ старинныхъ нѣмецкихъ (XIV в.), Ганса Фольца (XVI в.), „Les comptes“ (XVII в.), Фербоке (XVII в.), нѣсколькихъ француз-

¹⁾ *Bedier, Les Fabliaux, 261, 406—407.*

скихъ фабліо XIII в., въ испанскомъ соч. Тирсы де Молина XVII в., у Малеспини XV в. и въ нѣкоторыхъ народныхъ сказкахъ, напр., сицилійской, жена говоритъ, что она обрила у мужа макушку, одѣла его въ монашеское платье и отвела въ монастырь, и глупый мужъ повѣрилъ, что онъ сталъ *монахомъ*.

2) Почти во всѣхъ поименованныхъ выше старинныхъ повѣстяхъ (за исключеніемъ фабліо) и во многихъ сказкахъ, норвежской, исландской, датской, малорусской (у Рудченка) и въ добавокъ еще у Жака де Витри XIII в.—жена убѣждаетъ здороваго мужа, что онъ заболѣлъ и умеръ. Подробное изслѣдованіе этого любопытнаго мотива сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ настоящаго изслѣдованія.

3) Въ нѣмецкихъ повѣстяхъ XIV в. и въ скандинавскихъ народныхъ сказкахъ новаго времени жена раздѣваетъ мужа и убѣждаетъ его, что онъ одѣтъ.

4) Въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ уже повѣстей и рассказовъ, по словамъ жены, мужъ принялъ свой домъ за трактиръ или допустилъ врываться адоровый зубъ.

5) Въ старинныхъ фабліо (XIII в.) встрѣчается мотивъ съ рыбами въ такомъ видѣ: жена въ четвергъ уходитъ изъ дому подъ предлогомъ сварить рыбу у сосѣдки и возвращается къ мужу лишь черезъ недѣлю къ обѣду съ горячей рыбой, — и простодушный мужъ начинаетъ думать, что жена вышла лишь на нѣсколько минутъ ¹⁾.

Какъ близко къ стариннымъ повѣстямъ и фабліо подходятъ нѣкоторыя малорусскія сказки—новеллы можно видѣть на слѣд. любопытной сказкѣ, записанной въ Уманскомъ у. Кіевской губ. подъ характернымъ заглавіемъ „Три жинки“: „Було такихъ три жинки и такі булы подруги, що одна отъ другої нікуды не піде...—Колысь вони пішли у манастырь говить и на дорози знайшли золотого перстня и ніякъ нимъ не поділяться. Одна каже: „нехай мій буде, бо я побачыла“; друга каже: „нехай мени, бо я взяла“; а третья предлагаєть одати кольцо той изъ нихъ, которая болѣе всего своего мужа „пиддурить“. Соголасились и разошлись по домамъ. Одна послала мужика въ поле орати и закопала въ землѣ на нивѣ десяткъ линовъ. Мужъ похвалился женѣ, что выоралъ живыхъ рыбъ и далъ ей сварить на ужинъ. Жена не сварила и стала увѣрять, что лины не могутъ жить въ рилли. Мужъ ее побилъ. Жена позвала сотскаго, который связалъ мужа, и священника, который его выисповѣдалъ, и когда мужикъ увѣрять, что выоралъ рыбокъ, то попъ ударилъ его, и мужикъ усомнился въ правдивости своихъ словъ.

¹⁾ Bedier, Les Fabliaux, 229 и сл.

Другая жена притворилась въ полѣ больной и заставила мужа нести ее на рукахъ домой.

Третья убѣдила мужа притвориться мертвымъ, чтобы не билъ его панскій прикащикъ. Мнимый мертвецъ запротестовалъ, когда попъ хотѣлъ нести его на кладбище черезъ огородъ, а не улицей, и люди вмѣстѣ съ попомъ разбѣжались.

Жены сошлись снова, опять заспорили, и пошли на судъ къ пану. Панъ первымъ двумъ далъ по 50 розогъ, а третьей присудилъ перстень ¹⁾).

Нѣсколько далѣе отъ фаблю отстоитъ слѣд. малорусская сказка: „Давно, давно, якъ не тилько нась, но и дидывъ нашихъ не було на свити, живъ въ одномъ сили мужыкъ, звали его Потапъ, а его жинку Прыська. Мужыкъ любывъ свою жинку, якъ свою душу. Жилось ёму и ничего, бо винъ бувъ не багатый, тилько бувъ ныщастный тымъ, що жинка его не любила, а тилькы то и думала, щобъ ёго стравыты, або дурнымъ зробыты. Потапъ всё знавъ и ту дурноту зъ головы кулаками выгонявъ. Но жинка це терпила, а те що задумала, не забувала. Пришла весна, долины и горы просохлы и де-де трава зазеленила. Потапъ не теряе годыны, съ плугомъ выйхавъ на степъ на дви ныдили ораты, а жинка зосталась дома гуляты; тилькы одна йеи була робота, що всякий день рано обидъ варыла и на степъ чоловикови носыла. Разъ нысла Прыська обидъ, а дорога була по-пидъ ставомъ и рыбаки ловылы рыбу; Прыська у нихъ купыла рыбы, пришла до чоловика, дала ёму обидаты, а сама пишла по рыли дывыця и въ борозну рыбы накыдала. Пообыдавъ Потапъ и почавъ ораты, дывыця: въ борозни жыва рыба. «Эге, жыва рыба въ зымли, — мабудъ, колысь тутъ бувъ ставокъ!» Покрынувъ Потапъ ораты, давай рыбу въ борозни збыраты. Позбыравъ всю рыбу и погонычемъ до дому пославъ. Погонычъ хозяйци рыбу отдавъ и йи такъ сказавъ: «дядько просывъ васъ, щобъ рыбу зварылы, або спыклы и завтра обидаты выныслы». Прыська того дня рыбу спыкла и съ кымъ зналась зъила, а на другой день ячминяго кулишу наварыла и на поле чоловикови вынысла. Сивъ Потапъ обидаты, подывывся въ горщокъ: ныма рыбы. «Прыська, а де рыба?»—Яка, чоловиче, рыба?»—«А та, що я выбравъ?»—Потапе, чы ты здуривъ, чи начынаешъ дурить? дежъ ты бачывъ, щобъ рыба въ зымли була, та ще на степу? ты мене дурною звешъ, а якъ бы ты бачывъ самъ себе, то ты самъ на себе не похожий, и въ тебе очи переминыдысь, якъ у черта: Покидыдай ораты, та иды до старосты и ныхай тоби на голови зордію прочытае. Поссердывся Потапъ на жинку, схватывъ отъ плуга истыкъ и хотивъ жинку быты, а вона давай додому тикаты. Бигъ, бигъ Потапъ за

¹⁾ Рудченко, Нар. южнор. ск. № 59.

жинкою и ны догнавъ и ставъ на свою жинку крычать: „ныхай я прыйду до дому, я дамъ тобі дурня!“ Прыйшла до дому Прыська, рада була, що начала добре, и якъ знала, що йїи чоловікъ ввечери до дому прыйде, покликкала до себе куму и стала йїи просыты: „кумасю моя мыла, що мени робыты? прыйде мій Потапъ ввечери и буде мене быты, бо винъ на мене дуже рассердився; а вы, кумасю, остантыся у мене и може вы его уговорыте, бо винъ васъ дуже уважае“. Кума Прыськына послухала и стала Потапа ождать. Ввечери, було уже темно, Потапъ иде додому дуже сердытый; побачыла жинка, що иде йїи чоловікъ, сховалася пидъ коминъ, а кума осталася сама въ хати. Ввійшовъ въ хату Потапъ и начавъ крычать: „Прыська, чортъ бы тебе взявъ, де ты?“ За Прыську кума обизвалася и стала кума гамуваты: „куме Потапе, що зъ вами, чого вы такъ расходьлысь?“ Не спизнавъ Потапъ свою куму по голосу, а думавъ, що то йїего жинка,—а на ту биду въ хати було темно,—схватывъ куму за косы и ставъ йїи быты; бывъ Потапъ куму, та ще примовлявъ: „оце тобі та рыба, о-це тобі дурный, о-це тобі то, що ты мене до старосты посылаешъ, щобъ винъ мени надъ головою молитвы чытавъ, та ще заразъ называешъ мене кумомъ! який я тобі кумъ!?“ и давай ще гирше йїи быты. Довго бывъ Потапъ куму, стико влизло, а пидъ кинецъ и косы выдризавъ—„Оце тобі, Прысько, щобъ ты мени дурнымъ быльше не робыла, бо ты це и взавтра скажышь, що я тебе не бывъ!“ Вывралася кума зъ рукъ кума, потыхеньку помандрувала до дому—ныма на голови волосся, ще й до того добре побыта; сказала бъ своему чоловікови—боицця, бо ще й винъ буде быты. Не вечерявши лигъ Потапъ спаты и пидъ голову положывъ косу. Довго сыдила Прыська пидъ коминомъ, не входыла до хаты, поky йїи чоловікъ добре не заснувъ. Чуе Прыська, що чоловікъ спытъ, ажъ хропе, ввійшла потыхеньку въ хату, вытягнула косы и ихъ сховала, а писля того пишла въ хливъ, де стояла кобыла, побрыла ей морду, спыну, выдризала хвоста, и положила чоловікови пидъ голову, а сама вылизла на пичъ и лягла спаты. Рано проснувся Потапъ и ставъ жинку будыты: „Прысько, вставай! уже теперъ ты поразумила?“ Встала вона съ печи, якъ будто бы нычого ны знае, заговорила до Потапа ласковыми словами и на лавци сила. „Потапе мій мылый, що тобі таке мерещицця? и що це ты кажешъ? и чего ты на мене сердыся и кажешъ на мене, що я вчора була дурна? ты мене весь викъ робышь дурною, а якъ бы ты побачывъ самъ себе, тоди бъ и мени повирывъ, який ты ставъ, и очи въ тебе переминылись“—и начынае плакать. Потапъ подывывся на жинку та й каже: „годи тобі. Прысько, химерыкы робыты, бо й сегодня буду тебе я быты“. Прыська одвернулася и засміялась: „постий, каже, проклята пара, вже не далека та година, я зроблю зъ тебе дурня!“ „Потапе, каже, мій мылый, що ты

кажышь, колы ты мене бывъ? це тоби друга рыба, що выоравъ на стыпу“.. Россердывся Потапъ на жинку и хотивъ йи заразъ быты, но жинка була хитрѣйше чорта; пидыйшла до чоловика, ласково въ очи подывылась и каже: „Потапе, Богъ стобою, що ты це хочешъ робыты? колы ты мене бывъ? угамуйся!“ Потапъ скоса подывывся на жинку и сказавъ: „о, я тоби докажу, що я тебе бывъ и тоби косу видризавъ“. Кынувся винъ до лавкы, де спавъ, засунувъ руку пидъ подушку и вытягнувъ киньскый хвистъ и не дывытця на него—показуе жинци. „Потапе, угамуйся! хйба це косы мой? це хвистъ кобылы! ты бывъ кобылу, а не мене!“ Пишовъ Потапъ съ хвистомъ въ хливъ и дывыця: справди, кобыла побыта, а хвистъ видризаний! Вырнувся до хаты, сивъ на лавци и думаетъ: „можетъ, справди я бывъ кобылу и йи хвоста видризавъ?“ А Прыська баче, що чоловика трохи одурыла, заплакала и стала его просыты, щобъ винъ ны тратывъ годыны, пишовъ до старосты, щобъ винъ ему зордію читавъ. Въ тимъ сели бувъ староста трохи письменный и зордію вмивъ чытаты. Здузивъ Потапъ, пославъ жинку до старосты. Вона того давно й хотила, а якъ прышла до нѣго, такъ ему наговорыла, що винъ йи повирывъ. Прышла Прыська до дому, заставыла чоловика бычка рябенького за шею налыгаты, а сама пѣймала рябенького пивныка и пидъ полу сховала, щобъ чоловикъ его ны бачывъ. Выйшовъ зъ двору Потапъ та й до жинкы заговорывъ: „Прысько, а на що мы бычка взяли?“—Я ёго подарувала старости, щобъ винъ добре прочытавъ тоби надъ головою молитвы.—„Ну, нехай буде такъ!“ Прышла Прыська зъ чоловикомъ въ двиръ, взяла зъ рукъ у него бычка и стала ёго привязуваты до тыну, а его послала до хаты. Не вспивъ Потапъ дверей оччыныты, Прыська пустыла бычка до дому, а на ту выровочку привязала пивня и въ синяхъ чоловика догнала. „Слухай, Потапе, вытрищай очи и кывай худко головою, бо ты такый страшный, що тебе и староста злякаецця!“ Ны вспилы вони до хаты выйты, якъ выйшовъ староста и его жинка въ сыны. „Здоровъ, Потапе!“ А Потапъ вытрищивъ очи и ставъ кивать головою. „Ты слабый, Потапе?“—Авжежъ! прививъ вамъ бычка“, каже Потапъ и не перестаетъ кивать головою. „Панове старосты! каже Прыська, ходимъ на двиръ и побачымъ, якого винъ вамъ бычка прививъ!“ Дывляця, а коло тыну привязанный пивень. „Бачыте, якого винъ вамъ бычка подарувавъ! винъ зовсимъ вже дурный!“ Заразъ повивъ Потапа староста въ хату и ставъ на голови молитвы чытаты. А Прыська купыла дви рыбы и черезъ кватырку въ хату и всунула рыбу. Баче Потапъ—въ викни рыба—и каже: „въ викно рыбка, рыбка лизе!“ Прочытавъ староста зордію и вывивъ его зъ хаты, а Прыська навстричъ имъ: „а що, староста, прочыталы? Потапъ дурный, винъ говорывъ за якусь рыбу“. Прышла Прыська до дому съ чоловикомъ, заперла его въ хати, а сама пишла тро-

хи погуляты; гуляла вона, скилько хотила, а ввечери до дому прыйшла. „Потапе, я це була въ тои бабы, що вона богацько знае, вона мени казала, щобъ ты такъ зробишь: въ мазныцю дѣгтю наливъ и его запалывъ, и яке-нибудь рябе рядомъ я на тебе надину, и заразы иды по пидъ хаты и махай выще себе и ны до кого нычого ны говоры“. Выйшовъ Потапъ съ двору, обмотанный въ рябе рядомъ, и въ руци мазныця, а въ йи горить смола, а винъ пидкыдае йи выше себе и иде улыцею по-пидъ хатами. Люды зо всего села зибралыся гамуваты Потапа, а винъ свое робе. Прыська иде ззади и потыхеньку людямъ каже: „Потапъ начинае казыщя, винъ всихъ васъ покусаетъ, вырыйте яму и кыньте его, собаку, и живого засыпте землею“. Подумало общество та й прыговорило: ныхай пропаде одынъ винъ, чымъ маемъ мы вси показыщя. Староста поттвердывъ, що винъ сказався, мужыкы выкопали яму, вкынули Потапа и наклады на него могилу. Отаке колысь робылось на свити ¹⁾.

Весьма подробно мотивъ о рыбѣ съ неба и т. п. разработанъ въ русскихъ сказкахъ, напр., въ сказкѣ, изданной Леже въ „Contes populaires Slaves“: мужикъ нашель кладъ и, по совѣту жены, закопалъ его на току. Опасаясь, что жена проболтается, онъ спряталъ его въ клунѣ. Когда жена принесла воды изъ колодца, мужъ повелъ ее въ лѣсъ ловить рыбу. Заранѣе онъ закопалъ въ лѣсу въ одномъ мѣстѣ щуку, въ другомъ окуня, въ третьемъ язя. Жена все это нашла и была удивлена, что въ лѣсу водится рыба; потомъ она находитъ пирожки на грушѣ, вѣритъ, что мужъ въ рѣкѣ поймалъ зайца. Когда жена разболтала о нахожденіи сокровища, мужъ объявилъ, что она сумасшедшая. Когда же она стала утверждать, что сокровище было найдено наканунѣ того, какъ на грушѣ выросли пирожки, а въ рѣкѣ пойманъ былъ заяцъ, всѣ признали ее сумасшедшей, и о кладѣ не было уже рѣчи ²⁾.

Въ обширной малорусской сказкѣ изъ Полтавской губ. мужъ находитъ деньги, и чтобы жена не разболтала, убѣждаетъ ее, что поймалъ въ рѣкѣ зайца, что на ярмаркѣ была буря изъ калачей, затѣмъ буря изъ бубликовъ. Жена все настаивала, чтобы мужъ купилъ ей такую курту (т. е. кофточку), какъ у барыни. Мужикъ купилъ шкуру съ сѣраго вола и нарядилъ въ нее жену. Жена пошла въ церковь. Народъ принялъ ее за черта и разбѣжался. Тогда обиженная жена рассказала пану, что мужъ ея нашель гроши, но когда она добавила, что это случилось тогда, когда въ рѣкѣ пойманъ былъ заяцъ, что были калачная и бубличная бури, что на

¹⁾ Ястребовъ, Матер. по этногр. 172.

²⁾ Clouston, 153—156.

ярмаркѣ тогда самого пана били по лицу украденной колбасой (и это ей мужъ наплелъ), то панъ разсердился и высѣкъ бабу ¹⁾.

Въ польскихъ сказкахъ и анекдотахъ также встрѣчаются разбираемые мотивы, но большей частью въ сжатой передачѣ и въ плохой обработкѣ. Таковы краковскія сказочки о глупой женѣ, повѣрившей мужу, что ему въ задницу влетѣла ворона, о другой глупой женѣ, повѣрившей сообщенію мужа, что рыбы живутъ на вербѣ ²⁾.

Въ македонской сказкѣ мимо избы глупой женщины шелъ караванъ. Одинъ верблюдъ съ дорогими, царскими товарами отсталъ; мужъ увелъ его, зарѣзалъ и товары взялъ себѣ. Онъ деньги спряталъ, но при этомъ показалъ женѣ на курей, клюющихъ житное зерно, и сказалъ, что это вороны клюютъ глаза. Царь, желая разыскать пропавшаго верблюда, послалъ женщину покупать верблюжьяго мяса будто бы для лѣкарства. Жена продала кусокъ мяса убитаго верблюда и сказала, что мужъ ея убилъ верблюда. На судѣ мужъ просилъ судью спросить доносицу, когда онъ убилъ верблюда. Тогда, сказала жена, когда вороны клевали глаза и выклевали глазъ у судьи (а судья былъ слѣпой на одинъ глазъ). Этотъ отвѣтъ былъ принятъ за доказательство глупости жены, и мужъ ея былъ отпущенъ.

Эта сказка состоитъ изъ двухъ мотивовъ, о полотнѣ и горшкахъ и о верблюдѣ. Встрѣчаются эти мотивы и въ видѣ двухъ отдѣльныхъ сказокъ ³⁾.

Мотивъ о рыбѣ, пирожкахъ и т. п. встрѣчается въ шотландскихъ сказкахъ (супъ и блины), въ кабилъской (пряженцы), сицилійской (виноградъ и фиги) и др. ⁴⁾. Значительная давность мотива видна изъ того, что онъ вошелъ въ памятникъ XVII в. Пентамеронъ Базили — въ видѣ окончанія сказки о глупцѣ, нашедшемъ сокровище внутри статуи. Здѣсь мать обманула сына, утвердивъ его во мнѣніи, что фиги и виноградъ упали съ неба ⁵⁾.

Существованіе мотива въ сказкахъ сицилійскихъ и кабилъскихъ даетъ поводъ думать, что мотивъ этотъ проникъ съ азіатскаго Востока. Такое предположеніе находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ существованіи весьма сходнаго варіанта въ 1001 ночи.

Въ 1001 ночи жена приноситъ ночью жареную рыбу и жареное мясо, кладетъ передъ дверями дома и утромъ увѣряетъ мужа, что все это упало

¹⁾ Чубинскій, II, 505—510.

²⁾ Ciszewski, 212—213.

³⁾ Шапкарскъ, VIII, № 56.

⁴⁾ Clouston, 154.

⁵⁾ Cosquin, II, 180.

съ неба во время дождя. Мужъ вѣритъ. Когда онъ донесъ въ полицію о найденномъ женой сокровищѣ, то жена отрицала и въ доказательство того, что мужъ ея глупъ, предложила спросить, когда она нашла. Мужъ отвѣтилъ: „въ ночь, когда дождило мясомъ и рыбой“. Мужа сочли идиотомъ и отпустили обвиняемую ¹⁾).

Мотивъ о томъ, какъ разумная мать (жена, братъ или мужъ) отводятъ вниманіе глупца указаніемъ на дождь изъ ананасовъ, бубликовъ и пр. встрѣчается въ Индіи (ананасы и др. сласти), въ Малороссіи (вышепривед.), у лужицкихъ сербовъ, британцевъ, шведовъ, италіанцевъ, сицилійцевъ и друг. ²⁾).

Въ малорусскихъ сказкахъ мужъ носить квашу и оборачиваетъ ее себѣ на голову. Одна жинка задумала паляныцями торговаты. „Купы“, каже, „чоловиче, куль муки—буду пекты паляныцы та на базари торговаты“. Чоловикъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утыла, вынесла на базарь,—никому й дурно не треба. Прыносе назадъ.—„Ни, чоловиче, на паляныцы нема ходу: люде бублыкивъ та й бублыкивъ! Иды, чоловиче, товчы въ ступи паляныцы, а я буду сіяты та бублыки пекты“. Напекла, понесла,—те жъ никому не треба. Прыносе назадъ.—„Ни, чоловиче, и на бублыки нема ходу: люде кваши та кваши! Иды товчы,—я наварю кваши“.—Наварыла дижку, привязала йому за плечи.—„Ну, несы жъ на базарь, торгуй та гляды: у тебе родычивъ до чорта, то ще дурно пороздаешъ“.—Взяла кочергу та на земли й напысала хрестъ: „Цилуй, бисивъ сыну, божысь, що никому дурно не дасы!“—Винъ дурный и нахылывъ цилуваты хрестъ, а кваша черезъ голову до долу й вылыдась. Вона й давай крычаты: „оть, бисивъ сыну! съ такимъ чоловикомъ и пожывы на свити: якъ схотивъ, такъ куль муки й перевивъ“! ³⁾

Въ малорусскомъ вариантѣ, весьма сходномъ съ предыдущимъ, есть лишь та особенность, что вмѣсто поцѣлуя креста на землѣ глупый мужъ нагинается, чтобы поднять мѣдный пятакъ, съ умысломъ положенный женой на дорогѣ въ воротахъ ⁴⁾).

XXXII.

Потеря сознанія самоличности.

(Сомнѣніе въ собственномъ существованіи, или относительно головы, дома).

Мотивъ о томъ, какъ глупецъ потерялъ увѣренность въ самоличности, встрѣчается часто, иногда въ формѣ отдѣльнаго анекдота, чаще всего въ

¹⁾ Clouston, 146—150, *Cosbun*, II 181.

²⁾ *Zeitschr. d. ver. f. Volksk.* 1896 I, 73.

³⁾ *Гринченко*, Этн. матер. I 78.

⁴⁾ *Манжура*, Сказки, пословицы и пр. 97.

составъ сказокъ на тему, какъ жена дурила мужа. Въ сборникъ малорусскихъ сказокъ Манжуры мотивъ этотъ введенъ въ видъ предисловія въ сказку о томъ, какъ мужикъ телился ¹⁾. Въ другихъ малорусскихъ и великорусскихъ сказкахъ оба эти мотива развиваются равномерно, какъ самостоятельные.

Нашли глупцы медвѣжьёу берлогу (въ малор. разск.), и одинъ полизъ у берлогу, а медвидъ ему и откусывъ голову. Ци, шо тутъ булы, крычать: „вылазь! вылазь!“—а винъ все не вылазъ. Воны взяли и вытягли его за ногу, дывляцца—винъ безъ головы. Воны тоди кажутъ: „чы винъ бувъ зъ головою, чы безъ головы“? Никто не знавъ. Тоди послалы до ёго жинкы спытать: чы винъ бувъ зъ головою, чы безъ головы? Отъ двое пишлы. Прыйшлы воны та й пытають жинку: „чы твій чоловікъ бувъ зъ головою, чы безъ головы“? Вона каже: „незнаю“! а тоди трохи подумала, то й каже имъ: „ни, бувъ зъ головою, бо якъ борщъ йидавъ, то й головою мотавъ“! Ажъ тоди воны узналы, шо винъ бувъ зъ головою ²⁾. Существоють такіе же рассказы чеченцевъ ³⁾.

Встрѣчаются сказки и анекдоты съ сокращеніемъ мотива о потерѣ сознанія самоличности въ мотивъ сомнѣнія въ присутствіи собственной головы, или въ такой еще болѣе упрощенной формѣ, что глупый мужъ или глупая жена не узнають собственнаго дома.

Въ сказки этого рода часто входитъ мотивъ: глупую женщину обмазываютъ дегтемъ и осыпають перьями. Образцомъ можетъ служить слѣд. малорусская сказка изъ Бердянскаго у.: Жылы за царя Хмѣля, якъ було людей жменя, чоловікъ та жинка. Чоловикъ бувъ такъ соби, а жинка таки зовсимъ дурна. Бувъ у йихъ и свій млынъ, и хата, и де яки повиткы для скотынкы. Отъ якъ зибрався чоловікъ (а звалы його Иваномъ) на ярморокъ продаты корову й одну курку, а жинка й каже: „годи тобі, чоловіче, йиздыты по ярмаркахъ; посыдь, лыпень, ты дома, а я пойиду й сама зъумію продаты“.—„Ну, панай, каже Иванъ,—та гляды, за корову визьмы 10 карбованцивъ, а за курку—30 копійокъ, щобъ ты привезла мени 10 рубливъ и 30 копійокъ, бо треба подать заплатыты“. Пойихала баба на ярморокъ, та ще й не дойихала до майдану, ажъ зустривъ йи жыдъ та й пыта: „що продаешъ?“—„Оце за корову и за курку дасы мени 10 рубливъ и 30 копійокъ: за курку 10 р., а за корову 30 коп.“ „Добре, каже жыдъ, я визьму корову, а курыцю несы на ярморокъ; якъ никто не визьме, то прынесы до мене, я й курку визьму“.—Заплатытъ жыдъ за корову 30 коп. та й повивъ, а баба понесла курку на ярморокъ,

¹⁾ Манжура, 94.

²⁾ Ястребовъ, Матер. по этногр. 186, Рудченко, Нар. ю. ск. II 194.

³⁾ Потебня, Къ ист. звук. III 135.

та такъ и не продала, бо хто спыта, скільки вона хоче за курку, вона й каже—10 рублівъ. Ходыла, ходыла по ярморку, та понесла курку до того жыда, шо купывъ корову. А йій зустривъ жыдъ и жыдивка такъ ласково и каже жыдъ, шо винъ дасть 10 карбованцівъ за курку. Жыдивка узяла видъ нейи курку, заризала, приготоовыла якъ треба, поставыла горилкы чимало и ну гостыть бабу йійи жъ куркою. Напойили жыды бабу добре, обмазали смолоу, вкачали у пирья та й вынесли у лись у вечери. У ранци прокынулась баба, глянула на себе та й пыта сама себе: „чы я, чы не я? Пиду до дому“! Пишла, а собаки якъ побачылы йі, та такъ и кынулысь мовъ на якого звиря. Вона уплять пишла въ лись, посыдила, подумала, та й каже соби: „пиду знову до дому та увійду въ хливець до телятъ; то якъ вони зачнуть мени руки лызати (якъ перше лызали, якъ було дае йимъ пійло), то ничого, а якъ полякаються, то тоди вже я не чоловикъ, а птыця“. Пишла въ хливець, а телята якъ побачылы йі та й поразби-галыся кто куда,—тільки й бачылы йихъ! Отъ вона й каже: „теперь я птыця“. Вылизла на млынъ, распросторила руки, наче крыля, та й ну махати ними; а чоловикъ йійи взявъ рушныцю та й цылыться на нейи, щобъ убыть; вона якъ закрычыть: „Иване, це я, твоя жинка!“—„А якого жъ ты биса зализла на млынъ та ще й вырядылась наче чортяка! Злизъ, лышень, та попрощаймось, бо я пиду ходыть по билому свиту, а тебе покыну тутъ. Якъ що знайду, ще трьохъ такихъ дурныхъ, якъ ты, то вернусь а якъ же не знайду, то й не жды мене“. Узявъ ципокъ, засунувъ сокыру за пояса, та й пишовъ. Ишовъ винъ довго, увійшовъ у якусь слободу, ось чые хтось крычыть не своимъ голосомъ; винъ у хату, ажъ тамъ одна жинка надила на чоловика шось наче мишокъ та й бье його по голови рублемъ. „Що вы тутъ робыте?“ пыта Иванъ. „Рятуй, каже чоловикъ, оце жинка пошыла мени нову сорочку, тай бье по голови, щобъ зробыть у сорочци дирку, щобъ голова пролизла. Порятуй, каже, чоловике добрый, я тебе награжу“. Иванъ узявъ свою сокыру, прорубавъ дирку на голову и на руки и надивъ на чоловика. Воны його нагодували и дали йому ще й грошей чы мало за те, шо навчывъ йихъ якъ сорочки шыть. Отъ Иванъ выйшовъ то й думаетъ соби: „уже знайшовъ одну таку дурну бабу, якъ и моя.“ Иде дали и баче: баба выбигаеъ съ хаты на двиръ зъ видрамы, стане проты сомця, поставе видро, а тоди накрое його хвартухомъ та й несе у хату (а въ хати нема ни одного викна). Пидходе Иванъ та й пыта йійи: „Що це ты робышь?“—„Оце ,каже, чоловике, хочу сонце пійматы та въ хату внести; а то якъ була стара хата, то було выдно въ йій, а оце мы поставылы нову хату, то я ніякъ въ нейи свиту не наношу.“—„Давай, каже Иванъ, я тоби зроблю такъ шо буде выдно.“—„Зробы, будь ласка, я тоби заплачу“ каже баба. Иванъ узявъ сокыру, прорубавъ чотыри викна и въ хати ста-

ло видно. Нагодувала баба Йвана и грошей дала. „Оце вже дві знайшовъ такихъ дурныхъ бабы, якъ и моя“, дума собі Иванъ, та й пишовъ дали. Иде й чує—плаче жинка такъ жалобно, що його й самого жаль узявъ. Підійшовъ винъ до неї та й пита: „чого ты плачешъ, бабо?“—„Якъ же мені не плакати, каже вона, ось, дивись, скільки мені добра оставивъ мій Петро дурний, а самъ умеръ; отъ я й думаю: що робить мій Петро на тимъ свити?“ Воно, бачите, уже втретє замижъ пишла та все за Петривъ: первый бувъ Петро, другий—Петро и цей, що тепер на степу недалеко видъ слободы хлибъ сіявъ, и цей бувъ Петро—третій. А Иванъ, якъ побачивъ стільки добра у неї, то заразъ догадався, що треба робить. Отъ винъ йій й каже: „Я, живко, самъ съ того свиту прійшовъ, бачивъ тамъ твого Петра, винъ тамъ ходе, сердешный, увесь у лоскуткахъ та мылостыни просе и тоби переказувавъ поклонъ, щобъ ты прислала йому одежи“. „Та я йому й грошей, й повозку, й коняку, й одежи пошлю, щобъ винъ не ходивъ пишки голый и босый... А чы ты жъ, чоловіче, уп'яять пидешъ туды?“—„Пиду“.—„Ну ось я заразъ запряжу тоби чалу кобылу въ повозку, покладу одежи й грошей, та й оддасы, будь ласка, моему Петру“. Узявъ Иванъ усе, що йому дала жинка, сивъ на повозку та й поїхавъ додому (бо думавъ що найшовъ уже й третю такую дурну бабу, якъ його). Йиде винъ собі потыхеньку, а тїйи жинки чоловікъ, Петро третій побачивъ здалека, пизнавъ свою чалу, та мерщій до дому, роспытать у жинки, що воно таке поїхало мовъ йихньою чалою. Жинка й рассказала, що прыходивъ чоловікъ съ того свита видъ Петра, а вона дала йому всякого добра та ще й коня съ повозкою. Петро третій заразъ верхы та на здогонки за Йваномъ. А Йванъ скорійшъ у лисъ: заховавъ коня съ повозкою, вырвавъ у коня килька волосынокъ съ хвоста, повисывъ на гилляку на дереві, а самъ лигъ пидъ тимъ деревомъ и лежыть у горі дывытсья. Подъїхавъ Петро третій, подывывсья на Йвана та й пита його: „Що ты тутъ робышъ, чоловіче?“—„Оце, каже Иванъ, бачывъ я, тутъ чоловікъ одынъ йїхавъ у повозци, чалою конякою, то якъ побачывъ, що ты прешъ сюды верхы—винъ такъ и пиднявсь у гору. Онъ, тилькы видно!—Ось кинь його тутъ зачепывсья трохи за дерево, та хвоста трохи осталось на гильци“.—„Де?“ „А ляжъ тутъ, де я, то й побачышъ“.—„Ну, на жъ подержъ мого коня!“—„Та ты дывись прямо вгору, а то ничего не побачышъ“, каже Иванъ, а самъ потыхеньку одвивъ коня до своей повозки, прив'язавъ, та й драла зъ лису, що есть сылы! Прійїхавъ до дому, привізъ жынци стільки добра, а вона ну його лаять: „якъ тобі не соромъ швендяты скризъ,—онъ, уси люды сіють хлибъ. Бачышъ, ты тутъ скризъ ходывъ, а я безъ тебе й ныву засіяла“.—„Чымъ?“—„Эге, чымъ!—Украла тутъ у чумакивъ пудивъ зо тры солы та й посіяла ныву“.—

„Ну, й дурна жъ ты, жинко, каже Иванъ, та нема чого робить, будемъ жыть разомъ, бо ще на билимъ свити е люде богато дурнищи за тебе“¹⁾.

Изъ многочисленныхъ польскихъ сказокъ на эту тему весьма сходна съ вышеприведенной малорусской слѣд. сказка изъ мазовецкаго Луковца подъ названіемъ „Chistoryja o glupij gospodynj“²⁾. Здѣсь соединены два мотива—о глупой женѣ и о глупыхъ людяхъ, безъ національнаго ихъ опредѣленія.

Мотивъ о глупой женѣ разработанъ въ такой формѣ: мужикъ собрался на ярмарокъ продавать корову и курицу; жена взялась сама продать ихъ по назначенной мужемъ цѣнѣ: за курицу 2 золотыхъ и за корову 10 талеровъ. На дорогѣ она встрѣтила шинкаря и, перепутавъ цѣны, продала корову за 2 золотыхъ; на ярмаркѣ за курицу, разумѣется, никто не далъ ей 10 тал. Она понесла ее продавать тому же шинкарю; послѣдній напоилъ ее пьяной, остригъ, вымазалъ сметаной, вывалялъ въ пухъ и въ мѣшокъ отнесъ подлѣсь. Проспавшись баба вылѣзла изъ мѣшка, и сама не знала—она ли это или другая. Она идетъ къ своимъ телятамъ, но послѣдніе въ страхѣ бросаются въ сторону, подходитъ къ домашней собакѣ, и собака лаетъ на нее. Все это убѣждаетъ ее, что она не Мацькова. Она лѣзетъ на крышу своей хаты и хочетъ полетѣть; мужъ выходитъ съ ружьемъ, сначала хочетъ застрѣлить ее, потомъ узнаетъ въ этомъ чудищѣ жену, спрашиваетъ о ярмаркѣ, узнаетъ всю глупость жены и съ досады уходитъ изъ дому въ чужую сторону, сказавъ женѣ, что возвратится, если найдетъ людей болѣе глупыхъ. На дорогу онъ взялъ топоръ, долото и хлѣба.

Въ польскихъ сказкахъ пьяный мужикъ, обокраденный въ дорогѣ, въ чужомъ платѣ не узнаетъ себя; домашняя собака лаетъ на него; жена, принявъ мужа за попа, проситъ освятить хату. Считаая себя попомъ, мужикъ говоритъ мужикамъ проповѣдь: „если не будете, хлопы, хорошо служить панамъ, то будемъ лупить съ васъ шкуру и на бантынѣ вѣшать“. Глупца бьютъ, и онъ приходитъ къ самосознанью³⁾.

Вообще въ польскихъ сказкахъ разбираемый мотивъ часто встрѣчается⁴⁾.

Въ болгарскихъ сказкахъ стеблевцы (болг. пошехонцы) спрашиваютъ у своихъ женъ, дома ли они, т. е. мужья, какія шапки были у нихъ на головѣ, и только по бѣлымъ шапкамъ признали себя⁵⁾.

¹⁾ Гринченко, II № 190.

²⁾ Ulanowska, въ Zbiory wiadom. do antrop. kraj. VIII, 299—303.

³⁾ См. напр. еще Chetchowski, Powiesci II №№ 48, 66.

⁴⁾ Ciszewski, 218—220.

⁵⁾ Сборн. за нар. умотв. VII 135—137.

Въ македонскомъ варіантѣ „Глупави те винари“ стеблевци несутъ мѣха съ виномъ. Ночью прохожій выпилъ вино изъ бурдюка, и бурдюкъ сталъ легкимъ. Стеблевци рѣшили, что это не они, и пошли по селамъ спрашивать не проходили ли винари стеблевцы. Изъ своего села они ушли потому, что на нихъ залаяли собаки, и они убѣдились, что они изъ другого мѣста ¹⁾).

Извѣстна норвежская сказка такого содержанія: Крестьянка взяла на базаръ курицу и корову на продажу. За корову она запросила 5 шиллинговъ, а за курицу 10 фунтовъ, т. е. дороже. Корову рѣзникъ купилъ, а курицы никто не покупалъ. Пошла баба снова къ рѣзнику, чтобы сбыть ему курицу. Рѣзникъ напоилъ бабу пьяной, вымазалъ дегтемъ и обсыпалъ перьями. Проспавшись баба не понимала, она ли это или не она. Она рѣшила тихонько пробраться домой, и если собаки залаютъ на нее, значить не она. Собаки залаяли; телята бросились отъ нея въ сторону, и она рѣшила по перьямъ, что она залетная птица, взобралась на крышу своего сарая и махала руками, какъ крыльями. Мужъ подумалъ, что это какое-то чудовище, и хотѣлъ застрѣлить ее, но потомъ узналъ по голосу.

Въ Норвегіи эта сказка примкнула къ сказкамъ о глупыхъ людяхъ, въ видѣ введенія, въ замѣнѣ мотива о молодежи и ея матери, оплакивавшихъ смерть нерожденного ребенка. Въ норвежскомъ варіантѣ мужъ глупой бабы уходитъ искать большихъ глупцовъ и находитъ женщину, собиравшую въ сито солнечный свѣтъ, другую женщину, ударами валька надѣвавшую на мужа сорочку безъ отверстія для шеи. Третья женщина—здѣсь вставленъ мотивъ о прохожемъ изъ рая ²⁾), разбираемый нами отдѣльно. Такое сочетаніе данныхъ мотивовъ нами уже было выше отмѣчено въ польской сказкѣ изъ мазовецкаго Луковца ³⁾).

Насколько популяренъ въ Англіи мотивъ о потерѣ глупцомъ сознанія своей личности, видно изъ того, что здѣсь онъ встрѣчается не только въ прозаической формѣ, но и въ видѣ народной пѣсни, которая по содержанію весьма сходна съ норвежской сказкой: Старая женщина пошла на базаръ продавать яйца и заснула на дорогѣ. Какой-то шутникъ прохожій обрѣзалъ ей платье до колѣнъ. Она продрогла, проснулась и затруднялась опредѣлить, она ли это. Она пошла домой, но когда собака ея залаяла на нее, она рѣшила, что это не она ⁴⁾).

¹⁾ *Шанкаревъ*, VIII № 18.

²⁾ *Clouston*, 206—209.

³⁾ *Ulanowska*, въ *Zbiór wiadom.* VIII, 299.

⁴⁾ Пѣсня эта приведена цѣликомъ въ *The book of noodles* Клоустона на стр. 208.

There was an old woman, as i ve heard tell;
She went to market her eggs for to sell;
She went to market, all on a market—day,
And she fell esleep on the king's highway.
There came a pedlar, whose name vas Stout,
He cut her petticoats all round about;
He cut her petticoats up to the knees,
Which mode the old woman to shiver and freeze.
When the little woman first did wake,
She began to shiver aud she began to shake;
She began to wonder and she began to cry:
„Lauk-a-mercy on me, this in none of i!
But if this be a, as i do hope it be,
I've a little dog at home and he'll know me;
If it be i, he'll wag his little tail,
And if it be noti, he loudly bark and wail.
Home went the little woman all in the dark,
Up got the little dog and began to bark,
He began to bark, and she began to cry:
„Lauk-a-mercy en me, this can't be i!“

Подобный анекдотъ встрѣчается въ англійскомъ сборникѣ анекдотовъ Джона Тэйлора „Wit and Mirth“ ¹⁾).

Анекдотъ о потерѣ сознанія личности встрѣчается и на Востокѣ. Въ Персіи ходитъ разсказъ о дурнѣ, который, проживъ много лѣтъ въ лѣсу, пошелъ въ городъ и чтобы узнать себя среди людей, перевязалъ себѣ ногу ленточкой. Шутникъ перевязалъ ленточку, когда глупецъ спалъ, на свою ногу, и дурень, проснувшись, сталъ сомнѣваться въ своей личности ²⁾).

Анекдотъ этотъ имѣетъ очень почтенную древность и, какъ выше уже было нами отмѣчено, встрѣчается у Герокла въ такой обработкѣ, что глупецъ, обривъ себѣ голову, не узналъ себя.

Къ этимъ анекдотамъ примыкаютъ болѣе простые и естественные, а подчасъ и наивные анекдоты о потерѣ сознанія личности во снѣ, въ родѣ слѣд. индійскаго анекдота недавней записи: человекъ видитъ во снѣ, что бьетъ брата ногой, просыпается; оказывается, что онъ самъ себя ударилъ; „разсмѣялся онъ въ умѣ“ ³⁾).

¹⁾ Clouston, ib. 1—12.

²⁾ Ib. 1—12.

³⁾ Минаевъ, Инд. ск. 33.

XXXIII.

Глупецъ сидитъ на яйцѣ или тыквѣ, чтобы высидѣть жеребенка
(=гуся, дочь).

Анекдоты на эту тему входятъ часто въ сказки о глупомъ сынѣ и въ сказки о глупомъ мужѣ. Въ отдѣльномъ видѣ анекдотъ этотъ встрѣчается рѣдко. Его значеніе по преимуществу служебное, значеніе популярнаго вставнаго мотива.

Въ малорусской сказкѣ мужикъ продаетъ на базарѣ тыквы. Жидъ спрашиваетъ, что это такое. Мужикъ говоритъ: „дрохвины крапанки“ и объясняетъ, что изъ нихъ можно высидѣть лошенка. Жидъ даетъ за тыкву 5 рублей и самъ садится высиживать жеребенка, потомъ бросаетъ, пробѣгаетъ случайно заяцъ и проч. Конецъ своеобразный: гоняясь за зайцемъ, жидъ сбросилъ сюртукъ, въ которомъ были деньги. Мужики забрали. Жидъ пожаловался пану. По приговору пана, жидъ возитъ мужика по рилли и встаскиваетъ на крутую гору ¹⁾).

Въ другой малорусской сказкѣ жидъ покупаетъ за сто рублей тыкву, изъ которой долженъ вылупиться жеребецъ, сидитъ на ней, какъ курица; жидовка настояла бросить. Жидъ бросилъ тыкву въ лѣсу, вблизи пробѣжалъ заяцъ, и жидъ бранилъ жену, что она не дала ему высидѣть дома жеребца. Далѣе идетъ анекдотъ о прохожемъ съ того свѣта ²⁾).

Въ галицко-румынскомъ анекдотѣ парубокъ сажаетъ свою старую мать на тыкву высиживать жеребенка. Жидъ покупаетъ тыкву и поручаетъ своей матери досидѣть. Спустя долгое время, жидъ выбросилъ тыкву; въ это время бѣжалъ заяцъ; жидъ принялъ его за жеребенка ³⁾).

Въ Великороссіи мотивъ о сидѣннѣ на яйцахъ связанъ съ именемъ Балакирева. Будто Петръ Великій расположенъ былъ дать хорошее мѣсто одному очень ограниченному придворному. Балакиревъ ухитрился посадить его на яйца и такимъ образомъ указалъ на его глупость ⁴⁾).

Въ польской сказкѣ выведены бездѣтные старики и супруги. Жена поѣхала на базаръ продавать воловъ. Къ мужу пришли цыгане и сказали, что у него можетъ быть дочка, если онъ посидитъ на яйцахъ въ бочкѣ. Старикъ сѣлъ въ бочкѣ высиживать дочку, цыгане закрыли его, посовѣтовали не выглядывать, затѣмъ обокрали домъ и ушли. Когда пришла жена и спрашивала мужа, то онъ только квакалъ—квакъ! квакъ! и когда она

¹⁾ *Манжура*, Сказки 116.

²⁾ *Чубинскій*, II 571.

³⁾ *Житѣе и Слово* 1895, IV, 193.

⁴⁾ *Газо—Федорова*, Шуты и скоморохи, 269.

потянула его валькомъ по головѣ, то онъ все свое: квакъ! и квакъ! Пока жена со злости не убила его валькомъ ¹⁾). Сказка довольно большая и обработанная.

Въ польской сказкѣ мужикъ покупаетъ въ мясной лавкѣ бычачій пузырь. Мясникъ сказалъ, что, если продержатъ пузырь на печкѣ въ теченіе года, изъ него выйдетъ жеребенокъ. Прошелъ годъ, жеребенокъ не вышелъ, и мужикъ выбросилъ пузырь и ударилъ его о сосну. Изъ подъ сосны побѣжалъ скрывавшійся тутъ заяцъ. Мужикъ долго гнался за нимъ, предполагая, что это бѣжитъ его жеребенокъ. Охотникъ застрѣлилъ зайца, и мужикъ очень горевалъ, что убить его жеребенка ²⁾).

Въ хорватскомъ анекдотѣ птица заноситъ сѣмя тыквы. Жители одной деревни принимаютъ тыкву за кобылье яйцо, высиживаютъ поочередно жеребенка, и когда тыква случайно была разбита, приняли пробѣжавшаго вблизи зайца за лошенка. Потомъ они разобрали по дворамъ сѣмена и стали сѣять ихъ ³⁾.

Въ германскихъ анекдотахъ глупые фокбекеры принимаютъ головку сыра да лошадиное яйцо и сажаютъ на него старуху бабу высиживать жеребенка ⁴⁾.

Во французской сказкѣ мать дурня уходитъ въ церковь и поручаетъ сыну положить въ кострюлю гуся на жаркое. Дурень схватилъ гусыню, сидѣвшую на яйцахъ и, не ощипавъ, сунулъ ее въ кострюлю, а самъ сѣлъ надъ яйцами, чтобы высидѣть гусенятъ. Когда мать подошла, онъ, какъ гусыня, сычалъ ⁵⁾.

Въ нѣкоторыхъ французскихъ анекдотахъ разбираемый мотивъ приуроченъ къ цѣлямъ сосѣдскаго зубоскальства, напр., въ приложеніи къ жителямъ городка St. Maixent и къ огородникамъ въ окрестностяхъ Niort.

Къ французскимъ и въ особенности къ польскимъ и малорусскимъ вариантамъ о мужѣ, сидѣвшемъ на яйцѣ, подходитъ арабскій. Простакъ покупаетъ тыкву и, по совѣту продавца, сидитъ на ней 3 дня, чтобы высидѣть осленка, сохраняя молчаніе. Особенность арабскаго варианта: на третій день мужъ увидѣлъ любовника жены, бросилъ въ него тыкву, спугнулъ кролика и принялъ его за осленка ⁶⁾.

Въ сипилійской сказкѣ типичный дуракъ Джуфа, ложно понявъ приказанія матери, кормилъ свою маленькую сестру горячей кашей, а курицу

¹⁾ *Ciszewski*, 221—223.

²⁾ *Ciszewski*, 220.

³⁾ *Am Ur-Quell*, 1890, 170.

⁴⁾ *Krauss*, *Sagen d. Südslaw*. II № 114.

⁵⁾ *Schillot*, *Contes pop. de la H. Bretagne* 222.

⁶⁾ *Кузмичевскій*, въ *Кіев*. Стар. 1886, III 454.

зерномъ, такъ что онѣ погибли и самъ сѣлъ на яйца высиживать. Весьма возможно, что эта сказка проникла въ Сицилію съ арабами. Весьма близкій вариантъ ея встрѣчается въ видѣ составной части арабскихъ сказокъ. Здѣсь жена, уходя изъ дому, поручаетъ своему глупому мужу покачать ребенка, накормить курицу, напоить осла, запереть двери дома и не спать, чтобы не забрались воры. Курица захворала, дурень сталъ искать и бить на ней блохи такъ усердно, что убилъ самую курицу; онъ сѣлъ высиживать яйца, а ребенка взялъ на руки, чтобы качать. Возвратившись, жена разсердилась и такъ ударила дурня, что онъ подавилъ всѣ яйца ¹⁾).

Въ армянскомъ анекдотѣ старшина села Киркенджъ (подъ Шемахой) пришелъ по служебнымъ дѣламъ въ городъ. Увидѣвъ у одной татарской лавки гору арбузовъ, онъ остановился и спросилъ въ изумленіи, что это такое. „Это, допустимъ, ешачьи яйца“, отвѣтилъ хозяинъ. Киракосъ (такъ звали старшину) купилъ за тройную цѣну арбузъ. На дорогѣ онъ остановился за нуждой, арбузъ покатился, ударился объ дерево и разбился, а изъ подъ куста выбѣжалъ заяцъ. Киракосъ принимаетъ зайца за ешачка и гонится за нимъ съ крикомъ: „ешачокъ, ешачокъ, я твой хозяинъ!“ Жена, поплакавъ о потерѣ ешачка, сказала, что она ѣздила бы на немъ по воскресеньямъ въ монастырь цѣловать руку у попа. Мужъ побилъ ее, приговаривая: „въ васъ, бабахъ, жалости нѣтъ; ешачекъ еще очень молодой, и ты могла бы сломить ему спину“. Киракосъ лишь тогда пересталъ бить жену, когда она отказалась отъ намѣренія ѣздить на ешачкѣ ²⁾).

Армянская сказка представляетъ простой пересказъ слѣдующей турецкой о ходжѣ Насръ-эдинѣ: ходжа собрался рубить дрова въ горахъ и на пищу взялъ арбузъ. По дорогѣ арбузъ вывалился изъ его рукъ. Вблизи лежалъ заяцъ, который испугался и побѣжалъ. „Какой промахъ я далъ, вскрикнулъ ходжа, арбузъ былъ беременный: онъ родилъ бы мула“. Дома ходжа разсказалъ женѣ о приключеніи съ арбузомъ. „Нужно было привести его домой, сказала жена, чтобы ѣздить на немъ“. Тогда ходжа взялъ палку въ руки и сказалъ: „слѣзай сейчасъ; онъ еще слишкомъ молодъ; ты ему сломишь спину“ ³⁾).

Сказка восточнаго, по всей вѣроятности, индійскаго происхожденія. Въ сборникѣ индійскихъ анекдотовъ XVIII в. Gooroo Paramartan глупецъ Горо вмѣсто лошади покупаетъ тыкву, причемъ продавецъ увѣрилъ его, что это кобылье яйцо, и если его высидѣть, то изъ него выйдетъ отличный жеребенокъ. Горо (учитель) берется самъ высиживать его. Когда его ученики

¹⁾ Clouston, 139.

²⁾ Сборн. матер. для изуч. Кавказа, VII 130.

³⁾ Кузмичевскій, въ Кіев. Стар. 1886, III 451, 453.

везли тыкву въ лѣсу (джунгляхъ), она упала и разбилась въ дребезги; при этомъ испугался лежавшій вблизи заяцъ и побѣжалъ. Глушпы подумали, что это побѣжалъ жеребенокъ ¹⁾).

XXXIV.

Беременный мужъ.

Въ малорусской сказкѣ мужъ не вѣритъ женѣ, что болитъ животъ при родахъ. По совѣту бабки, жена накормила мужа конопляннымъ молокомъ, и когда у него разболѣлся животъ, то онъ тогда сказалъ: „подобнось буду дытыну маты“, послалъ жену за повитухой и затѣмъ самъ побѣжалъ за ней. На дорогѣ онъ нашелъ сапоги съ человѣка, котораго съѣли волки, взялъ ихъ и заночевалъ въ хатѣ. Ночью корова привела теленка. Мужикъ, нащупавъ его въ темнотѣ, подумалъ, что это онъ родилъ теленка: „яко-гось биса вродывъ мохнатаго“. Мужикъ ушелъ, оставивъ сапоги. Онъ сказалъ женѣ, что „мавъ дытыну таку, якъ ведмидь, вуха, якъ въ пса, ноги, якъ въ коня“. Хозяева, увидѣвъ одни сапоги, подумали, что теленокъ съѣлъ человѣка, судили теленка и спалили его на границѣ ²⁾).

Гораздо подробнѣе мотивъ о мужикѣ, которому жена внушила, что онъ беременъ, развитъ въ другой малорусской сказкѣ: ночью хитрая жена выпроводила мужа на дворъ за двери,пустила дьячка и заперла двери. Когда мужъ вернулся и стучалъ въ дверь, то жена сказала, что мужъ ея спитъ съ ней рядомъ, и дьячокъ въ роли мужа прикрикнулъ на него. Мужъ пошелъ ночевать въ сарай и такъ какъ было холодно, то онъ легъ подъ своего бугая въ солому. Утромъ жена сказала, что онъ, полежавъ подъ бугаемъ, приведетъ теля, и прогнала его телиться на сторону. Конецъ обычный. Ночлегъ. Находка теленка и пр. ³⁾).

Въ галицко-русскомъ вариантѣ мужикъ, ночуя въ хатѣ, гдѣ отелилась корова, принимаетъ теленка за сына и ухаживаетъ, оставивъ свои сапоги. Хозяинъ (попъ) подумалъ, что теленокъ съѣлъ мужика, закопалъ теленка, а женѣ мужика далъ деньги ⁴⁾).

Извѣстны великорусскіе варианты. Одинъ изъ нихъ изданъ въ 1-мъ т. *Криптъдіа*.

Въ бѣлорусской сказкѣ „Рабинъ и теленокъ“: Докторъ остановился въ маленькомъ жидовскомъ мѣстечкѣ. Жида просятъ навѣстить больного раввина. Докторъ берется заочно опредѣлить болѣзнь и приказываетъ принести мочу больного. Жида поручили мужику принести мочу; мужикъ съ

¹⁾ Clouston, The book of noodles, 38.

²⁾ Чубинскій, II 503.

³⁾ Манжура, Сказки, 94.

⁴⁾ Житѣе и Слово, 1895, IV 359.

горшечкомъ мочи споткнулся, упалъ, разлилъ жидовскую мочу и замѣнилъ ее коровьей. Докторъ посмотрѣлъ на мочу и сказалъ: „тѣльная; скоро родить“. Жиды думаютъ, что раввинъ родитъ мессію и посылаютъ его къ повитухѣ. На дорогѣ случилась ятель, и раввинъ заночевалъ въ хатѣ; здѣсь ночью корова отелилась; раввинъ, нащупавъ теленка, принялъ его за своего сына и поспѣшно съ нимъ уѣхалъ. Хозяинъ догналъ жиду и повелъ къ пану на судъ. Панъ рѣшилъ поставить теленка между коровой и жидомъ (ракомъ безъ лапсердака). Теленокъ пошелъ къ жиду, и радостный раввинъ сказалъ: „а мой зундылка!“ увезъ въ городъ и отдалъ въ школу, гдѣ теленка кормили и поили, въ ожиданіи, что изъ него выйдетъ мессія ¹⁾.

Въ одной польской сказкѣ мужикъ съѣлъ сметану, а баба ему высказала проклятіе, чтобъ онъ отелился. Въ дорогѣ онъ заночевалъ въ хатѣ, гдѣ отелилась корова, принялъ теленка за сына и убѣждалъ, а хозяева подумали, что корова съѣла мужика.

Въ близкомъ польскомъ варіантѣ мужикъ обжора толстѣетъ и предполагаетъ самъ, что отелится ²⁾.

Гораздо остроумнѣе и подробнѣе развита эта тема въ слѣд. польской сказкѣ: У одного мужика жена все рожала по двое, и мужъ сказалъ, что прибѣтъ ее, если она еще родить. Новая беременность, и бѣдная жена повѣдала бабкѣ свои опасенія. Бабка сказала, что дѣйствительно будутъ снова двойни, но она убѣдитъ мужа, что одинъ ребенокъ рожденъ имъ. Она накормила его горохомъ и молокомъ, и когда мужа стало пучить, увѣрила его, что онъ одновременно съ женой долженъ родить. Она продѣлала дыру въ палатахъ, уложила мужа, привязала нитку къ его органу и пропустила ее въ отверстіе. Когда наступили роды и жена стала стонать и мучиться, то бабка стала дергать за нитку, мужъ тоже охалъ, стоналъ и мучился, предполагая роды. Потомъ бабка поднесла ему одного изъ рожденныхъ ребятъ и посоветовала просить жену, чтобы она кормила обоихъ. Мужъ еле сошелъ съ постели и говорилъ, что послѣ такихъ родовъ онъ хотѣлъ бы, чтобы жена его рожала по трое, лишь бы ему самому не мучиться ³⁾.

Въ кабардинской сказкѣ, отличающейся чисто восточнымъ характеромъ, на мотивъ соревнованія въ глупости, кадія, по пріѣздѣ его домой, жена и ея пріятели увѣряютъ, что онъ измѣнился, что онъ боленъ, призываютъ лѣкаря, который увѣряетъ мнимо больного, голоднаго кадія, что онъ обѣлся; кадій положилъ въ ротъ съ голоду яйцо; лѣкарь сказалъ

1) *Шеинъ*, Матер. II 242. Вар. у *Добровольскаго* I 704.

2) *Ciszewski* Krakowiacy, 221.

3) *Chetchowski*, Powiesci, II 141—145.

что это чумная шишка и вырѣзалъ щеку. Всѣ смѣялись надъ кадіемъ, а рубецъ на щекѣ остался на всю жизнь ¹⁾.

Въ Декамеронѣ находится превосходно изложенная новелла о томъ, какъ Нелло, Бруно и Буффальмако убѣдили скупаго крестьянина Каландрино, что онъ нездоровъ, а вошедшій съ ними въ соглашеніе врачъ и аптекаръ Симоне сказалъ Каландрино, что онъ забеременѣлъ. Каландрино принялся жалобно голосить и обвинять жену за то, что она всегда желала брать надъ нимъ верхъ. Шутники обѣщаютъ такое лѣкарство, которое въ три дня испѣлитъ К. отъ недуга. К. платитъ за него 5 лиръ и три пары наплуновъ, пьетъ предполагаемое лѣкарство и потомъ вездѣ расхваливаетъ маэстро Симоне, въ три дня избавившаго его безъ всякихъ болѣй отъ беременности ²⁾.

Въ старинное время въ Германіи циркулировало большое стихотворное фаблю о беременномъ монахѣ—*Der schwanger münch*, съ эпиграфомъ:

Diz ist ein schoenez maere gnuok,

Wie ein münch ein kint truok.

Молодой монахъ вычиталъ въ книгѣ выраженіе „союзъ любви“ и проситъ монастырскаго служку разъяснить ему, что такое любовь. Слуга везетъ его къ одной молодой женщинѣ, мужъ который былъ въ отлучкѣ и, за приличное вознагражденіе, она берется посвятить неофита въ таинства любви. Красавица нарядилась, накормила монаха, дала ему вина, и гостю пріятно было видѣть ея розовыя щеки, круглыя руки и бѣлую грудь. Далѣе красавица отвела монаха на постель, разоблачила его, и сама раздѣлась, потушила огонь и легла вплотную къ гостю; но монахъ былъ недогадливъ и лежалъ, какъ бревно. Въ полночь красавица дала ему такой толчокъ ногой, что онъ долженъ былъ повернуться и попалъ подъ нее. Она сказала, что знакомить его съ любовью, но увы—все напрасно. Утромъ разгнѣванная красавица дала гостю сильный ударъ и ушла, а гость, которому стало больно отъ такихъ знаковъ любви, поспѣшилъ воротиться въ монастырь. Здѣсь его тревожитъ мысль, что знакомство съ любовью вызываетъ рожденіе дѣтей, и бѣдный монахъ спрашиваетъ у мужика, кто рождаетъ—кто лежитъ сверху или снизу, а когда мужикъ сказалъ, что рождаетъ лежащій внизу, то монахъ еще болѣе сталъ тревожиться. Въ это время аббату принесли жалобу на одного парня, который ударилъ корову, и она преждевременно отелилась. Монахъ обратился къ нему съ просьбой ускорить его разрѣшеніе отъ бремени. Хитрый парень, получивъ съ монаха деньги заранѣе, завелъ его въ лѣсъ и такъ избилъ его, что можно было сбросить сразу семерыхъ. Во время этого облегченія пробѣжалъ вблизи

¹⁾ *Сборн. д. изуч. Кавк. XII, 102—105.*

²⁾ *Боккаччо, д. X, нов. 3.*

зайцъ. Монахъ принялъ его за новорожденного ребенка и очень горевалъ, что онъ убѣжалъ и что нельзя было его окрестить. Монахи сочли бѣдника сумасшедшимъ, отчитывали, кропили святой водой, и когда это не помогло, посадили въ тюрьму на хлѣбъ и на воду. Черезъ 15 дней монахъ покаялся во всемъ аббату и получилъ свободу ¹⁾.

Въ старинной нѣмецкой стихотворной поэмѣ объ Ахиллѣ и Дендаміи прекрасная царевна Дендамія входитъ въ любовную связь съ Ахилломъ и дѣлается беременной. Въ это время заболѣваетъ ея отецъ король. Врачъ потребовалъ на осмотръ мочу. Дендамія приняла и замѣнила своей. Врачъ говоритъ, что король умретъ, потому что онъ беременъ. Король въ горѣ бранить жену и предполагаетъ, что она его околдовала (*der teufel gab dir disen list*). Королева настаиваетъ на новомъ осмотрѣ мочи. Врачъ успокаиваетъ короля и обѣщаетъ выздоровленіе ²⁾.

Къ старо нѣмецкому разсказу о беременномъ монахѣ подходитъ одинъ разсказъ Жиральдо Жиральди конца XV вѣка, гдѣ также выведенъ простодушный монахъ. Тотъ же разсказъ позднѣе встрѣчается у Baudius (*amores*) и у Поджіо (*puer gravidus*). Гансъ Саксъ обработалъ этотъ сюжетъ въ 1544 г. въ драму (4 крестьянина и врачъ) ³⁾.

Въ стихотвореніи французской поэтесы XIII в. Маріи (*Marie de France*) встрѣчается такой разсказъ, вѣроятно, изъ престопадныхъ анекдотовъ этого времени: мужику въ задницу, когда онъ испражнялся подъ кустомъ, залѣзъ навозный жукъ (*escarbot*), и мужикъ подумалъ, что забеременѣлъ, день и ночь ожидалъ родовъ, пока жукъ не вышелъ ⁴⁾.

Во французскомъ фавль (XIII в.) „*Aucasin et Nicolette*“ король Torelore, въ отсутствіе жены, начинаетъ заподозрѣвать въ себѣ беременность, ложится въ кровать и наивно говоритъ: „*Je gis d'un fil*“ ⁵⁾.

XXXV.

Глупецъ отдаетъ бычка (осла) въ обученіе.

Анекдоты и сказки этого рода представляются психологическимъ продолженіемъ анекдотовъ о томъ, какъ мужикъ отелился. Если глупецъ могъ принять теленка или зайца за сына, если глупыя женщины принимаютъ свинью за дочь, то мотивъ объ отдачѣ теленка въ школу представляется логически и литературно цѣлесообразнымъ. Въ малорусской сказкѣ „Чыпу-

¹⁾ *Von den Hagen*, Gesamtabenteuer II 50—69.

²⁾ *Von der Hagen*, Gesamtabenteuer II 490—508.

³⁾ *Von der Hagen*, Gesamtabenteuer II пред. X.

⁴⁾ *Landau*, Die Quellen des Decamerone, 47; *Von der Hagen*, Gesamtabenteuer, II пред. IX.

⁵⁾ *Landau*, Die Quellen des Decamerone (съ ссылкой на сб. Варбазана III 409).

рысь“: „Бувъ соби у одного чоловика бычекъ, и ёму было уже тры года. Той бычекъ бувъ такой ученый, шо якъ хозяинъ приносе йому йисты и скаже: „Чыпурысь, иды йисты“, то винъ тильке почуе, заразъ и бижить до его. Хто бъ ны прыйихавъ до того чоловика, то винъ заразъ водывъ его до бычка и показувавъ ёго. Отъ одынъ разъ прыйихавъ до його изъ одного села дякъ въ гости; винъ заразъ повивъ его до Чыпурыся, начавъ разказувать, якый винъ ученый и шо якъ бы его выучить, то зъ его була бъ людына. А дякъ и каже ёму: „знаишь шо, чоловиче, оддай мени цего бычка въ ученіе и ривно черезъ годъ прыйиждяй до мене за нымъ, а до тихъ поръ винъ буде уже чоловикомъ; за ученье я зъ тебе богацько ны визьму, давай десять рубливъ, то й буде зъ мене“.—Мужыкъ согласыся и давъ заразъ дякови десять рубливъ. Дякъ узавъ бычка и пойихавъ до дому. Скоро винъ прыйихавъ, то заразъ узавъ та й заризавъ его. Проходять ривно годъ, чоловикъ запригъ коняку, набравъ сина въ повозку и пойихавъ до дяка. Прыйиждяе винъ туды та й пытаецця дяка: „А шо, чы выйшовъ зъ мого Чыпурыся чоловикъ?“—Эге, ще й якый!—каже дякъ—уже у такимъ-то городи губернаторомъ.—Чоловикъ вернувся до дому, набравъ еще бильше сина въ повозку, шобъ було шо йисты Чыпурысёви дорогою, и пойихавъ ажъ у городъ. Прыйихавъ винъ у той городъ, роспытався людей и пойихавъ прямо до губернатора, но чосовой его не пустывъ, а доложивъ самъ губернаторови, шо якый-сь чоловикъ хоче бачыть ёго превосходительство. Губернаторъ думавъ, шо, може, прыйшовъ якый-ныбудь чоловикъ съ просьбою и приказавъ его заразъ впустыть. Чоловикъ уходыть у хату зъ вязкою сина, пидходыть до губернатора и каже: „о, мій Чыпурысь, мабудъ, забудъ уже свого хозяина!“ и тыче ёму у ротъ те сино. Губернаторъ россердывся и пытаецця шо ему нужно, а винъ таки свое: „та ну-жъ, Чыпурысь, шо ты ны пизнаешь своего старого хозяина, который тебе выглядывъ и выкормывъ, пойдемъ упьять до дому!“—и всё тыче те сино ёму у ротъ; той думавъ, шо винъ зъ ума зійшовъ, и прыказавъ, шобъ ёго вывели, но винъ начавъ улырацця и всё таки своё: „та ну-жъ, Чыпурысь, хйба ты такы не пизнаешь мене? на ось тоби, пойижъ трохы сина, то тоди пойидемъ до дому“. Насылу его яко-сь вывылы, а тоди засадылы въ острогъ на тры дня. Якъ скоро ёго выпустылы изъ острога, то винъ скорише запригъ свою конячку, прыйихавъ до дому, та й каже жинци: „знаешь шо, жинко, бувъ я у нашего Чыпурыся, но винъ не пизнавъ мене, а приказавъ ще посадыть на тры дня въ острогъ“. И съ тыхъ поръ той чоловикъ закаявся йиздыть до своего Чыпурыся и оддавать бычкивъ до дяка въ ученіе. А дякъ изъивъ бычка та ще й заробывъ десять рубливъ“ ¹).

¹) *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 166.

Какъ ни оригинальна на первый взглядъ эта сказка, она не стоитъ одинокой въ устной словесности; она имѣетъ параллели и, быть можетъ, первоисточникъ на далекомъ азіатскомъ Востокѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ Индіи бытуетъ такой разсказъ о глупомъ мужикѣ: Однажды, проходя мимо школы, стиральщикъ бѣля услышалъ, какъ мулла бранилъ учениковъ, причемъ говорилъ, что они до сихъ поръ были лишь ослиами и онъ дѣлаетъ ихъ людьми. Крестьянинъ сообразилъ при этомъ, что у него дѣтей нѣтъ, а есть осленокъ, котораго мулла и могъ бы обратить въ мальчика. На другой день онъ пошелъ къ муллѣ и просилъ принять его осленка въ школу и воспитать изъ него человѣка. Мулла сообразилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, выразилъ согласіе, но, указавъ на трудность дѣла, взялъ съ простака сто рупи и назначилъ точно день и часъ, когда онъ можетъ получить обученнаго оборотня. Мужикъ по нетерпѣнію нѣсколько разъ заходилъ ранѣе, и мулла каждый разъ говорилъ, что дѣло превращенія подвигается впередъ, уши у осленка стали короче и т. д. Въ назначенный день мужикъ не могъ прійти и явился за оборотнемъ на другой день. Мулла сказалъ, что обученіе и превращеніе совершено еще наканунѣ, но питомецъ его не захотѣлъ оставаться далѣе и ушелъ изъ школы. При этомъ мулла добавилъ, что онъ такъ основательно обучилъ, что онъ можетъ быть судьей (кази) въ городѣ Каунпорѣ. Мужикъ сначала огорчился, но потомъ поблагодарилъ учителя за хлопоты и рѣшилъ отыскать питомца въ Каунпорѣ. Онъ въ сопутствіи жены отправился въ Каунпоръ, захвативъ уздечку, на которой водилъ осленка, и вязку сѣна. Онъ пришелъ прямо во дворъ судьи и засталъ судью въ торжественной служебной обстановкѣ. Не имѣя возможности подойти къ судья за толпой тяжущихся, онъ показалъ ему издали уздечку и сѣно и, какъ дѣлалъ встарь, закричалъ: „хурь! хурь! хурь!“ — какъ зовутъ ослевъ. Его арестовали за нарушеніе порядка. По окончаніи судебныхъ дѣлъ, кази позвалъ его и спросилъ, что значитъ его странное поведеніе: „Да вы, кажется, не узнаете меня, сударь, сказалъ простакъ, не узнаете повода, на которомъ васъ долго водили, забыли, что ваша матушка моя ослица, и что я заплатилъ ученому муллѣ за обращеніе васъ въ человѣка сто рупи“. Всѣ присутствующіе хохотали до упаду; кази сжался надъ обманутымъ простакомъ, подарилъ ему сто рупи и отпустилъ домой ¹⁾.

Имѣя на одномъ концѣ малорусскій анекдотъ, на другомъ почти то-жественный индійскій, и на громадномъ срединномъ пространствѣ лишь неизвѣстность, мы, разумѣется, не можемъ говорить о литературномъ заимствованіи. Весьма возможно, что были многочисленныя посредствующія звенья, что индусскій и малорусскій анекдоты лишь случайно подмѣченные

¹⁾ Clouston, 104—106.

нами обрывки непрерывной многовѣковой литературной традиціи. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого предположенія можетъ служить искусственная книжная обработка разбираемаго мотива въ началѣ XVI в. въ Эйленшпигелѣ. Эйленшпигель ѣдетъ въ Эрфуртъ, славившійся университетомъ и объявляетъ, что онъ можетъ всякую тварь выучить чтенію. Студенты предлагаютъ выучить осла. Эйленшпигель берется выучить его за 500 грошей въ 20 лѣтъ, рассчитывая, что въ это время ректоръ, онъ или его ученикъ умретъ. Эйленшпигель положилъ ослу въ ясли Псалтырь и переложилъ часть листковъ овсомъ. Оселъ мордой перелисталъ книгу, съѣлъ овесъ, и когда его не оказалось, сталъ кричать и!-а! Эйленшпигель приглашаетъ ректора университета и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ убѣдиться, что ученіе начато успѣшно, что оселъ можетъ перелистывать книгу и усвоилъ двѣ гласныхъ. Получивъ деньги, Эйленшпигель прогоняетъ осла и уѣзжаетъ въ другой городъ ¹⁾.

Другой вариантъ у новеллиста XIV в. Саккети о подаркѣ ученаго осла. Эта тема есть и въ фабліо ²⁾.

Къ той же серіи анекдотовъ относится слѣдующій турецкій о Насрь-единѣ и его ослѣ: Однажды, когда ходжа потерялъ осла, одинъ челоуѣкъ сказалъ ему: „я видѣлъ, онъ теперь муэдзиномъ въ такомъ то мѣстѣ“. Ходжа идетъ туда. Увидѣвъ муэдзина, онъ показалъ ему ячмень, приговаривая: чокъ! чокъ! Муэдзинъ, предполагая шутку, закричалъ: „Ты хочешь меня поймать — не удастся!“ Ходжа удивился, что муэдзинъ догадался ³⁾.

Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ бродячимъ анекдотомъ, перекочевавшимъ съ береговъ Ганга въ переднюю Азію, въ восточную и въ среднюю Европу.

XXXVI.

Глупца убѣждаютъ, что онъ заболѣлъ и умеръ.

Есть пѣсни о живомъ мертвецѣ и сказки о живомъ мертвецѣ; но между ними нѣтъ ничего общаго, какъ можно видѣть изъ спеціальной нашей монографіи о живомъ мертвецѣ, напечатанной въ Киев. Стар. 1894 III. Здѣсь мы не будемъ совсѣмъ трогать пѣсенъ о живомъ мертвецѣ, такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ элементовъ глупости. Остановимся лишь на двухъ или трехъ разрядахъ анекдотовъ о живомъ мертвецѣ.

Первый разрядъ входитъ въ сказки о томъ, какъ жены дурятъ мужей, образцы которыхъ уже приведены нами выше—фабльо о трехъ дамахъ, на-

¹⁾ *Till Eulenspiegel* 1519 г. (въ изд. Реклама 58—60).

²⁾ *Dunlop—Liebresht*, Gesch. d. Prosadicht. 257.

³⁾ *Кузмичевскій*, Киев. Стар. 1886 III 465.

шедшихъ кольцо, и малорусская сказка въ сб. Рудченка на ту же тему. Въ малорусской сказкѣ жена, слюбившись съ кумомъ, хочетъ сжечь съ свѣта мужа и увѣряетъ его, что онъ боленъ. Однажды мужъ возвратился съ поля очень усталымъ, жена сказала, что онъ умираетъ, и дурень повѣрилъ ей, легъ и сложилъ руки. Жена начинаетъ голосить надъ нимъ, кумъ вслухъ высказываетъ свои сожалѣнія о его смерти, и все это глупаго мужа окончательно убѣждаетъ, что онъ умеръ. Кумъ сдѣлалъ поскорѣе гробъ, позвали попа и понесли мнимаго мертвеца на кладбище. Глупый мужъ замѣтилъ, что люди понесли его неподходящею дорогою и крикнулъ: „Не несуть напрямецъ, бо я позавчера втопывъ въ рищи шкапу, насылу вытягъ“. Люди отъ страха разбѣжались. Первымъ пришелъ въ себя попъ, спросилъ мнимаго мертвеца, и сказалъ, что онъ ожилъ. Максимъ пошелъ домой — „ни на радость ни кумови, ни жинци“ (Чубин. II 540—542). Этотъ вариантъ, очевидно, стоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ вар. Рудченка.

Подобнаго рода сказки встрѣчаются въ Великороссіи и въ Бѣлороссіи. Бѣлорусскіе варианты, краткіе и безцвѣтные, повидимому, представляютъ искаженіе малорусскихъ. Таковы въ Смолен. этнограф. сборникѣ Добровольскаго на стр. 354 („якъ мужикъ абмирау, а потѣмъ жонку свою падучиль, што ина дуже любопытна“) и 355 („мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любить ли его жена“), грубыя сказки, построенныя на мотивѣ о побояхъ жены въ смыслѣ поученія.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ въ сложномъ видѣ стоятъ въ прямомъ родствѣ съ древнимъ французскимъ фавльо „Les trois dames qui trouverent l'anel“, а въ сокращенномъ видѣ прямо отвѣчаютъ другому французскому фавльо „Le vilain de Bailleul“. Изданы эти фавльо у Монтельона и Реньо (I 15, IV 109 и VI 138). На этихъ фавльо останавливались выдающіеся ученые, Либрехтъ, Руа и въ послѣднее время Бедье. Такъ какъ въ „Les fabliaux“ Бедье сведены мнѣнія и указанія предыдущихъ ученыхъ, то мы ограничимся здѣсь лишь этимъ пособіемъ, съ небольшими добавками изъ „Gesammtabenteuer“ фонъ-деръ Гагена; мы извлечемъ лишь то, что нужно для ближайшей нашей цѣли — объясненія сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Фавльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, состоитъ въ слѣдующемъ: три дамы заспорили, кому должно принадлежать драгоценное кольцо, найденное ими въ одно время; онѣ призываютъ въ посредники постороннее лицо, и послѣднее присуждаетъ кольцо той, которая остроумнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Таковъ основной остоѵ сказки; затѣмъ идутъ подробности, которыя измѣняются въ вариантахъ. Одна жена напаиваетъ мужа, стрижетъ у него макушку (дѣлаетъ монашескую tonsure), надѣваетъ на него клобукъ, отводитъ въ монастырь, и потомъ глупый мужъ начинаетъ думать, что поступилъ въ монахи. Другая убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ,

потомъ убѣждаетъ, что онъ умеръ. Третья—что мужъ одѣтъ въ чудесное, невидимое ему платье, и повѣрившій этому мужъ идетъ голый по улицѣ. Эти мотивы—самые распространенные; такъ—второй (о мертвецѣ) отмѣченъ въ 12 различныхъ литературныхъ памятникахъ, первый (о монахѣ) въ 11 (въ малорусскихъ нѣтъ), третій (о голомъ) въ 6. Другіе мотивы встрѣчаются рѣже. Въ трехъ фавль встрѣчается мотивъ о рыбахъ, но въ такой отличной отъ малорусской сказки формѣ: жена оставляетъ въ четвергъ мужа въ обѣденное время подъ предлогомъ, что она пойдетъ жарить рыбу къ сосѣдкѣ; она гуляетъ съ любовникомъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ къ обѣду приноситъ горячую жареную рыбу и увѣряетъ, что пробыла у сосѣдки нѣсколько минутъ; мужъ готовъ повѣрить. Другіе варианты малочисленны, и въ Малороссіи до сихъ поръ не были еще записаны. Жена убѣждаетъ мужа вырвать зубъ (4 разсказа), обращаетъ домъ въ таверну и мужъ не можетъ его найти (въ 6 разсказахъ), мужъ по ошибкѣ уступаетъ жену другому и нѣкот. др., (о чемъ см. Bedier 228—231, 415).

Сказка о живомъ мертвецѣ издавна существуетъ подъ разными наименованіями. Въ западной литературѣ она находится въ слѣдующихъ произведеніяхъ:

- 1) Фавль „Trois dames“ XIII вѣка (изд. у Mont. et Reynaud, I, 15).
- 2) Keller, Erzählungen aus altd. Hss p. 210 (изд. въ Bibliothek des lit. Vereins zu Stuttgart, 1855) XIV вѣка.
- 3) Hans Folz (von dreyen Weyben etc) {въ Zts. de Haupt. VIII, 524 повторена въ Facetiae Bebelinae XVI в.
- 4) Tirso de Molina, въ Tresoro de novelistas, XVII в. въ парижскомъ изд. 1847, I, стр. 234.
- 5) Les comptes du monde aventureux XVII в. въ парижскомъ изданіи 1878, № XLI.
- 6) Verboquet, Le genereux, изд. въ 1630, II, 31.
- 7) Le Sieur d' Ouville, ed. Ristelhuber, p. 146 XVII в.
- 8—11) Современныя народныя сказки норвежская, исландская, италіанская, датская.

12) Древній нѣмецкій разсказъ, изд. фонъ-деръ-Гагеномъ въ Gesamt-abenteuer, II, глава 45.

13) Desperiers, Contes et joyex devis, новелла LXX (въ изд. библіофила Якоба); повторена въ „Thrésor des recreations“ 1816 г. стр. 27.

14) Боккачіо въ Декамеронѣ (III, 8) въ новеллѣ „Ферондо“; подражалъ Лафонтенъ въ le Purgatoire.

15) Nasr-Eddin Hodja, Plaisanteries въ франц. перев. съ турецкаго 1876 №№ XLIX и LXVI; сходные анекдоты, индійскій, талмудическій и саксонскій указаны Р. Келеромъ въ Orient et Occident I, 431, 765); нѣсколько дополненій у Бедье на 431 стр.

У Фонъ-деръ-Гагена (II введ. I—III) сдѣлано еще нѣсколько библиографическихъ указаній (одна фацеція у Поджіо и новелла у Дони).

Эти библиографическія указанія, извлеченныя мной изъ Бедье и Гагена, достаточно опредѣляютъ многочисленную литературную родню малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Изъ новыхъ западно-европейскихъ вариантовъ нами выше (въ 1 главѣ) отмѣчена любопытная французская сказка изъ Верхнихъ Вогезовъ, какъ одинъ шутникъ, по договору съ пріятелями, притворился мертвецомъ, напугалъ священника и былъ убитъ могильщикомъ. Бедье при изученіи фавль о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, воспользовался почти всѣми источниками и пришелъ къ тому печальному заключенію, что изученіе ихъ не даетъ никакихъ крупныхъ общихъ заключеній по вопросу о происхожденіи мотива о живомъ мертвецѣ. Возможны и дѣйствительно сдѣланы лишь частныя выводы, напр., о томъ, что сицилійская сказка выпла изъ новеллы, что Фербоке взялъ рассказъ изъ *Comptes du Monde aventureux*. По словамъ Бедье, изъ 22 вариантовъ только три поддаются историческому объясненію, а на основаніи остальныхъ 49, притомъ наиболѣе древнихъ, нельзя сказать, какова была первоначальная форма фавль о трехъ дамахъ и въ частности мотива о живомъ мертвецѣ. Нельзя сказать, когда возникли основныя мотивы и какими путями они переходили отъ народа къ народу (Bedier 232). Въ виду такого категорическаго сужденія Бедье я не беру на себя непосильной задачи входить въ подробный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ вариантовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ руками многихъ изъ указанныхъ выше пособій. Считаю достаточнымъ замѣтить, что малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ имѣютъ западно-европейскихъ родственниковъ XIII и XIV вѣковъ и въ существенныхъ чертахъ очень походятъ на нихъ. Чтобы настоящее утвержденіе наше не было голословнымъ, мы приведемъ въ короткихъ словахъ содержаніе нѣсколькихъ старинныхъ западно-европейскихъ рассказовъ этого рода.

Въ старинной нѣмецкой стихотворной повѣсти „Der begrabene ê man“ (въ 256 стиховъ) въ началѣ говорится о предварительныхъ испытаніяхъ мужа; жена требуетъ, чтобы онъ полдень считалъ за вечеръ, холодную ванну за теплую. Это, такъ сказать, вступленіе. Въ главной части говорится, что жена слюбилась съ попомъ и, затѣмъ, слѣдуетъ рассказъ, чрезвычайно сходный съ малорусской сказкой у Чубинскаго; когда мужъ однажды возвратился домой съ полевой работы усталый, жена сказала, что онъ поблѣднѣлъ, уложила его въ постель, дала ему въ руки свѣчу, закрыла ему глаза и объявила, что онъ умеръ. Сошлись сосѣди и отнесли его въ церковь. Жена плакала и рвала на себѣ волосы. Мужа похоронили, и когда онъ въ могилѣ сталъ кричать, то попъ сказалъ, что это кричитъ демонъ въ трупѣ покойника, сталъ читать молитвы, а жена и всѣ присутство-

вашіе приговаривали „аминь“. Мужъ такъ и погибъ. Мѣстами нѣмецкое стихотвореніе почти тождественно съ малорусскими сказками; выписываю для примѣра лишь нѣсколько строкъ:

Si begunden in uf die bäre legen,
Die brähte si vil schiere dar,
dô kômen ir geburen gar,
Die naht man im wachte,
unz sich der tak uf machte,
Zuo der Kirchen man in truok
dô roufte si sich unde sluok,
Si gienk im weinunde mite....

Въ фавль „Le villain de Bailleul“ нѣтъ предварительныхъ испытаній мужа. Жена входитъ въ связь съ попомъ. Она убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, что онъ умеръ, выноситъ въ другой домъ и здѣсь оплакиваетъ. Приходитъ попъ, поетъ „Oremus“, и затѣмъ уходитъ съ вдовой въ домъ для пріятной съ ней бесѣды. Мнимый мертвецъ, услышавъ разговоръ ихъ, заявилъ, что онъ живъ, и былъ за то сильно избитъ.

Въ Декамеронѣ Боккачіо (XIV в.), въ „Фацеціяхъ“ Поджіо (Mortuus loquens), XV в., у новеллистовъ Грацини и Дони (XVI в.), и въ подражаніе Боккачіо у Лафонтена сильно развита насмѣшка надъ католическимъ духовенствомъ, и соотвѣтственно тому обработанъ основной сюжетъ съ эротическимъ пересоломъ. Новелла о мнимомъ мертвецѣ изъ италіанскихъ источниковъ давно уже проникла въ Англію. Въ „Merry Tales“ 1567 г. говорится между прочимъ о флорентійскомъ глупцѣ, котораго нѣсколько проказниковъ убѣдили сначала, что онъ боленъ, потомъ, что онъ умеръ. Его понесли хоронить, и народъ, провѣдавшій объ этомъ обманѣ, хохоталъ. Одинъ трактирный служитель закричалъ: „Что за плутъ былъ покойникъ! Его давно слѣдовало бы повѣсить!“ Тогда покойникъ не вытерпѣвъ, приподнялся и сказалъ, что будь онъ живъ, онъ на его, трактирщика, рождѣ, доказалъ бы всю ложь его словъ. Шутники и толпа съ хохотомъ разошлись ¹⁾.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ стоятъ гораздо ближе къ французскимъ и нѣмецкимъ фавль XIII—XIV вѣковъ, чѣмъ къ болѣе позднимъ италіанскимъ новелламъ и, повидимому, ближайшимъ источникомъ имѣютъ нѣмецкіе рассказы, въ родѣ того, что изданъ Фонъ-деръ-Гагеномъ. Въ малорусскихъ сказкахъ попъ является какъ-то случайно, очевидно, какъ отзвукъ чужого литературнаго источника, и весь юморъ сосредоточивается на женѣ, на ея хитрости, причемъ обнаруживается попытка обманъ жены объяснить ея доброжелательствомъ и разумностью.

¹⁾ Clouston, 161—163.

Второй разрядъ сказокъ заключаетъ своеобразную мотивировку мнимой болѣзни и смерти. Жена тутъ отсутствуетъ. Глупецъ самъ создаетъ фикцію болѣзни и смерти, не понявъ словъ прохожаго. Въ иныхъ вариантахъ элементъ глупости ступеневывается, и мужикъ притворяется больнымъ, чтобы избѣжать побоевъ. Внутренняго литературнаго родства между этими анекдотами невозможно съ точностью опредѣлить; но такое родство по необходимости приходится предполагать въ виду большой близости нѣкоторыхъ разноплеменныхъ вариантовъ, въ особенности двухъ ближайшихъ—индійскаго и малорусскаго.

Однажды индійскій Иванушка, дурачекъ Сачули, взобрался на дерево и сталъ подрѣзывать вѣтвь, на которой сидѣлъ. Прохожій сказалъ: „что вы дѣлаете, вы погибнете!“ Тогда глупецъ посгѣшно слѣзъ съ дерева и сталъ допытываться, когда онъ погибнетъ. Прохожій, чтобы отвязаться, сказалъ: „когда въ вашемъ карманѣ окажется красная нитка“. На рынкѣ случайно попала ему въ карманъ красная нитка, онъ рѣшилъ, что наступилъ ему конецъ, вырылъ себѣ могилу и легъ въ нее.

Въ болѣе пространномъ индійскомъ вариантѣ глупый монахъ подпиливаетъ подъ собой вѣтку на деревѣ. Проходящіе говорятъ, что вѣтка обломится и онъ погибнетъ, умереть. Когда вѣтка оборвалась вмѣстѣ съ монахомъ, то послѣдній нашель, что люди были правы, предостерегавшіе его, и что онъ умеръ. Онъ лежалъ недвижимо. Прохожіе сказали монахамъ, что братъ ихъ Дандака убилъ съ дерева. Собралась толпа монаховъ. взяли его на носилки и понесли на сожженіе. На перекресткѣ монахи заспорили, куда сворачивать—направо или налево. Дандака тогда сказалъ: „не спорьте, друзья, когда я былъ живъ, я всегда ходилъ лѣвой дорогой“. Монахи рѣшили нести его лѣвой, такъ какъ онъ при жизни всегда говорилъ правду. Здѣсь уже вмѣшались посторонніе и насилу убѣдили монаховъ, что Дандака живъ. Тогда Дандака сталъ доказывать, что онъ умеръ. Въ концѣ концовъ онъ всталъ и, при громкомъ смѣхѣ толпы, пошелъ домой¹⁾.

Въ малорусской сказкѣ, записанной въ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губ., было три жены, большія подруги. Пошли онѣ въ монастырь говѣть и на дорогѣ нашли золотое кольцо. Онѣ не знали, какъ подѣлить его. Одна говорила: „нехай мени буде, бо я побачыла“, другая—„нехай мени, бо я взяла“. Третья предлагаетъ оставить перстень той, которая удачнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Остальныя приняли это предложеніе. 1) Первая жена обманываетъ мужа, положивъ въ борозны живыхъ рыбокъ линовъ. 2) Другая жена притворяется больной и заставляетъ мужа везти ее съ поля на возу, наконецъ, 3) третья жена поступила такъ, что обманъ вышелъ въ спасеніи. Мужъ ея долженъ былъ пойти на панщину, но, по со-

¹⁾ Clouston, 157—160.

вѣту жены, отправился на водяную мельницу, такъ какъ хлѣбъ былъ на исходѣ. Десятникъ и потомъ экономя похваляются избить мужика за неявку на панщину. Когда вечеромъ мужъ возвратился, жена посоветовала ему притвориться мертвымъ. Жена убрала его и стала плакать надъ нимъ. Десятникъ заглянулъ и со двора долой. Положили его въ гробъ. „А що, люди добри, сказалъ попъ, куды понесемъ его, чи черезъ горѣдъ, чи навкруги? мабуть несимъ черезъ горѣдъ“. Мнимый мертвецъ выскочилъ изъ гроба и погнался за попомъ со словами: „ось я тобі покажу, якъ черезъ горѣдъ носить; що тобі шляху немає, що ты будешъ черезъ горѣдъ нести мене“. Жены идутъ къ пану съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ удачнѣе обманулъ мужа. Панъ нашелъ, что первыя двѣ жены поступили не остроумно и приказалъ высѣчь ихъ, а послѣднюю одобрилъ и вручилъ ей перстенъ ¹⁾.

Въ другой малорусской сказкѣ цыганъ рубить пенекъ, на которомъ сидѣлъ. Мужикъ предупреждаетъ, что упадетъ. Когда цыганъ упалъ, то, поднявшись, догналъ мужика и спросилъ, когда онъ, цыганъ, умретъ. Чтобы отвязаться, мужикъ отвѣтилъ: „когда трижды кашлянешъ“. Побѣждающаго цыганъ сообщить своей женѣ о скорой смерти, запыхался, закашлялся и рѣшилъ, что онъ умеръ. Проѣзжавшій панъ поднялъ его ударами кнута, и цыганъ благодарилъ его за то, что онъ воскресилъ его ²⁾.

Быть можетъ не совсѣмъ случайно попалъ въ сказки этого рода цыганъ; быть можетъ цыгане занесли въ Малороссію этотъ анекдотъ изъ ихъ далекой индійской родины.

Кузмичевскій указалъ на сходные турецкіе анекдоты о Насръ-эдинѣ и на соотвѣтствующіе варианты въ индійской литературѣ съ одной стороны и италіанской новеллистикѣ съ другой. Тѣмъ же ученымъ отмѣченъ рядъ сходныхъ европейскихъ сказокъ. Кузмичевскій усматриваетъ во всѣхъ вариантахъ одну восточную тему, отголоски которой распространялись сначала по средиземноморскимъ и черноморскимъ странамъ и далѣе на сѣверъ съ разными уклоненіями и искаженіями, особенно выдающимися въ одной литовской сказкѣ мѣшанинѣ. По словамъ Кузмичевского, индійскіе рассказы въ цѣломъ, при всей своей каррикатурности, имѣютъ смыслъ, такъ какъ составлены потерявшимися въ фантастическихъ видѣніяхъ отшельниками. Въ турецкихъ отголоскахъ еще сохранился намекъ на первоначальное сатирическое значеніе этихъ рассказовъ въ томъ, что героемъ выбранъ ходжа, тоже богословъ и казуистъ. Но въ европейскихъ вариантахъ уже потерялся сатирический смыслъ, а въ иныхъ вариантахъ и всякій членовѣческій смыслъ ³⁾.

¹⁾ Рудченко, Народ. южнор. сказки. I. 165—168.

²⁾ Чубинскій, II 582.

³⁾ Киев. Стар., 1886 II 235.

Во многихъ сказкахъ обнаруживается слѣдующая своеобразная обработка мотива о живомъ мертвецѣ:

Въ Галиціи среди поляковъ бытуетъ много сказокъ о томъ, какъ бѣдный братъ, не имѣя двухъ грошей, чтобы отдать деньги богатому брату, притворяется мертвымъ, лежитъ въ гробу ночью въ часовнѣ. Разбойники пришли дѣлить золото. Мнимый мертвецъ испугалъ ихъ, разогналъ и забралъ себѣ деньги ¹⁾).

Въ другой польской сказкѣ мельникъ, похищавшій изъ панскаго пруда рыбу, притворяется больнымъ, затѣмъ мертвымъ, и панъ вѣритъ тому ²⁾).

Въ итальянскихъ сказкахъ Джіуфа притворяется мертвымъ, пугаетъ разбойниковъ и забираетъ деньги. Мотивъ этотъ встрѣчается въ Босніи, Португаліи, Индіи, въ 1001 Ночи ³⁾).

Очевидно, тутъ на первое мѣсто выдвинутъ мотивъ о приобрѣтеніи денегъ отъ разбойниковъ, и мотивъ о мертвецѣ получаетъ служебное значеніе.

XXXVII.

Неудачное повтореніе словъ.

Мотивъ о неудачномъ примѣненіи совѣтовъ глупцомъ въ Великороссіи разработанъ въ сказкахъ и пѣсняхъ. Любопытно, что пѣсенная обработка мотива находится въ Сборникѣ Кирши Данилова, слѣдовательно, восходитъ къ началу прошлаго вѣка. Въ виду того, что весь Сборникъ Кирши Данилова носитъ на себѣ слѣды участія скомороховъ, можно предположить, что и рассматриваемый анекдотическій мотивъ не ускользнулъ отъ вниманія этихъ пѣснотворцевъ стараго времени.

А жилъ былъ дурень	На Русь гуляти,
А жилъ былъ Бабинъ,	Людей видати,
Вздумалъ онъ, дурень,	Себя казати.

Прошелъ дурень одну, другую версту и нашелъ три пустыхъ избы, заглянулъ въ подполье, а тамъ черти въ карты играютъ, костью бросаютъ, деньги считаютъ. „Богъ вамъ на помощь!“ говоритъ дурень; черти его за это пожеланіе жестоко избили. Съ плачемъ вернулся дурень домой. Жена и сестра его пеняютъ за неудачное привѣтствіе и говорятъ: „а ты бы молвилъ: будь врагъ проклятъ именемъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь“. Дурень даетъ имъ слѣдующій отвѣтъ, который затѣмъ повторяется въ пѣснѣ послѣ всѣхъ другихъ инцидентовъ:

¹⁾ *Ciszewski*, 228—232.

²⁾ *Ibid.*, 249.

³⁾ *Zeitr. d. Ver. f. Volksk.* 1896 I 74.

Добра ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,

Сестра Чернава!
Потомъ я, дурень,
Таковъ не буду!

Пошелъ снова дурень „на Русь гуляти“, увидѣлъ, что 4 брата молодятъ ячень, сказалъ имъ: „будь врагъ проклять именемъ Господнимъ“ и былъ ими побить. Жена и сестра совѣтуютъ сказать: „дай вамъ, Боже, по сту на день, по тысячѣ въ недѣлю“.

Пошелъ дурень и т. д., увидѣлъ, что 7 братьевъ хоронятъ мать, повторилъ совѣтъ жены и сестры и былъ избить. Новый совѣтъ: „дай, Боже, царство небесное, въ землѣ упокой, пресвѣтлый рай“.

Пошелъ дурень и т. д. и повторилъ эти слова на свадьбѣ. Новый совѣтъ: „дай, Господь Богъ, новобрачному князю сужену поняти, подъ златъ вѣнецъ стати, законъ Божій пріяти, любовно жити, дѣтей сводити“.

Пошелъ дурень и т. д. и сказалъ эти слова встрѣтившемуся монаху. Новый совѣтъ: просить благословенія.

Пошелъ дурень... увидѣлъ медвѣдя (кочку роетъ, корову коверкаетъ), попросилъ у него благословенія, и чуть до смерти не былъ имъ задранъ. Новый совѣтъ: заускать, загайкать, заулюкать.

Пошелъ дурень, встрѣтилъ полковника Шишкова и заускалъ на него, загайкалъ, заулюкалъ, и за это солдаты ему „голову сломили и подъ кору бросили. Тутъ ему, дурню, и смерть случилась“ ¹⁾.

Мотивъ этотъ разрабатывается и въ новой великорусской поэзіи, какъ видно изъ пѣсни, записанной П. В. Шеиномъ въ Твери ²⁾.

Прибѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню,
Въ чужой то деревнѣ
Овинъ молотили,
Тутъ нашъ дуракъ сказалъ,
Тутъ то молвилъ:

Создай вамъ, Боже,
Съ овина по овсинѣ,
А съ колны три зернины!
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.

* *

Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою то деревню:
Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ и колотили.

Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бь тутъ, дуракъ, сказалъ:
Создай вамъ, Боже,
Носить не переносить,
И возить не перевозить!

Пѣсня большая, и вся она въ формальномъ отношеніи построена на томъ, что дурень въ одномъ куплетѣ бѣжитъ въ чужую деревню и совер-

¹⁾ *Кирша Даниловъ*, изд. Суворина, 322—332.

²⁾ *Шеинъ*, Рус. нар. пѣс. I, 279—282.

шаетъ глупость въ видѣ неудачнаго примѣненія совѣта жены, за что его бьютъ, а въ слѣдующемъ куплетѣ бѣжитъ въ свою деревню и получаетъ отъ жены сначала брань, потомъ новое наставленіе.

Въ третьемъ куплетѣ дурень говоритъ при похоронахъ: носить—не переносить, возить—не перевозить.

Въ пятомъ куплетѣ дурень желаетъ на свадьбѣ царства небеснаго и вѣчной памяти.

Въ седьмомъ дурень пляшетъ на пожарѣ.

Въ девятомъ поливаетъ водой свиную тушу, которую опаливалъ мужикъ.

Въ одиннадцатомъ куплетѣ дурень видитъ, что мужикъ деретъ кобылу, и высказываетъ пожеланіе разговѣться этимъ мясомъ въ праздникъ. Тутъ его били, тутъ его колотили. Этими словами и оканчивается эта любопытная обработка анекдотического мотива. По бойкости стиха, по остроумію отдѣльныхъ выраженій, въ особенности по необыкновенно ясному и систематическому построенію, эта пѣсня—сказка настолько выдается, что нужно предположить, что она прошла чрезъ личное творчество талантливаго народнаго пѣвца. Повидимому, даровитый авторъ пользовался не прозаическими версіями анекдота, а уже готовой его стихотворной обработкой, быть можетъ, близкой къ варианту Кирши Данилова. Предположеніе это до нѣкоторой степени можно основать на выдающейся роли жены дурня, и на нѣкоторомъ сходствѣ ихъ взаимныхъ обращеній.

Въ великорусской сказкѣ мать посылаетъ глупаго сына „потерѣться около людей да ума набратъся“. Дуракъ потерялся около молотниковъ, и тѣ его побили цѣпами. Затѣмъ слѣдуютъ другіе совѣты матери, неудачно исполняемые глупцомъ въ буквальномъ смыслѣ. Дурень на похоронахъ говоритъ: „носить бы вамъ да не переносить“, а на свадьбѣ: „канунъ да свѣча“!

Въ вариантѣ въ добавокъ къ этимъ глупостямъ дурень желаетъ молотникамъ молотить 3 дня и намотить 3 зерна, пляшетъ на пожарѣ, поливаетъ водой свинью, которую опаливалъ мужикъ ¹⁾).

Въ малорусской сказкѣ два брата умные посылаютъ третьяго дурня „по ковганку“. Дурень дорогою сталъ повторять вмѣсто забытаго слова ковганка сходное поганка. Услышали это слово свадебные поѣзжане, побили дурня и посовѣтовали говорить: „дай, Боже, чтобы и на тотъ годъ дождать таке весилья“. Дурень повторяетъ эти слова на похоронахъ. Далѣе говорилъ „царство небесное“, когда мужикъ тащилъ дохлую кобылу, тащилъ за хвостъ кабана, котораго смалилъ мужикъ, желаетъ испражнявшемуся человѣку „нагодувать цимъ добромъ жинку и диточокъ“, охотникамъ

¹⁾ *Аванасъевъ*, III, 378.

говорить: „а кишъ!“ и разгоняетъ утокъ, бьетъ палкой по головѣ бабъ, „сѣкавшихъ“ другъ друга и, наконецъ, подставляетъ загрызшимся собакамъ свою голову, что быонѣ „посѣкали“¹⁾.

Въ малорусскомъ вариантѣ три брата Киндраты. Глупый вмѣсто таганы говорить погани. Мужикъ, хозяинъ воловъ, бьетъ его. Дурень возвращается безъ таганка. Братья многократно посылаютъ дурня за таганомъ, съ наставленіемъ, что говорить; но дурень при похоронахъ говорить: „Дай Богъ продать, да багато грошей набрать“, крестится, увидѣвъ, что мужикъ смалить барана, говорить испражнявшемуся мужику: „дай, Боже, на пожитокъ“, примостился испражняться между женщинами, когда онѣ искали въ головѣ другъ друга, подставилъ голову собакамъ. Каждый разъ дурень выговариваетъ братьямъ за будто дурной совѣтъ, что они будто „підвели на безумья“. Кончается сказка тѣмъ, что за таганкомъ идетъ одинъ изъ умныхъ братьевъ²⁾.

Въ малорусской сказкѣ сестра посылаетъ своего брата дурня къ сосѣдямъ попросить чего-нибудь. Дурень получаетъ мясо и раздаетъ его собакамъ. Сестра говоритъ, что его нужно было порубить и сварить. Дурень идетъ съ новой просьбой, получаетъ свиту и рубаетъ ее. Въ третій разъ дурень получилъ корову и сталъ вѣшать ее на жертку. Корова сорвалась и ушла. Въ четвертый разъ дурень приводитъ дѣвку, ставитъ ее въ сарай и даетъ сѣна.

Сестра идетъ съ братомъ дурнемъ въ гости и совѣтуетъ не обнаруживать обжорства, а дурень и совѣмъ мало ѣлъ, а когда сестра позволила взять на печкѣ вареники, то дурень вмѣсто нихъ сѣбѣлъ кошку съ котятками³⁾.

Въ русской сказкѣ, изданной въ „Contes populaires slaves“ Леже, мать посылаетъ глупаго сына потереться среди людей. Дурень понимаетъ ея приказаніе буквально, трется около двухъ мужиковъ, молотившихъ горохъ, пока они не побиили его цѣпами. Примѣняя далѣе неудачно совѣты матери, глупецъ при встрѣчѣ похоронной процессіи говоритъ: „Богъ на помощь“! и предлагаетъ свои услуги для молотбы (битья), при встрѣчѣ свадьбы желаетъ упокоенія души, танцуетъ при пожарѣ, заливаетъ водой огонь, на которомъ мужикъ палилъ свинью. Вездѣ его бьютъ, и мать въ концѣ концовъ рѣшила не отпускать его въ чужіе края⁴⁾.

Въ бѣлорусской сказкѣ два умныхъ нашли кладъ, забрали себѣ деньги и послали глупаго брата за мѣшкомъ. Глупый все повторялъ: мѣхъ, мѣхъ! Панъ побилъ его. Братья даютъ совѣтъ, что нужно сказать. Дурень, неумѣстно прилагая совѣтъ, говорить собакамъ: „сюды дорога, бяжите куды

1) Чубинскій, II, 489.

2) Чубинскій, II, 490.

3) Чубинскій, II, 497.

4) Clouston, 128—130.

вамъ треба“, бьетъ палкой свадебныхъ поѣзжанъ, при встрѣчѣ съ похоронной процессіей говорить, чтобы такъ всякій день радовались, молится и бьетъ поклоны передъ осмаливаемой свиной тушей. Вездѣ его бьютъ, и братья, наконецъ, сами отправляются за мѣшкомъ. Въ вариантѣ отецъ и глупый сынъ. Дурень цѣлуетъ собаку, бьетъ палкой куму, говоритъ неуѣстное на похоронахъ и при осмаливаніи свиньи ¹⁾).

Въ южно-славянскомъ вариантѣ о дурнѣ Павлюгѣ мать посылаетъ глупаго сына на базаръ купить иглу. Дурень купилъ и воткнулъ ее въ возъ съ сѣномъ, который долженъ былъ проѣзжать мимо его двора, чтобы не нести такой тяжести. Далѣе слѣдуетъ неудачное исполненіе совѣтовъ матери. Мать говоритъ, что нужно было заткнуть иглу въ шляпу. Дурень затыкаетъ плугъ, впахиваетъ въ ящикъ лошадь, тянетъ съ базара на веревкѣ кусокъ сала, мажетъ саломъ капустныя гряды. Послѣ этого мать прогоняетъ дурня, и затѣмъ слѣдуетъ неудачное приложеніе совѣтовъ постороннихъ лицъ. Мать при уходѣ сына сказала: много дураковъ, но такихъ мало. Дурень повторяетъ эти слова при встрѣчѣ съ рыбакомъ. Затѣмъ, неудачно повторяя совѣты, говоритъ: „дай Богъ счастья“ на похоронахъ, желаетъ упокоенія души при видѣ, какъ мужикъ тащилъ падаля, называетъ падалью красивую женщину, гулявшую подъ руку съ мужемъ и говоритъ при видѣ солдата, котораго вели на казнь, что ему такое зрѣлище пріятно, во всѣхъ случаяхъ получаетъ побои и, наконецъ, послѣ тяжкихъ солдатскихъ побоевъ, умираетъ ²⁾).

Въ болгарской сказкѣ глупый мужъ сидитъ все дома возлѣ печки (край собата). Жена послала къ кузнецу поправить кочергу. Желѣза не хватило, и кузнецъ послалъ дурня принести еще желѣза. Чтобы дурень не забылъ, кузнецъ посовѣтовалъ ему повторять „недостало, достало“ (нефтаса). Мужикъ говоритъ эти слова двумъ охотникамъ, возвращавшимся съ неудачной охоты. Его бьютъ и совѣтуютъ говорить: „когда одно, когда два, когда три“. Дурень повторяетъ эти слова на похоронахъ. Овчарю далѣе говорить, чтобы не было ни одного. Турку, испражнявшемуся, желаетъ, чтобы онъ съѣлъ. Турокъ бьетъ дурня, и этимъ оканчивается сказка ³⁾). Вообще, сказка эта, какъ и многія другія въ Сборникѣ г. Шапкарева, записана плохо.

Въ польскихъ сказкахъ одинъ изъ 2-хъ или 3-хъ братьевъ, по глупости, буквально понимаетъ приказанія брата и убиваетъ овецъ, купаетъ въ кипяткѣ свою мать, испражняется съ дерева на разбойниковъ, разгоняетъ ихъ и забираетъ себѣ ихъ обѣдъ и деньги, уноситъ двери и бросаетъ ихъ

¹⁾ *Шеинъ*, Матер. II, 237—238.

²⁾ *Krauss*, Sagen d. Südsl. II, 236—238.

³⁾ *Шапкаревъ*, Сборн. отъ болг. нар. умотв. IX, 308.

на разбойниковъ, урѣзываетъ у разбойника языкъ, бросаетъ въ свою тѣнь горшокъ съ пищей, раздастъ хлѣбъ дохлымъ собакамъ ¹⁾).

Въ новогреческой сказкѣ изъ Сиры глупый сынъ моетъ, по порученію матери, въ морѣ внутренности свинки, и зоветъ корабельщика посмотрѣть, чисто ли онѣ вымыты. Корабельщикъ бьетъ его и говоритъ, что онѣ должны были пожелать хорошей погоды, чтобы и птицы не встрѣтилось. Эти слова глупецъ говоритъ охотникамъ и получаетъ снова побои и совѣтъ говорить: „по пяти на день и по сто на недѣлю“, и т. д. идутъ новые побои отъ неумѣстнаго повторенія фразы. Глупца бьютъ на похоронахъ, на свадьбѣ, бьетъ тотъ, кто подъ кустомъ сидѣлъ по естественной надобности, бьютъ въ церкви, бьютъ, когда онѣ вмѣшался въ драку. Наконецъ, онѣ пробуетъ развести загрызшихся собакъ. Одноглазая собака уноситъ потроха. Глупецъ вбѣгаетъ во дворъ, гдѣ скрылась собака и требуетъ, чтобы выгнали одноглазку. У хозяйки въ это время былъ слѣпой на одинъ глазъ любовникъ. Она приняла возгласы глупаго на счетъ любовника, и чтобы онѣ не кричалъ, заплатила ему большія деньги. Мать, увидѣвъ, что у сына нѣтъ свинины, и вся одежда на немъ порвана, покачала головой, но сынъ сказалъ: „не смотри на мое платье, а посмотри въ карманъ“, и они зажили весело ²⁾).

Въ бретонской сказкѣ развитъ мотивъ неудачнаго повторенія фразы дурнемъ. Мать посылаетъ сына дурня на мельницу съ приказомъ помнить, что осталась четвертая часть да часть мельнику за помоль. Фермеръ слышитъ и совѣтуетъ говорить: въ тысячахъ и полныя телѣги. Дурень повторяетъ эти слова при похоронахъ. Затѣмъ неудачно дурень говоритъ объ упокоеніи души Богомъ, когда мужикъ вель собаку топить, „какая старая собака“, — когда молодой мужчина гулялъ съ красивой женщиной, „чтобы Богъ создавалъ такъ“ — при пожарѣ, „чтобы Богъ затушилъ“ — при разогрѣваніи полуразрушенной старой печи, и въ послѣднемъ случаѣ разгнѣванный старикъ убиваетъ дурня ³⁾).

Въ англійской сказкѣ мать посылаетъ дурня сына купить голову и внутренности барана. Дурень все повторялъ въ дорогѣ: „голову и потроха бараньи“, но споткнулся, упалъ, и забылъ. Долго припоминалъ онѣ, и началъ затѣмъ повторять: „печенку, легкое, желчь и все“ (liver and lights and gall and all). Больной человѣкъ, услышавъ эти слова, принялъ за насмѣшку, побилъ дурня и внушилъ ему говорить: „Не дай, Боже, ничего“. Далѣе мужикъ, сѣявшій хлѣбъ, бьетъ дурня за эти слова и внушаетъ другія: „Дай, Боже, поболѣ“, за повтореніе которыхъ бьютъ дурня на похорон-

¹⁾ *Ciszewski*, *Krakowiacy*, 199—202.

²⁾ *Hahn*, *Griech u. alb. Märch.* II, 155—157. Сходная, но болѣе слабая нѣмецкая сказка у Гримма.

³⁾ *Sebillot*, *Contes pop. d. la N. Bretagne*, 229.

ой процессии и т. д. Когда вели собакъ вѣшать, дурень высказывалъ пожеланіе царствія небеснаго; молодымъ—чтобы ихъ повѣсили, какъ собакъ; двоюглазому—чтобы не было у него и другого глаза; на пожарѣ—чтобы горѣла и другая часть дома. Дурня сочли за поджигателя и, по приговору уда, повѣсили ¹⁾).

Въ индійской сказкѣ глупецъ спрашиваетъ у бабушки, что ему отвѣтить, когда спросятъ, что онъ ѣлъ? „khisadi“ (похлебку), отвѣтила бабушка. Дурень сталъ повторять и перешелъ незамѣтно на khasadi (ѣшь птица). Земледѣлецъ, страдавшій отъ того, что птица выклевывала рисъ, бьетъ дурня, и совѣтуетъ говорить: „идите, въ сѣть падайте“. За это его бьютъ воры. Далѣе слѣдуютъ новые совѣты и неудачное буквальное ихъ примѣненіе на похоронахъ и на свадьбѣ. Къ концу сказки присоединился мотивъ о колдунѣ (знахарѣ, врачѣ и др.) поневолѣ. Царь требуетъ отъ дурня указать воровъ. Воры принимаютъ его горестное замѣчаніе за указаніе на нихъ и признаются ²⁾).

Въ Цейлонѣ бытуетъ анекдотъ о томъ, какъ жена убѣдила мужа выучить пять правилъ. Онъ долженъ былъ пойти къ жрецу и повторять за нимъ слова. Глупый мужъ пошелъ, и на вопросъ жреца: „Кто вы?“ отвѣтилъ „кто вы?“ и затѣмъ повторилъ еще четыре вопроса, былъ по приказанію жреца избитъ и прогнанъ, и потомъ глупецъ негодовалъ на жену за преподанный ему совѣтъ. Сходные анекдоты находятся въ Katha Manjari и въ Ramayana. Въ послѣднемъ памятникѣ говорится, какъ жена послала мужа на базаръ послушать человѣка, читавшаго Рамаюну, и поучиться. Мужъ—глупый пастухъ пошелъ и очень внимательно слушалъ, опершись на палку. Одинъ шутникъ соскочилъ къ нему на плечи и просидѣлъ долгое время чтенія. Возвратившись домой, мужъ говорилъ, что слушать ему было тяжело, какъ будто онъ несъ на себѣ человѣка ³⁾).

Широкое распространеніе и большая популярность анекдота говорить въ пользу весьма древняго его происхожденія. Невозможно опредѣлить, когда и какими путями анекдотъ этотъ проникалъ въ ту или другую страну; по повсемѣстно онъ входилъ въ народную словесность и легко поддавался самостоятельной разработкѣ, какъ это ясно видно на великорусскихъ оригинальныхъ разработкахъ.

XXXVIII.

Неудачное исполненіе совѣтовъ.

Въ Сумскомъ у. Харьк. губ. записана слѣд. сказка: Живъ собі чоловікъ та жінка и въ їхъ бувъ сынокъ Йося, та дурный. Отъ той Йося

¹⁾ Clouston, 139—141.

²⁾ Минаевъ, Инд. ск. 64—66.

³⁾ Clouston, 69—70.

росте й росте, пора його й женыть. Отъ його й пытаются:—А кого за тебе засватаемъ?—Пыгынку (значыть—Горпынку). Отъ воны и наладналысь до весилля якъ слидъ: наготовылы грошей, наварылы пыва и поставылы у бочци у хати, а його послали на базаръ, шобъ винъ купывъ, на весилля солы, меду, мяса, бублыкивъ, сала, горшкивъ, пшона. Отъ той Йося накупывъ усячыны и несе до дому. Иде винъ льодомъ, колы лидъ репнувъ,—винъ його й замазавъ медомъ. Иде, иде,—колы собака дохлый лёжыть, выскалывъ зубы. Йося до його й каже:—Ты мяса хочешъ, цюця? И отдавъ йому кусокъ мяса. Иде и иде,—колы ворона: „кра! кра!“—А, такъ я вкравъ? На тоби кусокъ сала та не кажы, що вкравъ! Отъ винъ иде дали,—пыты йому схотилось. Отъ винъ набравъ воды, покуштувавъ—не солона. Узявъ тоди, усю силь у воду высыпавъ, розсолывъ, напився. Иде дали, пивень злетивъ на тынъ и закукурикавъ.—А ты пшонця хочешъ? на! И высыпавъ йому пшоно. Иде дали, колы стоятъ прыкилки у тыну высоченьки.—А, вы, хлопци, померзлы—нате вамъ шапочки! Понадивавъ йимъ горшки. Иде дали, колы хлопци по улыци бигають.—Вамъ хоченця бублыкивъ! нате! Роздавъ винъ и бублыки, а самъ пишовъ додому безъ ничего. Прыходе додому, а маты й пыта:—Де ты подивавъ усе? Чы ты купувавъ шо, чы ни?—Та я всего понакупывъ, та вытратывъ.—Якъ?—Та иду я льодомъ, а лидъ репнувъ, топнуть бы мени,—такъ я й замазавъ медомъ. Иду дорогою,—колы собака хоче мене порвать,—я кынувъ мясо. Иду дали, колы ворона каже: „украсть!“ Хыба я кравъ,—кажу,—я купывъ, а колы голодна,—на кусокъ сала, а не кажы вкравъ! Иду дали, пыть схотилось, а вода не солона, я й посолывъ и напився гарно. Иду дали, пивень просе пшона, а я й высыпавъ, найився винъ. Иду, колы хлопци безъ шапокъ стоятъ, просятъ у мене,—я й понадивавъ горщечки. Иду дали, хлопци просятъ бублыкивъ—я йимъ и давъ по бублычку.—А дурный ты, нависный, Йосю! Хыба жъ можно такъ робыты? Посыдь же дома, я пиду накуплю. Отъ вона пишла, а Йося остався дома. У хати була бочка съ пывомъ. Пыво вщолоча та все булька: буль—буль—буль! А дурень:—А такъ я дурь—дурь—дурь!.. Мовчы! А воно все: буль—буль—буль!.. Винъ якъ ухвате сокыру, порубавъ обручы, пыво и вытекло. Отъ винъ узявъ ночвы, сивъ у йихъ, узявъ у руки лопату и йизде по хати. Прыйшла маты додому и каже:—Йося, одчыны!—А отъ дойду!—крычыть Йося; дойхавъ, одчынивъ, а пыво такъ у двери й полылося.—Шо се ты наробывъ, Йосю!?—Та се пыво мене дурнемъ узывало, такъ я й выпустывъ його.—Дурный ты, Йосю,—то воно вщолочало, та булькало, а не взывало тебе дурнемъ. Ну, робыть тому ничего, засваталы за його Пыгынку й живутъ соби помаленьку. Отъ разъ Пыгынка й каже:—Пойидьмо у гости до мого батька! Тамъ е вареныкы, сметана, пыво, усе е.—Пойидьмо!—одказавъ Йося. Отъ воны й пойихалы; прыйихалы, уси по-

сидады обидать, а Йося пишовъ по горилку и остався голодный. Пришла ничъ, полягалы уся спаты, и Йося и пыта: Пыгынко, мени хочецця йисты!—Та полизъ, отамъ у печи у макытри пироги. Полизъ Йося на пичъ та не попавъ пироги та напавъ кошенята у горшку,—пойивъ йихъ. Тоди упьять каже:—Пыгынко, мени пыты хочецця.—Та возмы жъ кирецъ, та напыйся зъ бочки квасу! Пишовъ винъ та й попавъ не кирецъ, а решето. Точывъ—точывъ у решето,—не наточывъ и не напывся. Пишовъ винъ упьять до Пыгынки та й каже:—Я розливъ квасу трохи.—Ну, засыпъ попеломъ,—тамъ стойтъ у мишку у синяхъ. Винъ пишовъ у сини, та не напавъ попилъ та найшовъ гречане борошно у мишкахъ. Высыпавъ зъ мишка, а засыпать не засыпавъ. Пришовъ, лигъ у хати й заснувъ. Проснулысь,—а Йося ще спавъ,—дывлюця—нема ни кошенята, ни квасу, ни гречаного борошна,—похозяйнувавъ усе Йося. Посміялыся вони тоди зъ його такъ, що йому стыдно туды у гости було йихаты.¹⁾

Въ 2 вариантахъ изъ Александровскаго у. повторяются многіе мотивы, съ добавленіемъ мотива о томъ, какъ дурень ставитъ на землю треногъ и приказываетъ ему идти домой. Платками, купленными на свадьбу, дурень обвязалъ терны, свадебныя шишки выставилъ за хату допекаться на солнцѣ и т. д.²⁾

Весьма часто въ сказки этого рода вплетается тотъ мотивъ, что дурень слишкомъ буквально понимаетъ совѣты матери, сестры или жены и дѣлаетъ глупости. Такъ, въ одномъ вариантѣ сестра посылаетъ глупаго брата къ сосѣдямъ за вещами, и братъ сначала бросаетъ мясо собакамъ, затѣмъ, ложно истолковывая совѣты, рѣжетъ свиту на куски, корову вѣшаетъ на жертку, дѣвку работницу ставитъ въ сарай и даетъ ей сѣно. Въ другомъ вариантѣ подобное продѣлываетъ глупый мужъ. Вдобавокъ онъ беретъ еще на охоту за зайцемъ поросенка и кота, кормитъ лошенка сметаной изъ мисочки, поѣдаетъ кошенята, принимая ихъ за вареники и т. д.³⁾

Въ другой малорусской сказкѣ дурень дома выпускаетъ бочки водки, пива и меду и плаваетъ въ хатѣ въ корытѣ.

Далѣе мотивъ: братья поручаютъ дурню купить ринку, мясо и колбасъ. Дурень ринку ставитъ на землю, чтобы она при трехъ ногахъ сама шла, мясо отдаетъ собакамъ, а колбасой затыкаетъ дыру въ плетнѣ.

Заключительный мотивъ: утилизація трупа. Дурень ставитъ трупъ бабы и передъ ней яйца. Покупатель, не получая отвѣта, бьетъ трупъ; трупъ падаетъ. Дурень говоритъ, что чиновникъ убилъ бабу, и чиновникъ откупается 500 рублями⁴⁾.

¹⁾ Гринченко, I № 172.

²⁾ Манжура, 79, 80.

³⁾ Чубинскій, II 497—502.

⁴⁾ Чубинскій, II 492—495.

Въ малорусскомъ вариантѣ глупецъ мужъ получаетъ отъ тестя поро-сенка, но затѣмъ идетъ на охоту за зайцемъ и вмѣсто собакъ выпускаетъ кота и поросенка. Далѣе слѣдуютъ въ подробномъ развитіи такіе мотивы: дурень дѣвку кормить сѣномъ, а лошенка ведетъ въ хату и предлагаетъ сметану, поѣдаетъ кошенятъ вмѣсто варениковъ, пьетъ помой, выливаетъ въ погребу квасъ и засыпаетъ его мукой. Дурень здѣсь характеризуется тѣмъ, что „обхвате жертку руками, повисне и сливае“¹⁾.

Въ югославянской сказкѣ о матери и глупомъ сынѣ мать, уходя въ церковь, поручаетъ сыну досмотрѣть, чтобы не сбѣжалъ супъ. Супъ сбѣжалъ, дурень прибѣжалъ въ церковь и громко оповѣстилъ о томъ мать. Мать говоритъ, что нужно было сказать ей на ухо. Въ ближайшее воскресеніе мать, уходя въ церковь, поручаетъ сыну беречь свиное сало, потому что, когда прійдетъ зима, оно все выйдетъ. Дурень принимаетъ пришедшаго нищаго за зиму и отдаетъ ему сало. Въ слѣдующее воскресеніе мать поручаетъ сыну наточить изъ бочки вина; сынъ забылъ заткнуть чопъ, вино все выбѣжало, и онъ засыпаетъ его мукой. Разгнѣванная мать бьетъ его, и онъ лежитъ отъ того боленъ. Въ слѣдующій праздникъ загорѣлся у дурня домъ, и онъ пошелъ въ церковь и на ухо сказалъ о томъ матери. Изгнанный дурень идетъ въ нищіе. Онъ полученное вино выливаетъ въ карманъ. Мать говоритъ, что нужно вылить въ бутылку. Далѣе дурень полученный хлѣбъ крошитъ и набиваетъ имъ бутылку. Мать говоритъ, что нужно было положить въ мѣшокъ. Въ слѣдующіе разы дурень въ мѣшокъ запихалъ теленка, завернулъ въ бумажку яйца. Наконецъ, дурень говоритъ матери, что хочетъ жениться. Мать совѣтуетъ ему пойти въ церковь и на какую женщину посмотреть (образно—кинетъ глазами), та и будетъ его женой. Дурень покупаетъ у рѣзника бычачьи глаза и бросаетъ ихъ въ церкви; первый глазъ свалилъ священную статуетку на алтарь, а другой упалъ на цыганку, которую дурень и взялъ въ жены. Мать разсердилась и прогнала сына²⁾.

Въ эстонской сказкѣ, изложенной стихами и въ этомъ отношеніи весьма сходной съ великорусскими пѣснями, дурень, неудачно примѣняя совѣты матери, на пожарѣ говоритъ: „прибавки къ пламени“, поливаетъ водкой бабъ у колодца, вставляетъ голову межъ загрызшихся собакъ, бьетъ палкой двухъ мастеровыхъ, бросается гладить у пана ноги и попадаетъ подъ экипажъ, вскакиваетъ на спину нищаго калѣки (мать совѣтовала вскочить на жеребца). Дурня бьютъ, и наконецъ нищій убиваетъ его костылемъ³⁾.

Во французской сказкѣ мать, уходя въ церковь, приказываетъ сыну посмотреть за супомъ и положить масла въ капусту. Глупецъ идетъ въ ого-

¹⁾ Чубинскій, II 499.

²⁾ Krauss, Sagen u. Märchen d. Südslav. II 232—235.

³⁾ Этнограф. Обзор. XV 45.

родъ и намазываетъ масломъ капусту, выпускаетъ домашній скотъ, который и поѣдаетъ въ огородѣ капусту ¹⁾).

Сказки о глупомъ сынѣ распространены на огромномъ пространствѣ земного шара, отъ Исландіи до Японіи, отъ Англіи до Индіи; быть можетъ онѣ даже повсемѣстны.

Въ норвежской сказкѣ (въ сб. Асбьёрнсена) мать совѣтуетъ своему глупому сыну выстроить черезъ рѣку мостъ и брать пошлину съ прохожихъ. Сынъ выстроилъ и сталъ на концѣ для собиранія пошлины. Провозили сѣно; онъ взялъ вязанку сѣна, у мелкаго торгаша взялъ иголки. Иголки воткнулъ въ сѣно, и когда попробовалъ сѣно и нашелъ его не вкуснымъ, то бросилъ его въ рѣку. Мать сдѣлала ему выговоръ и сказала, что сѣно нужно было разсыпать на току, а иголки воткнуть въ шляпу. На другой день глупецъ получаетъ мѣшокъ съ мукой и буравъ; муку онъ разсыпаетъ на току, а буравъ затыкаетъ въ шляпу. Мать говоритъ, что муку слѣдовало принести въ ведрѣ, а буравъ въ рукавѣ. Примѣняя и далѣе неудачно совѣты матери, глупецъ льетъ водку себѣ въ рукавъ, приносить козленка въ ведрѣ, кусокъ масла привлекаетъ на веревочкѣ. Мать рѣшила наконецъ его женить и посылаетъ искать жену, давъ совѣтъ, чтобы онъ всѣмъ говорилъ „Богъ на помощь“. Съ такимъ пожеланіемъ глупецъ обратился къ волчицѣ. Далѣе, неудачно примѣняя совѣты матери, онъ на свадебныхъ поѣзжанъ кричитъ: „Го! го! чтобы васъ съѣли волки“, на медвѣдя, тащившаго лошадь—„счастливаго пути невѣстѣ и жениху“, при погребальной процессіи—„чтобъ чортъ васъ забралъ“; при видѣ, какъ цыгане драли шкуру съ дохлой собаки, глупецъ пожелалъ вѣчнаго покоя ея душѣ. Мать сама наконецъ отыскала невѣсту и, въ числѣ разныхъ наставленій сыну, сказала, чтобы онъ бросалъ по временамъ на нее взгляды, и глупецъ понималъ это буквально, взялъ у рѣзниковъ бараньи и козыи глаза и бросалъ ими въ невѣсту.

Послѣдняя подробность встрѣчается и у другихъ народовъ, въ зависимости отъ допускаемой въ языкѣ замѣны словъ и понятій—встрѣчается въ сказкахъ англійскихъ и италіанскихъ.

Въ венеціанскомъ вариантѣ мать и сынъ мѣсятъ хлѣбъ. Сынъ говоритъ: зачѣмъ изготовляются большіе и малые. Мать объясняетъ, что въ массѣ все сойдетъ. Сынъ слово масса принялъ за мессу, отнесъ хлѣбы вмѣсто хлѣбни въ церковь и сложилъ ихъ во время обѣдни среди церкви. Какими глазами смотрѣлъ на меня народъ, говорилъ съ удивленіемъ дурень матери. Да и ты могъ воззрѣться на нихъ (буквально—бросить глаза), сказала мать. Дурень понималъ буквально, пошелъ въ хлѣвъ, повырѣзывалъ у скота глаза, понесъ въ платкѣ въ церковь и бросалъ на того, кто на него глядѣлъ.

¹⁾ *P. Sebillot, Contes pop. de la H. Bret. 221.*

Въ арабскихъ вариантахъ, нѣсколько отличныхъ отъ предыдущихъ по содержанию, жена поручаетъ мужу купить на базарѣ извѣстный предметъ; глупый мужъ повторяетъ слова и потомъ забываетъ, путаетъ съ первымъ услышаннымъ или внушеннымъ ею со стороны, такъ что вмѣсто гороха (pease) по созвучію переходитъ на перлы (pearls). Арабскія сказки этого рода довольно пространны. И въ арабскомъ вариантѣ находится мотивъ о выходкахъ глупца на похоронахъ судьи (глупецъ закричалъ: „Дай Богъ вмѣсто одного семь изъ самыхъ лучшихъ и важныхъ“) и при сдираніи кожи съ дохлого осла (пожеланіе блага для его души) ¹⁾.

Большой популярностью въ Англіи издавна пользовался рассказъ, какъ готемитъ послалъ впередъ на базаръ круги сыра. Шелъ онъ на рынокъ съ нѣсколькими головками, одну головку уронилъ на пригоркѣ, и эта головка быстро покатила въпередъ. Онъ рѣшилъ, что сыръ можетъ и самъ добѣжать до базара и бросилъ всѣ головки. На рынкѣ ближайшаго мѣстечка онъ не могъ найти своего сыра, и рѣшилъ, что онъ, по скорости, побѣжалъ далѣе въ Іоркъ, взялъ лошадь и помчался за ними въ Іоркъ. Въ шотландскомъ вариантѣ жена дурня находитъ сыръ у подножія холма. Въ другой шотландской сказкѣ женщина бросаетъ клубки нитокъ, полагая, что они сами прибѣгутъ на рынокъ ²⁾.

Въ англійскихъ народныхъ книжкахъ о готемитахъ приведенъ эпизодъ о дурнѣ, купившемъ на базарѣ таганъ. Сначала онъ несъ таганъ на себѣ, а потомъ поставилъ его на землю и приказалъ слѣдовать за нимъ, такъ какъ у него три ноги, а самъ пошелъ впереди, чтобы указать тагану путь къ дому. Жена дурня спрашиваетъ о треножникѣ. Мужъ говоритъ, что онъ долженъ прійти. Жена идетъ въ поле и приноситъ таганъ. Въ близкомъ шотландскомъ вариантѣ таганъ замѣненъ прялкой. Въ кабилской сказкѣ женщина посылаетъ своего сына (племя Бени-Дженадъ) купить мула, а сынъ вмѣсто мула покупаетъ арбузъ и посылаетъ его бѣжать домой ³⁾.

Въ индійской сказкѣ о глупомъ сынѣ и разумной матери сынъ идетъ странствовать. Въ дорогѣ онъ отдалъ свой хлѣбъ собакамъ, а благодарная собака принесла ему мѣшокъ съ деньгами, который и былъ переданъ глупцомъ матери. Мать накупила сластей и разбросала ихъ на крышѣ, а сыну сказала, что шелъ такой дождь. Когда затѣмъ сынъ проболтался о мѣшкѣ, и за нимъ пришли къ матери, то послѣдняя, сказала, что ничего не знаетъ, а когда стали допрашивать сына, и онъ увѣрялъ, что принесъ мѣшокъ съ деньгами, когда шелъ ананасный дождь, то оставили мать въ покоѣ ⁴⁾.

1) Clouston, 126—138.

2) Clouston, 35.

3) Clouston, The book of noodles 36.

4) Минаевъ, Инд. ск. 15.

Къ сказкамъ о буквальному пониманіи совѣтовъ или неудачномъ ихъ исполненіи прямо примыкають сказки и анекдоты: 1) о бросаніи глазъ (=взглядовъ), 2) о глупомъ женихѣ, 3) о поведеніи глупца въ церкви, 4) о милостынѣ зимѣ.

XXXIX.

Бросаніе глазъ (взглядовъ).

Въ Черниговской губ. записанъ слѣд. анекдотъ: Була собі одна жінка и оддала вона свою дочку замѣжъ. И каже дочці: „Ты жъ, моя доню, хотъ по курячій головочци збирай та въ скриню кладь!“ (Значить, щобъ вона пряла). Отъ дочка, якъ де побаче нурку, такъ визьме йїи, зариже, а головку сховае. И богато вже въ нейи головокъ набираволось. Отъ, разъ прыйихала маты до нейи въ гости; вона й каже йїи: „ось иды, мамко, погляды, скильки я курячихъ головокъ набирала“. Матка подивылась та й каже: „хыба жъ я такъ тоби казала“? А дочка: „А якъ же“? „Я жъ тоби казала: хотъ по курячій головочци пряды та въ скриню кладь!“¹⁾

Гораздо чаще, во многихъ сказкахъ развивается такой мотивъ: мать совѣтуетъ сыну во время ухаживанія за дѣвицами любезно на нихъ посматривать, что во многихъ языкахъ (напр., во французскомъ) фигурально выражается—бросать глаза, и дурень буквально исполняетъ совѣтъ матери, вырѣзываетъ у овецъ глаза или покупаетъ бычачьи глаза у мясника и бросаетъ ихъ въ дѣвицу.

Бросаніе взглядовъ—бросаніе вырѣзанныхъ глазъ—мотивъ широко распространенный. Коскенъ указалъ его (II, 182) въ сказкахъ пикардійской, баскской, бургундской, нѣмецкой (изъ Тироля), трехъ тосканскихъ, шотландской, ирландской. Время и мѣсто возникновенія этого сказочнаго мотива неизвѣстно. Въ XVI в. онъ уже бытовалъ въ Европѣ, такъ какъ встрѣчается въ одной народной нѣмецкой книгѣ 1557 г. и въ *Facetiarum libri tres* Генриха Бебеля 1506 г.

Коскенъ высказалъ предположеніе, что мотивъ этотъ, какъ многіе другіе, могъ зайти въ Европу съ Востока. Указанная имъ сказка афганская не особенно близка. Мать посылаетъ сына дурня искать невѣсту и совѣтуетъ заигрывать съ дѣвицами. Встрѣтивъ дѣвушку у колодца, онъ такъ заигралъ съ нею, что свалилъ ее въ колодець. Мать подмѣнила ея трупъ трупомъ козы. Ближе индійскіе варианты, напр., приведенная въ сборникѣ проф. Минаева сказка изъ Камаона: Мать совѣтуетъ, заигрывая съ дѣвушками, бросать въ нихъ камушки, сначала маленькіе, потомъ побольше. Дурень началъ бросать такіе камни, что убилъ дѣвушку. Она лежала съ рас-

¹⁾ Гринченко, II, 297.

крытымъ ртомъ, а дурень думалъ, что она смѣется. Далѣе слѣдуетъ подмѣнъ трупа дѣвицы трупомъ козы ¹⁾.

XL.

Довѣрчивые глупцы—покупатели мнимочудесныхъ предметовъ. Дураки или плутъ въ мѣшкѣ.

Въ малорусской сказкѣ бурлаки покупаютъ за 100 руб. у дурня вонокъ, что будто безъ коня ѣздилъ, за 200 руб. палочку, доставляющую яства и наконецъ воскрешающій кнутъ. Они перебили своихъ женъ и сказали: „пужка-живушка! кинься, Марушка!“ Жены не воскресли; бурлаки понесли дурня въ мѣшкѣ топить и на берегу они пошли искать камня, чтобы навязать на мѣшокъ. Въ мѣшокъ попадаетъ торгашъ (крамарь), дурень забираетъ его товаръ и говоритъ братьямъ, что нашелъ его въ рѣкѣ. Бурлаки даютъ дурню сто рублей, чтобы онъ спустилъ ихъ въ рѣку за товаромъ ²⁾.

Въ великорусской сказкѣ про шута мотивы перепутаны: сначала шуты убиваютъ и продаютъ трупы женъ, обманутые шутомъ, затѣмъ покупаютъ козу, будто бы испражняющуюся золотомъ и наконецъ плетку живилку, которой потомъ бьютъ по покойнику. Семь глупыхъ хотятъ утопить шута обманщика. Шутъ говоритъ солдату: высватали и везутъ на свадьбу. Солдатъ занимаетъ его мѣсто. Шуты бросаютъ его въ рѣку. Встрѣтивъ шута на солдатской лошади, они подумали, что шутъ досталъ ее въ рѣкѣ и просили спустить ихъ въ рѣку ³⁾.

Въ вариантѣ плутъ продаетъ братьямъ сначала котелъ, будто варящій безъ огня, затѣмъ плетку живилку. Сказка неоконченная, безъ заключительной попытки утопить плута.

Въ вариантѣ съ этимъ заключительнымъ мотивомъ плутъ въ мѣшкѣ кричитъ: „ни читать, ни писать не умѣю, а меня въ головы сажаютъ“. Его мѣсто занимаетъ богатый мужикъ.

Въ третьемъ вариантѣ плутъ (Ерема) впахиваетъ въ мѣшокъ барина ⁴⁾.

Въ сказкѣ Самарской губ. про шута Максимку сначала идетъ нескладный, темный и грубый разсказъ о томъ, какъ шутъ Максимка издѣвался надъ попами, связалъ ночью волосы спавшихъ попа и попады, какъ убѣждалъ, переодѣлся въ дѣвицу, вышелъ замужъ, искусно подмѣнили вмѣсто себя барана; мотивы эти часто встрѣчаются и въ польскихъ сказкахъ. За-

¹⁾ *Cosquin*, II, 182—183.

²⁾ *Чубинскій*, II, 515; сход. 521, 564.

³⁾ *Аванасьевъ*, III, 359—364.

⁴⁾ *Аванасьевъ*, III, 364, 371.

тѣмъ идутъ уже приставные мотивы о продажѣ лошади, испражняющейся золотомъ и плети живилки. Купцы хотятъ убить шута. Жена сказала, что онъ умеръ; а онъ спрятался въ яму. Купцы хотѣли выс... на его могилѣ, а шутъ укололъ ихъ. Затѣмъ заключительный шаблонный мотивъ о помѣщеніи плута въ мѣшкѣ и пр. 1).

Въ великорусской сказкѣ изъ Вологодской губ. меньшій братъ дурень, по приказанію матери, несетъ клѣчки братьямъ. Въ дорогѣ онъ даетъ своей тѣни клѣчки, а потомъ бросаетъ въ нее и горшокъ. Братья приказали стеречь овецъ. Дуракъ вырвалъ у нихъ глаза, чтобы онѣ не разбѣгались. Старики родители послали глупаго Иванушку въ городъ за покупками. Иванушка ставитъ столъ на дорогѣ, чтобы онъ самъ шелъ, при четырехъ ногахъ, съѣстное отдалъ воронамъ, на обгорѣлые пни надѣлъ горшки, чтобы они не мерзли, соль высыпалъ въ рѣку, чтобы лошадь пила воду, а когда она не пила, убилъ ее полѣномъ и, наконецъ, поломалъ деревянные ложки, подумавъ, что онѣ его бранятъ дуракомъ. Братья идутъ сами на базаръ. Въ ихъ отсутствіе дурень выпускаетъ изъ кадки пиво и плаваетъ въ хатѣ въ корытѣ. Въ концѣ шаблонный мотивъ о попыткѣ братьевъ утопить дурня (погибаютъ баринъ и затѣмъ сами братья) 2).

Братья несутъ найденныя деньги, встрѣчается дьячокъ, который жадно хватается золото и набиваетъ имъ карманы. Дуракъ убиваетъ его а братья его стаскиваютъ трупъ въ погребъ. Умные братья сообразили, что дурень проболтается; они переложили трупъ въ другое мѣсто, а на томъ мѣстѣ закопали голову козла. Дурень дѣйствительно все разболталъ и указалъ, гдѣ былъ первоначально зарытъ трупъ дьячка. Его заставили раскапывать. Дуракъ достаетъ козлиную голову съ рогами. Люди плюнули и разошлись 3).

Мотивъ „плутъ въ мѣшкѣ“ въ самарскомъ вариантѣ измѣненъ т. обр.: Братья хотѣли утопить дурня. Дуракъ одѣлъ кулъ соломы, положилъ на палатяхъ и убѣждалъ. Братья спустили кулъ подъ ледъ. Въ дорогѣ дурень накрылъ шапкой кучу экскрементовъ и сказалъ барину, что поймалъ птичку. Когда баринъ пошелъ посмотреть птичку, дуракъ сѣлъ въ его экипажъ и убѣжалъ. Онъ говоритъ братьямъ, что нашелъ лошадей въ рѣкѣ, и спускаетъ братьевъ, по ихъ просьбѣ, въ рѣку 4).

Въ бѣлорусской сказкѣ три брата, два умныхъ, третій глупый. Умные работаютъ въ полѣ; дурень дома лишь „на жилейку играетъ“. Бабы ударами сгоняютъ его съ печи и посылаютъ отнести горшокъ каши братьямъ

1) Садовниковъ, № 32.

2) Аванасьевъ, III, 371.

3) Аванасьевъ, III, 378.

4) Садовниковъ, стр. 132.

въ поле. Дурень увидѣлъ свою тѣнь, бѣжалъ отъ нея, но видя, что и тѣнь бѣжитъ, бросилъ въ нее горшокъ и разбилъ его. Братья бранятъ его, идутъ домой обѣдать, а дурню поручаютъ отгонять отъ коней оводовъ. Дурень билъ оводовъ дубиной и поубивалъ коней. Братья съ женами уходятъ изъ дому; но дурень забрался въ мѣшокъ, и одинъ изъ братьевъ несъ его, вмѣсто сухарей. На дорогѣ дурень вылезаетъ изъ мѣшка. Братья ночуютъ на берегу глубокой рѣки. Они кладутъ дурня съ краю, чтобы спихнуть въ рѣку; но дурень ночью перекладываетъ жену брата, и ее сталкиваютъ въ рѣку. Заключение: дурня посадили въ мѣшокъ, чтобы утопить, и пошли въ лѣсъ за дрючкомъ. Дурень кричитъ, что его неграмотнаго противъ воли садятъ королемъ. Его мѣсто занимаетъ жидъ и погибаетъ. Дурень торгуетъ его товаромъ, говоритъ, что нашелъ его въ рѣкѣ и спускаетъ туда братьевъ ¹⁾).

Деталь о тѣни встрѣчается на далекомъ азіатскомъ Востокѣ. Въ индійской сказкѣ Бату поручаетъ глупому своему брату Лату отнести въ домъ тестя корзину съ хлѣбами. Лату отдаетъ своей тѣни всѣ хлѣбы и одежду, и голымъ является къ женѣ Бату ²⁾).

Въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ вариантахъ мотивъ—дурень (плутъ) въ мѣшкѣ встрѣчается въ сочетаніи съ разными мотивами, чаще всего съ мотивами о неудачныхъ покупателяхъ, затѣмъ съ мотивомъ объ избіеніи дурнемъ оводовъ и вмѣстѣ съ ними коней, съ мотивомъ о мертвомъ тѣлѣ, съ мотивомъ о вѣщей кожѣ (=вѣщая птица—скоморохи въ Пѣснѣ о гостѣ Терентищѣ) ³⁾ и нѣк. др.

Въ одномъ вариантѣ подъ заглавіемъ „Шутъ“ плутъ беретъ у сосѣдей медъ и замѣняетъ его своимъ испражненіемъ, продаетъ кобылу какъ испражняющуюся серебромъ и подводитъ сосѣдей извѣстнымъ уже способомъ къ убійству женъ. Обманутые сосѣди и три брата. Любопытно, что троеніе здѣсь перенесено на противоположную сторону. Братья пошли убить плута. Онъ спрятался въ ямѣ. Братья хотѣли испражниться изъ мести надъ его могилой. Плутъ колетъ ихъ иглой. Конецъ обычный—плутъ, а затѣмъ въ замѣнъ его панъ въ мѣшкѣ утопленъ, и плутъ топить братьевъ ⁴⁾).

Въ малорусскомъ вариантѣ изъ Сумск. у. Харьковской губ.: „Одинъ чоловикъ водывъ козу на торгъ та й не продавъ. Отъ якъ вивъ винъ ййи додому, такъ прыйшлося иты лисомъ.—Идутъ вони лисомъ, колы дыв-

¹⁾ Шейнъ, Матеріалы, II, 229.

²⁾ Минаевъ, Инд. ск. 40.

³⁾ Шейнъ, Матер. II, 234. Другой бѣлорусскій вар. см. въ сбор. Добровольскаго, I, 693.

⁴⁾ Романовъ, Бѣлор. сб. III, 403—409.

лица, ажъ лежыть нежывый вовкъ: чоловикъ пидійшовъ до його та й дума, шо робыть. На той часъ йихавъ поблызу панъ изъ гостей. Винъ побачивъ козу й чоловика та й пытаецця: Шо ты тутъ робышь?—Та це коза моя піймала вовка, такъ я опе думаю, шо зъ нымъ робыть. Та трохи й; почервонивъ, бо збрехавъ. Вотъ это хорошая коза, што и волковъ беретъ продай ее мнѣ!—А шо вы, пане дасте за нейи?—спытавсь винъ.—Да сто рублей дамъ. Та й давайте! Отъ, панъ узавъ козу, повивъ у лисъ та й привъязавъ на довгій вирьовци до дуба. Колы це прыходе одынъ вовкъ та й ставъ били козы, а вона: „мекеке“! та й стойть. Панъ и каже:—Вотъ проклятая коза: одного еще и не беретъ! Колы це прыйшовъ и другой вовкъ, а коза все стойть та: „мекеке“! А панъ:—Вотъ коза; и двухъ не беретъ! Колы якъ выскоче зъ лису третій вовкъ, якъ хватили уси тры козу,—такъ и розирвалы! А панъ стойть та:—Ну, проклятая коза: двухъ не брала, а троихъ не подолѣла! ¹⁾

Весьма близкій варіантъ въ приуроченіи къ жидамъ записанъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринос. губ. ²⁾.

Анекдотъ о глупомъ панѣ, отдавшемъ лошадей и шедшемъ въ запряжкѣ, встрѣчается изрѣдка отдѣльно. Въ Чигиринскомъ у. записанъ слѣд. анекдотъ:

Одному панови та схотилосъ побачить, якъ то цыгане людей обманують. Йиде винъ разъ съ кучеромъ и каже: „Колы побачишь де на дорози цыгана, то скажы мени. бо може я задримаю“. Одыхалы вони тришки,—ажъ справды зостричаютъ, тильки не цыгана, а цыганча, такъ—литъ съ пѣятнадцать йему. „Эй, каже панъ, цыганчукъ! а ну, покажы, якъ цыгане обманують людей?“ „Э, каже, пане, якъ же я вамъ покажу, коли не вмію, бо я—малый; отъ якъ-бы мій батько“. „Ну, то бижы,—каже панъ,—поклычъ батька“. „А якъ же я пиду? це далеко; вамъ обрыдне й дожити“. „Ну визьмы,—каже панъ,—коня та сидай верхы“. Той узавъ того коня, сивъ та й говоре: „Пане, якъ же воно такъ буде: батько йихатыме, а я пишки йтыму?“—„Ну, каже панъ, визьмы й другого коня, а мы пиждемъ“.—„Пане, батько мій добре обманюе, ну, а якъ бы вы побачылы, якъ обманюе мій дядько!“—„Ну, то визьми й його“.—„А якъ же, пане, буде: мы йихатемъ, а дядько пишки йтыме?“—„Ну, беры й третьяго коня“.—Цыганча пойихало, а панъ съ кучеромъ зосталысь безъ коней. Стоялы вони тамъ мабудъ днівъ зо тры, ну, панъ и пыта у кучера: „А що, Мыкыто,—що тяжче: хомуть съ дугою, чы повозка?“—„Хомуть,—кае,—пане, та дуга—уся вага, а повозка сама котытця“. „Ну, то пойдимо“, каже панъ. Панъ запригся у повозку, а Мыкыта несе хомуть та дугу. Панъ

¹⁾ *Гринченко*, I, 115. Весьма сходные варианты въ сборн. *Мажуры* 74, *Рудченка* II, 31, *Драгоманова* 343, *Ястребова* 129, 162.

²⁾ *Гринченко*, II, 227.

бидный пріе, а не подае знаку, а Мыкыта усе кречче: „Ой, каже, горевь-ко, тяжко!“...—„Ничого, каже панъ, и мы якогось дурня обманемъ по дорожа“. Напроты йихъ йихавъ якыйсь мужыкъ парою такихъ поганыхъ коній, шо й гыдко й плюнуть. Панъ пыта: „А шо, чы продаешъ?“—„Продаю“. „А шо берешъ?“—„Сто рубливъ“. Панъ зрадивъ, шо такъ дешево, та—тыць тому мужичови сто рубливъ. „Хай, думаетъ панъ, и винъ попогягнетъ повозку съ хомутомъ та съ дугою!“—А мужыкъ, звисно, не стане тягты, а мабуть комусь прыручывъ воза такому, хто оравъ у поли ¹⁾).

Въ польской сказкѣ мужыкъ многократно бьетъ пана, то запершысь въ его кабинетъ, то въ лѣсу, привязавъ пана къ дереву, то въ видѣ лѣченія, то въ видѣ поученія глупаго пана, не отличающаго свиньи отъ козы, а дуба отъ березы ²⁾).

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи встрѣчаются самостоятельные анекдоты о томъ, какъ панъ или жидъ купилъ у мужика козу, которая, по словамъ продавца, давить волковъ.

Еще Аѳанасьевъ указалъ на сходные варианты у сербовъ, чеховъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и грековъ, и здѣсь мы не будемъ повторять этихъ уназаній ³⁾. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что литовскій и нѣмецкій рассказы о продѣлкахъ плута, приведенные Аѳанасьевымъ, сильно уклоняются въ сторону, причемъ вездѣ входитъ мотивъ объ утилизаціи мертваго тѣла въ грубой формѣ.

Въ польской сказкѣ о Войткѣ, причинявшемъ разнымъ пакости жидамъ, извѣстной во многихъ вариантахъ, 1) жида хотятъ лечь въ лѣсу такъ, чтобы не было крайняго, и Войтекъ кладетъ ихъ кругомъ головой въ муравьиное гнѣздо; 2) заставляетъ спускаться съ дерева ниткой, такъ чтобы одинъ держался за ноги другого; жида срываются и убиваются; 3) продаетъ коня, будто бы исправляющагося деньгами. Жида послѣ этого несутъ Войтка въ мѣшкѣ топить; Войтекъ кричитъ, что не хочетъ быть польскимъ королемъ; его мѣсто занимаетъ панъ; жида его топятъ; Войтекъ уѣзжаетъ на панскихъ коняхъ и въ заключеніе топитъ жидовъ ⁴⁾).

Въ польскихъ сказкахъ мотивъ о плутѣ въ мѣшкѣ встрѣчается часто, причемъ обыкновенно плутъ говорить, что не хочетъ быть королемъ, потому что неграмотенъ,

Nie bede polskiem królem,

Bo nie umiem orac piórem ⁵⁾).

¹⁾ Гринченко, II, № 152.

²⁾ Ciszewski, 241.

³⁾ Аѳанасьевъ, Рус. нар. ск. IV, 508.

⁴⁾ Ciszewski, 271—279.

⁵⁾ Ciszewski, 278. Польскіе варианты см. еще въ сб. Zawilinsky, 58, 67 и въ сб. Chelchowski, 65.

Мѣсто его занимаетъ панъ.

Въ испорченномъ видѣ мотивъ объ убійствѣ жены встрѣчается въ польскихъ сказкахъ. Рабочій нашель золото, продалъ его пану и разбогатѣлъ, а своему корыстолюбивому брату сазалъ, что онъ связалъ свою жену и продалъ ее пану; жадный его братъ связалъ жену и положилъ ее на столъ панскій, за что былъ избитъ. Въ вариантѣ богатый братъ снимаетъ съ жены кожу, несетъ ее на ярмарку и попадаетъ подъ судъ ¹⁾.

Интересенъ грузинскій вариантъ: — Жилъ одинъ священникъ — мингрелецъ. Ничего у него не было, кромѣ одного катера и двѣнадцати рублей мелкими серебряными монетами. Однажды священникъ запряталъ нѣсколько штукъ этихъ монетъ въ подковы, которыми катеръ былъ подкованъ; затѣмъ сѣлъ на него и поскакалъ по еврейскимъ рядамъ. Деньги повысыпались изъ подъ подковъ катера. Евреи возгорѣли желаніемъ приобрѣсть катера во что-бы то ни стало. Остановили священника и прицѣпились. А священникъ имъ въ отвѣтъ: — „Съ ума что ли вы сошли? Какъ-же я продамъ катера: вѣдь онъ мой кормилецъ; вѣдь онъ мнѣ много денегъ даетъ“. Священникъ снова поскакалъ и изъ подковъ снова повыскакивало нѣсколько монетъ. Евреи снова остановили священника и пристали къ нему, на этотъ разъ неотступно. — „Хорошо, говоритъ священникъ, продамъ я его вамъ, только ужъ не иначе, какъ на вѣсъ золота!“ Евреи заплатили священнику столько, сколько онъ требовалъ. — „Какъ-же за нимъ ухаживать?“ спросили евреи священника. — „Вы его заприте въ „поцху“ на три мѣсяца и въ теченіе этого времени не навѣдывайтесь. Поцха и наполнится деньгами!“ Евреи такъ и сдѣлали. Прошло три мѣсяца, и они отправились въ „поцху“, думая найти въ ней цѣлыя горы серебра. Каково было ихъ удивленіе, когда они нашли ее совершенно пустою, а вмѣсто катера — только кости его. Разсердились евреи на священника и рѣшили его убить. Священникъ, узнавъ объ этомъ, зарѣзалъ курицу, вынулъ у нея зобъ и, выбросивъ оттуда зерна, наполнилъ его кровью и привязалъ къ шеѣ своей жены. Пришли евреи къ священнику. Только что они вошли въ комнату его, священникъ хватилъ ножомъ по горлу жены, и она повалилась на полъ обливаясь кровью. Евреи разинули рты, а священникъ побѣжалъ и принесъ изъ другой комнаты „чонгури“ и сталъ наигрывать на ней. Жена вдругъ ожила, встала и начала ходить. Евреи окончательно поразились. Они вообразили, что „чонгури“ обладаетъ чудодѣйственной силою и купили его у священника за большія деньги. Чтобъ показать своимъ соплеменникамъ силу инструмента, они, недолго думая, зарѣзали своихъ женъ, и стали наигрывать на „чонгури“, надѣясь оживить ихъ. Но, увы, жены не ожили! Ужъ на этотъ разъ евреи поклялись отомстить священнику. Поймали его и засадили въ корзину,

¹⁾ Ciszewski, 225—228.

чтобъ бросить её вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Видя, что гибель неизбежна, священникъ сталъ кричать: „вай, вай“ (то же, что ой, ой). Въ это время по улицѣ проходилъ другой священникъ. Услышавъ крикъ, онъ подошелъ къ берегу и видитъ въ корзинѣ своего собрата. — „Что съ тобою?“ говоритъ онъ ему. — „Какъ что?“ отвѣчаетъ тотъ: „евреи хотятъ, чтобъ я взялъ съ нихъ деньги. Я не беру, а они за это меня въ корзину засадили!“ Прохожій священникъ обрадовался, что получить деньги и, недолго думая, самъ занялъ мѣсто заключеннаго, а этотъ давай Богъ ноги. Пришли евреи, и не смотря на крики и мольбы, что онъ не тотъ священникъ, а совершенно другой, бросили его въ рѣку и утопили. Спустя нѣсколько времени, евреи увидѣли утопленнаго ими священника на базарѣ: онъ продавалъ быковъ. — „Вѣдь мы тебя утопили!“ воскликнули въ одинъ голосъ евреи, — „какъ же ты здѣсь?“ „Да“, отвѣчаетъ священникъ, „вы меня бросили въ воду и прекрасно сдѣлали. Сколько разъ я крикнулъ въ водѣ „вай“, столько паръ быковъ я и получилъ отъ Бога!“ Евреи снова соблазнились: бросились въ воду, чтобъ получить быковъ, но не успѣли даже и разъ крикнуть „вай“, какъ утонули ¹⁾).

Въ Италіи весьма распространены анекдоты о продажѣ мнимо чудесныхъ предметовъ, осла или курицы, несущей золотыя яйца, горшка самовара, плети живилки. Въ особенности популяренъ мотивъ о продажѣ осла, испражняющагося золотомъ. Питре отмѣтилъ сицилійскіе варианты и въ примѣчаніи указалъ италіанскіе варианты въ сборникѣ Гонценбахъ и въ другихъ сборникахъ. Между прочимъ, въ „*Historia di Campriano*“, изд. во Флоренціи въ 1550 г. ²⁾)

На сказкахъ этого цикла подробно останавливался Коскенъ въ „*Contes populaires de Lorraine*“, отчасти нѣкоторые другіе западные ученые, напр., М. Koehler. Къ сожалѣнію, Коскенъ не далъ цѣльнаго изслѣдованія. Замѣчанія его разбросаны въ видѣ примѣчаній къ сказкамъ подъ №№ 10, 20, 49 и 71, причемъ всѣ эти сказки представляютъ лишь весьма близкіе другъ къ другу варианты одного и того же сказочнаго цикла, какъ хитрый мужикъ жестоко обманулъ глупаго барина.

На предстоящихъ страницахъ мы сгруппируемъ главные замѣчанія и указанія Коскена въ одно цѣлое, и нѣсколько расширимъ и продлимъ его работу по другимъ даннымъ, преимущественно русско-славянскимъ, у Коскена совсѣмъ отсутствующимъ.

Сводя вмѣстѣ мотивы сказки, — а свести ихъ тѣмъ болѣе нужно, что при передачѣ мотивы легко переставляются изъ одной сказки въ другую, мы установимъ ихъ въ такомъ порядкѣ, по №№, на которые потомъ для краткости будемъ ссылаться въ подсчетѣ параллелей и аналогій:

¹⁾ *Сборн. матер. д. изуч. Кавк.* XVIII, 30.

²⁾ *Pitré, Fiabe*, III стр. 195—197.

№ 1. Жиль-быль мужикъ съ женой въ бѣдной хижинѣ. Одна была у него корова, и та издохла. Снялъ онъ шкуру съ нея и пошелъ продавать ее. Проходя лѣсомъ, онъ такъ натянулъ на себя шкуру, что надъ его головой приходилась голова коровы съ рогами. Разбойники въ лѣсу считали деньги; они подумали, что къ нимъ подходитъ дьяволъ и поспѣшно бѣжали. Мужикъ забралъ ихъ сокровища.

№ 2. Мужикъ положилъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ конюшню, гдѣ стоялъ его осель. Въ селѣ прошелъ слухъ, что осель испражняется золотомъ. Помѣщикъ покупаетъ осла за дорогую цѣну. Жена бранитъ его.

№ 3. Мужикъ ставитъ на крышѣ дома горшокъ съ горячимъ супомъ, бьетъ по горшку кнутомъ и говоритъ пану, что такъ у него закипаетъ супъ. Помѣщикъ покупаетъ горшокъ, его слуги ставятъ на крышу и усердно бичуютъ.

№ 4. Мужикъ подвизываетъ своей женѣ за пазухой пузырь съ бычачьей кровью, въ присутствіи пана ударяетъ въ жену кинжаломъ; жена падаетъ будто убитая; мужикъ играетъ на дудкѣ (=вар. дуетъ въ ухо), жена поднимается здоровой и танцуетъ. Панъ покупаетъ дудку и убиваетъ свою жену.

№ 5. Панъ является къ мужику съ своими слугами, связываетъ его, бросаетъ въ мѣшокъ и везетъ топить. На дорогѣ онъ и слуги на время отлучаются (пошли хоронить жену пана, или погнались за зайцемъ). Мужикъ охаетъ въ мѣшкѣ. Прохожій пастухъ спрашиваетъ о причинѣ. Мужикъ говоритъ, что его противъ воли хотѣтъ поставить попомъ (=епископомъ, папой, отправить на небо). Честолюбивый пастухъ сѣлъ въ мѣшокъ на его мѣсто и былъ брошенъ въ рѣку.

№ 6—въ тѣсной связи съ предыдущимъ. Мужикъ гонитъ на встрѣчу пану хорошихъ коровъ (лошадей, овецъ). Удивленный панъ спрашиваетъ, гдѣ онъ ихъ взялъ. Мужикъ говоритъ, что нашелъ ихъ на днѣ рѣки. Панъ проситъ, чтобы и его туда спустить, что мужикъ охотно исполняетъ и потомъ дѣлается помѣщикомъ и богачомъ.

№ 7. Мужикъ говоритъ пану, что разбогатѣлъ онъ отъ продажи коровьей шкуры по луидору за волосокъ. Панъ перебилъ всѣхъ своихъ коровъ и шкуры ихъ отправилъ на рынокъ.

№ 8. Панъ спрашиваетъ у мужика, „гдѣ его отецъ?“ „На охотѣ, отвѣтилъ сынъ, гдѣ онъ бросаетъ все, что убилъ, и уноситъ съ собой все, чего не убилъ“. По просьбѣ пана, мужикъ объясняетъ свой загадочный отвѣтъ тѣмъ, что отецъ его охотится за вшами на своей головѣ.

Къ одному варианту (№ 71) пристали мотивы о чудесныхъ предметахъ—картахъ, создающихъ войско, и воскрешающей умершихъ свирѣли. Роль мужика здѣсь играетъ одинъ изъ трехъ царскихъ сыновей, нелюбимый отцомъ.

Въ итальянскихъ вариантахъ плутъ (иногда одинъ изъ 3 братьевъ) продаетъ горшокъ или котелъ, кобылу съ червонцами, притворно убиваетъ свою жену, кролика комиссiонера, воскрешающую дудку. Такія сказки записаны въ большомъ числѣ въ Сицилии, въ Тосканѣ и др. мѣстахъ Италiи. Въ литовской сказкѣ продаются лошадь съ червонцами, сани самоходы, воскрешающая свирѣль. Въ баскской, шотландской, ирландской, нѣмецкой и норвежской сказкахъ въ продажу идутъ два предмета, чаще всего лошадь съ червонцами и воскресительная свирѣль. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ (гасконскомъ, нѣмецкомъ, испанскомъ) этимъ продажамъ предшествуетъ продажа волка вмѣсто козла. Въ авганской сказкѣ продаются осель, испражняющийся червонцами, кроликъ посолъ и воскресительная палка.

Мотивъ помѣщенiя плута въ мѣшокъ встрѣчается въ связи съ данными сказками въ разныхъ странахъ въ весьма сходныхъ передачахъ, въ Ирландiи, Францiи, Германiи, Италiи, Испанiи, Данiи, причемъ плутъ обманываетъ пастуха, говоря, что не хочетъ жениться на царевнѣ, или быть меромъ, попомъ, епископомъ. Тожеественныя сказки записаны у сибирскихъ татаръ, авганцевъ и индусовъ.

Подробно, во многихъ вариантахъ встрѣчается сказка о плутовскихъ продажахъ въ Индiи. Въ Бенгалѣ записанъ большой вариантъ: плутъ продаетъ птицу правды, корову, испражняющуюся червонцами, молодящую палку (которой потомъ купившiе поубивали своихъ женъ), мѣшки съ золой подмѣниваетъ на мѣшки съ золотомъ; глупцы (6 человекъ) сожгли свои дома, чтобы продать золу и получить столько же золота. Плута хотятъ бросить въ мѣшкѣ въ рѣку, но онъ былъ освобожденъ проезжимъ и, когда велъ за уздцы лошадь этого проезжаго, то глупые мужики стали спрашивать, гдѣ онъ ее взялъ, и когда онъ сказалъ имъ, что нашелъ ее въ той рѣкѣ, куда они бросили его, то одинъ изъ нихъ спустился въ рѣку. Вода забулькала, плутъ сказалъ, что опустившiйся ловить коня, и остальные глупцы попрыгали въ рѣку за конями и утонули. Въ вариантѣ, записанномъ у санталовъ, воры хотятъ бросить въ мѣшкѣ въ рѣку своего товарища. Послѣднiй говоритъ прохожему пастуху, что его несутъ, чтобы женить на царевнѣ. Пастухъ брошенъ. Воры увидѣли у хитреца стадо коровъ—окончанiе обычное: воры бросились въ рѣку за коровами и утонули.—Въ вариантѣ изъ Комбоджи мать рѣшила утопить непослушнаго сына. Послѣднiй хитростью заманиваетъ въ мѣшокъ прокаженнаго, говоря, что посидѣвшiй въ мѣшкѣ исцѣляется отъ проказы, но при этомъ онъ долженъ терпѣливо вынести всякую брань и побои. Тутъ выведенъ еще другой плутъ. Замѣтивъ, какъ первый плутъ подвелъ прокаженнаго, онъ ныряетъ, выноситъ въ рукѣ монету и показываетъ хитрецу, что нашелъ деньги. Плутъ повѣрилъ, нырнулъ и лишь трахнулся головой о подводный пень. Плуты потомъ примирились и подружили.

Коскенъ не останавливается на вопросъ о происхожденіи и путяхъ распространенія сказки. Онъ лишь дробить ее на детали и даетъ многочисленныя указанія на варианты. Обиліе авганскихъ и индійскихъ вариантовъ до нѣкоторой степени могло бы указывать на восточное происхождение сказки, если бы тотъ-же Коскенъ не указалъ на близкіе варианты у разныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ Азіи, Африки и Полинезіи. Составляя даже въ сторонѣ варианты татарскій, киргизскій въ Азіи, кабилскій въ Африкѣ, происхождение которыхъ сравнительно легко объяснить восточными культурными вліяніями, нельзя не обратить вниманія на слѣд. приводимые Кескеномъ варианты дикихъ народовъ.

Въ малгашской сказкѣ на о. Мадагаскарѣ выведены два плута, Икотофецы и Магака. И. пойманъ во время кражи; его завернули въ рогожу, чтобы бросить въ воду. Когда сторожа зазѣвались, И. убѣдилъ прохожую женщину занять его мѣсто. И. появился въ селѣ со многими наворованными драгоценностями. Онъ сказалъ, что нашелъ ихъ въ рѣкѣ. Селяне просятъ побросать ихъ въ воду, что И. не замедлилъ исполнить.

На Антильскихъ островахъ, со словъ одной мулатки, родомъ изъ Антигоа, записанъ сходный рассказъ: Ананки (собственно паукъ въ сказкахъ негровъ Ашанти) попадаетъ въ руки враговъ. Его несутъ въ мѣшокъ къ морю, чтобы утопить. Ананки кричитъ: „Я слишкомъ молодъ, чтобы жениться на царевнѣ“. Когда сторожа отдыхали, честолюбивый пастухъ занялъ его мѣсто и кричалъ: „я по возрасту могу жениться на царевнѣ“. Ананки погвалъ стадо пастуха. Онъ сказалъ, что нашелъ его въ морѣ.

Сказки объ обманутомъ помѣщикѣ и о попыткѣ его утопить обманщика распространены въ Европѣ издавна. Коскенъ указалъ на небольшую латинскую поэму XI, можетъ быть, даже X вѣка такого содержанія (у Коскена I 227, 114): У бѣднаго мужика былъ лишь одинъ волъ, который издохъ, и мужикъ продалъ его шкуру. На обратномъ пути онъ нашелъ кладъ и попросилъ у одного сельскаго богача хлѣбную мѣру для счета денегъ. Его заподозрили въ воровствѣ и арестовали. Тогда онъ сказалъ, что получилъ большія деньги за шкуру вола. Три сельскихъ богача убили всѣхъ своихъ воловъ. Далѣе слѣдуютъ обычные мотивы о кобылѣ, испражняющейся червонцами и о воскресительной свирѣли. Обманутые положили обманщика въ бочку и понесли къ морю. На дорогѣ они зашли въ кабачокъ. Приблизился пастухъ со стадомъ. Плутъ въ мѣшокъ кричитъ: „я не хочу быть прево“. Честолюбивый пастухъ занялъ его мѣсто и т. д. въ обычномъ порядкѣ.

У Страпароллы (XVI в.) встрѣчается этотъ рассказъ съ козой на побѣгушкахъ и воскресительной дудкой. Плутъ въ мѣшокъ говорить, что онъ не хочетъ жениться на царевнѣ.

Къ XVI в. относится маленькая италянская исторія на данный сказочный мотивъ. Содержаніе ея вполне опредѣляется уже однимъ ея обширнымъ заголовкомъ: „Исторія о мужикѣ Камприано, который былъ бѣденъ и имѣлъ 6 незамужнихъ дочерей, какъ онъ продалъ купцамъ за сто экую осла, испражняющагося червонцами, потомъ горшокъ, варившій безъ огня, кролика почтальона, воскресительную дудку и въ заключеніе побросалъ купцовъ въ рѣку“.

Въ нѣмецкомъ разсказѣ „Nachtbuchlein“ Шуманна 1559 г. повторяется эта исторія съ небольшими измѣненіями.

Въ одномъ шутливомъ италянскомъ разсказѣ XVI в. королева, возненавидѣвшая шута Бертольдо за его злыя шутки надъ женщинами, приказала бросить его въ мѣшокъ въ рѣку. Бертольдо говоритъ полицейскому, что его посадили въ мѣшокъ за то, что онъ не хотѣлъ жениться на одной богатой и прекрасной дѣвушкѣ. Полицейскій занимаетъ его мѣсто.

Загадки въ сказку о глуцахъ проникли случайно изъ сказокъ объ умныхъ людяхъ, въ частности изъ сказокъ о мудрой дѣвѣ, и потому не входятъ собственно въ кругъ нашего изслѣдованія. Замѣтимъ мимоходомъ, что сказокъ о глуцахъ съ загадками мало, всѣ онѣ входятъ въ циклъ сказокъ о плутѣ въ мѣшкѣ, при чемъ, очевидно, что хитрый плутъ привлекъ въ эти сказки чуждый имъ мотивъ по отождествленію хитрости съ умомъ. Въ лотарингской сказкѣ загадка: охотникъ бросаетъ убитое, уносить съ собой неубитое (ищетъ на своей головѣ вшей). Тождественныя сказки записаны въ Тиролѣ, въ разныхъ мѣстахъ Франціи и Италіи, причемъ почти вездѣ выступаетъ умный мальчикъ, сынъ бѣдныхъ родителей, какъ замѣна мудрой дѣвы пѣсень и сказокъ. Гастонъ Парисъ (cit. у Коскена) указалъ на средневѣковый латинскій вариантъ загадки: „Ad silvam nado venatum cum cane quino: quod capio, perdo; quod fugit, hoc habeo“. Въ средневѣковой редакціи исторіи о Соломонѣ и Маркольфѣ М. на вопросъ С., гдѣ его братъ, отвѣчаетъ: „frater meus extra domum sedens, quicquid invenit, occidit“. Та же загадка находится въ италянской исторіи о Бартольдо XVI в. Происхожденіе загадки очень давнее. У Симпозія (конца IV в. по Р. Хр.) она находится въ такой формѣ:

Est nova notarum cunctis captura ferarum,
Ut, si quid capias, id tecum ferre recuses,
A si nil capias, id tu tamen ipse reportes.

Въ древне-греческомъ сказаніи дѣти задаютъ такую загадку Гомеру и его спутникамъ: „все, что мы нашли, мы бросили, а что не взяли, уносимъ“ (ὅσς' ἔλομεν, Διπρόμεσθα ἃ δ' οὐχ' ἔλομεν, φερόμεσθα—у Свиды) ¹⁾.

¹⁾ Cosquin, Contes pop. de Lorraine №№ 10, 20, 49, 71.

Кромѣ сборника Коскена, много библиографическихъ указаній по данному мотиву дано въ послѣднее время въ *Zeitschrift. d. Ver. f. Volksk.* 1896 I 73—74 и II 167 № 70—71, указаній въ сферѣ западно-европейскихъ источниковъ и пособій.

XLI.

Продажа вола дереву или статуѣ. Убійство дьячка. Подмѣнъ его трупа козлиной головой.

Огромнымъ распространеніемъ и большой популярностью пользуются сказки о продажѣ глупцомъ вола или козла дереву или статуѣ.

На этихъ сказкахъ подробно останавливались Коскенъ въ „*Contes populaires de Lorraine*“ II № 56 и Клоустонъ въ „*The book of noodles*“ стр. 143—159. На литературу предмета были еще указанія въ *Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde* 1896 I 73.

Въ Россіи сказки этого рода имѣютъ въ главномъ такое содержаніе: Мать посылаетъ сына дурня продать корову. Въ вариантахъ дурень—третій сынъ—до смерти отца получаетъ въ наслѣдство быка и ведетъ его на продажу. По дорогѣ онъ остановился подъ старой березой. Отъ вѣтра она скрипѣла, а дурень подумалъ, что она хочетъ купить вола. Онъ назначилъ цѣну, привязалъ быка къ березѣ и сказалъ, что за деньгами зайдетъ на другой день. Волки съѣли быка, и когда на другой день дурень не нашелъ его, а береза по прежнему скрипѣла, то онъ настойчиво сталъ требовать отъ нея деньги и, не получивъ ихъ, съ досады такъ сильно ударилъ топоромъ, что срубилъ верхушку дерева. Въ деревѣ оказалось дупло, а въ дуплѣ ящикъ съ деньгами, спрятанный разбойниками ¹⁾. Дурень отсчиталъ должные ему 20 руб. и пошелъ домой. Далѣе идетъ то различіе въ вариантахъ, что остальное сокровище забираютъ и скрываютъ жена, мать или братья дурня. Сказки большею частью оканчиваются мотивомъ о рыбахъ, упавшихъ съ дождемъ, или о пирожкахъ на грушѣ, о чемъ подробнѣе сказано въ другомъ мѣстѣ.

Въ русскихъ сказкахъ въ сб. Рольстона и въ сб. Аванасьева дурень указалъ братьямъ оставленное имъ въ деревѣ сокровище; и они всѣ втроемъ везли его домой. Дорогой встрѣтился дьячокъ и спросилъ ихъ, гдѣ они были. „По грибы ходили“, сказали старшіе братья, а меньшой сказалъ: „неправда; мы несемъ деньги“. Дьячокъ жадно на нихъ набросился и сталъ набивать карманы. Тогда дурень разсердился и ударомъ топора отрубилъ ему голову. Братья затащили трупъ въ погребъ и закопали; но потомъ старшіе братья, зная откровенность и болтливость младшаго, закопали трупъ въ другомъ мѣстѣ, а на томъ мѣстѣ въ погребу закопали ко-

¹⁾ *Аванасьевъ*, Рус. нар. ск. III 376, IV 510.

зла. Вскорѣ начались поиски, и дурень все разболталъ. Всѣхъ трехъ братьевъ арестовали, привели въ погребъ и приказали дурню откапывать трупъ. „Дьякомъ былъ брюнетъ“? спросилъ дурень, докопавшись до козлиной шерсти. Отвѣтъ былъ утвердительный. „Съ бородой“? спросилъ дурень. — „Да“. — „И съ рогами“? — „О какихъ рогахъ ты тамъ болтаешь“? сказали судьи. — „Вотъ о какихъ“, сказалъ дурень, показывая имъ козлиную голову. Тогда присутствовавшіе рѣшили, что они имѣютъ дѣло съ дуракомъ, и ушли ¹⁾.

Мотивъ о подмѣнѣ трупа человека трупомъ козла встрѣчается, по указанію Клоустона, въ сицилійской сказкѣ о Джуффѣ, въ кабилъской въ сборникѣ Ривьера, въ индійской въ сборникѣ миссъ Штоксъ ²⁾.

Въ малорусской сказкѣ дурень (одинъ изъ 3 братьевъ) продаетъ бычка пеньку, рубаетъ его, находитъ деньги и, взявъ себѣ 25 руб., остальное бросаетъ. Потомъ идетъ старшій братъ, а дурень становится на сторожъ и убиваетъ попа. Разумный братъ отрѣзываетъ у попа голову и привязываетъ козлиную. Люди подумали, что дурень убилъ черта и благодарили дурня ³⁾.

Въ Сумскомъ уѣздѣ записана слѣд. сказка о дурнѣ: Жило два братъ, одинъ розумный, а другой дурный. Розумный бувъ меньшій, а старшій дурень. Отъ меньшій братъ оженився и взявъ соби жинку хорошу. Отъ и каже жинка чоловікови: Давай, чоловіче, подилымося изъ братомъ хозяйствомъ! Теперъ шо дома йому, то те й возьме, а то якъ жениця та возьме соби жинку розумну, то треба даваты половыну. Отъ почала вона зъ братомъ дилыця хозяйствомъ и вдилылы дурневи коростявого бычка. Отъ дурень и дума: Шо мени робыты, чымъ мени бычка годуваты? У мене нема ни сина, ни соломы, мабудь поведу продамъ. Отъ и повивъ Семень коростявого бычка продаваты. Веде Семень, дывыця, стойить лись. Отъ Семень повивъ у лись бычка продаваты. Дывыця Семень стойить пеньокъ. Отъ Семень и дума: Мабудь поведу продамъ пенькови. И повияъ Семень до пенька продаваты бычка. Прививъ и почавъ изъ пенькомъ здоровкаця:—Здоровъ, пеню! Тоди самъ соби й откаже:—Здоровъ, Сеню!—Купы, пеню, бычка! Тоди самъ соби й каже:—Продай, Сеню, бычка! Отъ Сеня привязавъ бычка до пенька й каже:—А гроши? И тоди самъ соби одкаже:—Та прыйды завтра! Отъ Сеня нишовъ до дому. Переночувавъ и йде до пенька по гроши. Прыходить до пенька, а бычка вже нема, мабудь новкы зылы. Отъ винъ поздоровкавъ и каже:—Давай, данай, пеню, гроши! Тоди

¹⁾ *Аванасьева*, Рус. н. ск. III 376, IV 510.

²⁾ *Clouston*, 150—154.

³⁾ *Чубинскій*, II 495.

самъ соби и каже:—Та прыйды завтра.—Ахъ ты жъ такой-сякий! покы я буду ждатель! Якъ ударе його чоботомъ, а пенекъ бувъ гнилый, то винъ його ногою й збывъ, а съ пидъ пенька гроши посыпалысь, бо тамъ хтось ихъ мабудь ище давно заховавъ. Отъ пишовъ Семень до дому. Приходе й каже братови:—Дай мени воливъ и кобылы,—пойиду по гроши. Отъ братъ и дума:—Дебъ винъ стилько набравъ? А жинка й каже:—Та дай! Ты знаешъ, який винъ: якъ пойиде, то дурно не прыйиде. Отъ братъ запригъ воли и кобылу, Семень и пойихавъ по гроши. Прийихавъ до пенька, забравъ гроши и пойихавъ додому. Прийиздыть додому, уйиздыть у двиръ, выпрягае воли. Выйшовъ братъ, подывывся та й каже до жинки:—Правда, шо Семень казавъ,—привизъ гроши. И каже:—Якъ мы будемъ гришмы дилыця? Мабудь пиды до попа, позычъ миркы. Та й забулы сказаты, щобъ не казавъ, на що мирка. Отъ, пишовъ Семень до попа по мирку, прыходыть, колы попа нема й дома. Винъ поздоровкався съ попадею и просе мирки. Попадя й пытаеця:—На що вамъ мирка?—Та будемъ гроши мирыть. Попадя дала мирку. Семень пишовъ додому, прыносить мирку, а братъ пытаеця:—Якъ ты казавъ?—Такъ, побъ дали миркы грошей дилыть. Отъ братъ Семенови й каже:—Пиды й станъ на угли и якъ ихатыме пипъ то ты свысны, такъ мы скорише ховатымемъ гроши. А Семень узывъ кійокъ и пишовъ й ставъ на угли. Отъ ставъ йихать пипъ, а Семень якъ свысне того бидного батюшку кійкомъ и убывъ попа. Иде Семень до брата. Отъ пыта Семена братъ:—Шо, йихавъ пипъ?—Та я його вбывъ.—Та на що жъ ты його вбывъ?—Та ты жъ казавъ—свысны,—ну, я його свыснувъ кійкомъ.—Отъ дурный, такъ дурный! Де жъ винъ?—Та онъ на угли. Братъ пишовъ, ухватывъ попа та й затигъ у порожній погребъ. А попадя шукала, шукала попа, не найшла. И такъ подумала, шо його вже на свити нема; и стала справляты помыны. Ключутъ и Семенового брата. Отъ и каже братъ Семенови:—Гляды, Семене, не ходы, а то якъ ты тамъ скажешъ!..—Та я не пиду. Пишовъ Семеновъ братъ, Семень и дума самъ соби:—Шо я буду за дурный, шо не пиду на помынки?—самъ порядывъ!.. И пишовъ Семень на поминкы. Прыходыть, увийшовъ у хату, поздоровкався, ставъ у кутку и стойить,—никто йому и чарки не дае. Отъ винъ думавъ, думавъ и каже:—Самъ и помынки порядывъ, а мени й чарки не даютъ! А матушка й пытаеця:—Якъ то ты порядывъ?—Та я батюшку вбывъ.—Дежъ винъ?—Та у насъ у порожнему погребѣ. А братъ мерщи побигъ, та батюшку вытягъ, а мисто батюшки укинувъ заризанаго цапа. Отъ попадя й каже до Семена:—А ну, веды, де! Семень и повивъ. Довивъ до погриба й каже:—Ну, лизьте, матушко! А матушка каже:—Лизъ ты! Отъ Семень полизъ и каже:—Шо, матушко, вашъ батюшка изъ ушума?—Изъ ушума.—Изъ бородою?—Зъ бородою.—Изъ рогама? (сказано

дурный!). А ну, тягны! Отъ вытягъ Семень папа, а матушка засмѣялась и такъ поросходылись ¹⁾).

Весьма близкіе, почти тождественные варианты записаны въ Кобринск. у. Гродненск. губ. ²⁾ — сказка „Про трехъ братьевъ“ и въ Мариупольск. у. — сказка „Три брата Киндрата“ ³⁾. Въ первомъ вар. дурень продаетъ вола пеньку, а во второмъ — собакъ, которая, убѣгая, скрывается подъ пенькомъ, гдѣ оказываются деньги.

Въ небольшой польской сказкѣ глупецъ продаетъ вола полевому кресту; не получивъ денегъ, онъ разбилъ крестъ и нашелъ въ немъ деньги ⁴⁾.

Другая польская сказка изъ Плоцкой губ. с. Дреглина ⁵⁾ тождественна съ приведенной выше великорусской о продажѣ вола березѣ, которая скрипѣла.

Въ другой польской сказкѣ, весьма испорченной, глупецъ, по совѣту матери, не слушаетъ торгующихся покупателей, продаетъ мясо собакъ и, не получая отъ нея денегъ, ведетъ ее къ королю на судъ; собака выскочила въ окно и разбила стекло. Король спросилъ, что сдѣлать виновному. Глупецъ, подразумѣвая пса, назначаетъ 100 розогъ и получаетъ ихъ ⁶⁾.

Во французской сказкѣ мать дурня (Jean le Diot) посылаетъ его на рынокъ продать корову за 20 эку, не входя въ разговоры съ болтунами. Дурень считалъ болтуномъ всякаго, кто начиналъ торговаться, и на обратномъ пути продалъ корову статуѣ святого. Не получивъ денегъ, дурень разбиваетъ статую, находитъ въ ней деньги и уходитъ. Корова, привязанная къ колокольной веревкѣ, зазвонила ночью, сбѣжался народъ и сначала принялъ корову за демона. Статуя была высокопочитаемаго мѣстнаго святого, которому на другой день приходился праздникъ. Мать повела дурня въ часовню, одѣла его въ бѣлую одежду, дала позу статуи и приказала не шевелиться. У женщинъ околотка былъ обычай во время молитвы колоть иглой колѣно статуи. „Святой Мирли, избавь домъ мой отъ всего дурного“ сказала одна и кольнула дурня въ колѣно. Онъ не шевельнулся. Другая уколола его до крови, и онъ простоналъ: „а, старая вѣдьма!“ но третья такъ глубоко запустила иглу, что мнимый святой перескочилъ черезъ нее и бросился уходить со всѣхъ ногъ ⁷⁾.

Въ итальянскихъ сказкахъ мать посылаетъ глупаго сына на рынокъ продать полотно, и при этомъ приказываетъ не вступать въ разговоры

¹⁾ Гринченко, I № 173.

²⁾ Чубинскій, Труды II 495.

³⁾ Драгомановъ, Малор. пред. 332.

⁴⁾ Ciszewski, 208.

⁵⁾ Wisla, 1891, стр. 745.

⁶⁾ Ciszewski, 204—206.

⁷⁾ Sebillot, Contes pop. de la N. Bretagne 224.

съ болтливыми женщинами. На дорогѣ дурню встрѣтилась жена синдика; она хотѣла купить полотно, спросила о цѣнѣ и показалась дурню болтливой. „Не продамъ, потому что вы болтунья“ сказалъ дурень и пошелъ далѣе. На дорогѣ стояла гипсовая статуя. Довольный тѣмъ, что она молчала, дурень продалъ ей полотно, самъ назначилъ цѣну и сказалъ, что за деньгами зайдетъ на обратномъ пути съ рынка, гдѣ ему нужно было купить для матери нитокъ на пряжу (уагн). Когда на обратномъ пути дурень потребовалъ деньги и статуя молчала, то онъ ударомъ палки разбилъ ей голову и нашелъ здѣсь деньги. „Вотъ гдѣ вы храните деньги!“ сказалъ дурень, взявъ то, что стоило полотно и пошелъ домой. Мать спрятала деньги, сказавъ, что это не болѣе, какъ старые гвозди, чтобы дурень не разболталъ о находкѣ. Въ ея отсутствіе дурень продалъ прохожему горшокъ съ деньгами за безцѣнокъ, какъ старые гвозди ¹⁾).

Сходныя сказки французскія, нѣмецкія, лужицкая, румынская, остяцкая и кабилская указаны въ „Contes populaires“ Коскена. Герой французскихъ вариантовъ — Jean Bête (т. е. Иванъ Скотина, Иванъ Дуракъ). Во французскихъ сказкахъ глупецъ продаетъ холстъ статуѣ святого и, не получивъ денегъ, бьетъ ее. Заключительныхъ мотивовъ о нахожденіи сокровища дурнемъ, похищеніи его другимъ лицомъ, рыбѣ съ неба и др. т. п. во французскихъ сказкахъ нѣтъ. Въмѣсто того въ нихъ встрѣчается тотъ мотивъ, какъ дурень предоставилъ треногу идти ²⁾).

Въ арабскомъ вариантѣ въ 1001 ночи курильщикъ опиума продаетъ свою корову птицѣ, пѣвшей на деревѣ. Когда онъ пришелъ за деньгами и не получилъ ихъ, то онъ бросилъ камень въ птицу. Послѣдняя сѣла на навозную кучу. Дурень подумалъ, что здѣсь находятся ея деньги, сталъ раскапывать ее и нашелъ горшокъ съ червонцами. Онъ взялъ по стоимости коровы и не тронулъ остального. Жена его потомъ выкопала и принесла горшокъ. Сказка оканчивается популярнымъ анекдотомъ, какъ жена избавилась отъ суда, доказавъ глупость мужа, который повѣрилъ, что вмѣсто дождя шло жареное мясо и рыба ³⁾).

Въ кабилской сказкѣ глупецъ продаетъ козла кукушкѣ, сидѣвшей на ясенѣ. За деньгами приходитъ на другой день. Козелъ уже былъ съѣденъ хищными звѣрями. Глупецъ рубить дерево, находитъ сокровище и беретъ часть денегъ. Мать выбираетъ все остальное. Предвидя, что сынъ разболтаетъ о находкѣ, она кладетъ ночью передъ домомъ блины и лепешки. Глупецъ думаетъ, что они упали съ дождемъ. Конецъ обычный ⁴⁾).

¹⁾ Clouston, 144—146.

²⁾ Cosquin, II 177—183.

³⁾ Clouston, 149, Cosquin, II 181.

⁴⁾ Cosquin, II 181—182.

Кстати замѣтить, что мотивъ о дождѣ изъ сластей часто встрѣчается въ сказкахъ о глупыхъ мужьяхъ и разсмотрѣнъ нами въ связи съ послѣдними.

Происхожденіе сказки о глупцѣ, разбивающемъ статую, темное. Существованіе азіатскихъ вариантовъ располагаетъ къ предположенію, что Европа позаимствовала эту сказку у азіатскаго материка. Но оригинальна ли она въ самой Азіи? Какъ давно она бытуетъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ сильной степени осложняется тѣмъ, что есть сходныя басни Эзопа и Бабрія (въ изд. Теубнера Эзопъ № 66 и Бабрій № 119): одинъ человекъ долго напрасно упрашивалъ Меркурія послать ему богатство. Въ гнѣвъ онъ однажды разбилъ его статую и въ ея головѣ нашелъ сокровище. На эту басню въ сопоставленіи со сказками о глупомъ торговцѣ уже указалъ Коскенъ (II 179), но съ сомнѣніемъ, мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи. Сходство во всякомъ случаѣ замѣчательное, особенно по опредѣленію, какъ давно сказка можетъ быть извѣстной въ Европѣ.

XIII.

Три брата изучаютъ чужой языкъ.

(„Мы, три брата“...).

Анекдотъ совершенно самостоятельный, встрѣчается всегда въ отдѣльномъ видѣ, чрезвычайно распространенный и популярный въ Европѣ отъ Кавказскихъ горъ до Пиринеевъ и Аппенинъ.

Въ малорусской сказкѣ изъ Харьк. губ. „Три брата“: Жылы соби три браты,—таки багати вони були и не вмилы вони по паньскому балакать; а якъ то бажалось умиль! Отъ и пишлы вони до паньского будынку—слухать, якъ паны балакають. Самый менчий братъ пидбигъ пидъ викиб ты й почувъ одно слово: мы; середній пидбигъ,—почувъ багато: ни за сѣ, ни за те; старшій пидбигъ, почувъ: такъ тому й быть. Отъ и пишлы вони. Идуть,—ажъ мертвый чоловикъ лежить. Колы тутъ становый йиде.—„Це вы вбылы чоловика“? пыта винъ. А браты й радятця мижъ себе: „Якъ же його, по поньскому балакать“?—Та по паньскому-жъ.—„Ну й по паньскому“. Отъ менчий братъ каже: „Мы“!—За що жъ вы його вбылы?—Середній братъ каже: „ни за сѣ, ни за те“!—„На Сибиръ-же васъ“! А старшій братъ: „Такъ тому й быть“! И попровадылы тихъ бративъ на Сибиръ ¹⁾.

Тождественный малорусскій рассказъ подъ заглавіемъ „Якъ русьски по нашому балакать вчились“ записанъ въ Новомосковскомъ у. Екатерино-

¹⁾ Гринченко, I 97.

славской губ. ¹⁾, и галицко-русский о трех нѣмцахъ, учившихся по русски, записанъ въ Галиціи ²⁾.

Тожественный великорусскій анекдотъ о трехъ калмыкахъ записанъ въ Терской области ³⁾.

Извѣстный чешскій ученый Поливка посвятилъ въ „Wisla“ (т. II ч. 1) статью этому анекдоту подъ заглавіемъ „Mu trzej bracia“. Здѣсь собрано много славянскихъ, германскихъ и романскихъ вариантовъ. Начинаетъ г. Поливка съ слѣд. верхне-бретонскаго: Три брата идутъ въ Парижъ учиться французскому языку. Подъ городомъ они остановились и рѣшили ходить въ одиночку слушать французскую рѣчь и, возвращаясь, сообщить о томъ другъ другу. Первый услышалъ: „C'est nous autres, messieurs“, второй: „C'est parce que nous le voulons“, третій: „sacredieu, c'est detant mieux“. Далѣе на пути они нашли трупъ убитаго человѣка и стали его разсматривать. Въ это время ихъ схватили жандармы и стали спрашивать. Одинъ сказалъ: „это мы, господа“, другой — „такъ мы хотѣли“, третій — „тѣмъ лучше“.

Въ италіанскомъ вариантѣ три брата, по смерти родителей, идутъ въ дорогу; одинъ усвоилъ услышанное на дорогѣ слово „si“ (такъ), другой „e vero“ (вѣрно), третій „e giusta“ (хорошо), увидѣли трупъ, сами донесли о немъ начальству, повторяли усвоенныя слова, были обвинены въ убійствѣ и сосланы на галеры. Но потомъ, когда убѣдились въ ихъ глупости, ихъ освободили.

Г. Поливка приводитъ далѣе по Себильо два варианта верхне-бретонскій и креолскій: три брата пошли учиться французскому языку; первый услышалъ, какъ молотники сказали: „Nous l'avons tué entre nous!“ другой — какъ люди, разливая вино по бутылкамъ, говорили: „A coup des bouteilles“, третій — какъ купецъ, продавая полотно, выкрикивалъ: „pour la toile“. Вышло потомъ, будто братья убили человѣка бутылкой изъ за холста.

Въ нѣмецкой сказкѣ король послѣдовательно посылаетъ трехъ сыновей въ науку. Старая колдунья выучила перваго брата повторять: „wir Brüder, alle drei“, второго: „um ein Bischen Käs“, третьяго: „und das ist recht und billig“. На дорогѣ братья встрѣтились, наткнулись на висѣльника и т. д. и въ концѣ концовъ повѣшены.

Въ нѣмецкихъ вариантахъ чертъ, лѣшій или охотникъ беретъ съ трехъ заблудившихся въ лѣсу братьевъ обѣщаніе отдать ему душу, даетъ мѣшокъ съ деньгами и приказываетъ говорить одному только: „мы всѣ три брата“, другому: „за деньги“ и третьему: „такъ было нужно“. Братья остановились въ корчмѣ вмѣстѣ съ богатымъ купцомъ. Корчмарь убилъ и ограбилъ

¹⁾ Манжура, 118.

²⁾ Житѣ и Слово 1895, IV 355.

³⁾ Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XV, 177.

купца, а вину свалилъ на братьевъ, которые своими отвѣтами лишь подкрѣпили обвиненіе. Ихъ хотѣли повѣсить, но тутъ охотникъ выручаетъ ихъ, и наказаніе несетъ корчмарь. Въ нѣмецкихъ вариантахъ обычно „рукописаніе о душѣ“ (сугограф). Въ этой формѣ сказка популярна въ Германіи издавна. Гриммъ указываетъ ее въ памятникахъ XVI в. ¹⁾.

Словенскіе варианты, записанные въ Крайнѣ и въ Штиріи, представляютъ пересказы нѣмецкихъ. Въ венгерской сказкѣ три бѣдныхъ словака идутъ учиться венгерскому языку; остальное, какъ въ нѣмецкихъ сказкахъ. Въ моравскомъ, словацкомъ, галицко-русскомъ и польскихъ вариантахъ также обнаруживается большое сходство съ нѣмецкими, въ видѣ сильного демонологическаго элемента: братья поступаютъ на службу къ дьяволу, который и выучиваетъ ихъ роковымъ фразамъ.

Далѣе г. Поливка приводитъ бѣлорусскую сказку (изъ сбор. Карловича и сб. Вериги), гдѣ братья выучиваютъ у дьявола на службѣ три фразы: „мы“, „ни за то, ни за се“, „такъ тому и быть“, возвращаются къ матери съ деньгами; но такъ какъ они дома лишь повторяютъ эти слова, то мать прогоняетъ ихъ за глупость; они находятъ на пути трупъ и пр. Вариантъ этотъ примыкаетъ прямо къ среднеевропейскимъ. Любопытно, что здѣсь подчеркнута глупость братьевъ.

Далѣе г. Поливка воспользовался въ концѣ статьи уже отмѣченными выше нами вариантами у Манжуры, Ястребова и Сборн. матер. для изуч. Кавказа, причемъ оговариваетъ большое сходство кавказскаго варианта съ верхне-бретонскимъ. „Недостатокъ матеріала, говоритъ г. Поливка въ концѣ статьи, не даетъ намъ возможности ни опредѣлить мѣсто возникновенія сказки, ни намѣтить пути ея распространенія. Авторъ склоняется къ предположенію, что анекдотъ возникъ въ западной Европѣ, проникъ въ среднюю и восточную, причемъ въ средней Европѣ осложненъ введеніемъ легенды о продажѣ души черту и рассказомъ о шинкарѣ—убійцѣ купца.

Особое мѣсто занимаютъ анекдоты о трехъ болтливыхъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующій малорусскій анекдотъ о томъ, какъ три мужика спрятались отъ татаръ, одинъ подъ мостъ, другой на дубѣ и третій залегъ въ травѣ. Татары подошли. Одинъ сталъ пить воду, а мужикъ изъ-подъ моста—„здоровъ пий“! Его и схватили. А другой съ дуба: „навищо ты, дурный, обиззався“? и татары стали бросать на него арканъ. Мужикъ уклоняется, а третій изъ травы: „правѣе, правѣе“! Татары и его поймали ²⁾.

¹⁾ *Polivka*, *My trzy bracia* 4.

²⁾ *Чубинскій*, II 581.

Глупый женихъ.

Въ Верхней Бретани весьма распространены анекдоты о попыткахъ дурня жениться. Въ одной сказкѣ дурень, исполняя буквально совѣты матери, щипаетъ дѣвушку, разрываетъ рубку и пр., и его выталкиваютъ. Въ другой сказкѣ мать говоритъ, что кто хочетъ выбрать невѣсту, тотъ идетъ на посидѣлки съ тросточкой и дѣлаетъ дѣвицамъ глазки (*on prend une canne et on fait aux filles des yeux de brebis*). Дурень беретъ съ собой утку (*canne*) и вырѣзываетъ у овцы глаза, которые потомъ и бросаетъ на дѣвицу, за что его прогоняютъ ¹⁾).

Задумавъ одынь парубокъ женицца. Отъ думаетъ винъ, кого бѣ тутъ у старосты взятъ? Пиду я до своего ридного дядька, визьму я его у старосты. Такъ и зробывъ; прыйшовъ до дядька и каже: „дядюню, дядюню, пособишь, пожалуйста, моему горю, ходимты, я васъ пошлю у старосты“. Дядько пы-та: „а до кого, племяннику, думаешь мене посылатъ?“—„Я думаю, дядюню, хоть бы и до Гордія Ивановича Вертогора, у его дивка брала: очы чорни, сама моторна,—треба бѣ до неи посылатъ“.—Дядько ему и каже: „я бѣ пособишь бы твоему горю, якъ бы ты бувъ трошки росторопнѣйшій, а то пидеешь съ тобою мыжъ люды, та тикы стыду черезъ тебе наберемъ и съ тымъ и вернемось“. Племянникъ каже: „якъ то вы такъ, дядьку, кажете, шо я ны росторопный, хила я уже дурный, чы що?“—„Да ны то шо ты дурный, а тилько у тебѣ мова якась то не дуже гарна,—шо скажишь, то усе не до дила“.—„Якъ то такъ?“—„Да такъ! Оце якъ пидемо, увійдемо въ хату, то ты подумай, шо тамъ треба зъ людьми говорыты“.—„Якъ то, шо говорыты?“—„Якъ ты увійдышь у хату, поздоровкався-бъ зъ людьми гар-ненько, подумавъ бы, якого словечка тамъ сказаты гарненького, круглень-кого“.—„Ну, спасибѣ, дядьку, за добру науку! Такъ я уже и буду казаты“. Пишли вони до Гордія Ивановича. Той попросивъ ихъ у хату, посадивъ за стілѣ. Началы вони про свое дило говорыты, а молодой сыдытъ за столомъ и думаетъ: „Якъ бы тутъ не забыть дядькове ноставленіе? Якого бѣ тутъ словечка сказаты гарненького и кругленького?“ да й подумавъ—якъ крыкне на усѣ горло: „обручъ! обручъ! обручъ!“ Гордій Ивановичъ и вылупивъ на его очы та й пыта: „де це ты бачышь обруча?“ а нашъ мо-лодой и каже: „эге, шожъ шо нема обруча?—мене дядько такъ учывъ, шобъ я сказавъ словечко кругленьке, гарненьке; ну, я и сказавъ кругленьке; якого тоби ще круглѣйшого треба, якъ обручъ?“ ²⁾).

¹⁾ *Sebillot*, Contes pop. de la N. Bretagne, 226.

²⁾ *Астремовъ*, Матер. по этногр. 163.

Къ этимъ анекдотамъ примыкають своеобразные анекдоты о пидбрехачѣ, неумѣломъ лгунѣ. Прекрасная литературная обработка—маленькій рассказъ Г. О. Квитки „Пидбрехачъ“. Литературныя параллели указаны были нами въ статьѣ „Квитка, какъ этнографъ“ въ Кіев. Старинѣ 1893 VIII.

Въ маленькой польской сказкѣ мать дурня на смотринахъ совѣтуетъ дурню поговорить съ невѣстой—„*rogadaj je do niej co*“, а дурень думаетъ, что мать поручила ему „*rogadas z donica kapusty*“ ¹⁾.

XLIV.

Глупцы въ церкви.

Существуетъ много анекдотовъ о поведеніи глупцовъ въ церкви, причемъ одни анекдоты вошли въ составъ сказокъ о поискахъ глупцовъ, другіе въ сказки о буквальномъ пониманіи словъ матери глупымъ сыномъ, третьи въ сказки и пѣсни о Оомѣ и Еремѣ. За предѣлами этихъ цикловъ остается немного анекдотовъ о поведеніи глупцовъ въ церкви.

Глупцы въ церкви неудачно повторяють дѣйствія попа или другихъ лицъ. Подробный малорусскій анекдотъ (одинъ изъ весьма многихъ) приведенъ нами выше при обзорѣ сказокъ о поискахъ глупцовъ. Въ связи съ этимъ анекдотомъ и ближайшимъ черноморскимъ стоитъ слѣдующій турецкій о Насръ-единѣ: Насръ-единъ вошелъ въ мечеть и благочестиво преклонилъ голову. Въ это время воръ вытащилъ изъ его кармана кошелекъ съ деньгами. Насръ-единъ вытащилъ кашелекъ у стоявшаго впереди муллы, и оправдывался ссылкой на стоявшаго сзади вора ²⁾.

Въ Черноморскомъ округѣ записанъ анекдотъ „Немецъ у русскій церкви“. Нѣмецъ женился на русской. Жена посовѣтовала ему держать себя въ православной перкви, какъ другіе. Одинъ мужикъ нечаянно толкнулъ его въ задъ; нѣмецъ толкнулъ въ то же мѣсто стоявшую впереди даму. Дама дала ему пощечину. Нѣмецъ плюнулъ тогда себѣ въ кулакъ и далъ такую затрепину стоявшему сзади мужику, что послѣдній свалился. Тутъ нашего нѣмца схватили „за чесну гриву“ и вывели изъ церкви ³⁾.

Въ Малороссіи записанъ такой анекдотъ о русскихъ: Справили русскіе обществомъ вангелю та пійшли въ церкву; отъ пиль и чита: „отъ Матвія святаго евангелія чтеніе“.—„Што ты, батька, закричали русскіе, отъ Матвѣя то читаешь?! Ты читай отъ обчества“. Это искусственное измышленіе. Любопытно, что оно сходно съ слѣдующей италіанской новеллой: При папѣ Бенедиктѣ XIV (1740—1758) четыре помѣщика изъ городка Capoliveri на

¹⁾ *Ciszewski*, 203.

²⁾ *Газо*, Шуты, 153.

³⁾ *Дикаревъ*, Черном. казки, 21.

островѣ Эльбѣ были по дѣламъ въ Луккѣ. Зашедши въ церковь, они слышали, что дьяконъ возглашаетъ евангеліе отъ Луки (*Secundum Lucam*). Возвратившись домой, они потребовали, чтобы имъ читали евангеліе *Secundum Caroliverim*. Кузмичевскій основательно замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло скорѣе съ случайнымъ совпаденіемъ, чѣмъ съ переходомъ разсказа ¹⁾.

Въ малорусскомъ анекдотѣ, зап. въ Екатеринодарѣ въ 1894 г., о томъ какъ „святой Тилипень чудо творывъ“, рѣчь идетъ о глупой бабѣ, которая вмѣсто церкви пришла въ млинъ и потомъ дома разсказывала, что слышала въ церкви шлепотъ и думаетъ, что „таке чудо творывъ св. Тилипень“ ²⁾.

Въ великорусскихъ пѣсняхъ о Оомѣ и Еремѣ встрѣчается вставной мотивъ о неудачномъ поведеніи ихъ въ церкви. Въ одной пѣснѣ:

Ерема пришелъ въ церковь,
А Оома въ алтарь,
Ерема запѣлъ,
Оома то заревѣлъ.....

Въ тверскомъ вариантѣ Ерема кадитъ, а Оома кланяется. Вездѣ выступаетъ строгій пономарь, который выгоняетъ глупцовъ изъ церкви ³⁾.

Въ сказкѣ объ Иванѣ Дуракѣ изъ В. Бретани мать совѣтуетъ сыну пойти въ церковь, и на его вопросъ, какъ дойти до церкви и какъ держать себя тамъ, совѣтуетъ пойти за людьми и поступать по примѣру другихъ. Глупецъ попадаетъ въ кабакъ, требуетъ, подобно другимъ, сидру. Кабатчикъ, не получивъ денегъ, побилъ его и взялъ блузу и панталоны. Въ коротенькой сорочкѣ и въ жилетѣ дурень идетъ въ церковь и становится между женщинами. Когда въ молитвѣ всѣ поклонились и онъ послѣдовалъ примѣру другихъ, то у него открылся задъ, и стоявшая сзади старая женщина ударила его по задъ. Глупецъ поднялъ платье женщины, стоявшей впереди него, и передалъ ударъ. Женщина подняла крикъ, и глупца вывели изъ церкви ⁴⁾.

XLV.

Глупецъ (сынъ, мать, жена) отдаетъ деньги (сыръ и пр.) нищему, назвавшемуся весной, зимой или т. п.

Въ великорусскомъ вариантѣ сказки о поискахъ глупцовъ вмѣсто вступительнаго мотива о плачущихъ глупцахъ находится слѣдующій: Лутонюшка

¹⁾ Кіев. Старина 1886, II 219.

²⁾ Дикиревъ, Черноморски нар. казки, 20.

³⁾ Шейнъ, Великорусскі I—266—268.

⁴⁾ P. Sebillot, Contes pop. de la N. Bretagne 219.

солить мясо на зиму на запасъ, а мать его бранить, что много перебилъ скотины. „И, матушка, сказалъ Лутонюшка, весна прійдетъ, все подберетъ“, и уѣхалъ затѣмъ въ лѣсъ за дровами. Прохожій подслушалъ и сказалъ: „Я—весна красна, за говядиною къ тебѣ пришла“. Старуха отдала ему всю говядину. Лутонюшка въ досадѣ идетъ искать по свѣту бѣлыхъ глупцовъ ¹⁾).

Въ польской сказкѣ мужикъ нашелъ кладъ, спряталъ его въ хатѣ подъ бочкой и запретилъ женѣ ходить въ амбаръ за солониной, сказавъ, что тамъ подъ бочкой сидитъ Бобо. Нищій взялся выгнать Бобо и забралъ деньги. Въ вариантѣ, весьма близкомъ, въ началѣ введенъ вставной эпизодъ изъ другого цикла сказокъ, какъ мужъ нашелъ кладъ, сказалъ женѣ, выкапывая кладъ, что у него запоръ, такъ какъ ворона влетѣла ему въ задницу, и какъ повѣрившая жена болтала потомъ на эту тему, прибавивъ еще одну ворону ²⁾).

Мотивъ объ обманѣ по собственному имени часто входитъ въ составъ сказокъ о прохожемъ изъ рая, въ видѣ предисловія, при чемъ въ такомъ случаѣ прямо съ ними сливается, что замѣтно въ славянскихъ и романскихъ вариантахъ. Въ одной лотарингской сказкѣ прохожій подслушалъ, какъ мужъ на предложеніе поѣсть сала сказалъ: „c'est pour dor' navant“ (это для болѣе поздняго времени). Онъ заходитъ въ домъ, называется Дорнаваномъ, и простодушная жена отдаетъ ему сало. Въ слѣдъ затѣмъ онъ говоритъ, что идетъ изъ рая, и слѣдуютъ обычные на эту тему мотивы. Коскенъ указалъ нѣсколько сходныхъ и тождественныхъ сказокъ французскихъ, италіанскихъ, нѣмецкихъ, англійскую, хорватскую (у Краусса). Недалекая по уму жена или дѣти отдаютъ самозванцу сало, окорокъ или деньги. Въ тирольской сказкѣ плутъ называется будущимъ, потому что подслушалъ, какъ мужъ, уѣзжая изъ дому, просилъ жену беречь деньги для будущаго. Въ нѣмецкой сказкѣ отецъ сберегалъ деньги „für Hans Winter“, и дѣти его отдаютъ деньги самозванцу Ивану Зимѣ. Старинный вариантъ этого мотива указанъ Коскеномъ въ одномъ италіанскомъ произведеніи XVI в. Здѣсь домохозяйка сберегаетъ ветчину „pour les Pâques“, т. е. на Свѣтлый Праздникъ; глупая ея служанка отдала ветчину плуту, который назвался Пакомъ ³⁾).

XLVI.

Глупецъ на деревѣ.

Въ сказкахъ съ полученіемъ богатства часто встрѣчается такой мотивъ: дурень въ одиночку или съ двумя братьями взбирается на ночлегъ

¹⁾ *Аванасевъ*, Рус. нар. ск. III, 383.

²⁾ *Ciszeński*, 210—212.

³⁾ *Cosquin*, I 240.

на дерево, внизу собираются разбойники дѣлить добычу. Дурень испражняется на нихъ, бросаетъ камень (или ступу, воловью шкуру), разбойники разбѣгаются и дурень забираетъ ихъ деньги. Мотивъ получилъ шаблонное значеніе общаго мѣста, какъ иллюстрація глупости.

Въ самарской сказкѣ дуракъ и два брата сидятъ на деревѣ. Дуракъ мочится разбойникамъ въ кашу. Разбойники считаютъ мочу росой. Далѣе дуракъ испражняется; разбойники говорятъ, что съ ели падаютъ шишки; наконецъ, дуракъ бросаетъ ногу бабы Яги; разбойники разбѣгаются; остается одинъ, которому дурень отрѣзываетъ языкъ ¹⁾).

Въ малорусской сказкѣ про дурня два брата хотятъ скрыться отъ дурня на деревѣ, но за ними взбирается дурень со ступой. Внизу растащевались разбойники. Дурень сначала сц... на нихъ, затѣмъ с... и, наконецъ, роняетъ ступу, разбойники разбѣгаются, а у одного скрывшагося дурень отрѣзываетъ языкъ ²⁾).

Мотивъ полученія богатства отъ того, что глупецъ, сидя на деревѣ, разгоняетъ разбойниковъ и забираетъ ихъ деньги, встрѣчается въ видѣ введенія, объясняющаго, почему разбогатѣлъ герой сказки, въ сказкѣ изъ Лотарингіи, въ сказкѣ изъ Нижней Бретани (мельникъ бросаетъ кожу коровы съ дерева на разбойниковъ), въ тожественной сказкѣ изъ Тосканы. Въ новогреческой сказкѣ изъ трехъ братьевъ меньшій высушиваетъ кожу коровы, оборачиваетъ себя ею и бьетъ въ нее, какъ въ барабанъ; воры, предполагая, что это идутъ жандармы, бѣгутъ, бросивъ деньги. Въ авганской сказкѣ бѣднякъ, скрывшійся на деревѣ, по дорогѣ на базаръ, роняетъ отъ страха на разбойниковъ коровью шкуру.

Во французскихъ сказкахъ онъ встрѣчается въ такой формѣ: разбойники ворвались въ хижину; бѣдные хозяева ушли, захватили лишь двери, скрылись на деревѣ, потомъ упустили двери на разбойниковъ, сѣвшихъ подъ деревомъ; разбойники въ страхѣ разбѣжались и бросили свои деньги. Въ другой сказкѣ мужъ бросаетъ со злости въ жену двери, которыя повисли на ея спинѣ; жена съ ними бѣжала, взобралась на дерево и проч. въ обычномъ порядкѣ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ мужъ уноситъ ключъ, а жена—двери. Коскенъ указалъ на цѣлый рядъ западно-европейскихъ и восточно-азиатскихъ вариантовъ. Во многихъ европейскихъ вариантахъ мотивъ съ дверьми мотивированъ плохо тѣмъ, что жена (сестра) поняла приказанія мужа (братьевъ) въ буквальномъ смыслѣ. Въ новогреческой сказкѣ глупецъ посаженъ въ тюрьму, уходитъ оттуда, уноситъ на спинѣ двери и т. д., скрывается на деревѣ, роняетъ двери на купцовъ. Въ другой грече-

¹⁾ Садовниковъ, 130.

²⁾ Чубинскій, II 492.

ской сказкѣ дурень роняетъ мельничный жерновъ, въ валахской—ручную мельницу, во многихъ французскихъ и въ италіанскихъ—воловью шкуру. Въ нѣмецкой сказкѣ глупая женщина роняетъ сначала сухіе яблоки (или сухой виноградъ)—разбойники думаютъ, что это пометъ птицъ, льетъ уксусъ—разбойники принимаютъ его за росу, наконецъ, роняетъ двери ¹⁾. Въ тирольской сказкѣ съ трехъ братьевъ, сидящихъ на деревѣ, отъ страха начинаетъ капать потъ—разбойники приняли его за дождь. Во многихъ вариантахъ (изъ Нормандіи, Лотарингіи, Германіи, Греціи, Италіи, Испаніи) глупецъ мочится на разбойниковъ. Въ сборникѣ калмыцкихъ сказокъ индійскаго происхожденія Шидикурѣ, странникъ роняетъ съ дерева на пляшущихъ демоновъ лошадиную голову; демоны разбѣжались; подъ деревомъ оказалась куча золота. Въ сказкѣ сибирскихъ татаръ одинъ изъ трехъ братьевъ, глупецъ, убилъ семиголового великана, отрѣзалъ одну голову, руку и ногу. Братьевъ преслѣдуетъ двѣнадцатоголовый великанъ. Они спрятались на деревѣ. Глупецъ уронилъ голову, руку и ногу; великанъ бѣжалъ. Въ индійской сказкѣ санталовъ два брата убили тигра и на ночь взобрались на дерево. Подъ деревомъ заночевалъ принцъ со свитой. Одинъ изъ сидѣвшихъ на деревѣ упустилъ внутренности тигра; принцъ и свита въ страхѣ бѣжали, и братья захватили ихъ багажъ. Въ другой индійской сказкѣ изъ Камаона на деревѣ также два брата, а подъ деревомъ идетъ свадебное пиршество. Одинъ изъ братьевъ испражняется, потомъ бросаетъ камни. Свадебные гости разбѣгаются. Глупецъ овладѣлъ невѣстой и передалъ ее своему брату. Въ нѣсколькихъ индійскихъ вариантахъ женщина, скрывшаяся на деревѣ, узнана разбойникомъ. Она привлекаетъ его хитростью на дерево, откусываетъ ему языкъ и сталкиваетъ съ дерева. Разбойникъ белькочетъ—лолъ, лолъ (въ вар. булъ-ул, ул), товарищи его разбѣгаются. Древнѣйшій вариантъ мотива о дверяхъ на спинѣ въ Katha-Sarit-Sagara Сомадевы XII вѣка. Здѣсь купецъ приказываетъ своему глупому слугѣ оберегать двери въ лавкѣ. Слуга понялъ буквально его слова, снялъ двери и носилъ ихъ на себѣ, чтобы никто ихъ не похитилъ. Когда хозяинъ возвратился и упрекалъ слугу, послѣдній сказалъ, что онъ лишь исполнилъ его приказаніе ²⁾.

Обиліе, разнообразіе и древность индійскихъ вариантовъ располагаютъ къ предположенію объ индійскомъ происхожденіи самого мотива о дверяхъ на спинѣ.

¹⁾ Мотивъ о дверяхъ отмѣченъ еще въ сказкахъ Сербіи, Италіи, Франціи, Даниіи, Швеціи—см. *Zeitsch. d. Ver. f. Volksk.* 1896, I 73.

²⁾ *Cosquin* I, 240—245, *Munacog*, Инд. ск. 41—42; *Clouston* 100.

Внушеніе ложнаго убѣжденія

(мужику, брамину и пр., что онъ ведетъ не вола, а козла, или не козла, а собаку).

Весьма распространенъ въ Малороссіи такой разсказъ: вель мужикъ на ярмарку вола продавать. Солдаты тихонько вола отвязали, а солдата привязали. Мужикъ оглянулся, испугался, упустилъ веревку, и солдатъ убѣжалъ. На ярмаркѣ онъ увидѣлъ, что его односельчанинъ покупаетъ у солдатъ его вола, подошелъ и сказалъ покупателю: „не купи цего вола, це манія; отъ теперъ винъ зовсимъ якъ видъ, а выведешъ за губернію и стане служба“ ¹⁾).

Въ другомъ малорусскомъ анекдотѣ мужикъ ведетъ вола на базаръ продавать. Встрѣчается солдатъ, и спрашиваетъ, что хочетъ онъ за козла. Мужикъ увѣряетъ, что это волъ и идетъ далѣе. Солдатъ переулками забѣгаетъ снова впередъ, и снова торгуетъ козла. Мужикъ сталъ сомнѣваться, и за третьимъ разомъ продалъ вола солдату какъ козла за 2 руб., а прійдя домой, сказалъ женѣ, что волъ „зкозлятивсь“ ²⁾).

Въ англійскомъ сборникѣ фацецій XVI в. „The Jests of Scogin“ находится такой анекдотъ: Скогинъ съ другимъ плутомъ встрѣтили мужика, который гналъ овецъ въ городъ на базаръ, и поочередно убѣдили его, что онъ гонитъ свиней. Сначала мужикъ держалъ пари съ товарищемъ Скогина на половину стада и два шиллинга, причемъ споръ долженъ былъ рѣшить первый встрѣчный. Такимъ оказывается самъ Скогинъ, который рѣшаетъ споръ въ пользу своего товарища, но такъ, что овцы остаются хозяину, за что онъ благодаритъ Скогина и охотно отдаетъ его товарищу свои два шиллинга.

Въ „The Sacke Full of Newes“ (1558) г. повторяется эта исторія съ перестановкой овецъ и свиней. Въ средневѣковыхъ книгахъ встрѣчается почти тожественный разсказъ „De Rustico et Agni“. Мужикъ несетъ въ городъ ягненка; шесть плутовъ поочередно увѣряютъ, что онъ несетъ собаку, и онъ отдаетъ ягненка шестому встрѣчному плуту. Въ „Liber de donis“ Этьена Бурбонскаго († 1261 г.) выведены три плута, увѣрившіе мужика, что онъ несетъ не ягненка, а собаку ³⁾).

Въ одной старинной новеллѣ глупца убѣждаютъ, что онъ вель не теленка, а каплуна; въ Conde Lucanor и въ Эйленшпигелѣ предметомъ обмана служить одежда ⁴⁾. У Страпароллы находится такой же анекдотъ о внушеніи лож-

¹⁾ Аванасьева, Рус. н. ск. III, 510.

²⁾ Аванасьева, III, 509.

³⁾ Clouston, Popular Tales II, 27—42.

⁴⁾ Clouston, The book of noodles, 162—163.

наго убѣжденія продавцу животнаго ¹⁾). Въ *Gesta Romanorum* мотивъ этотъ встрѣчается въ той формѣ, что злонамѣренные люди хотѣли убѣдить императора, что врачъ его прокаженный. Возможно и отдѣльное независимое происхожденіе послѣдняго разсказа, внѣ анекдотовъ о глупости.

Анекдотъ популяренъ на азіатскомъ Востокѣ и, должно быть, съ Востока проникъ на Западъ.

Въ старинной арабской сказкѣ 1001 ночи крестьянинъ ведетъ на веревкѣ осла. Плутъ сказалъ своему пріятелю, что онъ возьметъ осла. Тихонько онъ отвязалъ осла, передалъ его своему компаньону, а веревку накинулъ себѣ на шею. Сначала онъ послушно шелъ за мужикомъ, но когда пріятель его ушелъ далеко, и осла уже не было видно, тогда онъ сталъ упираться. Мужикъ сначала тянулъ за поводъ, а потомъ оглянувшись и, увидѣвъ вмѣсто осла человѣка, закричалъ: „Кто вы?“ Плутъ рассказываетъ цѣлую исторію на тему о превращеніи. У него добродѣтельная и благочестивая мать. Однажды онъ пришелъ домой въ пьяномъ видѣ. Мать ласково стала его журить, а онъ, вмѣсто раскаянія, ударилъ мать, и за то Аллахъ обратилъ его въ осла, и въ такомъ видѣ онъ служилъ мужику, пока мать своими молитвами не возвратила ему человѣческій образъ. Мужикъ всему повѣрилъ, просилъ простить его, если онъ когда обидѣлъ оборотня и отпустилъ его, а жена мужика молитвами и милостыней старалась загладить тотъ грѣхъ, что такъ долго помыкали осломъ оборотнемъ. Спустя нѣкоторое время мужикъ пошелъ на рынокъ купить другого осла и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что его старый оселъ идетъ въ продажу. Онъ подошелъ къ нему и на ухо шепотомъ сказалъ: „Съ тобой опять приключилась бѣда. Навѣрно, ты снова былъ пьянъ; но, клянусь Аллахомъ, я никогда не куплю тебя“. Эта сказка встрѣчается въ числѣ наиболѣе старыхъ италіанскихъ новеллъ, въ новеллѣ о превращенномъ монахѣ ²⁾).

Въ Калилѣ и Димнѣ и въ Гитопадешѣ встрѣчается анекдотъ о томъ, какъ глупый браминъ велъ козу, купленную для жертвоприношенія, и три плута убѣдили его, что онъ ведетъ собаку, а не козу, такъ что онъ бросилъ козу, которую и взяли плуты ³⁾). Въ *Katha Sarit Sagara* повторяется тотъ же анекдотъ, причемъ здѣсь оказывается шесть обманщиковъ. Древнѣйшій вариантъ въ Панчатантрѣ. Здѣсь браминъ ведетъ козла на жертвоприношеніе; три плута убѣдили его, что онъ ведетъ собаку. Браминъ бросилъ козла и совершилъ омовеніе (въ Индіи собака считается нечистымъ животнымъ ⁴⁾).

¹⁾ *Loiseleur Deslongschamps*, Essai sur les fables ind., 47.

²⁾ *Clouston*, The book of noodles 81—83.

³⁾ *Loiseleur Deslongschamps*, Essai sur les fables indiennes 47.

⁴⁾ *Clouston*, Popul. Tales II, 42.

XLVIII.

Повѣсти и сказки о глупомъ гостѣ.

Въ Великой и Малой Россіи существуетъ анекдотъ о глупомъ панѣ нѣмцѣ и разумномъ его слугѣ, съѣвшемъ ножку зажареннаго для пана гуся, потомъ удачно вывернувшимся. Въ англійскомъ варіантѣ дурня бранятъ, что онъ укралъ у курицы ногу, и дурень утверждаетъ, что курица была лишь съ одной ногой. Въ доказательство онъ повелъ пана въ курникъ, гдѣ многія куры стояли на одной ногѣ, какъ онѣ часто дѣлаютъ въ дурную погоду. „Кишъ! кишъ!“ крикнулъ на нихъ панъ, и онѣ поставили обѣ ноги. „Вотъ если бы кишнули на зажаренную курицу, сказалъ дурень, то она выставила бы и другую ногу“. Въ Декамеронѣ Боккачіо (день VI нов. 4) вмѣсто курицы является журавль, ножку котораго поваръ отдалъ своей любовницѣ ¹⁾).

Эти анекдоты, повидимому, представляются искаженіями и варіантами популярной въ старое время сказки о раздѣлѣ курицы хитрымъ гостемъ. Въ старинной письменности русской фация эта извѣстна подъ заглавіемъ „о раздробившемъ по писанію куре“. И нынѣ она довольно часто встрѣчается среди народныхъ сказокъ и анекдотовъ. Аванасьевъ указалъ литературу предмета ²⁾). Недавно изданъ галицко-русскій варіантъ въ „Житѣе и Слово“ 1895 IV 364 и кромѣ того чешскій ученый Поливка указалъ такой анекдотъ въ числѣ сказокъ о Майорки (стр. 144).

Мы не будемъ останавливаться здѣсь подробно на фацияхъ и сказкахъ о раздѣлѣ курицы, потому что здѣсь гость является умнымъ, а не глупымъ.

Въ кругъ нашей темы входитъ другая популярная фация, встрѣчающаяся часто и въ числѣ народныхъ сказокъ, какъ гость, по недоразумѣнію, или по продѣлкѣ хитрой женщины, убѣгаетъ изъ опасенія, что его вмѣсто угощенія прибьютъ или изуродуютъ.

Въ Чигиринскомъ у. записана слѣд. сказка: Булы соби два брата—одынъ бувъ салдатъ, а другой мужыкъ. Салдатъ бувъ на служби и бувъ стрилецъ добрый; винъ соби купывъ дома охотныцкку рушныцю и почавъ соби ходыть на охоту. Винъ соби убье, ну, тамъ дрохву, чи що, прыносе додому, перериже пополамъ и куми дасть кусочекъ (винъ покумався ись своего брата жинкою). Те дило було такъ, шо съ тыждень. Ну, и ця все, мужикова жинка, почала казаты: „Ты бъ и соби, чоловиче, ходывъ на охоту“. Ну, а винъ йій каже: „зъ чымъ же я буду ходыть на охоту, якъ у мене рушныци нема?“ А вона своему чоловикови каже: „Ты бъ узаявъ рѣ-

¹⁾ Clouston, Popul. Tales 1 51, *Крымскій*, пер., Введ. Клоустона, 71—72.

²⁾ Аванасьевъ, Рус. н. ск. IV, 545.

ло". А винъ ййй каже: „та такъ и вбѣшь"! Винъ пошивъ соби охотныцку торбу и набравъ у торбу клочка,—це клейтуху. Выйшовъ винъ на степь, набачивъ табунъ дрохвъ и винъ уставивъ те рало у плече, взявъ пальцемъ за жабку; давивъ, давивъ,—ніякъ не стріляє. Потимъ узявся за жерточку и потаскавъ тымъ раломъ, и перебуивъ його штукъ на п'ять. А його братъ салдаты убивъ дрохвъ ись пять и прыйшовъ и давъ свой куми цилу дрохву. Вона взяла, у синяхъ сховала пидъ дымаремъ. А це прыходить йййи чоловикъ, приносить те рало на плечахъ, иззязавъ вирьовкою; винъ голодный бувъ, росердывся на жинку, и кынувъ куски того рала пидъ повитку; уходить у хату, а вона й пытае своего чоловика: „а що, ты вбывъ що небудь, чы ни?" А винъ каже: „а чымъ? я ничего не вбывъ раломъ". А вона каже: „Ты мабудь убивъ, та не признаешся". Потимъ вона дала йому йисты, а сама побигла въ сины, узяла ту охотнецку торбу и вкынула туды дрохву.—Уносыть вона у хату ту дрохву: „бачъ,—каже,—який ты, чоловиче! убивъ дрохву, та й не признаешся!" А винъ каже: „Я ще дви пидстрелывъ". Ну, а вона давай цю дрохву жарить, а своего чоловика послала: „Иды,—каже,—чоловиче, принесешь горилки. Якъ итымешь та кого стринешь, такъ клыкны на обидь". Винъ пишовъ и зостривъ якогось салдата. „Иды, каже, до мене, пообидаешь". Той москаль увійшовъ у хату, а вона пытае: „чого ты увійшовъ"? А винъ каже: „вашъ чоловикъ кыкавъ мене на обидь". А вона каже: „Тикай, москалю, бо въ мене такой чоловикъ: кого захвате въ хати, такъ заразъ махае". А москаль того злякався и заразъ утикъ изъ хаты. Прыходить йййи чоловикъ, теперъ вона йому каже: „теперь полюбуйся съ своимъ москалемъ: винъ укравъ дрохву й побигъ зъ дроховою". Та каже: „побижы, чоловиче, та однимешь у нього дрохву". Той мужикъ бижить шляхомъ, а москаль оглянувся. Дывытся москаль, що мужыкъ уже нагоняе його, та думае москаль, що той мужыкъ женеться за нымъ для того, що хоче його быты. Винъ уже, цей мужыкъ, прямо нагоняется на москаля, прямо вже биля його; а той москаль уже бижить шляхомъ и почавъ скакать то на ту, то на ту сторону и каже: „та не дожыньошь, та не помахньошь!" Та й утикъ одъ мужика ¹⁾).

Здѣсь соединены два разнородныхъ мотива: 1) обманъ глупаго мужа женой и 2) какъ приглашенный на обѣдъ убѣжалъ по недоразумѣнію. Послѣдній мотивъ встрѣчается часто въ отдѣльномъ видѣ и имѣетъ обширную литературу.

Во французскихъ сказкахъ нѣкто по приглашенію приходитъ къ священнику на обѣдъ. Хитрая кухарка сама съѣла двухъ куропатокъ; она

¹⁾ Гринченко, II, 157—159.

гостю сказала, что священникъ отрѣзываетъ уши у того, кто у него обѣдаетъ, а священнику сказала, что гость захватилъ куропатокъ и убѣждалъ. Тогда священникъ погнался за нимъ и кричалъ: „дайте хоть одну“. Гость, предполагая, что онъ проситъ отрѣзать ухо, отвѣтилъ: „не получите ни одного“. Коскенъ остановился и на этой сказкѣ и указалъ слѣдующіе ея варианты: почти тожественную въ записи съ Азорскихъ острововъ, весьма сходныя бретонскую, нѣмецкую по книгѣ 1700 г. (вмѣсто куропатокъ—два дыпленка), французскую въ записи 1680 года, какъ гласитъ заглавіе, „D'une servante, qui mangea deux perdrix“, гдѣ выведены два парижскихъ буржуа, нѣмецкій вариантъ въ Schimpf und Ernst Иоганна Паули 1519 г., тожественную у Ганса Сакса, средневѣковое французское фавльо „Le Dit des perdrix“, гдѣ выведены мужикъ, его жена и приглашенный въ гости священникъ, средневѣковое нѣмецкое весьма сходное фавльо на ту же тему, гдѣ выведены рыцарь, пригласившій священника покушать двухъ зайцевъ, и скупая жена рыцаря.

Коскенъ указываетъ далѣе на два индійскихъ варианта. Въ одномъ вариантѣ глупый мужъ приглашаетъ буддійскаго жреца на обѣдъ. Когда мужъ на время отлучился, его хитрая жена сказала, что онъ пошелъ искать толкачъ, чтобы убить жреца. Послѣдній бѣжитъ. Жена говоритъ, что жрецъ просилъ принести ему толкачъ. Мужъ тогда схватываетъ толкачъ и бѣжитъ за жрецомъ съ крикомъ „остановитесь!“ Въ другомъ весьма близкомъ вариантѣ, жена говоритъ мужу, что бѣжавшій его другъ хотѣлъ унести толкачъ, и мужъ рѣшилъ подарить его и гонится за жрецомъ ¹⁾).

XLIX.

Тилль Эйленшпигель.

Въ исторіи распространенія въ Россіи сказокъ и анекдотовъ о недомысліи, повидимому, немаловажное значеніе имѣютъ сосѣдскія нѣмецкія вліянія. Въ Германіи издавна циркулируетъ огромное количество анекдотовъ и сказокъ о глупцахъ, и на нѣмецкой этнографической почвѣ литературныя растенія этого рода въ XV и XVI ст. получили пышное развитіе. Появился рядъ прозаическихъ и стихотворныхъ сводовъ и обработокъ, возникли драматическія произведенія на темы о недомысліи и все это пользовалось большою популярностью, а многое вскорѣ переходило въ переводахъ и въ сосѣднія страны—Голландію, Францію, Англію, Польшу, и даже въ Россію.

На нѣмецкой почвѣ легко прививались и получили самостоятельную разработку французскія фавльо и италіанскія новеллы о глупцахъ ²⁾). Въ

1) *Cosquin*, I 348—350.

2) *Von der Hagen*, *Gesammtabenteuer*, 3 т.

первой половинѣ XIII в. въ Германіи уже выдвинулся оригинальный писатель на темы о недомыслии, Штрикеръ. Онъ воспользовался въ широкой степени современными ему народными анекдотами. Изъ довольно многочисленныхъ сатирическихъ произведеній Штрикера выдается „Der Pfaff Amis“, написанный около 1230 г., въ стихахъ ¹⁾. Здѣсь попъ Амисъ является въ роли плута и обманщика, (лѣкаря, рыболова въ колодцахъ, проповѣдника, предсказателя, чудотворца и пр.).

Грубый реализмъ въ формѣ развитія литературы о плутахъ и дурняхъ съ XIV ст. распространяется все болѣе и болѣе и занимаетъ видное мѣсто въ рыцарской поэзіи, даже въ героическихъ поэмахъ каролингскаго цикла, напр., въ „Ожье“, „Малагисъ“ и нѣкот. др. Въ „Малагисъ“ шутъ Шпитъ имѣетъ явное преимущество передъ самимъ героемъ ²⁾. Вкусъ къ литературѣ о плутахъ и глупцахъ все болѣе росъ, и высшаго апогея эта литература достигаетъ въ XVI ст. въ произведеніяхъ Оомы Мурнера (1475—1536)—„Заклинаніе глупцовъ“, „Цехъ шельмъ“ и др., и въ сочиненіяхъ Фишарта († 1589)—„Flohhatz“ (тяжба блохъ съ женщинами), сатиры на духовенство и пр. Къ началу XVI в. относится знаменитый „Корабль дураковъ“ (Narrenschiff) Себастьяна Брандта († 1521) изъ Страсбурга. Книга эта была такъ популярна, что германскіе проповѣдники (напр. Гейлеръ, † 1510 г.) избирали отдѣльныя главы текстами для своихъ проповѣдей ³⁾.

Въ ряду старинныхъ сборниковъ разсказовъ о плутахъ и дурняхъ выдается по полнотѣ и распространенности Тилль Эйленшпигель. Составителемъ сборника считали Оому Мурнера; но затѣмъ мнѣніе это, по разнымъ научнымъ соображеніямъ, оставлено, и вопросы о составителѣ и о времени возникновенія сборника недостаточно выяснены. Несомнѣнно, что сборникъ этотъ уже извѣстенъ былъ въ концѣ XV в. Древнѣйшимъ изданіемъ считается страсбургское 1519 г. Оно переиздано въ X т. „Die deutsche Volksbücher“ Зимрока и недавно—въ дешевой „Universal-Bibliothek“ Реклама (№№ 1687 и 1688).

„Тилль Эйленшпигель“ очень быстро проникъ въ другія страны. Въ 1532 г. вышелъ въ переводѣ на французскій языкъ (Tyl l'Espegle), въ 1557 появился въ Англіи (Howleglass), въ 1571 въ Даніи, въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ (Sowizrzal), а изъ Польши проникъ позднѣе въ Россію. Отдѣльные эпизоды Совѣстдрала циркулировали уже въ Россіи петровскаго времени и рано проникли въ лубочную литературу и въ лубочныя картинки. Русская передѣлка вышла въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Похожденія хитраго и

¹⁾ *Univers. Bibliothek* Реклама № 658.

²⁾ *Шеппъ*, Ист. вс. литер. 500.

³⁾ Ib. 519.

забавнаго шута Совѣст-Драла большого носа, переводъ съ польскаго съ дополненіемъ изъ другихъ языковъ“¹⁾).

Разсказы объ Эйленшпигелѣ не велики, но многочисленны, всѣхъ 101 разсказъ (въ изданіи 1519 г. 92 №№). Эйленшпигель вездѣ выступаетъ плутомъ и обманщикомъ. Глупыми или слишкомъ наивными и довѣрчивыми оказываются жертвы его плутовства, большей частью разные ремесленники—хлѣбопеки, кузнецы, сапожники, у которыхъ нанимается Эйленшпигель. Анекдоты объ Эйленшпигелѣ въ большинствѣ возникли среди ремесленниковъ, и ремесленники были главными ихъ пропагандистами. Отсюда грубость многихъ анекдотовъ объ Эйленшпигелѣ. Не входя въ подробное изложеніе содержанія Тилля Эйленшпигеля, отмѣтимъ лишь наиболѣе интересные пункты этого литературнаго памятника. Исторія Т. Э. изложена въ видѣ біографіи. Уже при крещеніи Э. попадаетъ въ исключительное положеніе: послѣ купели, онъ попадаетъ въ грязную лужу, куда его уронили, и затѣмъ въ котель съ теплой водой, гдѣ его обмывали. Э. посѣщаетъ много нѣмецкихъ городовъ, поступаетъ въ услуженіе къ разнымъ ремесленникамъ и вездѣ плутуетъ и обманываетъ, часто совершаетъ весьма грубыя и циничныя продѣлки, напр., испражняется на постели, сажаетъ трактирщицу въ горячую золу. Въ числѣ шутокъ Э. встрѣчается одна близкая къ суду Шемяки (совѣтъ прыгнуть съ высоты на убійцу въ отмщеніе за убійство). Встрѣчаются насмѣшки надъ схоластикой, надъ мнимой ученостью и пр. Въ Эрфуртѣ Э. взялъ осла, чтобы выучить его читать псалтырь. Въ другомъ мѣстѣ онъ убѣдилъ крестьянина, купившаго сукно желтаго цвѣта, что оно голубого цвѣта, и крестьянинъ отдалъ ему сукно. Въ третьемъ мѣстѣ Э. уплачиваетъ долгъ звономъ денегъ. Даже смерть и погребеніе Э. сопровождаются разными смѣшными происшествіями.

Вліяніе Эйленшпигеля обнаруживается въ позднихъ сказкахъ нѣмецкихъ и сербо-лужицкихъ. Здѣсь довольно часто встрѣчается самое имя Тилль Эйленшпигель. Во многихъ анекдотахъ Э. ошибочно примѣняетъ совѣты хозяина или злонамѣренно портитъ хозяйское имущество²⁾.

Наиболѣе крупнымъ проявленіемъ вліянія Эйленшпигеля въ малорусской народной словесности представляются прозаическія и стихотворныя сказки о походженіяхъ „маленькаго хохолчика“. Въ обширной стихотворной приказкѣ о нюхарахъ, изданной г. Эварницкимъ въ Харьк. Губ. Вѣд., „маленькій хохолчикъ родивсь въ вивторчыкъ“, въ среду поступаетъ въ школу, ѣстъ колбасу, „ходе по за плечыма, лупае очима“. Дьячокъ учитель его прогоняетъ. Хохолчикъ поступаетъ къ сапожнику и разваливаетъ у него

1) *Ровинскій*, Рус. нар. карт. IV, 169, 352.

2) *Veckenstedt*, Wend. Sagen 96—100.

печь; затѣмъ хохолчикъ поступаетъ къ ткачу; далѣе сказка сбивается на нисенитницы; малорусскій Эйленшпигель попадаетъ „въ городъ Быльци, тамъ дурніи людѣ“, затѣмъ становится попомъ и проч.

Въ великорусской народной поэзіи темы Эйленшпигеля отчасти повторяются въ пѣсняхъ о Ёмѣ и Яремѣ.

Признавая въ Эйленшпигелѣ источникъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ и славянскихъ анекдотовъ и юмористическихъ разсказовъ, мы вовсе не расположены преувеличивать вліяніе этого памятника. Несомнѣнно, что и самый Эйленшпигель во многихъ пунктахъ построенъ на ходившихъ въ XV в. въ нѣмецкомъ народѣ анекдотахъ, которымъ въ Эйленшпигелѣ придана литературная обработка. Таковы разсказы объ обученіи осла грамотѣ (глава 28), объ избіеніи у сапожника быковъ (глава 41) и нѣкот. др.

I.

Глупый наниматель работника.

(Сказка А. Пушкина о купцѣ Козьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ).

Основой для сказки о купцѣ Остолопѣ и его работникѣ Балдѣ послужила сказка, записанная Пушкинымъ со словъ Арины Родіоновны. Запись эта сохранилась въ бумагахъ Пушкина и напечатана Анненковымъ въ „Матеріалахъ“ (стр. 432—3): „Купецъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти къ нему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ купцу. Купецъ радехонекъ, купчиха говоритъ: „каковъ щелкъ будетъ“, Балда дюжъ и работающъ,—но срокъ уже близокъ, и купецъ начинаетъ беспокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Купецъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ собирать. Балда беретъ пеньку, смолу, да дубину, сѣлъ у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло: „кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?“ и вылѣзъ старый: что тебѣ надо?—„Оброкъ собираю“.—А вотъ внука я къ тебѣ пошлю съ переговорами.—Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолить.—Бѣсенокъ выскочилъ.—Что ты, Балда?—„Да вотъ собираюсь море морщить, да васъ чертей корчить“. Бѣсенокъ перепугался: „Тотъ заплатитъ купцу оброкъ, кто вотъ эту лошадь обнесетъ три раза вокругъ моря“. Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. „Ахъ дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ“. Новая выдумка. Кто прежде объжитъ около моря? „Куда тебѣ со мною, бѣсенокъ? Да мой меньшій братъ обгонитъ тебя, не только что я“.—А гдѣ твой меньшій братъ?—У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, бѣжалъ, а Балда гладитъ уже

другого, приговаривая: „усталь ты, бѣдненькій братецъ, три раза обѣжалъ около моря“. Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобы зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Купецъ, видя Балду, бѣжитъ и проч. Пушкинъ, должно быть, слышалъ сказку въ болѣе обстоятельномъ эпическомъ разсказѣ, но записалъ ее вкратцѣ. Стихотворная обработка сказки 1831 г. сравнительно съ записью отличается значительной величиной. Повсемѣстно внесены эпическія амплификаціи и бытовые черты. Мотивъ о приводѣ медвѣдя отсутствуетъ; остальные мотивы идутъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ; мимоходомъ упоминаются дочь и сынъ купца. Въ стихотворной передачѣ сказка отличается цѣльностью и законченностью.

Сказка о Балдѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ—чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ. Основной, главный ея мотивъ—слуга силачъ. Въ сборникахъ сказокъ мотивъ этотъ встрѣчается подъ разными заголовками: „Попъ и его работникъ“, „Чертъ слуга“, „Желѣзный человѣкъ“ и др. Разсмотримъ вкратцѣ варианты сказки великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, далѣе славянскіе и наконецъ, иноплеменные.

Русскія сказки этого рода разбросаны по сборникамъ Аѳанасьева, Садовникова (№ 26), Добровольскаго (I, 467), Романова, Манжуры, Кольберга (Покутье), Мошинской и др., причемъ рѣчь идетъ о слугѣ силачѣ; или съ вариациями о поповомъ наймитѣ, желѣзномъ человѣкѣ, Медвѣдкѣ. Отдѣльный мотивъ вырѣзыванія ремня изъ спины встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, напр., въ русской сказкѣ о трехъ братьяхъ царевичахъ въ XV томѣ Сборн. матер. о Кавказѣ стр. 16. Аѳанасьевъ обратилъ вниманіе на эти сказки и привелъ въ I т. (2-го изд.) подъ №№ 87—89 три весьма сходные съ пушкинской сказкой великорусскихъ варианта—„Батракъ“, „Шабарша“ и „Медвѣдко“, а въ IV т. стр. 147—156 Аѳанасьевъ указалъ на близкіе варианты въ сборникахъ Эрленвейна, Худякова, Чубинскаго, Рудченка, Малаго, Гримма, Гана, Боричевскаго, Сѣмѣнскаго, Войццкаго, Караджича, Гальтриха и въ Westlaurscher Märchenschatz. Вообще, и въ этомъ частномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ фольклора, Аѳанасьеву принадлежитъ заслуга перваго подробнаго и добросовѣстнаго подбора литературныхъ мотивовъ.

Не входя въ подробное сопоставленіе Пушкинской сказки съ сказками Аѳанасьева, что безъ особенной пользы заняло бы лишь много мѣста въ печати, ограничимся замѣчаніемъ, что всѣ мотивы Пушкинской сказки повторяются и въ сказкахъ Аѳанасьева и почти въ такомъ же порядкѣ. Въ сказкахъ есть кое-какія подробности, кое-какіе варианты, можетъ быть, въ

свое время незамѣченные Пушкинымъ или сознательно имъ выпущенные. Батракъ (третій сынъ мужика) нанимается къ купцу (въ вар. къ попу) за щелчокъ купцу, да щипокъ купчихѣ, и заранѣе показываетъ силу своего щелчка, убивая такимъ образомъ быка, потомъ медвѣдя. Во всѣхъ трехъ сказкахъ силачъ беретъ долгъ съ чертей, запугивая ихъ веревкой: „хочу васъ чертей веревкой таскать, да на солнышкѣ сушить“ (въ Батракѣ), „хочу прудъ вычищать, да васъ чертей изъ воды таскать“ („Шабарша“), и совсѣмъ какъ у Пушкина говоритъ герой третьей сказки Иванко Медвѣдко: „хочу озеро морщить, да васъ чертей корчить“. Во всѣхъ трехъ сказкахъ находится мотивъ о бѣсѣ въ перегонку съ зайцемъ и о бросаніи палицы. Последняя подробность отмѣчена Аванасьевымъ въ одной литовской сказкѣ (изъ сб. Сѣмѣнскаго). Въ одной сказкѣ съ острова Рюгена чертъ долженъ свить якорный канатъ изъ морскаго песку, и не можетъ исполнить этой задачи. Въ нѣмецкой сказкѣ герой, тождественный съ Медвѣдкою, носитъ имя Eisenhans (железный человекъ), причемъ въ началѣ сказки находится этимологическій комментарий, что герой выкованъ отцомъ кузнецомъ изъ желѣза.

Въ Острожскомъ у. записана слѣд. сказка: У попа бувъ наймитъ и гонывъ таваръ пасты. Выгнавъ таваръ пасты, сивъ, плете собі постолы; выходить до його чортокъ и пыта:—Що ты, Иване, робышь? Каже: Плету ситки, щобъ выловить уси чорты.—Эй, кажe, здѣлай мылость, уси ловы, тилькы мене не ловы.—Эге, кажe, тебе на самый передъ зловлю.—Эй, кажe, здѣлай мылость, не ловы, я тобі що хочъ, те й дамъ.—Що жъ ты мени дасы?—Я тобі дамъ мишокъ грошей.—Ну, кажe, добре, иды, кажe, прынесы.—Прыходять винъ до батька и кажe: Тамъ Иванъ сыдыть, плете ситки, щобъ выловить уси чорты, то я йому обищався мишокъ грошей, щобъ винъ мене не ловывъ.—Иды, кажe, у поле, тамъ стойить озеро, и коло его стойить кобыла, хто тую кобылу обнесе кругомъ озера, той тому дастъ мишокъ грошей.—Прыходять чортокъ до Ивана та й кажe: Ходимо, Иване, тамъ коло озера стойить кобыла, хто обнесе кругомъ озера тую кобылу, той тому дастъ мишокъ грошей.—Прыйшлы, чортокъ узявъ ту кобылу, обнисъ кругомъ озера й поставывъ коло Ивана. Иванъ и кажe: Э, дурню, дурню!—Я, кажe, мижъ ноги визьму та й то обнесу.—Сивъ Иванъ на ту кобылу, обыхавъ кругомъ озера. Прыходе чортокъ до батька та й кажe: Я взявъ кобылу на руки та насылу обнисъ, а винъ узявъ мижъ ноги и духомъ обнисъ ййи кругомъ.—Иды жъ, кажe, до його; котрый котрого поборе, то той тому дастъ мишокъ грошей.—Той прыйшовъ да й кажe: Ну, давай будемо бороться.—Эхъ, кажe, дурню, дурню! Що мени съ тобою бороться: въ мене, кажe, батько старый есть и то винъ тебе поборе.—А де винъ, кажe, покажи його. А зъ нимъ

бувъ ведмидь.—Беры, каже Иванъ, зачынай, бо винъ тебе не визьме, а треба, щобъ ты раздрожнивъ його.—Винъ якъ почавъ дражнить, а ведмедь якъ схвататься, да якъ почне давить. Да тилькы що його живого пустывъ. Приходять до батька, да й расказуе все якъ було.—Ну, каже, иды—который котраго пересміе, то той тому отдасть гроши.—Прийшовъ до Ивана да й каже: Давай, будемъ зновъ сміяться—хто кого пересміе?—Э,—каже,—дурню, дурню! Въ мене, каже, маты старая и то тебе пересміе. Найшовъ конячу голову, прививъ до нейи чортыка та й каже:—Сьмійся!—Скільки не сміявся той, а не мигъ пересміяты, що усе у одній мирси. Прийшовъ до батька, та й каже: Його маты стара, та й то я не мигъ пересміяты. Нажъ, каже, сюю голову, который выше выкыне?—Прынисъ чортокъ тую голову, та якъ кынувъ, то й не видно! А дали каже до Ивана: На, каже, кыдай!—Той узявъ у руки и насылу зъ мисця зворухне, та й дывыться на небо, а чортъ його пытае:—Чого ты дывешся на небо? Кыдай уже! Э, я, каже, дывлюся на небо, тамъ на неби мій братъ, я,—каже,—дывлюся, щобъ винъ ййи вловывъ!—Эй, каже, не кыдай, не кыдай, а то мени шкода буде.—На, каже, тоби дудочку! У нього така дудочка була... Той узявъ дудочку, а оддавъ булаву. Приходять той зновъ додому, а батько його й пытае:—А що, каже, хто выше выкынувъ? Винъ каже: Я кынувъ, то вона заразъ же упала, а винъ хотивъ кынуть на небо до свого брата, да я не давъ, а оддавъ йому свою дудочку.—На жъ, каже, несы йому мишокъ грошей, да хай тилькы не ловыть насъ.—Той прынисъ тыйи гроши та й каже: На гроши, да тилькы насъ не ловы.—Якъ тебе не ловыть? Колы занесешъ до моеиы дома, то тоди не буду ловыть. Каже: занесу, тилькы насъ не ловы вже.—Занисъ винъ йому тыйи гроши, поставывъ, а той каже: Теперь не буду вже тебе ловыть, иды. Той пишовъ, Иванъ на другой день гоныть соби товаръ пасты и бере съ собою дудку тую, шо чортъ давъ. Понайидавсь товаръ и полягавъ оддыхать, а Иванъ якъ загравъ на тую дудку, такъ увесь товаръ почавъ гулять.—Винъ радуется, шо товаръ такъ гуляе. Товаръ такъ повыгулявся, якъ наче усю недилю стоявъ голодный, такъ повытрувавсь. Прыгоныть у вечери товаръ додому, пипъ выйшовъ подывыться, чы понайидався товаръ. Каже: де ты його пасъ такъ, шо винъ такой голодный, наче весь день не йивъ! Я не знаю, чого винъ такой, я його пасъ увесь день. На другой день зновъ бере товаръ гоныть пасты. Товаръ понайидався и тилькы хотивъ лягать, а винъ зновъ давай гратъ на ту дудку.—Увечери прыгоныть додому, а товаръ ше хужый, якъ бувъ першаго дня. Пипъ выйшовъ, глянувъ на товаръ и ничего вже не сказавъ йому. На третій день гоныть той пасты, а пипъ каже:—Пиду подывлюсь, шо винъ йому робыть, шо товаръ такой худый. Товаръ пасеться, а пипъ

сивъ у терну. Тилько товаръ понайидався та хотивъ лягать, а той якъ загравъ! А товаръ давай пидскакувать: „гу, гу!“ Винъ побачивъ якъ пипъ полизъ у теренъ та вмысне гравъ, гравъ и не перестававъ до самого вечера. У попа обидралась уся одежда и винъ самъ обдерся объ теренъ; увечери приходить додому, а його попадя побачила да й пытае:—Що це, каже, тобі зробылося?—А се, каже, душко, у нашего Ивана е така хороша дудка. Я засивъ його пидглядить, якъ винъ товаръ пасе, а винъ якъ заграе на ту дудку, то увесь товаръ и я гулялы до самого вечера. Отъ, каже, скажы йому, нехай винъ тобі заграе, то ты послухаешь. Увійшовъ Иванъ у хату, а пипъ каже:—А ну, Иване, заграй-ка попади, нехай послухае, якъ ты граешь. А я вылизу на гору, а ты накрывъ мене соломьяныкомъ, шобъ я не чувъ, якъ ты гратымешь. Вылизъ пипъ на гору, винъ накрывъ тамъ його соломьяныкомъ. Увійшовъ Иванъ у хату; попадя дижу мисыла,—якъ загравъ! А попадя якъ ухватить дижу, да й пишла зъ дижею гулять, а пипъ якъ схватиться. да вхвате соломьяныкъ та давай и соби гулять! Гулявъ, гулявъ, а дали якъ полетыть зъ горы разомъ съ соломьяныкомъ.—Нехай, каже, тебе чортъ визьме съ твоею дудкою! Трохи, каже, не вбывся! ¹⁾

Въ сборникѣ малорусскихъ сказокъ Мошинской въ Zbiór wiadomości подъ №№ 32—33 находятся двѣ сказки о поповомъ наймитѣ. Въ одной сказкѣ поставлено условіемъ, что если хозяинъ разсердится, то работникъ урѣзываетъ у него носъ и получаетъ сто рублей. Наймитъ убиваетъ волвъ, собаку, дѣтей попа; попъ и попадя бѣжали; работникъ спрятался къ нимъ въ мѣшокъ и на пути утопилъ попадю. Тогда попъ разсердился, и былъ за то наказанъ по договору. Другая сказка, весьма сходная, болѣе грубая.

Весьма сходныя сказки галицко-русская про сына медвѣдицы въ IV т. Rokucie Кольберга № 35, болгарскія—почти тожественныя съ великорусскими и малорусскими въ Сборн. Шапкарева № 95 и въ Сборн. за нар. умотв. № VII 179, польскія въ Wisla 1892 II 312, 313, въ сборн. Хелховскаго № 5, Kolberg Lud XIV 116, 220, XV 225 и друг. Сходныя еще сказки великорусская и кабардинская, обѣ записанныя на Кавказѣ, изд. въ Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII отд. 2, стр. 123, XV, II 95.

Въ „Contes populaires“ Коскена подъ №№ 14, 36, 46 и 69 собранъ рядъ сходныхъ французскихъ сказокъ этого рода и указано много литературныхъ ихъ варіантовъ у другихъ народовъ. Въ одной лотарингской сказкѣ о сынѣ дьявола говорится, что бездѣтный крестьянинъ за то, что чертъ далъ ему двухъ сыновей, одного изъ нихъ отдалъ черту. Мальчикъ

¹⁾ Гринченко, II 71.

выросъ и сталъ силачомъ. Чертъ прогналъ его. Уходя, силачъ захватилъ черные штаны дьявола, изъ кармановъ которыхъ всегда могъ извлекать деньги. Силачъ возвратился къ отцу. Когда онъ ударилъ кнутомъ въ полѣ лошадь, то перебилъ ее пополамъ, и затѣмъ принесъ на себѣ плугъ. На сельской вечеринкѣ одинъ парень надъ нимъ выкинулъ злую шутку, и былъ убитъ за то однимъ ударомъ со всѣми танцорами. Приѣхало 25 жандармовъ, чтобы его арестовать, но онъ однимъ ударомъ убилъ 24, а 25-ый бѣжалъ. Далѣе силачъ поступаетъ въ солдаты. Онъ принесъ въ лагерь на плечахъ 3 быковъ, потомъ 3 бочки вина, потомъ тяжелую пушку. И хотя онъ долженъ былъ служить 8 лѣтъ, полковникъ, опасаясь его силы, отпустилъ его чрезъ 8 дней. Силачъ нанимается у крестьянина въ работники за кулъ жита въ концѣ года, какой подниметъ. Силачъ вспахиваетъ самъ поле и приноситъ лошадь въ карманъ, на другой день разгоняетъ на мельницѣ 12 чертей, перемалываетъ муку и самую мельницу переноситъ къ дому своего хозяина. На третій день силачъ работалъ въ глубокой каменоломнѣ и выбрасывалъ такіе куски, что они проваливали крыши домовъ. Крестьянинъ, чтобы избавиться отъ силача, посылаетъ его къ своему брату, смотрителю тюрьмы, и здѣсь его заковываютъ. Но силачъ рветъ цѣпи и переноситъ тюрьму къ дому своего хозяина, чтобы братья могли чаще видѣться. Крестьянинъ и жена его стали плакать изъ опасенія, что силачъ заберетъ у нихъ весь хлѣбъ; но силачъ великодушно ничего не взялъ и даже помогъ имъ деньгами.

Въ вариантѣ этой сказки молодецъ до 18 лѣтъ не вставалъ съ постели (мотивъ объ Ильѣ Муромцѣ сиднѣ); но затѣмъ отецъ потребовалъ, чтобы онъ работалъ, и Бенедиктъ—такъ звали силача—нанялся въ работники съ условіемъ не будить его ранѣе 5 часовъ утра и давать ему вволю ѣсть. Б. притаскиваетъ изъ лѣсу огромныя деревья, приноситъ лошадей, убиваетъ на мельницѣ дьявола. Хозяинъ отправилъ силача къ сыну офицеру, и когда послѣдній хотѣлъ его застрѣлить, то силачъ пули и ядра принималъ за мухъ—такъ мало они ему вредили. Силача спустили на работу въ глубокий колодезь, и потомъ бросили на него мельничный жерновъ и тяжелый колоколь; но Б. благополучно вышелъ изъ колодца, причемъ камень сидѣлъ у него на плечахъ, какъ ожерелье, а колоколь онъ надѣлъ на голову, какъ шапку. Между тѣмъ срокъ найма кончился, и сколько ни сносили хлѣба, силачъ говорилъ, что мало, поднималъ мизинцемъ или двумя пальцами, но въ концѣ концовъ удовлетворился и возвратился къ родителямъ.

Въ вариантѣ сказки силачъ работниковъ прогоняетъ изъ лѣсу волковъ, приноситъ на себѣ сажни дровъ, беретъ съ чертей долгъ и выигрываетъ въ кегли еще сотню еку (№ 69).

Къ этимъ лотарингскимъ сказкамъ по содержанію примыкаетъ также записанная въ Лотарингіи сказка о двухъ братьяхъ Иванѣ и Петрѣ. Договоръ сто еку, если не разсердится, въ противномъ случаѣ порѣзъ жилъ и удаленіе. Первымъ нанялся Петръ, но вскорѣ поссорился съ хозяиномъ и былъ изуродованъ. Братъ его Иванъ нанимается на его мѣсто, продаетъ хозяйскихъ лошадей, повозку, хлѣбъ. Хозяинъ посылаетъ его къ людоеду лѣшему. Послѣдній устраиваетъ ужинъ. Иванъ прячетъ на животѣ мѣшокъ, потомъ разрѣзаетъ его и какъ-бы вторично пользуется пищей. Лѣшій проситъ разрѣзать у него животъ и погибаетъ. Далѣе Иванъ, когда пастъ свиней, отрѣзалъ у нихъ хвосты, затѣмъ всѣхъ свиней продалъ, а хвосты повтыкалъ въ болото и сказалъ хозяину, что свиньи загрузли. Хозяинъ посылаетъ Ивана пасти его гусей. Иванъ продалъ нѣсколько птицъ. Хозяйка прячется въ кустахъ, чтобы подсмотрѣть, какъ Иванъ далѣе будетъ пасти гусей; но Иванъ взялъ у хозяина ружье и застрѣлилъ хозяйку, подъ предлогомъ, что этотъ звѣрь поѣдалъ гусей. Тогда хозяинъ разсердился и былъ за то такъ же жестоко наказанъ, какъ онъ наказалъ Петра, по договору.

Мотивъ: ребенокъ, по обѣщанію, отданъ черту или колдуну, разобранъ въ I т. „Contes pop.“ Коскена на стр. 164, 139—140. Отецъ долженъ, по соглашенію, отдать сына черту въ греческой и венеціанской сказкахъ, колдуну—въ сказкахъ нѣмецкой (изъ Тироля), италіанской (Абруццы), греческой, албанской, малорусской, португальской (изъ Бразиліи), чешской, верхне-бретонской. Любопытно, что отдача демону ребенка найдена въ одной сказкѣ африканскаго племени свагили на Занзибарѣ и въ нѣсколькихъ индійскихъ сказкахъ (см. Коскена стр. 164).

Мотивъ о штанахъ, въ карманахъ которыхъ всегда можно найти деньги, отмѣченъ Коскеномъ въ немного измѣненномъ видѣ въ сказкахъ чешской и вестфальской.

Мотивъ о сиднѣ найденъ Коскеномъ въ другой французской сказкѣ (Montiers-sur-Saulx) и въ одной бретонской (у Sebillot № 26). Мотивъ этотъ встрѣчался мнѣ еще въ польскихъ сказкахъ (Chelchowski № 17), въ южнославянскомъ эпосѣ (у г. Халанскаго) и др. Можетъ быть и былевой мотивъ объ Ильѣ сиднѣ нужно отнести къ этому разряду сказокъ. На религіозные легендарные варианты были указанія въ печати.

Съ сказкой о Бенедиктѣ, по свидѣтельству Коскена, сходны многія нѣмецкія сказки, датская, норвежская, лужицкая, румынская, чешская, италіанская, португальская (стр. 110). Въ румынской и лужицкой сказкахъ силачъ становится въ работники за условіе дать хозяину щелчокъ въ концѣ года.

Частный мотивъ о мельницѣ съ чертами отмѣченъ въ румынской, померанской, вестфальской, тирольской, фламандской и ютландской сказкахъ.

Почти во всѣхъ этихъ вариантахъ встрѣчается мотивъ о колодцѣ и о жерновомъ камнѣ въ видѣ ожерелья.

Разсказъ о томъ, какъ силачъ пущенныя въ него пули и ядра принималъ за надоедливыхъ мухъ, повторяется въ швейцарской, итальянской и норвежской сказкахъ.

Разсказы о рубкѣ лѣса входятъ иногда, какъ составная часть, въ сказки объ Иванѣ Медвѣдкѣ и др. т. п. (подроб. у Коскена подъ № 1). Въ эти сказки, между прочимъ, входитъ мотивъ, какъ силачъ прогналъ волковъ. Мотивъ этотъ встрѣчается въ одной баскской сказкѣ (изд. въ „Melusine“ 1877), въ русскихъ, въ финской (въ Калевалѣ). Въ сказкахъ о Медвѣдкѣ встрѣчается также мотивъ, какъ силачъ набралъ у дьявола денегъ (сказки аварская, фламандская, норвежская, датская).

Въ видѣ отдѣльныхъ сказокъ часто встрѣчается мотивъ—обманъ великана путемъ хитрости или уловки, безъ элемента силы со стороны человека. Напр., въ спорѣ, кто кого обгонитъ или объѣстъ, притворное вскрытіе желудка; въ спорѣ, кто броситъ выше молотъ, сначала высоко бросаетъ великанъ, затѣмъ его партнеръ говоритъ, что онъ можетъ забросить молотъ въ море, или онъ высматриваетъ звѣзду, которую собьетъ, или облако, чтобы на него забросить молотъ; такъ какъ великану не хочется потерять молотъ, то онъ уступаетъ. Сказки на эту тему у Коскена собраны подъ №№ 25, 36, (II, 51—52), 69 (II, 269).

Сказки на тему о наймѣ силача работника за безцѣнокъ—у Коскена—нѣсколько французскихъ, испанская, нѣсколько итальянскихъ и нѣмецкихъ, литовская, моравская, румынская, греческая, ирландская, шотландская, датская, норвежская, татарская, авганская и нѣсколько индійскихъ. Всѣ эти сказки очень сходны и вмѣстѣ съ Пушкинскимъ Балдой составляютъ одну литературную семью.

Почти во всѣхъ вариантахъ условіемъ для обѣихъ сторонъ служить воздержаніе отъ гнѣва, изрѣдка (сказки шотландская и греческая) воздержаніе отъ сожалѣнія о потерянныхъ вещахъ; въ одной сказкѣ (баскской) слуга долженъ исполнять всѣ приказанія хозяина.

Наказаніемъ служить въ большинствѣ вариантовъ вырѣзываніе полосы кожи отъ головы до пятъ, иногда потеря носа, уха или обѣихъ ушей.

Въ большинствѣ вариантовъ рѣчь идетъ о двухъ братьяхъ, поступающихъ послѣдовательно въ работники къ одному хозяину, иногда о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ два старшихъ страдаютъ, иногда безъ родственной амплификаціи.

Мотивъ о воткнутыхъ въ болото хвостахъ встрѣчается и въ другихъ сказкахъ,—объ искусныхъ ворахъ. Мотивъ этотъ весьма распространенъ. Коскенъ нашелъ его (II, стр. 50) въ сказкахъ французскихъ, баскскихъ,

корсиканской, нѣмецкой, норвежской, италянскихъ, португальской, исландской, русской.

Мотивъ объ убійствѣ жены встрѣчается въ сказкахъ многихъ европейскихъ народовъ, иногда въ такой формѣ, что жена, зная, что работникъ нанятъ до весны, до первой кукушки, чтобы избавиться отъ него, влѣзаетъ на дерево и кукуетъ. Работникъ въ нее стрѣляетъ (Коскенъ II, 52).

II.

Услужливый глупецъ.

Мотивъ объ услужливомъ глупцѣ—человѣкѣ или медвѣдѣ—представляетъ древнюю индійскую басню, проникшую издавна въ Европу и здѣсь разбившуюся на множество вариантовъ, въ обработкѣ литературной и устной народной, въ формѣ сказокъ, анекдотовъ, басенъ, моральныхъ сентенцій.

Недавно записана слѣдующая малорусская сказка: Бувъ соби чоловикъ и жинка. Вони жили бидно, було у нихъ трое дитей маленькихъ. Чоловикъ державъ шынокъ. Отъ одынъ разъ пойхавъ винъ по горилку однымъ бочонкомъ, взявъ съ собою макогинъ, другой оставивъ дома жинци. Ийде винъ до дому уже зъ горилкою, якъ де ны взялась птычка и сила на бочонкови. Винъ йи прогнавъ, а вона и другой разъ сила. Тоди винъ россердывся и кынувъ на неи макогономъ. Птычка полетела, бо винъ йи не попавъ, а боченокъ розбивъ зовсимъ, такъ шо вся горилка вытекла. Тоди другой разъ птычка сила у конякы на голови, винъ якъ попудыть макогономъ на неи, но не попавъ по ий, а въ коняку по голови та й убывъ коняку. Тоди винъ пишовъ додому пишкы и росказуе жинци, шо зъ нимъ случилось, а жинка ему стала росказувать про свою биду: „отъ-се якъ разъ и тоби беда, а мени ще гирше: незабаромъ якъ ты мавъ прыйихать, де-сь взялась птычка. сила на вики, а потимъ и въ хату влетела и сила дытны на голову, и здуру кынула макогономъ на неи и убыва дытну; вона сила другой дытны на голову, я погорячилась и те убыва макогономъ; такъ и трете; тоди птычка полетела соби“. Чоловикъ и каже жинци: „якъ прылтыть вона ще, ты йи пймай, зарижъ, жжаръ и я ззимъ“. Тилькы шо винъ це сказавъ, якъ вона й прылитае, а жинка пймала йи, заризала, жжарыла и чоловикъ изъивъ йи якъ разъ въ недилю передъ службою; найився та й пишовъ до церкви; та такъ молицця, бѣе поклоны; якъ нагнепця, ударыть поклонъ, а зъ нимъ и беда: шо-сь въ середини отрывается; люде сміющы кругомъ и поотходылы одъ его. Прышовъ винъ до дому та й росказуе жинци, якъ всё было въ церкви и каже йи тоди: „я

стану ракомъ, а ты бый мене въ задъ, може якъ нибудь ѳи выбьешь видить“, Взяла жинка той самый макогонъ, была его, была, не може ны якъ вы- быть. Тоди чоловікъ каже: „бий ще спереду, по голови“? Вона якъ трах- не, чоловікъ и вывырнувся и очи нидъ лобъ пустывъ. Вона думала, що винъ встане, може, колы бачыть—лежыть та ѳ годи. Тоди вона уже дога- далась, шо вбыла чоловіка, поховала ёго та ѳ стала жить ще въ гиршій биди, якъ впередъ ¹⁾).

Въ болгарской сказкѣ три стеблевца братья стерегутъ въ полѣ посѣян- ную соль. Въ это время на лобъ одного брата сѣлъ „будаче“ (комаръ). Братья подумали, что это насѣкомое уничтожаетъ соль, выстрѣлили въ него изъ ружья и убили брата. Убитый упалъ съ открытымъ ртомъ; братъ убійца сказалъ ему: „чего смѣешься, вѣдь это я убилъ будаче“. Въ вари- антѣ стеблевцы взобрались на дерево во время тумана, приняли его за волны и бросились внизъ, при чемъ выскалившихъ зубы принимали за смѣющихся ²⁾).

Къ малорусской сказкѣ весьма близко подходитъ слѣд. исландская сказ- ка: баба сѣла цѣлую блюдечку масла и сказала мужу, что то муха сѣла. Мужъ сталъ гоняться за мухой съ большимъ молотомъ и хотѣлъ разбить ее въ дребезги. Онъ поразбивалъ посуду и мебель, но мухи не убилъ. Въ усталости онъ присѣлъ, и муха въ это время сѣла ему на носъ. Тогда мужъ крикнулъ женѣ, чтобы она поспѣшила убить ее, пока она на носу. Жена ударила такъ усердно молотомъ, что убила мужа, а муха все таки улетѣла ³⁾).

Среди многочисленныхъ анекдотовъ о сицилійскомъ дуракѣ Джуффѣ извѣстенъ такой: Джуфа пожаловался судѣ на беспокоящихъ его мухъ. Судья предоставилъ ему право убивать ихъ, гдѣ бы онъ ихъ ни увидѣлъ. Случилось, что какъ разъ въ это время муха сѣла судѣ на носъ, и Джу- фа такъ трахнулъ ее кулакомъ, что разбилъ носъ судьи ⁴⁾).

Въ одной джатакѣ дѣлушка невольница толкла рисъ, когда пришла къ ней мать. Мухи летали и кусали мать, и она просила дочь отогнать ихъ. Дочка въ усердіи ударила толкачомъ по мухамъ, сидѣвшимъ на матери, и убила ее.

Въ другой джатакѣ (исторіи о рожденіи Будды) разсказано слѣдующее: Одинъ человѣкъ рубилъ упавшее дерево. Москитъ сѣлъ на его лысину и сильно укусилъ. Мужикъ попросилъ сына убить москита. Сынъ постарался такъ трахнуть по немъ топоромъ, что повалилъ отца ⁵⁾).

¹⁾ *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 164.

²⁾ *Шанкаревъ*, VIII, № 17—18.

³⁾ *Clouston*, I, 56.

⁴⁾ *Clouston*, 164—165.

⁵⁾ *Clouston*, The book of noodles, 165.

Въ Панчатантрѣ князь приказалъ своей комнатной обезьянѣ оберегать его, пока онъ будетъ спать въ саду въ бесѣдкѣ. Пчела все садилась на лицо спящаго князя. Обезьяна долгое время старалась отогнать ее, но все напрасно; тогда она въ гнѣвѣ схватила его мечъ, ударила имъ по пчелѣ и однимъ ударомъ разрубила голову князя.

Эта сказка повторяется въ персидскомъ переводѣ басенъ Бидпая Эн-вари—Согейли.

Эти басни являются прародителями европейскихъ басенъ и анекдотовъ объ услужливомъ медвѣдѣ и знаменитой литературной обработки—басни Крылова „Пустынникъ и медвѣдь“.

III.

Глупый воръ.

Наряду съ сказками объ умномъ или правильнѣе хитромъ ворѣ, составляющими громадный циклъ, съ знаменитой геродотовской сказкой о похищеніи сокровища царя Рампсинита во главѣ—наряду съ этими сказками, выходящими по темѣ за предѣлы настоящаго изслѣдованія, встрѣчаются сказки и анекдоты о глупомъ и добродушномъ ворѣ. Анекдоты этого рода малочисленны. Таковы слѣд. анекдоты индійскихъ сингалезовъ на тему объ участіи дурня въ шайкѣ воровъ: Воры ночью пробили въ домѣ отверстіе въ стѣнѣ и послали дурня похитить самую тяжелую вещь. Воръ хотѣлъ унести жерновный камень, но, не будучи въ состояніи сдвинуть его, разбудил хозяина, чтобы онъ помогъ. Хозяинъ поднялъ крикъ; но воры, въ томъ числѣ и дурень, убѣжали.

Въ другой разъ глупый воръ видитъ въ домѣ старушку, задремавшую съ открытымъ ртомъ, во время приготовленія гороха. Дурень поджарилъ горохъ, который оказался вкуснымъ; кушанья было много; чтобы не обидѣть старухи и не разбудить ее, онъ осторожно положилъ ей въ открытый ротъ ложку гороха. Старуха подняла шумъ, и воры бѣжали ¹⁾.

LIII.

Глупецъ разыскивающий медъ у осъ или шмелей.

Въ малорусской сказкѣ къ пасѣчнику пришелъ цыганъ и сталъ выдавать себя за знахаря. Мужикъ поручилъ цыгану заговорить на дубу шмелей и принять лѣстницу. Напрасно кричалъ ему цыганъ, забывшій названіе лѣстницы: „кумъ! кумъ! подай то суковатое“! Шмели его кусали, и онъ упалъ съ дерева ²⁾.

¹⁾ Clouston, 141—143.

²⁾ Nowosielski, Lud ukr. II, 213.

Въ близкомъ малор. вариантѣ цыганъ надоѣлъ пасѣчнику частымъ выпрашиваніемъ для его крестника меда. Пасѣчникъ послалъ его самого достать медъ, по направилъ къ гнѣзду шмелей. Цыганъ былъ покусанъ и повѣрилъ мужику, что „медъ солодкій, да дерты его гирко“ ¹⁾).

LIV.

Бобъ (или дубъ) до неба.

Сказка о бобахъ до неба весьма распространена. Коскенъ указалъ много вариантовъ въ 2 т. „Contes popul. de Lorraine“ стр. 168—174; но въ большинствѣ вариантовъ нѣтъ глупостей, а лишь сочетаніе нѣсколькихъ чудесныхъ предметовъ, весьма обычныхъ въ сказочной литературѣ — скатерти самобранки и кія самобоя. Матеріалы, данные Коскеномъ, почти совсѣмъ выходятъ изъ предѣловъ мотивовъ о глупости. Есть однако варианты, не отмѣченные Коскеномъ, которые указываютъ на то обстоятельство, что и сказки на мотивъ о бобахъ до неба втннуты мѣстами въ громадный циклъ сказокъ о дурняхъ или сливаются съ нисенитницами.

Г. Франко въ примѣчаніи къ переводу предисловія Клоустона, сдѣланному г. Крымскимъ, указываетъ на слѣд. сказку: Дѣдъ и баба посадили на печи бобъ, который выросъ до неба, и по немъ старики слѣзли на небо. Богъ спрашиваетъ, что имъ дать: божью милость или миску крупъ? Дѣдъ хотѣлъ попросить милости, но баба толкнула его подъ бокъ, чтобъ онъ замолчалъ и попросила миску крупъ. Спустившись на землю баба начала варить одну кручину въ двухъ горшкахъ, а когда вылила варево въ миску, то кручина упала на столъ и ее съѣла муха. Баба позвала тогда дѣда, чтобъ онъ убилъ муху, и дѣдъ гонялся за мухой съ макогономъ и поразбивалъ всю посуду, и когда муха съѣла на лобъ бабы, то онъ такъ ударилъ, что баба тутъ же вытянула ноги

Въ этотъ вариантъ къ мотиву о бобахъ приросъ мотивъ объ услужливомъ глупцѣ, разобранный уже нами выше. Чаше въ малорусскихъ сказкахъ обнаруживается сочетаніе мотива о бобахъ съ мотивомъ промѣна предметовъ съ пониженіемъ, о чемъ будетъ рѣчь въ ближайшей главѣ. Такъ, въ одной сказкѣ курица приносить горошинку; дѣдъ, по настоянію своей жены, посадилъ ее подъ полomъ въ хатѣ. Горошинка начала расти, и дѣдъ, по настоянію жены, снимаетъ послѣдовательно полъ, потолокъ, крышу, даже тучу. Горошинка поднялась къ небу. Дѣдъ поднимается къ Богу, получаетъ въ даръ золотые лапти. Затѣмъ развивается сказка на мотивъ о промѣнѣ.

¹⁾ Чубинскій, II, 584.

Одна малорусская сказка „про пивныка“ тождественна съ предыдущей и кончается на золотыхъ лаптяхъ, безъ промѣна ¹⁾). Это простѣйшая, самостоятельная форма мотива.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказка о бобахъ перешла къ нисенитниці. Въ одной краткой нисенитницѣ на эту тему на небо лѣзутъ дѣдъ, баба, внучка, собака и котъ и потомъ всѣ одинъ за другимъ срываются, и котъ ихъ уноситъ ²⁾).

По величинѣ и своеобразному расположенію мотивовъ выдается другая нисенитница. Въ началѣ находится мотивъ о промѣнѣ, затѣмъ изъ желудка поднялся дубъ до неба и баба съ дѣдомъ слѣзли на небо. Здѣсь они находятъ яблоню съ золотыми и серебряными яблочками, печь изъ сыру, трубу изъ масла; баба вездѣ пробуетъ, и ап. Петръ прогоняетъ ихъ съ неба. Баба упала, голова отскочила и позолотилась. Голова оказывается говорящей; далѣе идутъ разныя ея авантюры ³⁾).

Сказки о томъ, какъ дѣдъ и баба взобрались на небо встрѣчаются у великоруссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ въ сходныхъ вариантахъ.

Любопытно, напр., сходство великорусской сказки, записанной на Кавказѣ ⁴⁾), и польской изъ окрестностей Прасныша ⁵⁾). Въ обѣихъ сказкахъ, преимущественно въ русской, замѣтно вліяніе легенды о грѣшной матери. Обѣ сказки, въ особенности польская, сбиваются на нисенитницу. Въ русской сказкѣ дѣдъ взобрался на небо, а баба по нетерпѣнію и болтливости не имѣла успѣха и сорвалась. Дѣдъ говоритъ о покойныхъ родителяхъ, которыхъ онъ видѣлъ на небѣ и свою удачу объясняетъ тѣмъ, что давалъ милостыню. Въ польской сказкѣ слуга рассказываетъ пану о томъ, какъ онъ по бобу взобрался на небо, далѣе нанизываетъ разныя нелѣпости; панъ все говоритъ: „правда“; но когда слуга сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ дѣдъ панскій пасъ свиней, то панъ сказалъ: „неправда“, и долженъ былъ за то заплатить 100 рублей ⁶⁾).

Весьма цѣнный по древности вариантъ сказки о бобахъ до неба находится въ индійскомъ сборникѣ повѣстей XI в. *Katha Sarit Sagara*, составленномъ по болѣе древнему (VI в.) сборнику *Vrihat Katha*: Въ одномъ монастырѣ было много глупцовъ, но въ особенности отличался глупостью начальникъ монастыря. Нѣсколько разъ онъ замѣчалъ, что берегъ ближайшаго озера былъ сильно взрытъ. Онъ выждалъ и увидѣлъ, какъ съ неба

¹⁾ *Ястребовъ*, 176—177.

²⁾ *Чубинскій*, II, 97.

³⁾ *Драгомановъ*, Малор. нар. пред. 366.

⁴⁾ *Манжура*, 88.

⁵⁾ *Сборн. матер. для изуч. Кавк.* XV, 135.

⁶⁾ *Chelchowski* I, № 6.

спустился быкъ и какъ онъ взрылъ берегъ своими рогами. Онъ ухватился за хвостъ быка и былъ немедленно поднять быкомъ въ рай, на гору Кайласу въ Гималаяхъ, гдѣ жилъ самъ Сива. Здѣсь глупецъ прожилъ нѣкоторое время среди наслажденій, вкушая разныя сладости. Пожелавъ побывать на землѣ, онъ на томъ же быкѣ спустился внизъ. Товарищи радостно его встрѣтили, и когда онъ разсказалъ имъ, какъ пріятно проводилъ онъ время на небѣ, стали просить взять ихъ туда. Глупецъ былъ человѣкъ добрый. Онъ согласился. Пошли они всѣ къ пруду, выждали появленія быка, и бывшій на небѣ схватилъ его за хвостъ, одинъ изъ его друзей прицѣпился къ его ногамъ, за ноги послѣдняго взялся третій и т. д. длинною цѣпью. Быкъ быстро понесъ ихъ на небо. Невдалекѣ отъ рая одинъ изъ глупцовъ спросилъ передоваго, какъ велики были конфеты, которыя онъ ѣлъ въ раю; передній хотѣлъ руками показать, какъ онѣ были велики, выпустилъ хвостъ, и вся низка глупцовъ грохнулась о землю и погибла ¹⁾).

Въ индійской сказкѣ глупецъ, ложно понявъ указанный ему путь, взобрался на дерево на берегу рѣки и не могъ спуститься. Вскорѣ онъ замѣтилъ подъ собой слона и на его спинѣ погонщика. Онъ попросилъ погонщика снять его съ дерева, и когда послѣдній взялъ его за ноги, слонъ прошелъ далѣе, и погонщикъ повисъ. „Пойте, чтобы насъ замѣтили и сняли“, сказалъ глупецъ, и погонщикъ сталъ пѣть и пѣлъ такъ хорошо, что глупецъ захопалъ въ знакъ одобренія, сорвался съ дерева и вмѣстѣ съ погонщикомъ утонулъ. Въ одной буддійской легендѣ (джатакѣ) два гуся, перелетая въ другую страну, взяли съ собой своего пріятеля—черепаху; они держали палку по концамъ въ клювѣ, а за середину палки держалась черепаха. Когда гуси летѣли надъ Бенаресомъ, то народъ закричалъ отъ удивленія, и черепаха, желая выманить толпу, открыла ротъ, сорвалась и разбилась въдребезги. Эта басня встрѣчается въ Аваданахъ, въ басняхъ Бидпая, въ Katha Sarit Sagara ²⁾).

LV.

Промѣнъ съ пониженіемъ предметовъ

(и промѣнъ съ повышеніемъ предметовъ).

Недавно записана слѣдующая малорусская сказка: Бувъ соби дидъ и баба, и малы воны соби пивныка и курочку. Пивныкъ и курочка пишлы на смитныкъ громадыця, выгрибли горошинку, прынесли до дому, а баба навязала до диды: посадки горошинку пидъ поломъ! Та горошинка выросла

¹⁾ Clouston, 49—51.

²⁾ Clouston, The book of noodles 51—53.

ажъ пидъ пилъ, а баба дидови и каже: пріймай, диду, пилъ! Прійнявъ дидъ пилъ. Горошинка росте та й росте, выросла ажъ пидъ стелю, а баба опьять каже дидови: пріймай, диду, стелю! Прійнявъ дидъ стелю. Горошинка росте та й росте, ажъ пидъ крышу. Баба дидови и каже: пріймай, диду, крышу! Прійнявъ дидъ крышу. Горошинка росте та й росте, ажъ пидъ хмару выросла. Баба й каже дидови: пріймай, диду, и хмару! Прійнявъ дидъ й хмару. Горошинка росте та й росте, выросла ажъ до неба. Баба дидови и каже: лизъ, диду, до Бога, а що тоби Богъ дасть, ны давай ны кому, якъ итымешъ назадъ! Дидъ полизъ до Бога, Богъ ему й давъ золоти постолы а срибны волока. Иде дидъ назадъ, пасуть пастухи волы. „Здоровъ, диду“!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ“?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ“?—Золоты постолы а срибны волоки!—„Проминяй намъ, диду, на вола“! Дидъ проминявъ, взявъ дидъ вола и пишовъ зъ воломъ. Иде та иде, пасуть пастухи коровы. „Здоровъ, диду“!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ“?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ“?—Золоты постолы а срибны волоки.—„Де жъ ти постолы“?—Проминявъ на вола.—„Де жъ той вилъ“?—А ось!—„Проминяй намъ, диду, за корову“!—Давайте, хлопци!—Взявъ дидъ корову, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы телята. „Здоровъ, диду“!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ“?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ“?—Золоты постолы а срибны волоки! „Де жъ ти постолы“?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ“?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова“?—А ось!—„Проминяй намъ, диду, на теля“!—Взявъ дидъ теля, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухи свыни. „Здоровъ, диду“!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ“?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ“?—Золоты постолы а срибны волоки!—„Де жъ ти постолы“?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ“?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова“?—Проминявъ на теля!—„Де жъ то теля“?—А ось.—„Проминяй намъ за свыню“! Взявъ дидъ свыню, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухи гуся. „Здоровъ, диду“!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ“?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ“?—Золоты постолы а серебряны волоки!—„Де жъ ти постолы“?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ“?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова“?—Проминявъ на теля!—„Де жъ те теля“?—Проминявъ на свыню!—„Де жъ та свыня“?—А ось!—„Проминяй намъ за гуся“! Взявъ дидъ гуся, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы качкы. „Здоровъ, диду“!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ“?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ“?—Золоты постолы а срибны волоки!—„Де жъ ти постолы“?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ“?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова“?—Проминявъ на теля.—„Де жъ те теля“!—Проминявъ на свыню!—„Де жъ та свыня“?—Проминявъ на гуся!—„Де жъ той гусь“? А ось!—„Проминяй намъ, диду, на качку“! Взявъ дидъ качку, пишовъ ажъ

о бабы. „Здорова, бабо!“—Ну, шо жъ тоби, диду, Богъ давъ?—„Золоты остолы а срибны волокы!“—Де жъ ти постолы?—„Проминявъ на вола!“—Де жъ той виль?—„Проминявъ на корову!“—Де жъ та корова?—„Проминявъ на теля!“—Де жъ те теля?—„Проминявъ на свыню!“—Де жъ та свыня?—„Проминявъ на гуся!“—Де жъ той гусь?—„Проминявъ на качку!“—Де жъ та качка?—„А ось, я тоби прынисъ!“ И стали вони хозяйнувать. Улы у ихъ пивныкъ и курочка и третя качечка. Звались вони хозяинами а всю слободу. Отъ вамъ казка, а мини бублыкивъ вязка ¹⁾).

Въ малор. сказкѣ „Калыточка“ (Екатеринослав. губ.): Бувъ соби чоловикъ та жинка и була у нихъ пара воливъ, а у йихъ сусиды—визъ. Отто къ прыйде недиля, або празныкъ, то хто небудь бере воливъ и воза тай иде чы до церкви, чы у гости, а на другу недилю—другый, та такъ и юдилилясь. Отъ жинка того чоловика, чыйи волы, разъ ёму и каже: „поеды волы та продай, справымо соби коня та повозку, будемо самы що едили до церкви та до родычивъ йиздыты. Та ще, бачъ, сусида свого воза не годуе, а намъ воливъ треба годуваты“. Чоловикъ налыгавъ волы и поивъ. Веде дорогою, ажъ ось доганя ёго чоловикъ конемъ. „Доровъ!“—Доровъ. „А куды це волы ведешъ?“—Продавать. „Проминяй мени на коня“.—Давай. (Далѣ онъ промѣниваетъ коня на корову, корову на свинью, на вівцю, на гуску, на пивня, и наконецъ послѣдняго на калыточку, да и тутъ дасть за перевозъ).—А тамъ та стояла валка чумакивъ. Якъ роспыталы къ вони ёго, за шо винъ выминявъ калыточку, сміютьця зъ ёго. „Шо тоби, кажуть, жинка за це зробе“.—Ажъ ничего! Скаже: слава Богу, шо хочъ самъ живой вернувся. Тай побылысь объ закладъ: колы скаже жинка такъ, то чумаки оддадутъ ёму дванадцять мажъ хуры и зъ батыжками. Заразъ обибралы одного зъ себе и послали до ёго бабы. Отъ той прыкоде. „Доровы“.—Доровъ! „А ты не чула про свого старого?“—Ни не чула. „Винъ волы на коня проминявъ“.—Отъ добре, возыкъ недорого стоить, якъ небудь зберемось. „Тай коня проминявъ на корову“. Це ще й краще, буде у насъ молоко. „Тай корову проминявъ на свыню“.—И то добре, будутъ у насъ поросятка, а то, чы заговляты, чы розгивлятьця, все треба купыть. Тай свыню проминявъ на вивцю“.—И се добре, будутъ ягнятка та вивчочка, буде шо мени у Спасивку прясты. „Тай вивцю проминявъ на гуску“.—И се добре, будутъ у насъ крашаночки та пирья. „Тай гуску проминявъ на пивня“.—О, це ще краще, пивень раненько спиватыме, та насъ до работы будытеме. „Тай пивня проминявъ на калыточку“.—И се добре, будемо, де хто заробе, чы винъ, чы я, чы диты, въ калыточку складаты. „Та винъ и калыточку за перевизъ отдавъ“.—Ну шо жъ, слава

¹⁾ *Ястребовъ*, Матер. по этногр., 176.

Богу, шо хочь самъ живой вернись.—Такъ симъ чумакамъ ничого робыты, отдады ёму дванадцатеро мажъ ¹⁾).

Въ другомъ тожественномъ варіантѣ промѣнъ начинается съ воза и кончается кошелькомъ. Чумаки проигрываютъ пару воловъ и возъ съ солью ²⁾).

Въ весьма близкой малорусской сказкѣ, записанной М. А. Максимовичемъ, старикъ взбирается на небо и получаетъ отъ Бога „золоти постольци, серебряны волока“, которыя промѣниваетъ постепенно на коня, вола, барана, кабана, шило, иголку. „Тоби, старенька, говоритъ старикъ женѣ, хотивъ гостыня принести, та ставъ лизты черезъ тынъ, та и загубивъ“. Старуха рада возвращенію мужа, обнялись, поцѣловались и пошли въ хату ³⁾).

Въ краткомъ разсказѣ „Коваль“: Бувъ собы коваль такій мудрый, шо взявся лемиши чоловікови скуваты, та богато зализа зопсувавъ, перепалывъ, бо не вшивъ робыты. Тоди й каже чоловікови: Ни, чоловіче, скую тоби сокиру.—Та чы сокиру, то й сокиру. Кые, кые коваль, не йде дило.—Ни, каже, не сокиру, а серпъ. Кувавъ, кувавъ серпъ, а дали каже: Хай уже швайку! Покувавъ ще.—Краще я тоби „пшикъ“ зроблю. Та роспикъ шматочекъ того зализця, шо одъ лемишивъ зостався та въ воду, а воно—пшъ!—Отъ тоби, каже, й пшыкъ! Въ основѣ этого разсказа лежитъ тотъ же мотивъ о мѣнахъ съ пониженіемъ предметовъ, но обработанъ онъ совсѣмъ иначе ⁴⁾).

Существуетъ много великорусскихъ сказокъ о мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ. Въ одной сказкѣ мужъ мѣняетъ золотую тарелку, полученную отъ царя, на коня, коня на корову, далѣе на свинью, овцу, гуся, утку, палку, и жена бьетъ его этой палкой. Въ другихъ варіантахъ, болѣе многочисленныхъ, жена рада возвращенію мужа, все одобряетъ и цѣлуетъ его, такъ что мужъ, державшій съ богатымъ мужикомъ пари о томъ, что жена его похвалитъ, получаетъ отъ него 12 фуръ соли или т. п. Въ варіантахъ мужъ мѣняетъ воловъ на телѣгу, козу, кошелекъ, который отдаетъ за перевозъ черезъ рѣку ⁵⁾).

Въ русской сказкѣ, отмѣченной въ „Зоолог. Миеологіи“ Губернатиса, мужъ мѣняетъ золото на лошадь, потомъ идутъ корова, овца, поросенокъ, гусь, утка и палка. Жена потомъ бьетъ его этой палкой ⁶⁾).

¹⁾ *Матжура*, 87.

²⁾ *Мозгуна*, въ IX т. *Zbiór wiadom.* № 27.

³⁾ *Аванасъевъ*, Рус. нар. сказ. III, 390.

⁴⁾ *А. Пельтцеръ*, Происх. анекд. 11.

⁵⁾ *Аванасъевъ*, III, 386.

⁶⁾ *Sorquin*, I, 157.

Сходныя сказки встрѣчаются и въ бѣлорусскихъ сборникахъ, напр., въ сб. Романова.

Въ польской сказкѣ глупый сынъ ведетъ на базаръ корову и по пути промѣниваетъ ее на теленка, козу, овцу, гуся. Мать одобряетъ всѣ эти промѣны ¹⁾).

Сходная сказка записана въ Англии. Здѣсь мужъ мѣняетъ корову на волынку, волынку на пару перчатокъ, перчатки на палку. Когда птица на деревѣ посмѣялась надъ нимъ, онъ бросилъ въ нее палку, которая и повисла на вѣтвяхъ. Дома его прибила жена ²⁾).

Во французской сказкѣ изъ Лотарингіи жена, указывая на богатаго сосѣда, разжившагося отъ промѣна предметовъ, совѣтуетъ мужу заняться тѣмъ же. Мужъ мѣняетъ корову на козла, козла на гуся, гуся на пѣтуха, пѣтуха на навозъ. Сосѣдъ смѣется надъ нимъ и говоритъ, что жена будетъ бранить его за такой промѣнъ. Мужъ утверждаетъ противное и держитъ пари на 200 франковъ. Добрая жена похвалила всѣ промѣны, въ каждой нашла что-либо выгодное, и мужъ выигралъ пари.

Почти тожественныя сказки записаны въ Тиролѣ и въ Норвегіи. Въ корсиканской сказкѣ нѣтъ ни сосѣда, ни пари. Здѣсь мельникъ мѣняетъ мельницу, корову, лошадь, козу, спускается на мѣшокъ съ картофелемъ, потомъ, находя его тяжелымъ, бросаетъ его въ воду, и жена остается довольна.

Въ нѣмецкой сказкѣ въ сборникѣ Гримма Иванъ получилъ отъ пана за семилѣтнюю службу кусокъ золота величиной съ голову и промѣнялъ его на лошадь, а когда лошадь сбросила его, то промѣнялъ лошадь на корову, корову на поросенка, поросенка на гуся, гуся на точильный камень, который уронилъ въ колодезь, когда пилъ изъ него воду, и довольный пошелъ домой ³⁾).

Изрѣдка встрѣчаются сказки о промѣнѣ съ повышеніемъ предметовъ, напр., лаптей на курицу, курицу на утку и т. д. ⁴⁾), но такъ какъ въ нихъ глупцы отсутствуютъ, то сказки этого рода выходятъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія, и мы упоминаемъ о нихъ, какъ о любопытной логической параллели.

LVI.

Мышиный герой.

Сказки о мышиномъ героѣ могутъ быть отнесены къ разряду сказокъ о глупцахъ лишь по первому вступительному мотиву: мужикъ или ремесленникъ, въ большинствѣ вариантовъ, портной или ткачъ, убивъ однимъ ударомъ

¹⁾ *Ciszewski*, 208.

²⁾ *Cosquin*, I, 157

³⁾ *Cosquin*, I 155—157.

⁴⁾ *Cosquin*, 71. *Верещанинъ*, 131 и др.

12 мухъ (или комаровъ), вообразилъ себя героемъ и затѣмъ слѣдуетъ рядъ подвиговъ—одолѣніе лѣшаго, великана, дракона, въ восточныхъ вариантахъ тигра, слона, затѣмъ неприятельскаго войска; во всѣхъ этихъ похожденияхъ нашъ богатырь успѣваетъ, благодаря хитрости или счастливому стеченію обстоятельствъ. Начало глупости здѣсь почти совсѣмъ ступшевыается, и напротивъ подробно развивается мотивъ хитрой уловки, свидѣтельствующей скорѣе объ умѣ, чѣмъ о глупости, умъ—правда—нижшаго разряда, каковой свойственъ и цѣнится дикими и варварскими народами.

Сказки о мышиномъ героѣ въ научной литературѣ подробно разобраны Коскеномъ въ I т. „Contes popul. de Lorraine“ стр. 95—102. Здѣсь указаны многочисленные западно-европейскіе варианты, два русскихъ (по „Зоологич. Миеологіи“ Губернатиса), новогреческій, аварскій, монгольскій въ Шиддикурѣ и нѣсколько индійскихъ, весьма сходныхъ съ европейскими. Что сказки этого рода издавна уже бытуютъ въ Европѣ со включеніемъ перваго исходнаго мотива, видно изъ того, что В. Гриммъ и позднѣе Коскенъ отыскивали варианты у старыхъ нѣмецкихъ писателей, Монтануса (1557 г.), Фишарта (1575), Босекера (1614) и Гриммельсгаузена (1669 г.).

Русскіе варианты сказки о мышиномъ героѣ отмѣчены у Аванасьева (Рус. н. ск. IV 519, 523), болгарскіе у Шапкарева № 28; литература отчасти указана въ Zeitsch d. Ver. f. Volksk. 1896—76. Въ Россіи иногда анекдотъ о судѣ мухъ приурочивается къ Балакиреву. Балакиревъ испросилъ у Петра Великаго разрѣшеніе бить мухъ, пошелъ въ домъ своего неисправнаго должника и побилъ посуду, на которую садились мухи ¹⁾).

LVII.

Школьныя темы.

Школьныя темы въ народной словесности встрѣчаются рѣдко по той простой причинѣ, что громадное большинство анекдотовъ возникло задолго до возникновенія школъ.

Кое гдѣ, напр. у поляковъ вблизи Кракова, встрѣчаются народныя анекдоты на школьныя темы, преимущественно объ отцѣ, требовавшемъ чтобы сынъ его прошелъ всю школьную науку въ одинъ день. Учитель въ этомъ вариантѣ сообщаетъ ученику лишь макаронизмъ „sed domes z komines, a ja toczas spriatalsia pod bez; kurus gagurus, ja idu, a tot ryjet“; мать думаетъ, что сынъ ея, какъ ксендзъ, уже по латыни знаетъ. Въ вариантахъ сынъ усваиваетъ лишь одну фразу учителя: „Мать корова, отецъ

¹⁾ Крымскій пер. предисл. Клоустона, 78, Газо-Федорова, Шуты и скоморохи, 246.

воль, сыны бычки, а сестрички яловички.“ Меньшій братъ спрашиваетъ: неужели мы стадо? а мать бьетъ его по губамъ и говоритъ: „что болтаешь, онъ говоритъ по писанію (boskie slowa mowi“) ¹⁾.

Эти школьныя темы примыкаютъ къ стариннымъ фанеціямъ „о поселянинѣ, вдавшемъ сына учиться по латыни“, встрѣчающимся еще у нѣмецкаго сатирика XV—XVI ст. Өомы Мурнера ²⁾.

LVIII.—LIX.—LX.

Глупость животныхъ и чертей. Чертъ (волкъ и пр.) на посѣвѣ. Мужикъ, голая баба и чертъ.

Встрѣчаются сказки о глухихъ великанахъ, глупыхъ чертяхъ и глупыхъ животныхъ. Ученые міеологическаго направленія неоднократно пользовались сказками о глупыхъ великанахъ въ интересахъ міеологической экзегезы. Врядъ ли, однако, можно сомнѣваться, что и въ сказкахъ о глупыхъ великанахъ много вставныхъ, общихъ, литературныхъ мотивовъ ³⁾.

Литературный элементъ силенъ въ анекдотахъ оглупыхъ чертяхъ и глупыхъ животныхъ.

Въ животныхъ сказкахъ глупыми оказываются осель, волкъ, медвѣдь, изрѣдка пѣтухъ или мышенокъ. Въ русскихъ сказкахъ дурнемъ чаще всего выступаетъ волкъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на волкѣ дурнѣ, потому что въ русской научной литературѣ на эту тему есть прекрасное изслѣдованіе Колмачевского ⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ анекдотахъ и сказкахъ о недомыслии обнаруживается замѣна животныхъ чертями или наоборотъ чертей животными. Образчикомъ такихъ анекдотовъ могутъ служить слѣдующіе объ обманѣ при посѣвѣ:

Въ Чигиринскомъ у. записана слѣд. сказка: Зосталась жинка удовою и вже зостарилась; сыдыть, журыться. Преже то степивъ було багато, на нихъ люде булы не дуже голодни; такъ то жинка, горюючи, й каже: „хочь бы самъ чортъ прыйшовъ та выоравъ мени ныву.“—Иде той чортъ, зробывся мужыкомъ и до нейн въ хату увійшовъ, каже: „здорова будь, бабо!“ Каже: „здоровъ!“—„Я чувъ шо ты клопочешься, шо нема кому степену выорать?“—Каже: „клопочусь“.—„То я тобі выорю,“—каже чортъ. Теперъ той чортъ заходывсь и выоравъ ныву; пытается тейи бабы: „шо мы,“—каже,—посіємо?“—А баба каже:—„Посіємъ,—каже,—моркву,—морква добре росте, а бадылля ще бильше.“ Чортъ не знавъ, шо зъ нейи йисты, та думавъ шо бадылля. Баба його й пыта: „якъ же мы будемо дилыться?“—

¹⁾ *Ciszewski*, 223—224.

²⁾ *Пыпинъ*, Очерк. лит. ист. 267.

³⁾ *Манжура*, 90, *Шипкаревъ*, № 220 и др.

⁴⁾ *Колмачевскій*, Живот. эпосъ, стр. 139—151.

„Дилыться, каже чортъ, будемо такъ: те, шо зверху, те мени, а тоби—коринья.“—Баба тилькы усмихнулася, дума соби: добре!—Отъ, посіялы, вродыла морква. Чортъ забравъ бадылля на вяязу и прыносе додому. Ти його чорты—товарыши, й кажуть: —„Каже, шо винъ розумный. Де въ биса! Його й баба обманыла. Було бъ тоби те братъ, шо въ земли, а ййи те шо зверху.“—Винъ каже: „отъ якъ пиду на другой годъ, то я ййи обманю.“—На другой рикъ выоравъ ййи ныву; прыходе до бабы й пыта: „шо посіємо?“—„Макъ,“ каже баба.—Посіялы. Чортъ старается та поливає. Ти лопуцьки ростуть велики, а макивки ше бильши. Устарывся макъ; баба пыта: „якъ мы будемъ дилыться?“ А чортъ и каже: „мени те, шо въ земли, а тоби—шо зверху“. Та баба макивки позризувала, а чортъ бадылля зъязавъ и понисъ додому.—Ти чорты впъять соромлять його. Винъ тоди съ пересердя каже: „пиду сякойи—такойи виры бабу вбъю.“—Прыходе винъ до тейи бабы, а вона й пыта: „чоґо ты прыйшовъ?“—„Я тебе, бабо, вбыть хочу“. Та баба йому й каже: „Э ты, чортъ, бисовой виры, здоровый, ище й справди вбъешь мене, а треба быться по правиламъ?“—„Якъ, пыта чортъ, по правиламъ?“—„Визьмы верхови выла, а я визьму качалку, та пидемъ у хливъ быться“ (вона зновъ його обманыла).—Увійшли вони у хливъ быться, той чортъ зачепывся за бантыну рижкамы, бо выла булы довги, а баба, де влуче чорта, тамъ и бье. Той чортъ просе: „бабо, голубочко, на тоби верхови выла, а мени дай качалку, та ходимъ на двиръ быться.“—Оддавъ чортъ баби выла, а самъ узявъ у бабы качалку, и пышлы на двиръ быться. Чортъ маха качалкою кругомъ себе, а баба його выламы штурха. Чортъ баче, шо беда, та хода!—Прыбигъ додому, а зъ його сміются и зъ дому прогоняють, шо два разы баба обманыла, а на третій ще й побыла. Той чортъ тоди и пишовъ. Ходывъ, ходывъ голодный днивъ зо-тры; зайшовъ на степъ, а мужыкъ пеньки корчуетъ. Чортъ зробывся чоловикомъ и каже: „здоровъ, чоловиче! Чы дасы мени хочъ повечерять, якъ я тоби поможу пенькивъ корчувать?“ „Дамъ“—каже. Чортъ такъ корчуетъ, шо геть уся пеньки повырывавъ до вечера. Прыизджае мужыкъ зъ чортомъ (не зна мужыкъ, шо то чортъ), выпригъ коня; пишовъ зъ нымъ у хату; жинка насыпала тамъ борщу, риже хлибъ. Диты кажуть: „и я йисты хочу, и я йисты хочу!“—А той чоловикъ каже: „чорта зъйжте!“—А той чортъ съ хаты! (И пообидавъ якъ разъ!) ¹⁾.

Въ малорусскомъ варіантѣ баба и чертъ сначала дѣляютъ рѣпу (бабѣ корешки, а черту вершки), потомъ просо (чертъ взялъ корешки, а баба вершки). Чертъ и баба бьются черезъ тынъ, чертъ вилами, баба коломъ; вилы застряли въ тыну ²⁾.

¹⁾ Гринченко, II 85—87.

²⁾ Moszynska, № 21.

Въ другой малорусской сказкѣ чертъ берется сѣять съ бабой хлѣбъ исполу. Сначала посадили картофель. Баба себѣ выговорила корешки. На другой годъ посѣяли макъ. Бабѣ достались головки. Затѣмъ чертъ и баба бьются черезъ тынь. Баба наноситъ черту рану и затѣмъ обманываетъ его, что и онъ ее ранилъ. Наконецъ, чертъ ѣздитъ на бабѣ, а баба на чертѣ и загоняетъ его, безконечно припѣвая: „трида—трида—домъ“ ¹⁾.

Сказки на эту тему встрѣчаются и въ Великороссіи ²⁾, отмѣчены въ разныхъ сборникахъ напр., у Афанасьева, повидимому, въ болѣе древней формѣ, съ замѣной черта медвѣдемъ, причемъ мужикъ сначала обманываетъ медвѣдя на рѣпѣ, потомъ на житѣ.

Въ интересной болгарской сказкѣ о румынѣ и чертѣ (Влах-от и Враг-от) румынъ сначала беретъ себѣ корень (лукъ), потомъ верхи (жито). Далѣе они условливаются ѣздить другъ на другѣ, пока каждый споетъ по пѣснѣ. Чертъ сѣлъ на румына, сѣлъ пѣсню и слѣзъ. Румынъ, сидя на чертѣ, пѣлъ такъ долго, что прошла ночь, пропѣли пѣтухи, наступила заря и чертъ въ изнеможеніи лопнулъ подъ румыномъ ³⁾.

Въ Грузіи мотивъ объ обманѣ черта получилъ легендарную окраску. Богъ, выростивъ хлѣбъ, взялъ себѣ колосья, а дьяволу отдалъ испрошенные имъ корешки. Затѣмъ Богъ посѣялъ чеснокъ. Дьяволъ, обманутый предыдущимъ опытомъ, теперь взялъ себѣ верхушку растенія, и снова обманулся ⁴⁾.

Много вариантовъ собрано французскимъ ученымъ Рене Бассе въ „Contes populaires berbères“ на стр. 136—139 въ примѣчаніи къ зуавской сказкѣ на эту тему. Въ этой сказкѣ ежъ и шакаль дѣлятъ лукъ. Ежъ беретъ себѣ корень. Затѣмъ они сѣютъ пшеницу; шакаль взялъ себѣ корешки. Шакаль предложилъ бѣжать на перегонки, чтобы обогнавшій получилъ всю пшеницу. Ежъ согласился, но поставилъ у цѣли сзади хлѣбной кучи своего брата. Шакаль принялъ двухъ ежей за одного и проигралъ. Во французской сказкѣ изъ Пикардіи выведены св. Криспинъ и дьяволъ. Они сѣютъ рѣпу и пшеницу. Мопассанъ слышалъ подобную легенду отъ нормандскаго мужика и передалъ ее въ рассказѣ „Легенда о горѣ св. Михаила“ ⁵⁾. Въ тожественной сербской сказкѣ мѣсто св. Криспина занимаетъ популярный въ Сербіи св. Савва. Сѣютъ лукъ и капусту. Весьма сходны сказки верхнебретонская и нѣмецкая (рѣпа и хлѣбъ). Почти тожественный рассказъ находится въ „Пантагрюель“ Рабле—„Comment le petit diable fut trompé par un laboureur de Papefignière“ (пшеница и рѣпа). Въ той же роли

¹⁾ Рудченко, I 52.

²⁾ Изданы въ I. т. Ксѣнтабѣа.

³⁾ Шапкаревъ, Сборн. VІІІ 93.

⁴⁾ Сборн. матер. д. изуч. Кавк. VІІІ 128.

⁵⁾ Мопассанъ, Собр. соч. IV 248.

является сатана у алжирскихъ арабовъ. У испанскаго писателя начала XIV в. Донъ Жуана Мануэля, составившаго сборникъ разсказовъ „*Conde Lucanor*“ и нѣск. др., широко пользовавшагося восточными сказками, разбираемый анекдотъ встрѣчается въ нѣсколько искусственной обработкѣ: дѣйствуютъ добро и зло; добро беретъ себѣ ягненка, зло — овечье молоко и шерсть; добро беретъ свинью, зло — Цетину; далѣе зло — забираетъ себѣ корни рѣпы и головки капусты. Добро, внѣ обычнаго порядка, оказалось въ проигрышѣ; обработка сюжета весьма искусственная, хотя и весьма древняя. Въ позднѣйшей англійской сказкѣ выступаютъ волкъ и лисица; дѣлятъ овесъ и земляныя яблоки. Въ нѣкоторыхъ французскихъ вариантахъ волкъ и лисица дѣлятъ орѣхи (волкъ беретъ оболочку) и оливки (волкъ беретъ внутреннюю косточку).

Второстепенный зуавскій мотивъ о *соревнованіи въ скорости бѣга*, причемъ два животныхъ по сходству идутъ за одного, встрѣчается часто и въ другихъ сказкахъ въ видѣ вставнаго элемента, напр., во многихъ сказкахъ на тему Пушкинской о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ. Бассе кромѣ зуавскаго варианта приводитъ еще китайскій о воронѣ и черепахѣ. Воронъ здѣсь оказывается очень умнымъ. Заподозривъ обманъ, онъ при условномъ перелетѣ черезъ рѣку на срединѣ пути позвалъ черепаху, и съ обоихъ береговъ услышалъ одновременно отвѣтъ: „я здѣсь“. Встрѣчаются сходныя италіанскія сказки о волкѣ и ракѣ (ракъ переплываетъ рѣку вмѣстѣ съ волкомъ на его хвостѣ), о птичкѣ кропивничкѣ и обѣ орлѣ (тоже на хвостѣ своего противника). Въ сказкѣ съ о. Мадагаскара сходный разсказъ о лягушкѣ и вепрѣ ¹⁾. Точно такая монгольская сказка встрѣчена мной въ сборникѣ Потанина; здѣсь рѣчь идетъ обѣ орлѣ и какой-то маленькой птичкѣ.

Весьма распространены сказки о томъ, какъ мужикъ одурилъ черта и выигралъ у него пари (просо на корнѣ). Чертъ ѣхалъ на козѣ, и мужикъ отгадалъ, а мужикъ на своей голой женѣ, и чертъ не отгадалъ, что это за звѣрь. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ вмѣсто черта является медвѣдь.

Въ одномъ малорусскомъ вариантѣ въ связи съ этимъ стоитъ другой, какъ баба охлостила черта и потомъ, допустивъ чертей осмотрѣть ее, убѣдила глупыхъ чертей въ нанесеніи ей чертомъ глубокой раны ²⁾.

Приведенными анекдотами не исчерпывается глупость чертей. Какъ извѣстно, мотивъ о глупомъ бѣсѣ въ старое время былъ широко разработанъ въ мистеріяхъ, въ интермедіяхъ *diableries* и *Teufelspielen*, преимущественно нѣмецкихъ. Литературнымъ путемъ глупый бѣсъ проникъ и въ старинныя южнорусскія драмы; но въ Малороссіи фигура глупаго бѣса

¹⁾ *René Basset*, *Contes pop. berberes*, 14—15, 136—139.

²⁾ *Рудченко* I, 54; *Романовъ*, Бѣл. Сбор.

почти совсѣмъ не привилась. Въ нѣмецкой литературѣ чертъ глупецъ или чертъ проказникъ издавна пользуются популярностью, напр., встрѣчаются въ драмахъ Ганса Сакса (XV в.) и Якова Айрера (XVI в.) ¹⁾.

Извѣстно также, что въ житіяхъ святыхъ, въ легендахъ и апокрифахъ черти часто обрисованы недальновидными и глуповатыми, а потому не только святыне, но иногда даже простые мужики и бабы обманываютъ ихъ и бьютъ. Изъ легендарныхъ мотивовъ сравнительно наиболѣе любопытны мотивы, какъ человѣку путемъ обмана удалось отобрать у черта рукописание (закладъ души) и въ особенности тѣ мотивы, какъ монахъ засадилъ черта въ бутылку, въ рукомойникъ, забилъ его въ щелку дерева, связалъ цѣпями.

LXI.—LXII.—LXIII.

Небылицы. Приказка о нюхаряхъ. Финкенриттеръ.

Небылицы извѣстны подъ самыми разнообразными общими и частными заголовками—у малороссовъ большею частію называются нисенитницами, у великороссовъ и бѣлороссовъ „не любо—не слушай“, и др., у поляковъ—*lgarstwa*, соотвѣтственно у нѣмцевъ *lugenmärchen*, *lugenwette*, у галицко-русскихъ кошалки—опалки. Частныя заглавія: кто лучше?, о томъ какъ мы съ дѣдомъ богатѣли до рожденія отца и мн. др.

Встрѣчаются небылицы большія, въ нѣсколько страницъ, и маленькія, въ нѣсколько строкъ, прозаическія и стихотворныя, въ старинныхъ литературныхъ памятникахъ и въ устной народной передачѣ.

Иногда въ сборникахъ сказокъ подъ небылицами идутъ такія, которыя не отвѣчаютъ этому роду словесности по логической послѣдовательности и особому содержанію, напр., малорусскія сказки у Чубин. II 676, 677, Ястреб. II 178, Гринченка II 336.

Большею частію небылицы, на подобіе нѣмецкой повѣсти о рыцарѣ Зябликѣ, представляютъ подборъ нелѣпостей безъ складу и ладу, и чѣмъ нелѣпѣе разсказъ, тѣмъ болѣе выигрываютъ такія небылицы въ глазахъ народа. Образчикомъ нелѣпыхъ небылицъ могутъ служить у Гринч. II 340 (№ 245), Драгом. (Мал. преданія 372).

Число мотивовъ небылицъ не такъ велико, какъ это на первый взглядъ кажется при знакомствѣ съ ними. Это калейдоскопическія произведенія. Большое разнообразіе небылицъ обусловлено не большимъ числомъ составныхъ элементовъ, а разнообразіемъ ихъ сочетаній.

1) Бобъ до неба. Мотивъ разобранъ выше подъ № LIV. Наиболѣе подробно онъ разработанъ въ великорусск. ск. у Аѳанас. III 405—407.

¹⁾ Roskoff, Geschichte des Teufels I 400.

2) „Бувъ я такіъ маленькій, въ три аршина“ (Чубинскій II 517), съ приворотную надолбу, съ игольное ушко (Аѳан. III 417), роди себѣ сына въ 4 аршина (Шейнъ, Великоруссѣ I 23).

3) Ловля утятъ топоромъ, причеъ утятъ тонуть, а топоръ держится на водѣ (Чуб. II 517, Аѳанас. III 395, 410, 418; IV 516).

4) Изъ кресала выбить огонь и зажжено озеро (Чуб. II 517, Аѳанас. III 397, 410; буковинская сказка у Аѳанас. IV 516).

5) Мужикъ, не имѣя кружки для питья, снимаетъ у себя черепъ, пьетъ изъ него и забываетъ у колодезя (Чуб. II 518, Гринч. I 220, Манж. въ 6 т. Сбор. X. Ист. Ф. Общ. 174). Тождественная греческая сказка у Гана 113—314, великор. у Аѳан. III 411, 419, бѣлорус. въ Матер. Шейна I 251.

6) Мужикъ ѣдетъ на кобылѣ, топоромъ отрубываетъ половину, при-дѣлываетъ двѣ ноги изъ вербы (Чуб. II 518); верба растетъ изъ кобылы (Гринч. I 220). Отдѣльный анекдотъ „Хто чуднійшій“ въ I т. Гринч. 225. Тоже у Аѳанас. III 402, 411, 413, 419, Kolb. Pokucie IV 277. Дополненіе у Аѳан. III 413; сняли кожу съ кобылы; кобыла пришла домой безъ кожи. Та же подробность въ бѣлорус. сказкѣ въ „Матер.“ Шейна I 247, и въ малор. въ сб. Мошинской № 29.

7) Мужикъ видитъ въ дуплѣ дуба скворцовъ, вкладываетъ туда свою голову и запаливаетъ дубъ (Чуб. II 51). Въ польск. ск. въ VIII т. Zbiór wiadom., какъ и въ малор. у Чуб., сочетается съ слѣд. 8-мъ мотивомъ. Сход. великор. у Аѳан. III 419, въ Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XV 50, у бѣлорус. въ Матер. Шейна I 251.

8) Мужикъ съ неба спускается на веревкѣ (Чуб. II 518). Варіанты у Ястреб. 179, Гринч. I 221, Аѳанас. III 403, Zbiór wiadom VIII 299 (польская—на веревкѣ изъ овсяной соломы), Kolberg, Pokucie IV 278, Аѳан. III 405 (в. изъ паутины) и въ Сборн. матер. для изуч. Кавказа XV 55. Бѣлорусская въ I т. Матер. Шейна 246. Мотивъ № 8 часто сочетается съ 1 и 17.

9) Мужикъ бѣжитъ за бабкой, несетъ ее черезъ рѣку, бросаетъ въ воду, берется оберегать ребенка и, замахнувшись на кошку, убиваетъ ребенка качалкой (Ястреб. 180); бабка брошена въ колодезь (Гринченко I 223, П 335).

10) Посѣяли коноплю, выросла верба (Ястреб. 180, Драг. 372) или зацвѣли раки и пр. т. п. (Манж. 126).

11) Въ разрядъ нисенитницъ входитъ слѣд. анекдотъ: собака съѣла масло на бакшѣ, сторожъ убилъ ее, разрѣзалъ ей животъ и досталъ оттуда масло; „було дидови на всю зиму кашу мазать“ (Ястреб. 11). Выше въ 1 гл. изслѣдованія мы уже указали на версіи этого анекдота.

12) Трусилъ груши, натрусилъ гречневой шерсти, намолотъ тютюну (Ястр. 180).

13) Иду въ Петровку по льду, скачутъ три козы на одной ногѣ, убили всѣхъ однимъ ударомъ (малор. въ Харьк. Сборн. VIII 144, у Гринч. I 220, великор. въ Сборн. матер. для изуч. Кавк. XV, 50).

14) Бился въ полѣ медвѣдь съ шмелемъ; мужикъ убилъ шмеля и добылъ изъ него три мѣшка меда (Гринч. I 220, Аван. III 410, Манжура, 124). Подробно въ бѣлорусской сказкѣ въ Матер. Шеина I 244, 251. См. еще малорус. сказку въ сб. Мошинской подъ № 29.

15) Мужикъ подслащиваетъ медомъ воду въ колодцѣ въ малор. у Гринч. I 220, сход. бѣлорус. въ Матер. Шеина I 247.

16) Дурень подпаливаетъ въ полѣ ячмень, чтобы выгнать изъ него овецъ (Гринч. I 222).

17) Мужикъ находитъ въ полѣ пьяныхъ журавлей, затыкаетъ ихъ себѣ за поясъ; журавли его поднимаютъ, потомъ роняютъ въ болото. Чайка моститъ на головѣ мужика гнѣздо, кладетъ яйца, приходитъ волкъ и съѣдаетъ яйца, мужикъ хватаетъ его за хвостъ; волкъ бѣжитъ и вытаскиваетъ мужика изъ болота. (Гринч. I 222). Сход. у Аван. III 403, 404 (подробно о журавляхъ), 409 (лиса вьетъ гнѣздо на головѣ мужика).

18) Поѣхалъ я съ дѣдомъ, когда онъ былъ еще молодъ, и отца еще не было на свѣтѣ (Гринч. I 224, II 333, Манж. 123, Кулишъ, Зап. о Юж. Р. I 228). Отношенія къ матери до рожденія (падаетъ изъ матери на колоколъ, въ бурьянъ и пр.) подробно въ IV вып. Рокисіе Кольберга стр. 274. О крестинахъ отца подробно въ 6 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 175.

19) Волки вывели яйца, ихъ положили подъ свинью, свинья высидѣла пару воловъ и бугая (Гринч. I 224, II 341), собака быка родила (Аван. III 421), поросенокъ яйцо снесъ (ib.).

20) Дурень, помогая мужику вытащить кобылу изъ грязи, вырвалъ у ней хвостъ, привлеченъ къ суду, прячетъ за пазуху камень; судья, принимая камень за деньги, оправдываетъ (Гринч. II 335). Мотивъ хорошо извѣстенъ изъ „Повѣсти о судѣ Шемяки“.

21) Мужика за провинности забиваютъ въ бочку; онъ продѣлалъ шиломъ отверстіе, схватилъ волка за хвостъ, волкъ ударилъ бочку о дерево, разбилъ, и мужикъ вылѣзъ (Гринч. II 336).

22) Мужикъ прячется на чердакѣ надъ коморой, гдѣ легли спать новобрачные, подслушиваетъ ихъ разговоръ и дѣлаетъ замѣчанія (Гринч. II 336).

23) Орала поле собаками, козами (Гринч. II 339), индюками и пидсвинками (ib. II 341), косятъ дугами (Аван. III 410).

24) Выорали 12 десятинъ на печи, на припечкѣ сложили 12 стоговъ хлѣба и т. д. (Гринч. II 340). Срав. Аванас. III 396, 412, 415).

25) Свадьба и похороны птицъ или животныхъ—мотивы чрезвычайно распространенные. Обширная литература свадьбы указана г. Шеиномъ въ

1 т. Матер. для изуч. быта рус. нас. стр. 582, а литература похоронъ отмѣчена мной въ разныхъ мѣстахъ брошюры „Мышь въ народной словесности“. Кромѣ того см. многочисленныя галицко-русскія пѣсни по указат. въ концѣ IV т. Сборника Головацкаго стр. XX. См. еще Богишича въ концѣ. Народ. пѣсмы, Българ. Прѣгледъ 1896 III 54, Лопаревъ—Древ.-рус. сказанія о птицахъ 1896 г., Zbiór wiadom. III 146, VIII 61, 145, Памят. рус. письменности 18⁷⁸/₇₉ стр. 87, Харьк. Сборн. VIII 254, 270, Киев. Стар. 1894, VI, III. 1895 Сент. 285, Сборн. за народ. умов. (болгар.) X 155, Пермск. Сбор. III, Записки Товар. Шевченка XV 17.

26) Изъ лопаты кроютъ свиту, навали сметаны, зацвѣлы, раки, пришли воротникъ къ подушкѣ (Гринч. II 341, Манж. 125).

27) Мужикъ хочетъ купить „вытришкивъ“ (Гринч. II 342). Рыцарь Зябликъ торгуетъ Vernunftwasser.

28) Дурень слышитъ вездѣ пискъ и все убѣгаетъ; пицало у него въ носу (Гринч. II 342).

29) Щуки и окуни на вербѣ, селедки въ землѣ (Гринч. II 342), зацвѣли выюны (Драг. 372).

30) Медвѣдь попадаетъ въ хомутъ, лѣзетъ съ телѣги на дерево у Аѳанас. III 405, въ нѣмец. сказкѣ пчела попадаетъ въ хомутъ (Аѳанас. IV 516).

31) Въ вотяцкой сказкѣ мужикъ рубить лучину, спитъ между столбами воротъ, на ели находитъ медъ, на заячьей тропинкѣ пьетъ вино (Верецаг., 177).

32) Жидъ благодаритъ млинъ, пѣлуетъ вертящійся жерновный камень, выбиваетъ себѣ зубы, разбиваетъ камень и садится на веретено мельничное, которое заверчиваетъ жидъ и бросаетъ о стѣну (Kolberg, Lud XIII 266, XXII 122); или мужикъ млинъ тащитъ покормить (Kolb., Pok. IV 275).

33) Въмѣсто дѣтской люльки трубка (Kolb., Pok. IV 276), ѣзда на кривой кобылѣ, полученіе за нее стада коровъ, приемъ у губернатора и пр. (ib.). Мотивъ о трубкѣ въ приказкѣ о нюхарахъ (см. ниже).

34) Стрѣляетъ въ мышъ, облупливаетъ крысу, дѣлаетъ изъ кожи мѣшокъ, насыпаетъ въ него 15,000 червонцевъ (Kolb., Pok. IV 277). Въ греческой сказкѣ изъ кожи блохи сдѣланъ мѣшокъ для вина, а изъ кожи вши—мѣшокъ для муки (Hahn § 39).

35) Мужикъ, разрѣзывая арбузъ, уронилъ въ него ножъ, вошелъ въ арбузъ, чтобы отыскать ножъ, нашелъ тамъ дервиша (Hahn § 39).

36) На кобылѣ 38 пѣжинокъ (бѣлыхъ пятенъ); ѣздятъ на ней 39 братьевъ, 38 на пѣжинкахъ, а 39-ый на хвостѣ (Аѳан. III 407).

37) Мѣшокъ съ мухами; мужикъ переплываетъ на немъ море, мѣняетъ на мухъ коровъ, перебрасываетъ ихъ черезъ море домой (Аѳан. III 408), далѣе забирается съ ними въ рай и пр. (слѣд. мотивы 1 и 8).

38) Угощеніе односельчанъ. Солодъ въ ложкѣ затерли, въ корцѣ развели, бочку пива наготовили, стали угощать, за волосы таскать, полѣномъ оплетать (Аѳан. III 412, IV 514).

39) Заспорили мужики, кашу поранили, рѣпу подкопать взяли и пр. (Аѳан. III 415).

40) Искра изъ глазъ попадаетъ въ ружье (Аѳан. III 416).

41) Заяцъ набиваетъ для мужика много дичи (Аѳан. III 416).

42) Дремучее дерево крапива (Аѳан. III 417).

43) Рогатая скотина тараканъ да жужелица (Аѳан. III 417, IV 514).

44) Молочныя рѣки, кисельные берега (Аѳан. III 417).

45) Церковь изъ пироговъ сдѣлана, оладьями повершена и блиномъ накрыта, калачомъ двери заперты, кишкой бараньей задернуты; паникадило рѣпное, свѣчи морковныя, образа пряничныя, выскочилъ поцъ толоконный лобъ, присѣлъ, я его и съѣлъ (великор. у Аѳан. III 417). Ср. нѣмец. въ „Рыцарѣ Зябликѣ“, малорусскую въ „Приказкѣ о нюхаряхъ“ и польскую дѣтскую пѣсню (всѣ ниже приведены).

46) Выраженія на выворотъ: въ уткѣ озеро, квашня бабу мѣситъ, лайка собачить и пр. т. п. (изъ Арханг. губ. у Аѳан. III 418).

47) По чисту полю корабль бѣжитъ (Аѳ. III 421).

48) Мужики на улицѣ рыбу ловятъ (Аѳ. III 421).

49) Медвѣдь по поднебесью летитъ, ушками, лапками помахиваетъ (Аѳ. III 421); въ польской дѣтской пѣснѣ летитъ заяцъ и сваливаетъ колокольню (Wisla 1890, 76).

50) Кафтанъ рогозьяный, поясъ лычанный, сапоги берестовые (Аѳ. III 422).

51) Ночлегъ въ полѣ у костра. Горячій уголь падаетъ мужику въ ротъ; его внутренности выгорѣли. Дѣдъ и внукъ обращаютъ его въ мѣшокъ (въ 6 т. Сборн. Харьк. Ист. Ф. Общ. 175).

52) Мужикъ пересчитываетъ ежедневно пчелъ въ 50 ульяхъ (Шейнъ, Матер. I 244).

53) На живой облупленной кобылѣ выросла гречка (Шейнъ, Матер. I 247).

54) Ворона поднимаетъ на дерево кабана и расклевываетъ его (Шейнъ, Матер. I 248).

55) Къ небылицамъ можно отнести уже встрѣчавшійся намъ ранѣе анекдотъ о громадной капустѣ, огурцѣ съ гору и пр. т. п.

Въ шведскихъ сказкахъ, записанныхъ въ Нюландѣ (южная Финляндія), встрѣчается мотивъ о громадномъ качанѣ въ сказкѣ о томъ, какъ два мастеровыхъ хвастали другъ передъ другомъ. Въ вариантѣ въ деревнѣ растетъ огромный качанъ; крестьяне куютъ большой котелъ, чтобы сварить его. Литературный мотивъ здѣсь превращается въ дѣйствительное событіе (Тиандеръ, въ Ж. М. Н. Пр. 1898 авг. 458).

Отмѣченными мотивами почти исчерпывается циклъ германо-романскихъ небылицъ. Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ (въ Рыцарѣ Зябликѣ, у Гримма, Гальтриха и др.) чаще всего встрѣчаются мотивы 1—10, 12—15, 17—19, 23—24, 30, 32—35, 45. Нѣкоторые мотивы заимствованы изъ анекдотовъ о глупыхъ людяхъ пошехонскаго типа; нѣкоторые, какъ свадьба птицъ, составляютъ самостоятельную семью.

Небылица капризный родъ. Въ отдѣльныхъ, правда, весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживаются большія уклоненія отъ тѣхъ или другихъ сочетаній отмѣченныхъ мотивовъ, большая оригинальность. Въ этихъ исключительныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ личнаго творчества. Замѣчательнымъ образчикомъ такого личнаго творчества можетъ служить слѣд. нисенитница, записанная въ Харьк. губ:

„Якъ нанявся я въ работники овецъ пасты, якъ погнавъ я пасты штырю-бырю ще й симсотъ и чотыри, якъ лигъ я спаты, та спавъ три дни и чотыри ночи. Якъ прокынувся—нема моеи штыри-быри ще симсотъ и чотыри“.

Пошелъ искать. „Якъ вышовъ я на могылу, якъ глянувъ на широку долину, чи не видно моеи ватажины? Шось засирило, шось забирило, я жъ думавъ то ватажина, а воно гречка. Бодай же тобі, дядьку, тяжко-важко оцю гречку йисти, якъ мени на круту гору лизты....

Якъ вышовъ я на могылу... и проч. какъ выше... а то прачки сорочки перуть. Бодай вамъ тяжко-важко оци сорочки прать, якъ мени ш. б. ще симсотъ и чотыри шукать.

Якъ выйду я на могилу... и проч... а то осыковы пенечки. Бодай же вы отъ сонця погорили, а отъ витру почорнили, якъ вы мене молодого сюда заманилы.

Якъ выйду я на могилу... и проч... то жъ моя ватажина: сучечка-поручечка пидгоняе, а лысычка-сестрычка збоку управляє, а вовчокъ-бирючокъ отстали пидбирае“ (Харьк. Сборн. VIII 328).

Эта нисенитница рассказывается нараспѣвъ, стоитъ между прозой и поэзіей и насквозь пропитана еще неугасшими въ народной памяти вѣяніями эпической поэзіи.

Во многихъ великорусскихъ и малорусскихъ небылицахъ обнаруживается стихотворный складъ, напр., въ небылицахъ у Аѳан. III 421, 417, у Манжуры 125.

Небылицы вплетаются въ разныя пѣсни и повѣсти; обрывки ихъ переходятъ въ пословицы и въ загадки.

У великоруссовъ (въ Костромск. губ.) небылица введена въ свадебный ритуаль (Аѳан. IV 516); еще чаще у великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ встрѣчается въ дѣтскихъ пѣсняхъ:

Sokiera sie opasywal, a podpierał workiem,
Studnie miał na piecu, wode brał przetakiem,
Drabyna ryby łapał, strzelał dziki makiem....

.... z tego mleka i smietany

Kosciol murowany.

A do tego kosciola przyleciały wroble,

Powyijały skoble,

Przeleciały wrony, powiesiły dzwony,

A do tego kosciola nie chcieli ludzie chodzic,

Musiał ich ksiadz na powrózkach wodzic...

(Wisła 1890 77).

Великорусскія дѣтскія пѣсни-небылицы изданы въ большемъ числѣ П. В. Шейнымъ въ 1 т. Великорусса (1--50); тутъ свиньи огородъ городать, овцы молотятъ, коза муку мелить.

По полнотѣ, обилію и тщательности разработки отдѣльныхъ мотивовъ выдаются великорусская сказка (Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XV отд. 2, стр. 47—56) въ прозѣ, стихотворная малорусская приказка о нюхаряхъ и нѣмецкій Финкенриттеръ. Великорусская сказка состоитъ изъ 12 мотивовъ, выше отмѣченныхъ.

Приказка до нюхарей записана Д. И. Эварницкимъ со словъ крестьянина Вас. Бережного или Шерстюка и напечатана была въ Харьк. Губ. Вѣдом. Перепечатаваемъ здѣсь приказку цѣликомъ. Приказка состоитъ изъ краткаго введенія, отчасти напоминающаго одно мѣсто изъ галицко-русской нисенитницы (Kolberg, Pukucie IV 276), въ чудачливыхъ странствованіяхъ школьника, возникшихъ, повидимому, подъ вліяніемъ Тилля Эйленшпигеля, о которомъ уже мы говорили, и изъ исторіи о церкви и попѣ на мотивъ № 45, быть можетъ, возникшій подъ вліяніемъ нѣмецкой лубочной книги о Рыцарѣ Зябликѣ. Разсказчикъ, прежде чѣмъ начать свою „присказку“, вынимаетъ изъ праваго кармана своихъ шароваръ длинный рогъ съ табакомъ, постукиваетъ имъ о колѣно ноги, потомъ открываетъ изъ него „затычку“, сыплетъ щепотку табаку на безымянный палецъ лѣвой руки и затѣмъ отправляетъ табакъ по назначенію; послѣ этого предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ „понюхать доброй табаки“ и приговариваетъ:

„А сходятесь, люди добри.

А сходятесь табаки понюхаты, а рады послухаты.

Якъ ишовъ я молодець лужкомъ, крутымъ бережкомъ,

Отто пидхожу, сыдыть старычокъ.

— Здрастуй, старычокъ!

Здрастуй, коханий дружокъ!

— А шо ты, старычокъ, уживаешь табачокъ?

— Уживаю, мій дружокъ!

— А жинка? а дитки?

Уживають такъ, шо й зъ рукъ не выпускають,

Тильки те й не вжива,

Шо въ колысци спочива.

— Ну, на-жъ тобі оцю роговину

Тай привчай малу дытynu,

Шобъ вона занималась.

Маненькій хахольчикъ родывсь въ вивторчкы,

У середу рано до школы отдано,

Дала ему мать ковбасу,

Винъ каже:

„У школу понесу“.

Прыходе въ школу,

Школьныкы вже обидають;

У его е шо исты, та нигде систы,

Ходе винъ по-за плечыма, лупае очыма.

Де не взявся дяконъ,

За шыю его лыгае, изъ школы выволикае.

А винъ и каже: „цуръ тобі пекъ“!

Буде тобі быты-вчыты,

Не хочу въ я въ тебе жыты,

Пиду я лучче у сапожныкы,

У сапожныкахъ луччая жисть!

Въ сапожныкахъ першая наука—шило въ руки,

Другая наука—дратва въ руки,

А третя наука—

Шо ще я шиломъ не проштрыкнувъ, дратвы не протягнувъ,

А мене хозяйинъ уже й потягомъ потягнувъ.

Тутъ-то я ему шкоды наробывъ,

Пичъ и грубу розвалывъ

Та й говорю: годи тобі быты-вчыты,

Не хочу я въ тебе жыты,

Пиду я лучче у ткачи,

Тамъ луччая жисть!

У ткачахъ первая наука—за бердо держись твердо,

Вся снасть гарчить-тырчить,

Титка горячій пыригъ имчить,

„На, каже, та тчи гарненько,

Выбывай хорошенко,

Шобъ блезенъ не було!
Чомъ тамъ не жить?
Самая першая жисть!
Отъ-же й тамъ не пондравылося.
Дай ще пиду я въ городъ Быльци—тамъ дурныя людци:
Косою цыбулю косють,
Выламы борщъ носють;
Якъ наварють того борщу,
Ажъ духъ радуеця,
Изъ самой цыбули!
А якъ сядешъ исты,
Ажъ слезы котютця.
По борщеву бъ то можно жить;
Такъ отъ чимъ скверно:
Хлонцивъ багато, а дивчатъ мало,
Такъ отъ чимъ погано!
И тамъ плохая жисть!
Дай пиду я въ городъ Вонгарь, тамъ новый амбаръ,
Виль печеный,
Часныкъ товченый,
Стремыть нижъ,
Одрижъ тай ижъ!
Чомъ тамъ не жить?
Самая першая жисть!
Отъ жей й тамъ не пондравылось жить.
Дай пиду я, хлопецъ Пахомъ,
Чы не стану я руськимъ попомъ.
Отъ иду я, хлопецъ Пахомъ,
Иде дякъ Пархомъ.
— Здрастуй, хлопче Пахомъ!
— Здрастуй, дяче Пархомъ!
-- А шо, хлопче Пахомъ, чы не станешъ ты въ насъ попомъ?
Ябъ то и ставъ у васъ попомъ,
Такъ не вмію ни чытаты, ни писаты,
А тилько вмію лысточкы перегортаты.
-- Отъ такого намъ и треба поца!
Мылосты просымъ у городъ нашъ,
Будешъ батькомъ у насъ!
Прийшовъ я въ городъ у ихъ.
Тамъ у ихъ городъ чудесный!

Курени—трехъ-этажни дома,
Землянки—саме першіі башты,
Вулицы широки, возомъ не проидышь.
Чудесный городъ!

— Ну, ходимъ-же, Пахомъ, на нашу церкву дывытьця,
Пондравитця ли наша церква тоби.

Прыходымъ мы до ихъ церкви,
А тамъ у ихъ церква прекрасна:

Зъ вареныкивъ злиплена,

Млынцямы вкрыта,

Сыромъ оббыта,

Масломъ облыта,

Бублыкомъ замкнута,

Пряныкомъ заткнута.

Чудесная церква!

Тутъ я самъ соби й думаю:

Здэсь можно служить, у етой церкви.

Въ случаи рано прыйду до вутрени дзвонить,

То зъ крыши млынецъ изниму,

Тай поснидаю,

Объ стину млынецъ помажу,

Та й закусю,

А въ смытану обмокну,

Тай пообидаю.

Чомъ тутъ не жить?

Тутъ самая першая жисть!

Около хорошо, пондравылося,

Жалайтця ще знутри посмотрэть.

Отто я бублыка одкусывъ,

Одидкнулася,

А пряныка надломывъ,

Одсунулася,

Та кой-якъ въ церкву и просунулся.

Входю я въ церкву,

А тамъ, у тій церкви, стоять пипъ, якъ яшний снипъ,

Стоять дячки, якъ варенычки,

Паламари, якъ горохова копыця,—

Гарно на ихъ и подывытьця.

Я ставъ соби у куточку тай дывлюся на ихъ;

А воны стоялы-стоялы середъ церкви,

Збылыся у в' овтарь.

Яжъ думавъ, шо воны чытають,

А воны въ хохлацьку квапу пироги вмочають;

Я до ихъ пишовъ подывытьця,

А воны дають кваши нахылкомъ напытьця.

Ну, я имъ и говорю:

Ну, шо жъ, братця, а хочъ и буду пыты,

А заразъ обидни не буду служиты,

Я зъ людьмы договорюся ще.

Слобода велика,—дворивъ трыста,

Такъ треба зъ кожного двора по корови, по волови,

По баранови, по вивци,

По гусци, по курци,

По мирци проса, по мирци пшеници,

Шобъ ила попада паляныци.

Зибравъ я зъ ихъ трыста мирокъ проса,

Не буде попада ходыты боса,

Купе соби башмачкы шей зъ холошамы.

Зибравъ трыста мирокъ пшеници,

Буде исты попада паляныци.

Прослужывъ годъ,

Прослужывъ пять годъ,

Наживъ соби два сыны маненькыхъ,

Отдавъ я ихъ у таку школу, якъ и самъ:

На симъ годъ свини пасты.

Сталы ти сыны служыть, сталы гроши лупыть,

Сталы поживать та добра наживать.

А мыни дали кнышъ:

„Сядъ, кажуть, татү, та пидъ воритьмы зъижъ“.

Я россердывся тай пишовъ видъ ихъ;

Воны кинулысь мене завертаты,

На коня сажаты,

Посадылы мене на коня смоляного,

Стало сонечко прыпикаты,

Ставъ кинь мій роставаты,

А якъ кинь зовсимъ роставъ,

Я у Ивана Якимовыча у кимнати ставъ,

Годи мини попуваты“!

Къ небылицамъ примыкаетъ нѣмецкая лубочная книга съ картинками,
подъ заглавіемъ: „Исторія и легенда о превосходномъ и многоопытномъ

рыцарѣ, господинѣ Поликарпѣ фонъ-Кирларисѣ, по прозванію „Финкенриттеръ“, какъ онъ за два вѣка съ половиною до своего рожденія странствовалъ по многимъ странамъ и видѣлъ странныя вещи, и наконецъ былъ найденъ за мертво своей матерью, поднять ею и снова рожденъ“.

Приводимъ въ переводѣ эту курьезную, трудно читаемую ¹⁾ и потому малоизвѣстную книгу.

Введеніе.

Какъ Поликарпъ, по прозванію Финкенриттеръ, началъ свое путешествіе и какъ онъ потомъ совершилъ свои рыцарскіе подвиги.

Я, господинъ Поликарпъ фонъ-Кирлариса, по прозванію Финкенриттеръ, намѣстникъ могущественнаго князя Морототорумъ за два вѣка съ половиною до своего рожденія путешествовалъ по многимъ королевствамъ и странамъ и осматрѣлъ ихъ. Именно въ то время, когда великій ханъ Латайзкій въ Страсбургѣ и рыцарь изъ Англіи, господинъ Іоаннъ фонъ-Монтевило, объѣзжали весь свѣтъ, когда священникъ Іоаннъ изъ Индіи былъ въ Нюрнбергѣ протоіереемъ, тогда я поймалъ множество прекрасныхъ раковъ на Телячьемъ морѣ, за солянымъ домомъ въ Мюнхенѣ, не далеко отъ дворца Св. Патрікія Чистилища въ Гиберніи, гдѣ несчастный Іуда кается въ своемъ грѣхѣ съ украденной вуалью на морѣ, это въ Аравіи, гдѣ овцы растутъ на деревьяхъ (почему шерсть называется древесной шерстью—Baum-Baumwolle), въ странѣ королевства Арменіи, гдѣ попугаи хорошо говорятъ по арабски и могутъ сочинять цѣсни.

Первый день путешествія.

Сперва я хотѣлъ сдѣлаться тамъ крупнымъ кушомъ, купилъ нѣсколько сотъ центнеровъ дистиллированной воды разума, хотѣлъ получить на ней выгоду и поплылъ по сушѣ въ государство Цилисирію въ королевствѣ Наррагоніи. Здѣсь меня поймали морскіе разбойники на деревянной улицѣ и похитили мое имущество, такъ что я сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ.

Второй день путешествія.

Потомъ я намѣревался подражать рыцарству, послѣдовалъ за колбасами и селедками, пока и я явлюсь на свѣтъ, какъ другіе люди. Взялъ дорогу на плечо, а копье подъ ноги, опоясался своимъ сюртукомъ, привязалъ свою шпагу къ селезенкѣ и пошелъ по обширному полю. Я прежде всего подошелъ къ каменному грушевому деревцу: тамъ дорога висѣла чрезъ вербы, тамъ горѣлъ ручей, крестьяне тушили его соломой, тамъ зайцы ловили собакъ, куры и гуси преслѣдовали лисицъ западнями и ѣли ихъ: это была хорошая страна.

¹⁾ Переводъ любезно сдѣланъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Харьк. универ. Г. Ю. Ирмеромъ.

Третій день путешествія.

Я ушелъ, тогда со мной встрѣтились три парня: одинъ былъ нагъ, другой слѣпъ, третій ходилъ на деревяшкѣ. Слепой увидѣлъ зайца, парень съ деревяшкой поймалъ его, а нагой положилъ его за пазуху. Я купилъ зайца, нагой взялъ деньги и положилъ ихъ въ кошелекъ и далъ его слѣпому. Тотъ купилъ свиного теленка, мѣховой горшокъ и деревянную кочергу, ею онъ освѣщалъ путь своимъ парнямъ, чтобъ они лучше видѣли. Но парень съ деревяшкой бѣжалъ на далекомъ разстояніи предъ ними и заказывалъ гостиницу. Когда они ушли, со мной встрѣтился красивый, сѣдой, молодой старикъ, онъ танцевалъ на костылѣ и у него борода была покрыта гонтомъ, у него была маленькая баня на носу и бородавочка на зубѣ, онъ хромалъ на одно ухо и заикался однимъ локтемъ; ему я сказалъ: Здравствуйте. Онъ отвѣчалъ: Я не могъ сдѣлать этого раньше, потому что я обѣдалъ у добраго парня. Я подумалъ, что онъ смѣется надо мною и пошелъ далѣе, сбился съ дороги и пришелъ въ чрезвычайно густой лѣсъ. Здѣсь я встрѣтилъ бѣлоснѣжнаго угольщика, онъ жегъ еловые шишки, онѣ превращались въ колбасу изъ печенки, ее онъ отвозилъ на кислый сырный рынокъ. Я спросилъ его, иду ли я по настоящей дорогѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: правые по истинѣ лучшіе. Я видѣлъ, что и отъ него ничего не узнаю, потому что мнѣ показалось, что онъ плохо видитъ ушами и я ушелъ. Тогда я пришелъ къ холстяной церкви, колокола были вылиты изъ сукна; въ церкви стоялъ капланъ изъ овса, онъ читалъ ячменную обѣдню. Наконецъ капланъ пропѣлъ: аминь; я думалъ, что онъ говоритъ: „Поймайте мнѣ того“. Тогда я отъ испуга убѣжалъ въ дверь и прыгнулъ такъ быстро и сильно, что моя внутренность выскочила изъ живота. Я побѣжалъ къ сухому ручью, чисто вытеръ внутренность и снова вложилъ ее вмѣстѣ съ нѣсколькими саженьями крови мартышекъ; это я сдѣлалъ для того, чтобы снова стать веселымъ. Тогда я вдругъ увидѣлъ предъ собою старую согбенную, прямую, молодую женщину, она мыла старый мѣшокъ. Я сказалъ: Да пошлетъ вамъ Богъ добрый день! Она сказала: Въ него входитъ семь мѣрѣ. Я подумалъ: По истинѣ женщина смѣется надо мною.

Четвертый день путешествія.

Я отправился далѣе и прибылъ къ глубокому, судоходному ручью, въ которомъ не было воды. Тамъ плавали три корабля, одинъ безъ дна, другой безъ стѣнъ, а третьяго совсѣмъ не было тамъ. Я сѣлъ въ тотъ корабль, котораго не было тамъ и переѣхалъ. Тамъ я нашелъ большое маленькое дубовое дерево, въ которое влетѣла пчела. Я думалъ, что найду тамъ медъ, и залѣзъ въ дерево. Пчелы испугались, искусаи мнѣ глаза,

и улетѣли. Когда я хотѣлъ убѣжать отъ нихъ, дыра была слишкомъ мала и я не могъ болѣе вылѣзть. Съ гнѣвомъ, я принесъ изъ дому топоръ и срубилъ дерево. Потомъ я побѣжалъ къ терновой изгороди, хотѣлъ обрубить вѣтви и ими заткнуть дыру, чтобы пчелы не могли болѣе тамъ гнѣздиться. Но мой топоръ упалъ въ изгородь и я не могъ болѣе его найти. Я потомъ поспѣшилъ въ кухню къ моей матери, принесъ огня и зажегъ изгородь, но, увы, мой топоръ сгорѣлъ до рукоятки. На обратномъ пути я продалъ рукоятку за девять локтей теплой воды. Изъ нея я хотѣлъ себѣ сдѣлать зимній сюртукъ и отдѣлать его жареными ледяными сосульками.

Пятый день путешествія.

Когда я съ моимъ сукномъ для зимняго сюртука отправился далѣе, я увидалъ обширный, бѣлый, прекрасный, зеленый, сухой лугъ, полный травы. Это было-бы хорошо для коровы моей матери. Я его скосилъ-бы, но у меня не было косы. Вскорѣ послѣ этого пришелъ кто-то, кто продавалъ косы. Онъ сказалъ: Землякъ, за что ты отдашь мнѣ косы. Онъ сказалъ: Если ты громкимъ голосомъ крикнешь: Юхей, ха, хо! Я закричалъ такъ громко, какъ будто-бы ревѣли муравьи. За изгородью случайно пасся оселъ. Въ своемъ испугѣ онъ прыгнулъ чрезъ канаву и все продолжалъ кричать: И-я, и-я. Такъ какъ я не видалъ осла, я счелъ его за мать всѣхъ зайцевъ. Я взялъ у человѣка косы. При косьбѣ я наткнулся на кротовину и тѣмъ же самымъ размахомъ отрубилъ себѣ самому голову. Она покатила далѣе и когда я побѣжалъ за нею, я наткнулся на вѣтку съ такой силой, что весь мой лобъ былъ въ крови. Когда я схватилъ голову, я быстро надѣлъ ее на плечи, такъ какъ она еще была теплая, но надѣлъ ее на изворотъ, чтобы вѣтки въ лѣсу не били меня по глазамъ. Я побѣжалъ домой такъ быстро, какъ стрѣла, но сильный вѣтеръ снова сдувалъ мою голову. Я быстро побѣжалъ за нею и когда я поймалъ ее, я вымылъ ее, крѣпко привязалъ ее къ себѣ, и она вскорѣ снова приросла. Тогда я гордился, что я снова могъ видѣть.

Шестой день путешествія.

Потомъ я хотѣлъ итти домой, а дорогою попалъ въ деревню, тамъ были дома сдѣланные изъ телятины, крыши были покрыты легкими и печенками, полы были сдѣланы изъ свиныхъ щекъ. Плетни въ деревнѣ были сплетены изъ печеночной колбасы. Былъ Троицынъ день, время, когда охотно потѣютъ подъ носомъ и сметають снѣгъ съ крышъ. Въ деревнѣ жилъ лютнистъ; онъ каждое воскресенье игралъ на своей лютнѣ девяти деревнямъ вмѣстѣ для танцевъ. Его сопровождалъ я однажды въ субботній вечеръ домой. Послѣ того какъ онъ настроилъ лютню, онъ побѣжалъ

ногами такъ быстро по ней, какъ кошка по крышѣ; я хотѣлъ помочь ему, но споткнулся и упалъ чрезъ отверстіе въ лютню. Лютнистъ испугался и принесъ лѣстницу, въ которой было 46 ступеней. По ней я вышелъ изъ лютни. Но звукъ чрезъ это не сдѣлался слабѣе. Громко онъ раздавался всю слѣдующую ночь до полудня въ девяти деревняхъ, и вездѣ танцовали дѣти и слабые старики; мальчики и дѣвочки стояли и смотрѣли. Лютнистъ самъ танцовалъ даже. Какъ только наступилъ вечеръ, исчезъ звукъ и самъ собою вошелъ въ лютню.

Седьмой день путешествія.

И когда я пошелъ дальше и пришелъ на мѣсто танцевъ, залаяли крестьяне и собаки выбѣжали съ копьями, пѣтухи ворчали, а свиньи пѣли пѣтухами. Тогда я пришелъ въ страхъ и бѣжалъ къ красному морю, совершенно близко отъ „Финкенлагеря“ близъ Эрметтингена. Тогда я защищался такъ храбро пятками, что я продырявленной сковородой былъ посвященъ въ рыцари и названъ строгій Финкенриттеръ.

Восьмой день путешествія.

Послѣ этихъ рыцарскихъ подвиговъ я сѣлъ въ вѣтряной корабль и поплылъ домой. Я влетѣлъ чрезъ дымовую трубу въ каминъ моего дома и упалъ такъ сильно изъ корабля предъ дверью комнаты, что я разбилъ себѣ печень и пузырь, и мозгъ у меня потекъ чрезъ штаны. Я впалъ въ такую слабость, что моя мать должна была взять меня на руки и отнести меня за печку и положить въ тепло. Потомъ она дала мнѣ только что испеченный пирогъ съ ветчиной и изюмомъ, чтобъ я опять пришелъ въ себя. Отъ страха моя мать стала страдать родовыми болями и мой отецъ быстро побѣжалъ къ акушеркѣ. Только послѣ трехъ съ половиною дней она могла родить меня съ большимъ трудомъ и большой болью. Это произошло отъ того: когда она почувствовала родовыя боли, она предъ тѣмъ только что спекла пирогъ съ ветчиной и изюмомъ и слишкомъ долго стояла предъ печью на жарѣ, такъ что у нея затрясся мозгъ: отъ того она почувствовала такую боль.

Но какъ только я пришелъ на свѣтъ и родился, акушерка сейчасъ же хотѣла меня выкупать. Я не хотѣлъ допускать этого (такъ какъ не привыкъ къ этому), вслѣдствіе чего я тотчасъ же выпрыгнулъ изъ ванны и залѣзъ въ уголь. Женщины всѣ побѣжали за мною, зажгли огонь и отыскиали меня; онѣ, конечно, думали, что я ушелъ въ мышиную дыру. Наконецъ то онѣ нашли меня, такъ какъ я зацѣпился за паутину. Акушерка хотѣла завернуть меня въ пеленку, я же кулакомъ ударилъ ее въ шею и прыгнулъ въ накидку моей матери, спрятался тамъ и началъ сосать: тогда

женщины не смѣли взять меня прочь, не то я кричалъ-бы изо всѣхъ силъ. Тогда онѣ успокоились и пошли домой. Я съ тѣхъ поръ сдѣлался любимымъ ребенкомъ моей матери, и если моя мать еще разъ будетъ печь, то мнѣ какъ разъ тогда будетъ три пирога съ ветчиной и изюмомъ отъ-роду. Поэтому всякій, кто желаетъ знать мой возрастъ, тотъ найдетъ его подписаннымъ здѣсь внизу. Затѣмъ прощайте, я уѣзжаю, такъ какъ мнѣ досталось вслѣдствіе этихъ опасностей и испытаній прекрасное мое мѣсто на-мѣстника въ Моротатахъ, и пріобрѣлъ мечемъ себѣ свое рыцарское положеніе въ Финкенлагерѣ, гдѣ я никого не пощадилъ.

Возрастъ благороднаго и строгаго Финкенриттера.

Всякій, кто хочетъ знать, сколько мнѣ лѣтъ, пусть прочтетъ эти стихи и онъ узнаетъ это. Когда мать моя снова захочетъ печь, тогда мнѣ сравняется три пирога съ ветчиной и изюмомъ. Прежде я былъ великій рыцарь и пожалъ много почестей въ Финкенлагерѣ, но моя смѣлость и острота сидѣли на маленькомъ остріѣ иголки.—Кто желаетъ турнира, пусть придетъ сюда; здѣсь онъ найдетъ все въ полной готовности, какъ изображено на картинѣ внизу (картина изображаетъ рыцаря въ дурацкомъ колпакѣ, ѣдущаго верхомъ на гусѣ). Каждый сторонись, не то я опрокину его своимъ конемъ и заколю его (картина изображаетъ Финкенриттера, ѣдущаго верхомъ на улиткѣ, вооруженнаго большой пикой). Слѣвши, мой конь, я имѣю мужество и храбрость завоевать драгоцѣнность, если бы даже я скоростью бѣга уморилъ своего коня.—И смѣло держу вверхъ свое знамя, хотя говорятъ, что я осель, а не воинъ, который, какъ заяцъ при барабанномъ боѣ, остается спокойно стоять (на картинѣ изображенъ заяцъ съ знаменемъ въ лапахъ, ѣдущій верхомъ на ослѣ).—Я очень быстро ѣду на моемъ конѣ. Я везу по почтѣ много писемъ въ отдаленныя мѣста (на картинѣ изображенъ почтальонъ съ рожкомъ и шляпой съ перомъ, ѣдущій верхомъ на ракѣ).

Есть основанія думать, что германо-славянскія небылицы составляютъ одинъ обширный циклъ, и даже такія своеобразныя небылицы, какъ отмѣченная выше малорусская о штырѣ-бырѣ, не составляютъ исключенія, такъ какъ небылица о штырѣ соткана, при несомнѣнномъ личномъ творествѣ, изъ славянскихъ, собственно малорусскихъ эпическихъ чертъ. Нельзя утверждать, что небылица исчерпывается данными германо-славянскихъ сказокъ. Напротивъ, можно думать, что у другихъ народовъ существуютъ своеобразныя небылицы, совсѣмъ отличныя отъ германо-славянскаго цикла. На это, между прочимъ, указываетъ кабардинская сказка „Кто больше?“, состоящая всецѣло изъ мотивовъ, чуждыхъ славянству: „Былъ на Кавказѣ такой быкъ,

что, когда онъ пилъ воду, изсякали рѣки. Хозяинъ долженъ былъ гонять его ежедневно къ Черному морю на водопой. Тогда старшій сынъ садился на головѣ быка между рогами, средній на спинѣ и младшій около хвоста. Разстояніе отъ старшаго брата до младшаго сутки ѣзды на конѣ. Орель уноситъ этого быка. Вблизи пастухъ во время дождя спрятался подъ бороду козла. Орель уронилъ лопатку быка въ глазъ пастуха; семь снохъ влѣзли въ глазъ и не могли найти лопатки. Когда она была найдена, то къ ней привязали веревку, и волами вытащили изъ глаза. Лопатка покрылась пылью, обросла травой и обратилась въ бугоръ, на которомъ поселился аулъ. Лисица стала подгрызать лопатку и стали отъ того землетрясенія. Горцы убили лисицу, но не могли поднять; подняла ее женщина, сняла шкуру, прибавила къ ней 300 овчинъ и сшила шапочку своему сыну. Вѣтеръ разнесъ кости лисицы, закатилъ голову ея въ калмыцкую степь. Въ черепѣ въ непогоду помѣстилось 40 арбъ. Калмыцкая собака принесла черепъ со всѣми арбами. Мальчикъ калмыкъ вывелъ погонщиковъ изъ черепа, далъ имъ изъ кармана кусокъ соли, который оказался горой. У осетинъ есть сходныя сказки (Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII 93—96). Изъ мотивовъ этой сказки лишь мотивъ о лисьей шкурѣ встрѣчается въ сказкахъ славянскихъ и новогреческихъ (см. выше § 34.)

Дополненія къ 1-ой главѣ.

Въ шведской сказкѣ, записанной вблизи Гельсингфорса, крестьянинъ бросаетъ всѣ свои деньги въ лужу къ квакающимъ лягушкамъ (Тіандеръ, въ Ж. М. Н. Пр. 1898 авг. 460).

Въ шведскихъ сказкахъ и анекдотахъ южной Финляндіи роль шута Балакирева играетъ Бельманъ. Въ дѣйствительности Бельманъ былъ веселый собесѣдникъ короля Густава III; но народная молва придала ему характеръ придворнаго шута и собрала вокругъ его имени цѣлый циклъ анекдотовъ и розказней. Превращеніе Б. въ придворнаго шута состоялось въ Швеціи; розказы о немъ перешли въ Финляндію и здѣсь умножены разными прибавками (Тіандеръ, въ Ж. М. Н. Пр. 1898 авг. 463).

Въ „Cesky Lid“ 1897 г. кн. II стр. 246—250 находится замѣтка г. Мушки о происхожденіи названія „глухая Пржелучъ“. Пржелучане—чешскіе пошехонцы (напр. тянутъ корову пастись на крышѣ башни).

Въ юго-западномъ краѣ записанъ такой анекдотъ пошехонскаго типа: Это шла будто свинья... Ну и вырыла тамъ ямку. Летѣла тамъ ворона, увидала ямку и яйцо снесла. Шелъ чертъ, видитъ, что такое? Свинячья ямка и воронье гнѣздо: сѣлъ и высидѣлъ мужика. И вышелъ мужикъ глупый, какъ ворона, хитрый, какъ чертъ, и прямой, какъ свинья. Бо свинья какъ бѣжитъ, та й бѣжитъ: прямо да прямо, а мужикъ себѣ знаетъ свою землю,

онъ себѣ одну думку и держать. (Картинки Волыни Н. Гарина „Миръ Божій“ 1897 № 2, стр. 200. Записано со словъ „шляхтича“ Владека. „Шляхтичи“ тамошніе—классъ населенія очень бѣдный, промышляютъ мелкими промыслами и факторствомъ).

Древнѣйшими народными насмѣшками представляются эпиграммы Демодока, напр. слѣд. (въ перев. В. В. Латышева):

1) Милетяне, право, не глупцы; но поступаютъ во всемъ жалкимъ подобно глупцамъ.

2) Хіосцы—не тотъ или этотъ, всѣ, кромѣ Прокла, дурны; но изъ Хіоса и Проклъ.

3) Каппадокійца ужалила злая эхидна, и тутъ же мертвой упала сама, крови зловредной испивъ.

Обработка уже литературная. Можно думать, что въ основѣ этихъ эпиграммъ лежатъ болѣе краткія и простыя народныя поговорки о порочности хіосцевъ и зловредности каппадокійцевъ.

Н. О. СУМЦОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1
I) Анекдоты объ абдеритахъ, шильдбюргерахъ, пошехонцахъ, литвинахъ, вендахъ, запорожцахъ и пр.	6
II) Анекдоты о евреяхъ. Жидовская война. Три стрѣлка на одно ружье. Прыганье въ гречку. Эпизодъ съ дочерью еврея.	18
III) Оплакиваніе смерти предполагаемаго ребенка.	23
IV) Собираніе свѣта въ мѣшокъ	33
V) Извлеченіе мѣсяца изъ колодца	34
VI) Встаскиваніе коровы на домъ	36
VII) Посѣвъ соли	36
VIII) Варка каши въ рѣкѣ	37
IX) Свинья—дочь	37
X) Вытягиваніе бревна	37
XI) Входъ въ низкія двери	38
XII) Впрыгиваніе въ штаны	38
XIII) Кулакъ въ кувшинѣ	38
XIV) Серпъ—звѣрь	38
XV) Топленіе угря	39
XVI) Наказаніе квочки	39
XVII) Скатываніе съ горы камня	39
XVIII) Глупецъ ѣстъ солому, котятъ или т. п.	40
XIX) Ошибка въ счетѣ	42
XX) Покупка кота	44
XXI) Переправа черезъ рѣку	45
XXII) Одинъ топоръ на деревню.	46
XXIII) Капуста, гречка и пр. необыкновенной величины	47
XXIV) Извлеченіе изъ собаки съѣденнаго ею	48
XXV) Сарай изъ зеленыхъ вѣтвей	48
XXVI) Мертвое тѣло	48
XXVII) Прохожій съ того свѣта	51
XXVIII) Соревнованіе въ глупости	56
XXIX) Упорный споръ	68
XXX) Глупые мужья. Мужа бьютъ. Мужъ бьетъ. Пѣсни о Терентіи.	70
XXXI) Глупые мужья. Рыба съ неба	83
XXXII) Потеря сознанія самоличности.	90
XXXIII) Высиживаніе изъ яйца жеребенка	97
XXXIV) Беременный мужъ	100

XXXV) Оселъ или быкъ въ школѣ.	103
XXXVI) Мнимый мертвецъ	106
XXXVII) Неудачное повтореніе словъ	113
XXXVIII) Неудачное исполненіе совѣтовъ	119
XXXIX) Бросаніе глазъ	125
XL) Мнимо чудесные предметы. Плутъ (дуракъ) въ мѣшкѣ	126
XLI) Продажа вола дереву (статуѣ)	137
XLII) Изученіе чужого языка	142
XLIII) Глупый женихъ	145
XLIV) Глупцы въ церкви	146
XLV) Нищій Зима, Весна	147
XLVI) Глупецъ на деревѣ.	148
XLVII) Продажа вола вмѣсто собаки	151
XLVIII) Глупый гость.	153
XLIX) Тилль Эйленшпигель	155
L) Глупый наниматель работника.	158
LI) Глупый слуга.	166
LII) Глупый воръ.	168
LIII) Поиски меда у ось.	168
LIV) Бобъ до неба	169
LV) Промѣнъ съ пониженіями	171
LVI) Мышиный герой.	175
LVII) Школьные темы.	176
LVIII—LX) Глупыя животныя и глупые черти. Обманъ черта на по- сѣвѣ. Обманъ черта на бабѣ.	177
LXI—LXIII) Небылицы. Приказка о нюхаряхъ. Финкенриттеръ	181
Дополненія къ 1 главѣ	197

1p50x
mf

